

ОШО

В СИНЕМ НЕБЕ

НЕТ СЛЕДОВ

СВЕТ НА ПУТИ

ОШО

СВЕТ НА ПУТИ

**В СИНЕМ НЕБЕ
НЕТ СЛЕДОВ**

МОСКВА 2004

ББК 84,5 ИД
096

ОШО

Свет на пути. В синем небе нет следов.

Москва, «Нирвана», 2004, 352 с.

ISBN 5-94726-028-9

Ошо, известный также как Багван Шри Раджниш – про-
светленный мастер нашего времени. Слово «Ошо» можно пе-
ревести как «подобный океану», «благословенный».

Эта книга включает два цикла бесед. представляет собой
запись бесед Ошо в стиле «вопросы-ответы», которые он про-
чел в своей Мистической Школе в Уругвае в июне-июле 1986
года.

Вторая книга- комментарии по сутрам мастера дзен- Исана
включая проводившиеся Ошо в Пуне медитации.

Редактор Свами Вит Праяс

Перевод свами Архипов АВ, свами Вит Праяс 2002-2003

Light on the path. No footprints on the blue sky.

© Osho Rajneesh. Poona, India. 1986-88

© Солдатов А. В. Русский перевод 2004

125422 Москва, издательство «Нирвана»

Формат 60x90/16. Бумага типографская.

Гарнитура «Times». Печать офсетная.

Усл. печ. л. 22. Уч.-изд. л. 22

Тираж 2000 экз. Заказ № 0407670.

Лицензия № ИД 01174 от 20.02. 2000

Все права на русский перевод данной книги защищены
в соответствии с законом об авторских правах.

Отпечатано в полном соответствии с качеством

предоставленного оригинал-макета в ОАО

«Ярославский полиграфкомбинат», 150049,

г. Ярославль, ул. Свободы, 97.

04030300-022

7ПБ(03)-96 без объявл.

Содержание:

Свет на пути

1. Будьте непредсказуемыми.....5
2. Самое сложное – это быть со мной.....19
3. Наша коммуна разрослась
на весь земной шар.....35
4. Пльма – основа всего бытия.....50
5. Сила истины.....65
6. Власть не нужна, когда
идешь за собственной сутью.....75
7. Осознанность творит чудеса.....90
8. Не ищите дом – ищите себя.....102
9. Мастер не обязан вас спасти.....113
10. Обожаю мошенников-святых!.....126
11. Подлинный мастер
зажжет в вас огонь.....138
12. Религиозность вплетена
в само бытие.....149
13. Я есть везде, где есть мои санньясины....165
14. Говорите от всей души.....177
15. Мастер подскажет прямую дорогу.....185
16. Восток и Запад должны встретиться....193
17. Не-ум – пустота и наполненность.....206

В синем небе нет следов

1. Копните глубже.....221
2. Инерция привычки.....241
3. Начните свидетельствовать.....258
4. Как насчет тебя?.....274
5. Просто быть здесь.....293
6. Единственная надежда.....312
7. Синее небо.....330
8. Сущностный дзен.....341

Свет на пути Беседы в Уругвае

Будьте непредсказуемыми

Вопрос первый:

Возлюбленный Ошо,

Твои санньясины и твои почитатели во всем мире обеспокоены состоянием твоего здоровья. Как ты себя сейчас чувствуешь?

С моим здоровьем все в порядке. Они хотели навредить мне, но у них ничего не получилось в силу двух причин. Во-первых, люди, при помощи которых они хотели унижить меня — которые бы косвенно создали такие условия, когда бы я испытал страдания, — вскоре сами влюбились в меня. Они говорили мне: «На такое мы не способны».

В частности, в одной тюрьме начальник, главврач, медперсонал и заключенные — триста шестьдесят человек... тюрьма чуть ли не превратилась в коммуну. На шесть дней моего там пребывания атмосфера в этой тюрьме полностью изменилась.

Начальник был уже пожилым человеком. Он сказал мне: «В первый и, пожалуй, в последний раз, в нашей тюрьме оказался человек, вроде вас. Здесь еще никогда не было так тихо. Даже все наши заключенные утихомирились. Все наши сотрудники просто без ума от вас, и теперь им не хочется вас отпускать. Они хотят, чтобы вы остались здесь».

Старшая медсестра сказала: «Завтра вас не будет, и нам будет вас не хватать». Люди есть люди. Если у вас достаточно любви, вы можете легко преобразить их сердца. Так что, это первая причина, почему им не удалось причинить мне серьезного вреда.

Вторая же причина заключается в свободе, в безграничной свободе средств массовой информации. Внимание всей мировой прессы — за исключением индийской — было сосредоточено на мне. Во всех тюрьмах, где я успел побывать, люди недоумевали, глядя на происходящее. Телефоны звонили сутки напролет, телеграммы приходили тысячами, со всего мира присылали сотни букетов. Если столько народу любят этого человека, то тут явно какое-то недоразумение.

И журналисты осаждали каждую тюрьму — вокруг летали вер-

толеты с камерами; снимали с забора, снимали с деревьев. За все двенадцать дней меня ни на секунду не оставляли в покое. И когда меня перевозили из тюрьмы в тюрьму — ведь для этого я должен был хотя бы выйти из ворот, — даже тогда меня успевали спрашивать: «Они что-нибудь с вами делают? Скажите одно слово, и весь мир увидит подлинное лицо фашиствующей Америки». Страх перед прессой сковывает им руки.

В общем, с моим здоровьем все в порядке.

Вопрос второй:

Возлюбленный Ошо,

Как лучше всего привлечь людей к медитации?

Перво-наперво: чтобы больной пошел к врачу, нужно сначала заставить его осознать, что он болен, потому что иначе ему просто незачем идти к врачу. Так что, если ты хочешь кого-то привлечь к медитации, сперва ты должен дать людям понять, что они в тупике и причем уже так долго, что теперь они уже и забыли, что живут в печали. Они не смогут вспомнить, когда в последний раз смеялись от всего сердца. Они стали роботами — они выполняют свои обязанности, потому что их нужно выполнить, но радости им это не приносит.

Их жизнь случайна. Их рождение случайно, их браки случайны, их дети случайны, их работа случайна. В их жизни отсутствует чувство внутреннего роста и развития. Поэтому они не могут радоваться.

Так что, первым делом ты должен заставить их понять, где они оказались — почти все находятся в равном положении. Смерть приближается — нельзя рассчитывать даже на то, что завтра вы будете еще живы. Ваша жизнь пустынна, в ней нет ни единого оазиса; вы не poznали ее значения, ее смысла; смерть в одно мгновение может лишит вас всех надежд на будущее.

В общем, сначала тебе придется заставить их посмотреть на их бессмысленную, случайную и неудавшуюся жизнь. Они все это знают, но при этом всеми силами стараются подавить свое знание, потому что знать такое очень мучительно. Поэтому чтобы забыть, они ходят в кино, на вечеринки, на пикники, пьют спиртное; они делают все, чтобы только не вспоминать о реальности их жизни, об их пустоте и тщетности.

Это самая важная задача — заставить их вспомнить. И если человек вспоминает, то тогда направить его к медитации уже очень просто, потому что только в медитации человек может ответить на все свои вопросы. Разочарование, депрессия, тоска, бессмыслица, боль — проблем может быть много, но решение у них одно.

Решение — это медитация. И самая простая медитация — это

обычное свидетельствование. Существуют сто двенадцать медитационных техник, но свидетельствование — это основная составляющая всех этих ста двенадцати техник. Поэтому, насколько мне известно, свидетельствование — это единственная техника вообще. Все эти сто двенадцать техник лишь дополняют собой свидетельствование.

Сама основа, дух медитации — это обучение свидетельствованию. Вот вы видите дерево: есть вы, есть дерево, но неужели вы не видите кое-что еще? Еще есть вы, наблюдающий за деревом; еще есть свидетель в вас, который наблюдает за тем, как вы наблюдаете за деревом.

Мир не разделен лишь на объективное и субъективное. Существует кое-что еще, что лежит за пределами их обоих, и это и есть медитация.

Так что в каждом действии... и я не хочу, чтобы люди просто сидели час или полчаса по утрам или вечерам. Медитация такого рода ничего не даст, потому что если вы медитируете один час, то в течение остальных двадцати трех часов вы будете делать прямо противоположное медитации.

Медитация может захватить вас полностью, потому что свидетельствование это такая техника, которая может длиться все двадцать четыре часа в сутки. Когда вы едите, не надо отождествляться с тем, кто ест. Есть пища, есть тот, кто ест, и есть вы, наблюдатель. Когда вы идете, пусть тело идет, а вы просто наблюдайте. Мало-помалу, в вас выработается навык. Это просто навык, поэтому рано или поздно вы научитесь наблюдать даже за мелочами...

Эта ворона, она каркает... вы слушаете. Присутствуют двое: объект и субъект. Но неужели вы не замечаете свидетеля, который видит обоих? Есть ворона, есть слушающий, и при этом есть некто еще, кто наблюдает за ними обоими. Это все очень просто. Далее вы сможете погружаться еще глубже: вы научитесь наблюдать за собственными мыслями, за собственными эмоциями, настроениями.

Неправильно говорить: «Мне тоскливо». На самом деле, вы просто свидетельствуете, как вас обволакивает туча печали. Пришел гнев — просто свидетельствуйте. Незачем сокрушаться: «Я в гневе». Вы никогда не бываете в гневе — такое просто никак невозможно; вы всегда остаетесь только свидетелем. Гнев приходит и уходит, а вы лишь отражаете его, как зеркало. Что-то приходит, отражается и уходит, но зеркало остается пустым и чистым; отражения не оставляют на нем ни единой царапины.

Свидетельствование — это нахождение вашего внутреннего зеркала. Если вы просто будете наблюдать за своими мыслями, то мысли исчезнут. Внезапно вы окажетесь в неслыханной доселе тишине. Если вы будете наблюдать за своими настроениями — за

гневом, тоской, радостью, — то внезапно все они исчезнут, и вы ощутите еще большую тишину.

И дальше уже нечего будет наблюдать — произойдет переворот. После этого энергия свидетельства развернется к самой себе, потому что ей больше ничто не будет мешать; на ее пути не останется никакого объекта. Слово «объект» очень красиво. Оно попросту обозначает то, что препятствует, мешает вам.

Если ваше свидетельство не встретит никакого препятствия, то оно просто развернется к самому себе — к источнику. И это и есть тот самый миг, когда человек становится просветленным.

Медитация — это всего лишь путь. В конце этого пути вас всегда ждет буддовость, просветление. Познать этот миг означает познать все. Тогда уже не будет ни несчастья, ни разочарования, ни бессмыслицы; тогда ваша жизнь уже не будет вереницей случайностей. Она станет частью всего этого космического целого — его сущностной частью. И вы ощутите невероятное блаженство, от того что вы нужны всему существованию.

Самая главная потребность человека — быть нужным. Если вы нужны даже одному человеку, вы уже испытываете удовлетворение. Но если вы нужны сразу всему существованию, то ваше блаженство не будет знать границ. И это существование в равной степени нуждается в мельчайшей травинке и в самой крупной звезде. О неравенстве нет и речи. Никто не сможет вас заменить. Если вас не станет, то от существования немного убудет, и этот недостаток никогда не восполнится — на вашем месте всегда останется пустота. Это чувство — что вы востребованы всем существованием — заберет у вас все ваши несчастья.

И вы впервые придете домой.

Вопрос третий:

Возлюбленный Ошо,

Какую медитацию ты предложишь людям, которым противопоказана динамическая по состоянию здоровья?

Я только что ответил на этот вопрос.

Вопрос четвертый:

Возлюбленный Ошо,

Можешь ли ты назвать причины, почему нам необходимы координаторы?

Везде, где есть больше одного человека, существует вероятность конфликта, вероятность разногласий, вероятность раскола.

И потом: санньяса — это движение. В христианстве не нужны координаторы, потому что это не движение. В христианстве нет жизни; оно мертво, как и все другие религии. У него глубокие кор-

ни. Либо вы следуете, либо не следуете — вопрос о согласии или несогласии там даже не возникает. Вы не можете не соглашаться с Иисусом Христом. Либо вы верите, либо нет.

Но санньяса — это не мертвая, не укорененная догма. Это текущий процесс, это движение, где нет места вере, где нет места верованиям. Я за разум и рассудок. Я за сомнение.

Поэтому естественно, что нам нужны координаторы, потому что если коммуна состоит из пяти тысяч человек, то трения могут возникнуть по каждой мелочи. Задача координатора — не навязать вам определенную догму, но дать дорогу любому спору. Каждый должен иметь возможность вынести на обсуждение свое мнение, и затем все мы совместными усилиями решим, что лежит ближе к истине. Координатор нужен просто для того, чтобы все организовать и дать людям высказать свои логические доводы, а не верования; дать им проявить свой свободный, а не раздавленный ум. Мне бы очень не хотелось, чтобы мои санньясины были просто верующими.

Когда я сидел в американской тюрьме, ко мне пришел один священник. Наверное, он приходил в эту тюрьму каждое воскресенье. Он услышал мое имя, пришел ко мне и вручил мне Библию.

Я спросил его:

— Что это?

Он ответил:

— Это слово Божие.

Тогда я сказал:

— Откуда вы знаете, что это именно Божие слово? Вам что, Бог об этом сказал?

— Нет, — ответил он. — Это написано в Библии.

Я сказал:

— Но то же самое написано и в Коране, то же самое написано и в Ведах, то же самое написано и в Гите. Как же вы можете знать, где действительно Божие слово? Все они утверждают, что именно их слово — Божие.

Я сказал:

— Я приму ваш подарок — вы принесли его с открытым сердцем, — но помните: это не слово Божие. Вы вообще заглядывали в эту книгу? Вы ведь священник, вы, должно быть, всю жизнь учились, сдавали экзамены в теологических обществах. Вам хоть когда-нибудь приходило в голову, что в Библии по меньшей мере пятьсот страниц — это чистая порнография. Ваш Бог, похоже, еще тот развратник.

Он удивился:

— Порнография?

Я сказал:

— Откройте ее наугад и вы найдете там одну только порнографию. И это не одна Библия такая. То же самое и в Ведах, то же самое и в Коране, то же самое и в Талмуде, то же самое где угодно еще. Все эти так называемые святыя писания совершенно не святы, но все закрывают на это глаза. Все слепо верят.

Священник слегка удивился и сказал:

— Надо бы почитать повнимательнее.

Я сказал:

— Почитайте, но только не глазами верующего, потому что вера слепа. Почитайте здравым смыслом. Вот Иисус провозглашает себя единокровным сыном Божиим. Теперь представьте, что вы идете по улице, и кто-то провозглашает себя единокровным сыном Божиим. Что вы подумаете об этом человеке?

— Я подумаю, что у него не все дома, — сказал священник.

— Тогда почему у вас другое мнение насчет Иисуса? Пока Иисус был жив, ни один раввин, ни один ученый, ни один мыслитель, ни один интеллигент не вошел в число его учеников. Те его двенадцать апостолов были лишь рыбаками, лесорубами, крестьянами, сапожниками — все они были необразованными людьми из нижайших слоев общества. Вы только представьте себе человека верхом на осле. Иисус путешествовал верхом на осле, потому что это было принято в Иудее. За ним брели двенадцать неучей, а он ехал впереди, провозглашая себя единокровным сыном Божиим.

Священник воскликнул:

— Довольно! Вы разрушите всю мою веру. Теперь у меня перед глазами стоит эта картина: Иисус едет верхом на осле, а за ним тащатся двенадцать неучей. Мне теперь за годы от нее не избавиться.

Задача координатора состоит в том, чтобы помогать людям более разумно подходить к проблемам, быть более рациональными и заодно дать им понять, что здесь дело не в том, правы они или нет. Вопрос в том, где истина. Истина никому не принадлежит, и все мы ищем ее.

На координаторе лежит очень важная задача. Он должен быть исключительно скромным — только в таком случае он сможет выполнить такую работу.

Ни в коем разе он не должен быть авторитарным, потому что как в таком случае он будет помогать людям расти в их разумности?

Вопрос пятый:

Возлюбленный Ошо,

Как нам не стать авторитарными?

Очень просто. Люди, склонные к авторитаризму, сами страдают от комплекса неполноценности. Чтобы прикрыть свою неполноцен-

ность, они навязывают на окружающих свое превосходство. Они стремятся доказать, что они что-то собой представляют, что их слово — истина, что их слово — закон. Но где-то внутри они глубоко неполноценны.

Это доказывает то, что все политики страдают от комплекса неполноценности. Ни один человек, не испытывающий комплекса неполноценности, никогда не полезет в политику. В мире есть столько замечательных занятий — живопись, пение, танец; можно писать книги, можно ваять прекрасные статуи, можно творить Хаджурахо. Есть творчество на любой вкус, но доступно оно только тем, кто не страдает от комплекса неполноценности.

Так что, мы должны дать всем нашим санньясинам ясно понять, что в этом мире нет неполноценных и нет превосходящих. Сама эта идея чисто искусственна и выдумана теми, кто во всем этом заинтересован. Тот же принцип они применили во многих областях... мужчина превосходен, женщина неполноценна — но на каких основаниях?

Женщина живет дольше мужчины, на пять лет дольше.

Женщина болеет реже, нежели мужчина. На сто новорожденных мальчиков приходится девяносто новорожденных девочек, потому что к тому времени, когда эти мальчики станут женихами, десять из них уже канут в лету. Ко времени женитьбы их число будет равным — девяносто тех и девяносто других. Девочка более жизнестойка, у нее повышенная сопротивляемость к болезням. Она будет говорить о самоубийстве, но никогда его не совершит. Мужчины же кончают с собой почти в два раза чаще, чем женщины.

В чем же мужчина превосходит женщину?

Но сама эта идея помогала мужчине удерживать женщину в рабстве.

Женщина — низшее создание, и в странах подобных Китаю считалось, что женщина вообще не имеет никакой души. Муж может запросто убить свою жену — это даже не преступление. Это точно так же, как если бы вы разнесли в щепки ваш стул. Это ведь ваш стул, вы заплатили за него — что же здесь преступного? И мужчины убедили женщин, что у них вообще нет никакой души; мужчины запрещали им получать образование, запрещали выходить в свет. Естественно, женщины не могли спорить.

Почему всегда так сложно спорить с женщиной? Никто никогда не задумывался над этим. Если вы затеиваете спор с женщиной, она будет кричать, орать, кидаться вещами, но только не спорить. И глядя на всю эту ситуацию, вы подумаете, что лучше, пожалуй, согласиться со всем, что она говорит, потому что иначе она и дом может спалить. И за всем этим наблюдают соседи, прохожие заглядывают к вам с улицы. Так не лучше ли признать ее правоту независимо

от того, кто прав на самом деле?

Но кто же загнал женщину в такое положение? Все это потому, что вы не разрешали ей получать образование, вы не обучали ее логике. Вы никогда не позволяли ей спорить с вами на уровне интеллекта, потому что вас вечно мучал страх. Этот страх вы можете наблюдать в образовательных учреждениях. Женщины там всегда впереди мужчин; они чаще возглавляют списки успеваемости, нежели мужчины. Им всегда достается больше первых премий.

Само представление о превосходстве и неполноценности мы сочинили в корыстных целях. Шудры неполноценны. Никто никогда не мог доказать почему. Нет ни одной причины, по которой брамин непременно должен быть исключительным, а шудра — неполноценным, но на протяжении долгих тысячелетий вы держали шудр в невежестве. Вы заставляли их делать только то, для чего ума много не надо, и ничем другим заниматься им было нельзя.

И взять сапожника: его семья испокон веков шила обувь, поколение за поколением. О каком уме тут можно говорить? Нет никакого вызова — нужно лишь шить себе обувь. Все это хитросплетения эксплуатации.

Нашим санньясинам мы должны дать понять, что никто никого не превосходит, никто ни перед кем не неполноценен и никто также никому не равен. Каждый по-своему уникален. Этот момент нужно запомнить, потому что если говорить, что никто не превосходит и никто не неполноценен, то люди непременно решат, что все равны, но это не так.

Равенство ложно с психологической точки зрения.

Все не могут быть альбертами эйнштейнами или рабиндранатами тагорами. Но разве это означает, что Рабиндранат Тагор выше вас только потому, что вы не можете быть им? Рабиндранат в свою очередь не может быть вами.

Я делаю упор на то, что каждый без исключения есть проявление уникальности. Так что, давайте разрушим само представление о превосходстве и неполноценности, равенстве и неравенстве и заменим его новой концепцией уникальности.

Каждый индивид уникален.

Немного любви, и вы увидите, что каждый человек несет в себе нечто такое, чего больше нет ни в ком. Когда понимание всеобщей уникальности захватит всю коммуны, никому и в голову не придет пытаться навязать кому бы то ни было свою волю.

Вопрос шестой:

Возлюбленный Ошо,

Каким ты видишь будущее коммун?

Я не думаю много о будущем, потому что будущее рождается в

настоящем. Если мы в состоянии позаботиться о настоящем, то мы уже позаботились о будущем. Будущее не возьмется вдруг из ничего — оно вырастет из этого самого мгновения. Следующее мгновение будет расти из этого мгновения. Если это мгновение полно красоты, тишины, блаженства, то следующее мгновение непременно будет еще более тихим, более блаженным.

Сегодня коммуны есть во всем мире, и люди в них празднуют настоящее. Естественно, что будущее будет только лучше. Я не приверженец этого извечного индийского убеждения, что якобы золотой век уже минул, что сатьяга, век истины, уже прошел, и что теперь началось падение, и что мы теперь находимся в самой последней стадии этого падения — в калиюге.

В этом состоит одна из причин, почему индийская психология столь подавлена, и ни у кого нет побуждения к росту, расцвету, обогащению, творчеству. Зачем? В эпоху калиюги все это невозможно. Если вам тоскливо, если вы в отчаянии, если вы несчастны, то так все и должно быть. Такое положение вещей вписывается в индийское представление о постоянном падении — и глупее ничего придумать нельзя.

Я доверяю эволюции.

Золотой век всегда в будущем.

Вопрос седьмой:

Возлюбленный Ошо,

Ты — вечно меняющийся и непредсказуемый мастер. Как же нам, твоим попущикам, поспеть за тобой?

Будьте такими же! Будьте непредсказуемыми и всегда меняйтесь. Никогда не прекращайте меняться и никогда не становитесь предсказуемыми, и только тогда жизнь может быть в радость.

Как только вы становитесь предсказуемыми, вы превращаетесь в машину. Поведение машины легко предсказать. Она вела себя так вчера, она ведет себя так же сегодня, она будет вести себя так же и завтра. Машина видна насквозь — ее поведение неизменно. Лишь один человек обладает правом меняться каждый миг.

В тот день, когда вы перестали меняться, вы умираете на каком-то тонком уровне. Множество людей в этом мире умирают примерно в тридцатилетнем возрасте. Затем они вроде бы продолжают жить — может еще сорок, сорок-пять лет, — но это уже будет фактически загробная, ненастоящая жизнь. Их жизнь прекратилась в тридцать лет. Но вовсе не обязательно умирать раньше, чем остановится ваше дыхание.

Во время первой мировой войны впервые было проведено исследование возраста умственного развития у солдат. Были получены удивительные результаты: средний возраст умственного развития

солдат составил всего тринадцать лет. Человеку могло быть сорок, пятьдесят, но умом он оставался тринадцатилетним. В тринадцать лет развитие его ума остановилось, хотя тело продолжало расти.

Я бы хотел, чтобы ваше... Раз может быть так, что возраст тела — пятьдесят лет, а ума — тринадцать, то почему не может быть так, чтобы телу было пятьдесят, а уму — двести? Это ведь в точности то же самое. Нужно лишь рискнуть стабильностью, уверенностью, потому что куда ни кинь взгляд — повсюду сплошная стабильность и уверенность, и вы спрашиваете себя: «Ради чего рисковать всем этим?»

Нет. Риск должен быть одной из основ настоящего человека. Как только вы заметите, что все вокруг вас начинает успокаиваться — встряхнитесь.

Я занимался этим всю мою жизнь. Я никогда не успокаивался сам и не позволял успокаиваться никому вокруг. И я уверен, что это и есть путь для роста. Каждое мгновение что-то новое расцветает в вас. В самое последнее мгновение...

Мне вспомнился один дзен-мастер, который как-то сказал своим ученикам:

— Пришло время моей смерти, но меня мучает один вопрос: я тут пытаюсь придумать, как бы мне умереть так, как еще никто до меня не умирал, потому что мне не хочется никого повторять. Можете вы что-нибудь предложить?

Кто-то сказал:

— Можно попробовать умереть стоя.

Мастер ответил:

— Я уже слышал об одном дзен-мастере, который умер стоя.

Так что это предложение было отклонено. Но о том, чтобы умирать лежа в постели и речи быть не могло. Девяносто девять процентов людей умирают лежа в своих постелях. Постель — это вообще самое опасное место. Именно там испокон веков девяносто девять процентов людей отдавали концы. Спокойнее будет, если стащить матрац на пол.

И вот дзен-мастер воскликнул:

— Придумал! Если уже кто-то умер стоя на ногах, то я умру стоя на голове! Слышали ли вы когда-нибудь о том, чтобы кто-нибудь умирал стоя на голове?

Ученики сказали:

— Мы и не думали об этом. Недурная идея!

Тогда мастер встал на голову и умер. Ученики растерялись: что же теперь с ним делать, потому что всем известно, что делать с человеком, умершим в постели, но этот стоял на голове! Кто-то вспомнил о старшей сестре мастера, которая жила в соседнем монастыре неподалеку — лучше бы спросить ее совета. Слишком уж

необыкновенной была ситуация.

Сестра пришла и закричала:

— Бозо! — так мастера звали в детстве. — Перестанешь ты безобразничать или нет? Ложись быстро в постель!

Бозо рассмеялся. Он был все еще жив — ведь разве можно стоять на голове, если ты умер? Его сестра сказала:

— Умирай, как все нормальные люди.

И последовав указанию своей сестры, он умер как все нормальные люди!

Но это здорово, когда всегда происходит что-нибудь новое; это отлично, когда всегда есть что-то новое, что нужно принять. Нужно сохранять открытость.

Особенно это касается моих санньясинов: будьте открытыми, причем настолько, чтобы вместить в себя пусть даже сразу всю вселенную. Ограничений быть не должно.

Вопрос восьмой:

Возлюбленный Ошо,

Мала и оранжевые одежды как инструмент дают нам целостность, свободу от социальных норм и мужество выстоять в одиночку. Теперь же, когда санньяса свободна, тех же результатов ты будешь достигать более тонкими инструментами?

Несомненно, потому что пришло время, когда ваша медитация не должна более выделять вас среди тех, кто не медитирует. От окружающих вас будет отделять ваша тишина, ваша любовь, ваше сострадание и ваше дружелюбие.

Мала и роба — это все очень материально. Теперь я бы хотел создать отличительные знаки более духовного плана — и они уже существуют. Они уже не раз проявляли себя — мне рассказывали об этом. Люди шли на работу, и поскольку, наверняка, мала и роба так или иначе мешали им в их деятельности, они одевали обычную, простую одежду, но все равно их узнавали. Владелец какого-нибудь магазина говорил: «Ты какой-то особенный. Ты не похож на всех остальных, кто здесь работает».

И когда вас будут узнавать по вашей духовности, по вашей целостности, по вашей индивидуальности, по вашему состраданию и по вашей любви, это будет несоизмеримо прекраснее.

Но я вовсе не говорил, что даже те, кто хочет ходить в оранжевом и носить малу, должны теперь непременно снять с себя все это. Даже санньясины-новички, если они пожелают одеться в оранжевое и носить малу — я не буду им мешать. И я уверен, что никто из прежних санньясинов не станет снимать с себя оранжевую робу и прятать малу. Эти вещи уже фактически срослись с ними — без них санньясины чувствуют себя почти что голыми.

И даже новички, пришедшие в своей обычной одежде, вскоре станут носить оранжевое и оденут малу, потому что иначе они будут как иностранцы, туристы — но кому хочется казаться туристом? Всем хочется быть частью, всем хочется войти в круг приближенных.

Поэтому я открыл двери и для тех, кто сидит на нашем заборе и сочувствует нам, кто всегда хотел быть санньясином, но именно по причине нашей одежды и малы никогда не решался. Я призываю их слезть с забора и войти в храм; и храм этот уже наводнен людьми в оранжевом. И не много времени пройдет прежде чем они тоже переоденутся в оранжевое вскоре после того, как слезут со своего забора.

Оранжевый цвет никуда не денется. Его будет все больше и больше. И двери открыты для тех, кто не в состоянии просто одним махом поменять свою одежду. Так дадим же им время — почему бы не пустить их сейчас? Пусть медитируют — так они наберутся мужества.

Санньяса сохранит оранжевый цвет и малу. Я открыл двери только для тех, кто все еще топчется снаружи, уже наполовину решившись войти. Это как-то нехорошо — пусть входят! Перекрасить же их одежду в другой цвет особого труда не составит.

Вопрос девятый:

Возлюбленный Ошо,

Ты обладаешь огромным уважением к индивидуальности, считаешь меритократию, оставляешь за каждым равную возможность быть уникальным. Но как нам практически применить все это к нашей жизни в коммуне?

Это несложно. Все дело просто в точке зрения.

Мне вспомнилось... В одном доме висела картина, и все смеялись над ее владельцем:

— Зачем она здесь висит? Это же какая-то бессмыслица!

В конце концов владельцу это надоело, он снял картину и отнес ее в подвал.

И вот однажды к нему в гости заглянул один знакомый. Он спросил:

— Где же та картина, что висела здесь раньше? Это же был подлинник Пикассо!

Хозяин удивился:

— Подлинник Пикассо? Бог ты мой! А я унес его в подвал! Он стоит наверно миллион долларов!

Он помчался в подвал, принес картину, стер с нее пыль и повесил обратно.

Что мы здесь видим? Простую смену точки зрения. Была ли та

картина подлинником Пикассо или нет — не в этом дело. Но его точка зрения изменилась в одно мгновение.

Каждый санньясин должен видеть в другом санньясине уникального индивида, «подлинник» существования. И это сущая правда, потому что вас никто не заменит. В мире не найти и двух в точности одинаковых людей. Даже близнецы и те в чем-то отличны.

Так что, это очевидный факт, что каждый по-своему уникален и каждый обладает определенной индивидуальностью. Нам лишь нужно расстаться с нашими представлениями о том, какими должны быть люди; нам следует заменить эти представления на такое мировоззрение, при котором люди всегда прекрасны.

Нет никакого «должны», потому откуда у нас право навязывать кому-либо свое «должны»? Коль скоро существование готово принять вас такими какие вы есть, то кто я такой, чтобы не согласиться с существованием?

Так что, все дело просто в небольшой смене отношения — и ведь это так просто, как только это становится частью самого вашего видения. Каждый уникален; каждый таков, каков он есть и каждый должен быть таким, каков он есть. Незачем становиться кем-то другим, только чтобы быть принятым; вы уже приняты. Вот что я называю уважением к индивидуальности, уважением к людям — таким, какие они есть.

Все человечество может стать таким любящим и радостным миром, если мы научимся принимать людей просто. Но пока мы на это не способны.

Жена и так и сяк пытается втолковать мужу, каким он должен быть. Муж в свою очередь учит жену, какой должна быть она. Оба сообща объясняют детям, как жить правильно.

Как-то я останавливался в одной семье, и я спросил мальчика, который устроился возле меня:

— Кем ты будешь, когда вырастешь?

Он ответил:

— Не знаю. Наверное, развалюсь на части.

Я удивился:

— Почему?

Он сказал:

— Мама хочет, чтобы я стал врачом. Папа хочет, чтобы я стал инженером. Дядя хочет, чтобы я выучился на артиста. Но никто не спрашивает, кем хочу быть я. Я просто хочу быть плотником, потому что мне нравится дерево, и я хочу играть с деревом и делать из него всякие штуки. Но я не могу им это сказать, потому что они будут смеяться: «Ты дурачок! Мы тебе говорим о врачах, об инженерах, об артистах, а ты хочешь стать каким-то плотником!»

Но если этот мальчик станет врачом, то он будет несчастен. Если он станет инженером, он будет несчастен.

Я слышал историю об одном выдающемся хирурге, прославившемся на весь мир. Пришло его время выходить на пенсию. Ему было уже семьдесят пять, но никто из молодежи не мог с ним потягаться в операционной — семьдесят пять лет, а руки у него были все еще твердые как сталь.

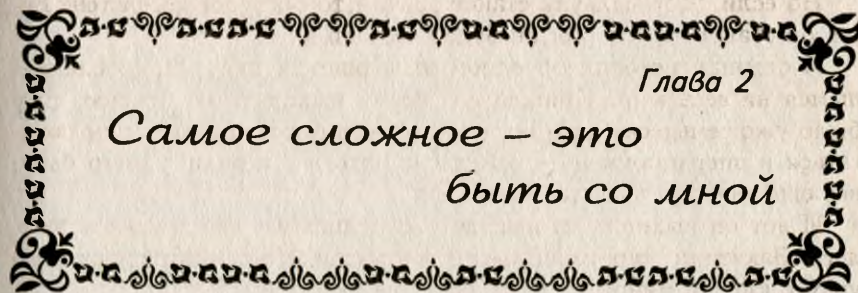
И вот он выходил на пенсию. Собрались все его друзья и коллеги. Закатили пир горой, песни и пляски. Но сам хирург сидел в углу с кислой миной на лице. Кто-то спросил его:

— Не время печалиться! Все радуются за тебя — почему бы тебя не порадовать вместе с нами?

На это хирург ответил:

— Сейчас для меня как раз самое время печалиться. Я ведь никогда не хотел быть хирургом, но всю свою жизнь я потратил впустую в операционной. И пусть я стал величайшим хирургом в мире, но радости мне от этого никакой. Я мечтал танцевать, и даже если бы я танцевал на улицах городов, то и тогда это было ближе моему сердцу.

Так пусть же люди будут самими собой. Помогайте им быть теми, кем они хотят быть. Никогда ничего никому не навязывайте. Это и есть то самое уважение к человеку.

Глава 2

Самое сложное — это
быть со мной

Вопрос первый:

Возлюбленный Ошо,

Тебя приветствует семья индийской «Раджниш Таймс» и все обитатели Раджнишдхама — нео-санньясинской коммуны. И в Индии, и в мире есть множество санньясинов, никогда тебя не видевших, но вместе с тем их любовь к тебе и их преданность твоему видению вызывает благоговение. Как в точности это происходит — откуда столько любви, столько доверия?

На самом деле, любви, преданности даже легче возникнуть, если вы меня живьем никогда не видели. Такая любовь будет гораздо более чистой, более безоговорочной и менее личностной. Видеть меня, быть со мной и при этом любить меня со всей тотальностью гораздо сложнее.

Это происходит потому, что наши умы воспитаны таким образом, что нас всегда переполняют ожидания. Если я соответствую вашим ожиданиям — хорошо; но если я не соответствую вашим ожиданиям, то ваша преданность и ваше доверие начнут колебаться. И если речь идет обо мне, то я просто не могу соответствовать вашим ожиданиям. Если я буду обращать внимание на все, что вы от меня ждете, то я не буду тем человеком, который поможет вам вырасти. Ваши ожидания будут удовлетворены, а вы останетесь прежними, не познав новизны открытий.

Моя задача не состоит в том, чтобы поддерживать ваш ум. Моя задача состоит в том, что вознести его на запредельные высоты.

Но вам мешают ваши же ожидания. Вы ждете чего-то всю свою жизнь — в самых мелочах, бессознательно. И когда что-либо противоречит вашим представлениям, вам и в голову не придет подвергнуть сомнению верность ваших представлений — разумеется, что не прав кто-то другой.

Эта история приключилась, когда я гостил в одной джайнской семье... Было уже, наверное, часов шесть вечера. На встречу со мной приехал старик, отец женщины, владевшей домом, в котором я остановился. Помните, что для джайнов шесть вечера — это уже

почти что самое крайнее время для ужина. Как только солнце садится, есть уже нельзя.

Я собирался понежиться в ванной и только затем пойти ужинать, но поскольку этот старик прибыл издалека, и ему было уже почти девяносто пять лет, то я сказал слугам:

— Погодите, спешить некуда. Я могу помыться и позже, да и ужин может подождать — без проблем. Сперва же я должен побеседовать с ним и узнать, зачем он приехал.

Ему было девяносто пять лет, и тридцать последних лет он провёл в джайнском монастыре, потому что он отрекся от мира. Он был провозглашен святым и он не мог встретиться со мной, не покидая джайнское сообщество — за ним повсюду следовала уйма джайнов. Он сказал мне... Первым делом он припал к моим ногам. Я сказал ему:

— Это не дело: ведь вам девяносто пять лет. Даже мой дед и тот вас моложе.

Он ответил:

— Я так давно мечтал припасть к твоим ногам. Я прочитал только одну твою книгу — «Путь само-реализации», — но этого было достаточно. Эта книга изменила всю мою жизнь. С тех пор ты был моим мастером. Если бы это было в моей власти... — У джайнов есть двадцать четыре тиртханкара, двадцать четыре пророка на один период творения. Это означает, что спустя миллионы лет, когда это творение канет в лету, и возникнет новое творение, в мир придут новые двадцать четыре великих учителя. Он сказал: — У нас уже есть все двадцать четыре тиртханкара, но была б моя воля, я бы объявил тебя двадцать пятым, потому что ты сделал для меня то, что не смогли сделать те двадцать четыре.

Он весь буквально изошелся в похвалах. Но вот в комнату заглянул слуга и сказал:

— Ваша ванна готова, а ужин стынет.

Старика чуть удар не хватил. Он воскликнул:

— Что?! Ты принимаешь ванну вечером?

Джайнский тиртханкар и вовсе не принимает ванну, потому что очищение тела от запахов считается его украшением. Тело — это низший порядок, его следует отдать в жертву более возвышенному. Поэтому джайнские тиртханкары не моются.

Я сказал старику:

— Да, сначала я принимаю ванну утром, а затем еще одну вечером. Я моюсь дважды в день.

Он продолжал:

— Но это еще не все: солнце уже село, а ты еще только собираешься ужинать!

Прежде всего, нормальный джайнский тиртханкар ест только

один раз в день — об ужине и речи нет. Но если уж вы и едите дважды, то по меньшей мере вы должны обладать достаточным умом, чтобы поужинать до заката.

От всей его хвалы и следа не осталось — я больше не был тиртханкаром. Я был им много-много лет, но из-за одних лишь его ожиданий, которым я, кстати, никогда не давал обещания соответствовать... Все это было у него в уме.

Он сказал:

— Я сильно заблуждался. Все эти годы я восхвалял тебя, читал твои книжки, но ты вовсе не тот человек, за которым стоит идти.

Тогда я заметил ему:

— Поймите одну простую вещь. Я никогда не просил вас идти за мной. Я ни разу не призывал вас читать мои книжки. Я ни каким образом не обязывал вас превращать меня в тиртханкара. Я никогда не требовал от вас иметь насчет меня какие бы то ни было ожидания. Все было очень просто, потому что вы меня никогда не видели, вы меня не знали. Книга мертва, и кроме того та книга, которую вы прочитали, была лишь моей самой первой книгой. Но с тех пор я далеко ушел. Если бы вы заглянули в мою вторую или третью или четвертую книгу, то любая из них сразу бы лишила вас всего вашего восхищения.

Но он очень рассердился. Когда он уже собирался уходить, я спросил его:

— Не желаете ли еще разок припасть к моим ногам? Ведь вы вон как стары, и кто знает, увидимся ли мы еще...

На это он ответил:

— Я уже сделал эту ошибку однажды и не собираюсь повторять ее впредь.

Так что, для тех, кто пришел ко мне при помощи книг, записей, фильмов, здесь все просто. Им ничто не мешает жить со своими прежними умами. Я никоим образом не тревожу их прежние умы, и они могут толковать мои книги в соответствии со своими собственными ожиданиями.

Самое сложное — это быть со мной.

Каждый день вы будете слышать, как я говорю совершенно непоследовательные вещи. Вы будете смотреть, как я делаю то, что вроде бы не должен делать; веду себя так, как не подобает пророку, мессии, божественному воплощению.

Отсюда по-настоящему приходится сложно именно тем, кто живет вместе со мной, потому что они были вынуждены, слой за слоем, отбросить свои умы, свои условности — самих себя. Они должны беспрестанно, каждую секунду, выбирать между мной и собой — либо существую я, либо существуют они, но одновременно

мы существовать не можем. В противном случае они окажутся в постоянных тревогах и волнениях. Словом, либо они уйдут, чтобы как-то огордить себя, либо, если им хватит смелости, они до конца пройдут весь этот процесс, который очень напоминает смерть, и в результате родятся заново.

Опыт тех, кто не приезжает ко мне, весьма иллюзорен, вымышлен. Их доверие, их любовь, их преданность относятся лишь к их же собственным умам. Я — лишь фикция у них в головах, а не внешняя реальность; не та реальность, о которую они должны были бы разбиться, точно так же как океанские волны неустанно разбиваются о прибрежные скалы. И только так можно проверить их на подлинность.

Но нам это, как правило, кажется очень странным, что многие, лишь послушав мой голос на аудиокассете, тут же влюбляются в меня. Этим в частности объясняется, почему люди всегда так обожают мертвых святых; этим объясняется, почему они готовы жизнь отдать за Иисуса, даже не зная толком, существовал ли он на самом деле.

Бытует такое мнение, что Иисус Христос вообще никогда не рождался, что это все был иудейский спектакль, который играется ежегодно — точно так же как по всей Индии каждый год ставят пьесу о жизни Рама.

Никто ведь не знает, существовал ли на самом деле Рама. Мы знаем его лишь по этим пьесам, которые ставятся уже в течение пяти тысяч лет. Именно эти спектакли, не сходящие со сцены уже пять тысяч лет, и придают Раме определенную реальность.

И всегда гораздо проще посвятить себя Раме, потому что Рама — это просто вымысел. Ему можно придать какую угодно форму, можно вылепить его по собственному усмотрению. Его можно толковать в соответствии с вашим собственным мышлением, и он никак не сможет вам воспрепятствовать.

Доподлинно известно, что основатели всех существующих сегодня в мире религий уже мертвы. Удивительно! Почему же тогда вы называете их основателями? Вы их схватили, пытали, вершили над ними всевозможные пакости, а затем, когда они умерли, вдруг возникла великая религия, великая традиция почитания — потому что теперь вы в силах ими управлять. Все это просто игра вашего воображения.

Принять же любого современника с любовью, которая возносит вашу преданность на предельные высоты, — это поистине задача для сверхчеловека. Но ее выполнение преображает вас.

Признание Будды, Махавиры, Иисуса Христа никого не изменит. Половина всего населения земного шара — христиане, но мы что-то не видим в этой половине человечества ничего такого, что дало бы

нам чувство присутствия живого Иисуса. В миллионах церквей служат миллионы священников, но ни в одном из них вы не увидите ни проблеска, ни искорки той уверенности, которая исходит только от личного опыта. Их посвящение не более чем воображаемо.

Боги созданы человеком. Но при жизни человека очень сложно сделать из него бога, потому что живой человек будет постоянно крушить ваши представления о боге.

Вот, например: джайны уверены, что Махавира никогда не потел. Я так не могу и я знаю, что и Махавира не мог не потеть, потому что потоотделение — это естественный процесс; если человек не будет потеть, то он просто умрет. Потоотделение позволяет температуре тела держаться на одном уровне. Когда вокруг вас слишком жарко, вы потеете. Потовые железы, которые находятся повсюду у вас на теле, полны влаги. Когда вне тела становится жарко, влага источается. Это обман солнца. Влага источается, и теперь она испаряется под солнечными лучами. Благодаря этому, солнечные лучи не проникают в вас; на пути у глупого солнца оказался ваш пот. Солнце теперь занято выпариванием вашего пота, и температура вашего тела не меняется.

Если вокруг холодно, то вы не потеете. Когда вам холодно, вы дрожите. Дрожь дает вам тепло — это противодействие холоду. Дрожь тоже поддерживает вашу температуру в норме. И таким образом, независимо от того, жарко ли вокруг вас или холодно, ваше тело способно поддерживать в себе нормальную температуру, потому что границы температуры выживания очень узки: тело живет только в тринадцатиградусном промежутке — между тридцатью пятью и сорока двумя градусами. Ниже тридцати пяти — вы умираете. Выше сорока двух — вам конец. Температура должна поддерживаться на одном уровне; это абсолютно необходимое условие обеспечения всех жизненных процессов.

Но когда вы сочиняете сказку или выдумываете себе нереальный образ, тут уж ваша воля делать что угодно — вроде того, что Махавира никогда не потел. И теперь для джайнов это главный показатель: они никого не признают по-настоящему реализованным до тех пор, пока не найдется кто-нибудь, кто будет спокойно стоять голым на солнцепеке и нисколько не потеть.

Нет ничего проще, чем придумывать себе богов из прошлого. Было время, когда Махавира жил на самом деле. Его современники и не думали признавать в нем бога. Будда и Махавира жили в одно время. Ни один из них не признал в другом бога — что уж говорить о простых людях? У них были свои определения, но ни одно живое существо не сможет оставаться ограниченным в рамках ваших определений.

Так что, для тех, кто далеко, для тех, кому я, можно сказать, и не современник, для тех все очень просто. Пусть выдумывают себе какие угодно качества, которые бы им хотелось видеть во мне; пусть рисуют вокруг меня какие угодно образы. У них есть полная свобода воображения. Их посвящение, их любовь и их преданность — все это из категории фантазий. И им очень хорошо, они чувствуют себя сцентрированными, счастливыми, от того что нашли человека, который полностью подходит их представлениям о том, каким вообще должен быть человек. Но они никого не нашли — они его просто выдумали, сочинили.

Но чтобы быть со мной, вы должны отбросить все свои ожидания — которые есть у всех на каком-то тонком уровне — и особенно ожидания на мой счет, потому что я повторяю, что я не собираюсь соответствовать ничьим ожиданиями — ведь это бы означало, что я против вас, что я добавляю яда в ваши и без того отравленные умы. Я наоборот должен дать вам хорошую встряску, пусть даже ценой превращения себя в вашего врага; но я обязан трясти ваши умы и я должен жить так, говорить так, говорить такие вещи, которые вы просто вынуждены будете принять и понять, пусть даже и вопреки вашим же умам.

Жизнь с мастером — это борьба; борьба между мастером и вашими умами. И если мастер подлинен, то он не даст вашим умам одержать верх. Либо мастер побеждает, либо вы уходите, но победить в этой игре вам не дозволено. Это очень необычная игра — игра, в которой мастер неизбежно должен выйти победителем. И быть постоянно в проигрыше, но при этом продолжать любить победившего вас человека, сохранять верность тому самому человеку, который вас уничтожает, для этого нужно мужество. Как правило, люди всего этого не понимают, но такова реальность.

Вопрос второй:

Возлюбленный Ошо,

Посредственности с пылом и жаром обвиняют любящих, тихих, терпимых санньясинов в том, что им промыли мозги. Что ты можешь сказать по поводу такого положения дел?

Скажите этим посредственностям, что вам промыли не только мозги, но и умы — это гораздо более основательная мойка, до самых корней. Промывка мозгов — это просто подрезка ветвей, которые вскоре вырастут снова. Более того, на месте обрезанной ветви вырастут три новых. Само дерево вы таким образом победите не скоро.

Передайте им: «Нам промыли умы. Вы идете по верному пути; ваши слова верны, но лишь частично, лишь в частности. Вся же правда состоит в том, что мы решили полностью отбросить наши

умы, потому что ум ничего кроме несчастья, страдания, мук и кошмаров не приносит. Сами и живите со всем этим. Посмотрите на наших людей: они просты, они невинны, они радуются, они любят. Если промывка мозгов дает такие результаты, то дело того стоит. Что же в ней дурного?»

И еще скажите им: «Наш мастер не остановится на промывке мозгов, потому что это очень поверхностно. Он хочет полностью разрушить наши умы и дать нам не-ум. Это он называет медитацией. Но вам-то что до этого? Радуйтесь себе своим несчастьям, своим страданиям и мукам, которые вы причиняете самим себе и всем вокруг. Оставьте же в покое тех немногих, кто не желает быть несчастным и кто хочет прожить эту жизнь празднично».

На самом деле, мы должны учиться разбираться с посредственностями на их же территории. Они говорят, что это промывка умов, промывка мозгов. Отвечайте же им: «Совершенно верно. Но чего же вы, неумытые, ждете? Это ведь сухая чистка. За что вы цепляетесь? За что вы трясетесь?»

Что бы они ни говорили, принимайте их слова. Если они говорят, что все это гипноз — соглашайтесь. «Но только что вам, собственно, не нравится в гипнозе? Вы не знаете счастья, вы не знаете радости в своей жизни. Вы страдаете. Вы верите, что очутитесь в раю после смерти — но мы нашли рай прямо здесь. И если вам нравится называть наш рай гипнотическим, мы не возражаем. Он того стоит. Приходите к нам и попробуйте сами! Может, и вам понравится его аромат. Мы знаем обе стороны: мы прожили вашей жизнью, и нам отлично известно, что это суший ад; прожили мы и нашей жизнью, которую вы именуете жизнью под гипнозом. И мы выбираем гипноз».

Эти люди попросту кидаются в вас словами. Они считают, что если как следует кидаться словами, то можно таким образом низвергнуть целое явление. Они глупы. И вместе того, чтобы бороться с их словами — что никакая это не промывка мозгов, что это не гипноз... Вы попадаетесь в ловушки, расставленные этими идиотами.

Гораздо лучше сбивать их столку и соглашаться: «Все верно». Но при этом четко дать им понять: «Мы знаем и то и другое — мы знаем, какова ваша жизнь, мы сами жили ею; и теперь мы еще знаем и эту жизнь — мы живем ею сейчас. Вы знаете лишь одну сторону медали, поэтому не можете ничего сказать о нашей жизни. Наберитесь же немного смелости. Познайте сначала наш образ жизни и тогда сравнивайте. И если вы решите, что жизнь загипнотизированного санньясина с промытыми мозгами не так уж и хороша, вы всегда можете вернуться обратно в свой ад. Мы вам даже подсобим — мы сами выкинем вас из нашего ашрама!»

Я давно обнаружил, что гораздо проще принимать их ярлыки и

не устраивать вокруг всего этого ненужные споры — в конце концов не важно, какой на вас навешен ярлык. Наоборот, развивайте свою мысль: «Познайте и эту сторону — ведь вы говорите без знания. Вам не с чем сравнивать. Вот мы можем сравнивать, но мы тем не менее не спешим возвращаться в ваш крошечный ад».

Вопрос третий:

Возлюбленный Ошо,

Похоже, что американские власти, американское правительство и правительства других стран во всем мире в гораздо большей степени обескуражены сплоченностью и смелостью твоих санньясинов, нежели мы сами были обескуражены их жестоким обращением с тобой.

Ошо, не кажется ли тебе, что мы что-то упустили? Что еще мы должны научиться выносить для себя из таких чрезвычайных ситуаций?

Нет, вы ничего не упустили. Для вас все это было настолько новым, что вы не могли понять, что происходит; вы были растеряны. Однако вы наилучшим образом продемонстрировали вашу силу и вы дали американскому правительству понять, что они не могут поступить со мной по их усмотрению, сохранив при этом свой демократический имидж. Для них это был большой риск.

Начальник одной из тюрем, где я сидел — самой первой тюрьмы, — был очень дружески ко мне настроен, поэтому он передал мне:

— Я не должен вам это говорить, но сюда приходят тысячи телеграмм, мы получаем тысячи звонков, люди присылают тысячи букетов со всех концов света, люди протестуют... правительство потрясено. Они никак не ожидали, что покусившись всего на одного человека, они разожгут целый пожар. Поэтому я вам ответственно заявляю: вас никто не тронет. Они к вам и пальцем не прикоснутся. Наоборот, у нас есть указания обеспечить вам абсолютную безопасность, чтобы ничего с вами не случилось, потому что иначе мы больше не сможем смотреть в глаза всему миру.

Забавно, но им пришлось предпринять со мной такие же меры безопасности, которыми они удостаивают своего президента: за мной ехали пять автомобилей, пять мотоциклов; все дороги были перекрыты. Они страшно боялись, что кто-нибудь навредит мне во время моего нахождения под их стражей — отвечать пришлось бы им.

Начальник тюрьмы сказал мне:

— На моем веку такого еще не было, чтобы мы волновались не о вашем побеге, а о вашей безопасности, потому что если кто-то вам навредит, то вся ответственность ляжет на наши головы.

В самый первый день, спустя всего два-три часа после моего прибытия, начальнику тюрьмы позвонил человек из Австралии и сказал:

— Вы, наверное, волнуетесь, потому что вам будут очень много звонить; телеграммы вам будут возить мешками.

И начальник тюрьмы ответил ему:

— Нет, у нас уже есть опыт... это особая тюрьма, и к нам попадают самые видные люди, с министерской репутацией — да-да, из самых верхних эшелонов власти. Так что, мы легко справимся.

Но спустя три дня со слезами на глазах он пришел ко мне просить прощения. Он сказал:

— Я чувствую себя виноватым за то, что я ответил тому человеку по телефону. Я не знаю его номера, потому что тогда я бы обязательно позвонил ему и извинился бы. Тогда вы находились у нас всего каких-то пару часов, и я еще ничего о вас не знал. Но теперь, спустя трое суток, я с полной уверенностью могу сказать, что в нашей тюрьме еще никогда не было такого человека. Все наши служащие на вашей стороне! Пятьсот заключенных за вас, весь больничный персонал за вас — лично я сам за вас. И весь мир неотрывно следит за вашей судьбой. Если вдруг с вами что-то произойдет, для репутации Америки это будет катастрофой. В общем, я хочу попросить у вас прощения за то, что я ответил тому австралийцу — что, мол, видали мы важных шишек. Я был не прав. Такого человека, как вы, о чьей судьбе волновался бы весь мир, наша тюрьма еще не знала. К нам попадали люди с репутацией, люди государственной важности, но не было еще никого, кто бы притягивал к себе внимание и любовь всего мира.

На второй день он спросил меня:

— Что нам делать со всеми этими цветами? К нам привозят столько цветов, что даже в нашей огромной тюрьме их уже некуда складывать.

Я сказал ему:

— Отошлите их в местные школы, колледжи и университеты. От меня.

Он так и поступил, и ответ был оглушительным. Когда меня перевозили из тюрьмы снова в аэропорт, на протяжении всего моего пути студенты и школьники бросали на мостовую цветы.

Я уверен, что власти уже раскаивались, что совершили такую глупейшую ошибку. Сами того не желая, они превратили наше тихое движение в явление мирового масштаба. Теперь наше имя знают во всем мире, на всех языках.

Те двенадцать дней в тюрьме оказали нашему движению неимоверную помощь. Они ничего не могли с этим поделать, потому что все ситуация выскользнула из-под их контроля. Они выставили

себя в дураках. Что они для себя выгадали?

Мы превратили их пустыню в цветущий оазис. Теперь он снова будет пустыней — вот что они выгадали. Но мы в свою очередь получили многое. Те четыре года теперь станут основой новой коммуны — и естественно, более превосходной и гораздо более лучшей. Тогда мы еще мало знали, но теперь у нас есть много разных идей...

В частности, новую коммуну я не собираюсь создавать в какой-либо стране, находящейся под властью правительства. Я буду искать полностью независимый остров, чтобы вам больше не нужно было получать визу для проживания и чтобы вам больше не нужно было слушать чьи-либо указания насчет того, как долго вы можете там оставаться.

Мы не будем создавать свое правительство, мы не будем объявлять себя государством, потому что я выступаю против всех государств и всех правительств. И в нашей новой коммуне нам придется доказать нечто большее: нам придется доказать, что люди спокойно могут сосуществовать и без власти, без государственности, без армии; что народу не нужны тюрьмы, не нужна полиция, не нужны судьи.

Словом, наш опыт был неоценимо полезен, и он дал жизнь всему сообществу санньясинов во всем мире. Они начали осознавать, что делают нечто чрезвычайно важное, нечто такое, что способно растормозить даже самую могущественную власть в мире.

Мы растормозили Америку отнюдь не случайно. Это произошло именно потому, что мы создавали нечто такое, что было способно потревожить каждое правительство до самого последнего политика.

Так что, теперь санньяса — это не только ваша медитация, покой, тишина, образ жизни. Отныне, весьма необычным образом, мы вовлечены в определение судьбы всего мира. Они сами вынудили нас. Мы спокойно занимались своими делами и никого не трогали.

Они сами нас спровоцировали, и теперь перед нами стоит задача доказать, что они были правы! Теперь революция не будет просто революцией личности отдельно взятого человека. Мы создадим такое место, которое станет образцом для всего остального мира: если так могут жить пять-десять тысяч человек, то почему так не могут жить все остальные? Мы впервые касаемся тех проблем, которые мировые лидеры никак не могут решить на протяжении уже многих тысяч лет. Мы же сможем решить их всего за полдесятилетия.

Дух парит высоко.

Разумеется, санньясины переживали, когда я был в тюрьме; они

ощущали свою беспомощность от того, что ничего не могли поделать. Но им не следует так думать. Все что было нужно, они обеспечили. И нужно нам было мировое общественное мнение, и они его изменили. Теперь у нас больше сочувствующих, чем было когда-либо прежде. На нас теперь с интересом поглядывают больше интеллигентов, чем раньше. Вся мировая журналистика... в течение двух месяцев за нами следили неотрывно, но и теперь из каждой страны поступают запросы: они хотят приехать и узнать больше подробностей.

В свете всех имевших место событий мы вышли безоговорочными победителями. Ну и что с того, что они снесли наши дома и разрушили улицы? Мы же сами — не дома и улицы. И коль скоро мы были способны построить ту коммуну, то мы сможем построить новую коммуну, где угодно.

И в этот раз к ней будет приковано внимание всего мира. Новая коммунa больше не будет только для тех, кто хочет уединиться, затвориться ото всей планеты. На этот раз мы сразу сделаем так, чтобы коммунa стала центром мира, чтобы весь мир вынужден был бы учиться у нас чему-нибудь. Нас спровоцировали, и теперь нам придется принять этот вызов. И я обожаю вызовы. И я также обожаю перемены — так что беспокоиться не о чем. Сейчас у нас гораздо более лучшие условия, чем когда-либо были прежде. Так всегда и происходит, что трудности вынуждают вас проявлять ваши самые лучшие качества.

Когда все просто, человек склонен расслабляться, лениться. Но если загорится ваш дом, то вы тут же увидите, что все вокруг проявляют свои лучшие качества. Никого больше не будет волновать снег и мороз и тому подобные вещи.

Напав на нас, Америка лишь накликала смерть себе на голову. Для потребуется некоторое время, но именно так я все и вижу.

Вопрос четвертый:

Возлюбленный Ошо,

Как-то ты сказал, что двести просветленных человек могут создать вокруг себя такую энергию, которая бы могла свести на нет все силы, способные развязать третью мировую войну. Насколько близко ты приблизился к тому, чтобы найти эти двести человек?

Очень близко. Но пока суть да дело многое изменилось.

Одну вещь мы знаем наверняка: нам под силу создать две сотни просветленных людей и тем самым предотвратить третью мировую войну. Но вот какой вопрос возник как бы между прочим — и вот она, моя непредсказуемость: хотим ли мы на самом деле предотвращать третью мировую войну? Стоит продлять жизнь этим идио-

там? Не лучше ли будет, если идиоты передерутся и уничтожат друг друга, и тогда те, кто выживут, начнут новую жизнь с самого начала?

Об этом никто еще не думал, но мне кажется, что именно в этом и может заключаться насущная потребность существования: цивилизация стала настолько омерзительной, бесчеловечной и отвратительной, что лучше уж пусть все будет так, нежели еще ждать, пока люди медленно отдадут концы. Ради чего спасать Рональда Рейгана? Я не вижу в этом большого смысла. Так что, это все очень важно — почему бы, действительно, не начать с самого начала? Человечество непомерно перегружено историей, сгнившими традициями, поэтому продолжать спасать его и удерживать от... Так мы заодно спасаем и всю эту гниль, все эти условности. Будет просто замечательно, если исчезнут ислам, индуизм и папа вместе со своим Ватиканом.

Разумеется, кое-кто выживет. Эти люди станут туземцами без религии, без политики, без образования; они будут жить насколько это только возможно естественно. Когда не станет ни Советского Союза, ни США, дать рождение новому человеку будет гораздо проще, потому что тогда он не будет обременен никаким прошлым. Все прошлое исчезнет. Выжившие новые люди будут лишь стоять перед лицом будущего с опытом прошлого; не повторять его... найти новый образ жизни.

Поэтому я ищу настолько удаленный остров, на котором бы никак не отразилось то, что произойдет между Америкой и Россией — пусть они сами воздадут себе по заслугам, — и там мы создадим новое общество. Если цивилизация погибнет, то мы расселим спасенных людей по всему миру, чтобы они начинали все с самого начала. Должно быть, существование уже утомило от человека и его поведения.

Так что, те двести человек уже почти наготове, но я думаю попридержать их... Возможно, я скажу им подождать немного. Пусть сперва отгремит третья мировая война, и тогда вы можете становиться просветленными и отправляться в мир на поиски людей, потому что тогда уже не будет необходимости ни в каких паспортах и визах, и мир впервые в истории будет открыт для всех и каждого целиком.

Эта идея кажется опасной. Но я обожаю опасные идеи.

Вопрос пятый:

Возлюбленный Ошо,

Почему индийские журналисты записывают и публикуют только твои критические высказывания насчет Индии? Я не помню, чтобы мне когда-нибудь попадалось на глаза что-либо о

твоих прекрасных беседах о подлинной Индии.

Все очень просто: в Индии нет такого понятия, как свободная журналистика. Либо правительство контролирует все выпуски последних известий, телевидение и радио прямо... и особенно это касается именно такой страны как Индия, где большинство населения читать не умеет — но может видеть и слышать. Так что там правительство хитрыми уловками удерживает радио и телевидение в своих руках, чтобы таким образом получить доступ к восьмидесяти процентам индийцев и вбить им в головы угодные им представления.

Остаются лишь печатные издания. На первый взгляд они кажутся свободными, но это далеко не так. Косвенно, но их свободу правительство тоже ограничивает как только может. Любая газета, решившаяся пойти против указки, лишится части своей доли в освещении новостей.

Для газет нет свободного рынка — все они во власти правительства. Это очень хитрая игра: «Либо пишите, что говорим мы, либо вам будет просто не о чем писать».

Индийские газеты по большей части живут на правительственной рекламе. Если они вдруг вздумают писать о чем-либо, что правительству не угодно, то эта реклама немедленно перестанет поступать. И газеты сами развалятся и без прямого внешнего вмешательства. Все печатные издания в Индии принадлежат нескольким магнатам — четырем или пяти семейным кланам. Эти несколько семей по большей части поддерживают правительство, потому что им нужны их лицензии. Им тоже нужна всесторонняя поддержка правительства, так что они просто договорились, что газеты будут проводить правительственную линию. Поэтому, если смотреть в целом, то в Индии нет никакой свободной журналистики. Индийские журналисты пишут лишь то, что им диктуют сверху их владельцы.

Поэтому в моем случае они вынуждены писать только то, что может вызвать неприязнь ко мне в умах индийцев. Для меня жизнь — это и день, и ночь; и жизнь, и смерть, и я всегда говорил о жизни с разных точек зрения. Но газета, находящаяся в руках индустра, никогда не напечатает ничего, что могло бы вызвать сочувствие ко мне в народе.

Я говорил столько, сколько еще не говорил ни один индуист. Если бы они пожелали, они бы могли всю Индию повернуть ко мне лицом. Но именно этого они и боятся, поэтому они выбирают лишь те мои слова, где я обрушивался с критикой.

И ведь я не политик. В течение всей моей жизни политики советовали мне:

— Вы бы могли стать беспрецедентным событием в этой стране,

за вами пошли бы миллионы. Вам лишь нужно вести себя чуть осмотрительнее. Вы так красиво говорите об индуизме — но зачем же вы потом поносите его! Вы так прекрасно говорите о джайнизме, но потом из-за какого-то одного момента разносите его в пух и прах! Сколько о буддизме говорили вы, не говорил еще никто, но все равно ни один буддист вам не симпатизирует, потому что одновременно вы критикуете и буддизм. В девяноста процентах случаев вы описываете красоту Гаутамы Будды и его учений; но если бы вы только могли удержаться в оставшихся десяти процентах...

На это я отвечал:

— Это невозможно. Я не могу обманывать людей. Я знаю, что эти десять процентов имеют под собой основание, поэтому умалчивать об этом было бы равносильно обману. И эта ложь легла бы на мое сердце тяжелым грузом, потому что я не был бы до конца открытым, раз позволил бы себе смотреть людям в глаза и говорить то, что им хотелось бы услышать, вместо того, что я был бы обязан сказать.

Я отвечал политикам:

— Я сам решил оставаться в одиночестве — мне не нужно, чтобы ваши миллионы шли за мной по пятам. Вместо этого я буду говорить все до конца. Я буду выносить на свет красоту, но не стану отворачиваться от мерзостей, которые тоже имели место быть, потому что красоту понимают лишь избранные, люди редкого разума. Поэтому даже если о красоте говорил сам Будда, то его слова все равно пролетали мимо людских ушей. Но те десять процентов безобразия заметно отразились на жизнях людей. Девяносто процентов красоты никак никого не тронули, чего нельзя сказать о десяти процентах безобразия. И теперь вы убеждаете меня умалчивать об этих десяти процентах, которые являются причиной всего несчастья, всей нищеты и всевозможных глупостей, существующих в этой стране. Я не могу принять ваш совет.

Например, слова Будда о ненасилии очень красивы, но кто же тогда ответит за две тысячи лет индийского рабства? Его учение о ненасилии неполноценно. Народ согласился с ним, одобрил его, но это учение забрало у людей остатки их смелости и сделало их трусами. Они распространялись о том, что нельзя никого убивать, но на самом деле в их умах сидела лишь мысль о том, чтобы их самих никто не убил. То есть, если вы никого не убиваете, то и сами вы останетесь целыми и невредимыми.

Но это спорный вопрос. И Будда никогда не говорил: «Если вы не будете убивать других, то это еще не означает, что никто не убьет вас». И Махавира не говорил ничего подобного. И что же теперь вы будете делать, когда неприятель ворвется на вашу землю, отберет ваши владения, уведет ваших жен, зарежет ваших сыновей,

изнасилует ваших дочерей, сожжет ваши дома и спалит целые города? Будете тогда локти кусать со своим принципом ненасилия.

Я считаю, что настоящий ненасильственный человек это такой человек, который никого не убивает, никому не причиняет вреда, потому что он против убийства и причинения вреда ближнему; однако если кто-то надумает причинить вред ему самому, то и тогда он будет против убийства — он не позволит случиться убийству. Он никогда ни на кого не поднимет руку, но если уж кто-то поднял руку на него самого, то он будет сражаться не на жизнь, а на смерть. Только в таком случае ненасильственный человек сможет сохранить свою независимость, потому что иначе он станет рабом, нищим, постоянным объектом грабежа.

Сколько людей были ограблены в Индии на протяжении двух тысяч лет? И кто ответит за все это? Ответственны за это Будда на пару с Махавирой.

Теперь смотрите: сказать такое означает, что джайнские и буддистские газеты незамедлительно подхватят мои слова и настроят против меня буддистов и джайнов. Но я не могу заставить себя перестать говорить всю истину целиком.

Поэтому тут потребуется немного терпения.

На самом деле, стремительный рост нашего движения просто феноменален. Никто из учеников Иисуса не был образован, никто из них слыхом не слыхивал о культуре и цивилизованности. Это были рыбаки, крестьяне, лесорубы — одного поля ягода с самим Иисусом. Он сам был невеждой, не умел ни читать, ни писать. Ему было под силу лишь собрать возле себя двенадцать учеников. За ним не пошел ни один раввин, ни один ученый. К нему не прислушался ни один культурный, понимающий, разумный человек.

Наше же движение необыкновенно. Всего за пятнадцать лет оно разошлось по всему миру. Через десять лет такой проблемы уже не будет: все те идиоты, которые сейчас настраивают народ против, через десять лет сами будут бегать за вами как миленькие.

Именно это и случилось, когда я сидел в тюрьме. Вся американская журналистика вдруг исполнилась сочувствия, потому что они увидели, что их страна пытается ни в чем неповинного человека, который никому ничего не сделал и не совершил никакого правонарушения. Единственным его преступлением было создание великолепной коммуны, цветущего уголка любви, выходя откуда, всякий человек мечтал: «Однажды и я сюда перееду». В этом было все мое преступление.

Наши санньясины — самые умные люди мира. Поэтому все эти посредственности и журналисты в счет не идут. А здесь, в Индии, это все рабы. Вот вы сами увидите: когда западные средства массовой информации будут благожелательно ко мне настроены,

эти глупцы последуют их примеру. У них просто такое мышление, рабский менталитет.

Только когда Рабиндранату Тагору присудили Нобелевскую премию, Индия узнала, что у нее оказывается есть этот великий поэт. Все университеты стали приглашать его, чтобы вручить ему докторскую степень. Первым был университет Калькутты. Рабиндранат Тагор всю жизнь прожил в Калькутте, и все самые свои выдающиеся произведения написал в Бенгалии. Нобелевскую премию он получил за книгу, которую он собственноручно перевел на английский. Но та львиная часть его творчества, которая осталась непереведенной, на самом деле имеет гораздо большее значение.

Но раньше калькуттский университет и не думал давать ему докторскую степень. Зато теперь, когда он стал Нобелевским лауреатом, все индийские университеты... Но Рабиндранат Тагор был именно таким человеком, которых я люблю. Он отказал калькуттскому университету со словами: «Вы даете докторскую степень не мне, а Нобелевской премии. Я всю жизнь был у вас под носом, но вы никогда не приглашали меня к себе в университет выступить перед студентами и почитать им свои стихи. С какой же стати мне теперь принимать вашу докторскую степень? Это оскорбление».

Но так все и заведено в этой стране. Сложно осуждать их за это, потому что они провели в рабстве две тысячи лет. Поэтому стоит им только глянуть на Запад, подсмотреть, как там у них дела, и скоро они обязательно начнут все повторять. А Запад — включая средства массовой информации — сейчас становится очень дружелюбным и благосклонным.

Так что очень скоро все здесь последуют за Западом. Повода для беспокойства тут нет. Да и какой от них вред? Мой опыт говорит, что мне никто ничем не может навредить, независимо от того, пишет ли кто-либо в мою поддержку или, наоборот, в осуждение. Пускай себе пишет дальше.

Я извлеку себе пользу и из того, и из другого. Нельзя же весь мир иметь у себя в друзьях — это было бы чересчур однообразно. Враги добавляют перчинки.

Глава 3

Наша коммуна разрослась на весь земной шар

Вопрос первый:

Возлюбленный Ошо,

Эти вопросы пришли из центра в Америке. Они спрашивают: «Мы начинаем издавать новую газету в Америке, посвященную твоему видению человечества. Мы хотим назвать ее «Международное видение». И вот наш первый вопрос: тебе нравится это название?»

Да. Однозначно да.

Вопрос второй:

Вот их второй вопрос: можешь ли ты что-нибудь сказать нам в отсутствие к нашему начинанию?

Просто помните одну вещь: движение санньясы вошло в критическую стадию. Это добрый знак; это придаст нам зрелости, силы и сплоченности.

Нужно только не допустить, чтобы эта сила, эта сплоченность превратились в организацию. Пусть это останется движением индивидов, объединенных по причине схожести их опыта. Они не являются частью какой бы то ни было религии, они не принадлежат какой бы то ни было церкви; их индивидуальность ни в коей мере не повреждена...

Потому что это чуть ли не самая сложная вещь на свете: во времена испытаний человека тянет к организованности — ведь так легче бороться, так легче противостоять врагу. Но я именно делаю упор на том, что, оказывая сопротивление врагу, вы создаете еще большего врага внутри самих себя; этот враг и есть организация, церковь и религия. Все усилия окажутся напрасными.

Поэтому непрестанно осознавайте и напоминайте вашим читателям любыми способами и в любое время, что мое послание адресовано к индивидуальности, и что я целиком и полностью выступаю за свободу и индивидуальность.

Если уж мы вместе и если уж мы боремя вместе, то наша за-

дача сражаться за индивидуальность и свободу. Мы не допустим бессознательного превращения в церковь или организацию. Именно это произошло со всеми религиями прошлого. Это была трагедия. Избегайте ее.

Вопрос третий:

Возлюбленный Ошо,

Почти два года тому назад Шила сказала нам, что ты призывает твоих санньясинов покинуть Калифорнию и закрыть местные центры. Но теперь, когда наше ранчо доживает свои дни, тысячи санньясинов переезжают обратно в Калифорнию. Что ты можешь им сказать?

Это был просто способ призвать людей переехать в коммуну в Орегоне. Теперь же, когда коммуны больше нет, пусть санньясины открывают в Калифорнии свои центры — и по возможности пусть это будут коммуны. Но помните, что орегонская коммуна — это была модель, и не надо идти на компромисс в Калифорнии.

У Калифорнии странный менталитет: там все является модой. За четыре-пять лет старая мода умирает, и на ее место приходит новая. За последние три десятилетия в Калифорнии было много всего, чему сулили большое будущее, но все это погибло за два-три года. Так что, открывайте центры в Калифорнии, но не перенимайте эту калифорнийскую привычку из всего делать модное течение.

Санньяса — это не мода. Санньяса — это одно из самых вечных явлений во всем существовании. Она будет всегда и она была всегда, потому что санньяса — это поиск истины, а поиск истины нельзя свести до уровня какой-то там моды.

Вопрос четвертый:

Возлюбленный Ошо,

Мы разбросаны по всему миру, и большая часть нас находится далеко от тебя, обитая в небольших группах. Но в чем же тогда значение второго гаччхами: сангхам шаранам гаччхами?

Теперь его значение более глубоко, нежели раньше. Позвольте мне рассказать вам обо всех гаччхами подробнее.

Первое: буддхам шаранам гаччхами, что означает: «я припадаю к ногам пробужденного». Это путь скромности, открытости, непротивления. Без него не сможет работать ни один мастер. Ученик должен впустить мастера в самую сердцевину своего существа. И именно об этом он и говорит: «Буддхам шаранам гаччхами» — «Я припадаю к ногам пробужденного». Он говорит: «Меня больше нет». Он говорит: «Теперь ты можешь делать со мной все что хочешь. Меня самого нет, и я хочу, чтобы ты присутствовал во мне».

Второе гаччхами — это «сангхам шаранам гаччхами» или «я

припадаю к ногам коммуны пробужденного». Вопрос о втором гаччхами был задан потому, что американской коммуны больше нет, но есть санньясины по всему миру. В некотором смысле, наша коммуна теперь разрослась на весь земной шар.

Поэтому не надо считать исчезновение коммуны в Орегоне просто исчезновением — коммуна появилась снова, везде, где живут и дышат санньясины. Так что, второе гаччхами не теряет своего значения, но наоборот приобретает еще больше нового смысла.

Коммуна становится вселенской.

Очень просто пойти к мастеру и сдать ему. Нет ничего проще, потому что пробужденный человек — он как магнит. Вы ничего не делаете — вас просто притягивает магнетическая сила. Второе гаччхами трудно и потому еще более весомо, нежели первое.

В этом случае вас притягивает не только магнетизм вдохновенности мастера... Вы отведали его любовь, его сострадание, его осознанность, его сущность. В его учениках все это не будет настолько же сильным, вас не будет притягивать магнетическая сила... Но сдавшись, вы познали саму сущность мастера и вы узнали, что любой, кто тоже сдался мастеру, на очень глубоком уровне становится вашим братом или сестрой. Благодаря мастеру, любовь возшла между учениками. Я называю это любовью, мне претит давать этому явлению определение какой-то там организации. И когда вы сдаетесь этим простым людям, которые сами еще в пути, это делает вас более скромными; такая сдача полностью забирает у вас ваше эго.

Теперь наша коммуна размером с планету. Везде, где живет санньясин, там живет наша коммуна. И когда вы говорите: «Я припадаю к ногам коммуны», вы сдаетесь сразу миллионам людей. Это замечательный способ избавиться от эго. С мастером сложнее: вы можете сдать мастеру, потому что он стоит того — это даже почти что требование, исходящее от его сокровенной сущности.

Он ничего вам не говорит, но требование исходит из самого его дыхания. И с одной стороны высота этого человека и его воспарившее сознание помогут вам опуститься к его ногам, но с другой стороны на каком-то тонком уровне это может дать толчок вашему эго — что, мол, вот я нашел великого мастера. Найдя великого мастера, вы бессознательно начинаете считать себя великим учеником.

Однако в случае со вторым гаччхами такого быть никак не может. Так вы скромны; так вы попросту демонстрируете через учеников мастера свою любовь к нему.

Третье гаччхами — это «дхаммам шаранам гаччхами» или «я припадаю к ногам наивысшей реализации мастера». Только пройдя первые два гаччхами, можно со смыслом сказать: «Я припадаю к ногам наивысшего опыта», потому что это чистая абстракция. Мас-

тер был весьма осязаемым. Коммуна уже не была настолько же осязаемой. И теперь, говоря «я припадаю к ногам коммуны», вы не в состоянии даже представить, вообразить ее, потому что коммуны как таковой больше нет — есть только разрозненные санньясины по всему миру. Но третье гаччхами — самое трудное в том смысле, что здесь вы входите в абстрактное, в религиозный опыт, в опыт истины. Вы ничего об этом не знаете.

Вы повидали человека, посетившего эту землю, вы ощутили его вибрации, вы вдохнули аромат, который он принес вместе с собой, вы узрели свет, который сохраняется вокруг него. Сдавшись ему глубоко, вы ощутили, что этот человек на самом деле не таков, каким он выглядит — он гораздо больше. Он несет в себе нечто незримое.

Это было лишь смутное чувство, но оно дало вам побуждение сдать самому себе в этом божественном, созданном мастером, созданным коммуной; это чувство притягивает вас как звезда, рождает в вас глубокое вдохновение.

Поначалу третье гаччхами будет туманным, абстрактным, но по мере того, как вы будете сдаваться более полно, вслед за первыми двумя гаччхами третье тоже начнет становиться все более реальным. Это не фантазия — третье гаччхами начнет превращаться в истину.

Все эти три гаччхами настолько сильно взаимосвязаны, что ни одно из них нельзя отбросить ни в коем случае.

Вопрос пятый:

Возлюбленный Ошо,

Если границы и проблемы с визами по-прежнему будут мешать нам быть вместе, то как нам быть?

Не будут. Моя задача сделать так, чтобы никто больше не препятствовал вам увидеться со мной и быть со мной. Я работаю над этим, и мне не кажется, что на это потребуется много времени — думаю, от силы месяц. Поэтому пусть это вас не беспокоит. Скоро у нас будет наше собственное место, где мы не будем подчиняться законам ни одного государства. Я хочу, чтобы это стало беспрецедентным экспериментом, которого бы еще не знала история.

Мы знаем анархистов — их философия в числе самых достойных. Она хороша настолько, что воплотить ее в реальность совершенно невозможно; анархия остается утопией. Князь Кропоткин, Толстой — эти люди мечтали о том, чтобы человечество однажды избавилось от любой власти. Они полагали, что власть есть причина всего зла, существующего на земле. До определенного уровня они правы, но только до определенного уровня. Я не согласен с ними полностью, потому что я знаю, что если бы вдруг вся власть ис-

чезла, то мир бы не стал прекрасным в одночасье — в нем бы просто воцарился хаос, зла бы стало еще больше, гораздо больше, нежели раньше, потому что если снять все-все ограничения, то незамедлительно на поверхности окажутся все самые отвратительные и безобразные инстинкты человека.

Просто ликвидировав власть, вы тем самым не поменяете менталитет убийцы, вора, насильника. Власть — это не причина, а следствие. Именно здесь я расхожусь во мнениях с князем Кропоткиным, который обладал самым ясным пониманием анархизма. Власть остается, потому что человек не знает как жить неподвластным. Ему обязательно нужен контроль, потому что иначе он займется насилием и натворит всевозможных гнусностей. Власть существует, потому что человеку без нее никуда. Власть омерзительна, она не имеет права быть, но что мы можем поделать?

Если вы заболели раком, то вам придется лечь под нож. Миру в принципе не нужны хирурги, но коль скоро люди болеют раком, то и хирурги нам необходимы. Не хирурги создают рак — рак создает хирургов.

Эта философия веками преобладала в умах величайших интеллектуалов — идея беспрекословной свободы, которую не ограничивают ни государства, ни власти. Другая идея, которая также будоражила людские умы — и которую уже даже пытались превратить в реальность — не менее важна. Это коммунизм, при котором все люди равны, при котором наступает повсеместное равенство.

Неравенство безобразно. У одних людей есть все мыслимые и немыслимые богатства, в то время как у других нет ничего. В Америке от голода умирают тридцать миллионов человек. И ровно столько же людей — тридцать миллионов — умирают от переедания. Смотрите, как безумен этот мир! Решение элементарно: богатые не должны переедать. Они обедают те тридцать миллионов голодающих и при этом убивают и самих себя. Все они могут выжить — все шестьдесят миллионов человек запросто могут спастись, но нет — тридцать миллионов богатых съедают хлеб тридцати миллионов нищих. Последние погибнут от голода, а первые погибнут от ожирения.

Коммунизм обладает немалой привлекательностью, но лично я вижу в нем один существенный недостаток. Дело в том, что люди по своей сути и по психологии не равны; не равны ни физически, ни ментально... ни коим образом. Равенство можно навязать, но ничто навязанное долго не продержится. Стоит только убрать сдерживающую силу, как от равенства не останется и следа.

Уже прошло семьдесят лет, с тех пор как в России произошла революция, и они там до сих пор усиливают нажим, чтобы удерживать людей в равенстве. Но что же это за равенство такое? Вся

страна превратилась по сути в концентрационный лагерь. Всегда, когда вы силой пытаетесь сделать людей равными, обязательно случается странная вещь: наименьший знаменатель становится решающим фактором. Нельзя превратить идиота в Альберта Эйнштейна, зато вот из Альберта Эйнштейна можно запросто сделать идиота. Если вы стремитесь к равенству, то нормой у вас будет наименьшее — но это категорически неприемлемо. Поэтому я не дам за равенство и ломанного гроша.

Однако я понимаю коммунизм с совершенно другой точки зрения. Я понимаю под коммунизмом равную возможность для каждого быть самим собой — не быть равным, но быть уникальным. Равные возможности быть неравным — вот мое определение коммунизма. И я хочу, чтобы в том месте, которое я сейчас ищу — и я уже близок к своей цели, — чтобы там мы впервые в истории построили небольшую коммуну, в которой бы не было ни власти, ни разделения на богатых и бедных, но чтобы при этом у каждого сохранялась бы возможность быть самим собой.

Кто-то станет йехуди менухином, кто-то станет рабиндранатом тагором, кто-то станет альбертом эйнштейном. И уничтожать таких людей — саму соль земли — просто ради построения общества отсталых дебилов было бы страшной ошибкой. Может быть в таком обществе и будет равенство, но жить в нем явно не стоит. И в нашей орегонской коммуне я открыл простейший способ добиться нужных результатов — ликвидировать в коммуне денежный оборот. Любой может пожертвовать коммуне какие-то деньги, но никто не может ничего на них купить. Да, все нужды коммунa удовлетворит — каждый получит по потребности. И если всего-навсего изъять деньги как средство обмена, то случится чудо. Пусть у вас есть миллионы долларов, а у меня и одного доллара не найдется, но вы не богаче меня, а я не беднее вас, потому что вы не можете тратить свои миллионы. На самом деле, я даже в чем-то свободнее вас. Вы зачем-то тащите свою тяжелую ношу, но мне даже ради одного доллара напрягаться не надо. И при этом коммунa удовлетворяет мои нужды точно так же, как и ваши.

В мире до сих пор существуют острова, которые никому неподвластны. Некоторые из них почти неразвиты, и нам придется там немало потрудиться. Но есть еще три острова, которые уже отлично развиты, а на одном даже построен аэродром — этот остров принадлежит одному частному лицу, и этот человек желает его продать.

Условия там такие: восемь квадратных километров суши с буйной растительностью, громадными деревьями... божественно красиво. Остров почти овальной формы. Одна его часть выше уровня моря. Там много зелени, и владелец выстроил там небольшие кот-

теджи. Снаружи они напоминают лачуги первобытных людей — это было сделано специально, чтобы они не выделялись из местного ландшафта, но были бы его частью. Но внутри там есть кондиционеры и все самое современное оборудование.

Всего на этом острове двенадцать коттеджей, одна гостиница для гостей, один аэропорт, куда два раза в день — утром и вечером — прилетает самолет; мы можем использовать там наши самолеты.

Остальная часть острова расположена на полтора-два метра ниже уровня моря. Владелец там еще ничего не делал, но мне эта часть острова кажется наиболее привлекательной, потому что там мы можем выстроить на несколько километров ряд плавучих домов — как в Кашмире. И у нас будет даже лучше чем в Кашмире, потому что в Кашмире вы видите сушу; лодка прикреплена ко дну — дно прямо под лодкой.

У нас вокруг будет одна вода, и лодки можно будет выстроить в ряд сразу на несколько километров. В этих плавучих домах разместятся тысячи санньясинов. Мы построим красивые дома и будем их все время дорабатывать.

И между этими двумя частями острова — лесной впереди и с плавучими домами на противоположном конце — между ними там есть большое озеро. По нему будут плавать лодки, и на них мы будем перевозить все необходимое для людей в плавучих домах. Все просто идеально.

И владелец очень хочет побыстрее его продать. Может, у него финансовые трудности, может он уже слишком стар, и ему не хватает сил. Так что, скорее всего, этот остров достанется нам.

И самое важное с точки зрения истории будет... Коммунизм и анархизм остаются врагами, потому что анархизм утверждает, что власть не нужна, а коммунизм наоборот говорит, что сильная власть абсолютно необходима, потому что иначе нельзя уничтожить классовые различия между богатыми и бедными. Коммунизм говорит: «Нам нужен диктат. Демократия не подойдет. Нам нужен тоталитаризм и диктат». В этом моменте эти две замечательные философии расходятся настолько сильно, что договориться просто невозможно, потому что анархисты в свою очередь считают: «Власть — это зло, а вы лишь еще больше усиливаете зло — вы строите диктат. Даже демократия — это зло. Полное безвластие — вот единственный путь человечества».

Но у нас все получится очень легко, потому что хоть коммунисты уже и пытались в течение семидесяти лет доказать свою состоятельность, все же у них ничего не вышло — они не смогли построить бесклассовое общество. Да, богатых не стало — их просто истребили. После революции были убиты миллионы людей, и так класс богатых полностью исчез. Но бедные остались бедными. Раз-

ве что теперь бедные почувствовали некоторое облегчение, потому что теперь им больше некого было себе противопоставить. Больше нет никого, кто был бы богаче — все одинаково нищи.

Но не в этом же был весь замысел — все должны были стать равно богатыми. Только в таком случае во всем этом мог быть хоть какой-то прок, потому что иначе это полная бессмыслица. Эти люди были нищими раньше; рядом с ними жили богатые, пользуясь благами своих богатств. Но революционеры не стали развивать общество и вместо этого они просто уничтожили тех людей — их культуру, их музыку, их литературу, их танцы; они создали в обществе равенство нищеты. И чтобы удержать людей в этом равенстве нищеты... ведь в России есть творческие личности, и если избавить их от давления властей, то всего за несколько лет, вот увидите, на фоне бедноты там снова появятся богатые.

Они подавляли семь десятилетий, но от их подавления не останется и следа за какие-то четыре года: богатые снова будут богатыми, а бедные как всегда будут бедными... Ведь богатство — это целая наука. Посмотрите на Америку: триста лет назад там обитали лишь индейцы, которые на протяжении миллионов лет жили в нищете. Та же самая страна, та же самая земля, те же самые условия, но на протяжении миллионов лет индейцы были самым нищим народом на земле.

И вот триста лет назад, после того как Колумб открыл Америку, и люди с Западной Европы перебрались на новый континент, Америка превратилась в богатейшую страну. Фантастика! Индейцы ничего не добились на своей земле, а эти пришельцы превратили ее в богатейшее государство в истории.

Так что, там есть люди... и существует умение создавать благосостояние. Россия бедна и будет оставаться бедной, потому что власти не дают творческим людям, способным, строить благосостояние. Власть силой удерживает их в равенстве.

В соответствии с моими представлениями, мы имеем возможность впервые в истории объединить анархизм и коммунизм. Нужно лишь просто-напросто перестать использовать деньги внутри коммуны, и тогда без насилия, без принуждения людей к равенству мы построим внеклассовое общество. Члены коммуны останутся неравными, сохраняют свою уникальность, сохраняют свою целостность. И задача коммуны — удовлетворить их потребности. Потребности бывают различными: флейтисту нужна флейта, а гитаристу нужна гитара.

Люди смогут оставаться самими собой во всех отношениях, но при этом они будут обладать равным человеческим достоинством, потому что им будут обеспечены равные возможности — и никаких властей, потому что в них просто не будет нужды.

У нас будут работать лишь функциональные организации, такие как, например, почта. Никто не знает, кто в Индии главный почтмейстер, потому что раз почта работает отлично, то и незачем знать, кто начальник. Это функциональная организация. Или взять железную дорогу — кто вспомнит имя начальника железной дороги? Это тоже функциональная организация. И у нас тоже будут функциональные организации и никакого правительства.

У нас не будет никаких виз, и каждый сможет приехать и остаться сколь угодно долго. У нас не будет паспортов. Мы создадим единственное место на земле, где не будут признаваться ни национальности, ни религии, ни политические границы. И может быть, наш пример докажет и другим, что все это возможно — что это те же самые люди, вышедшие из их же окружения. Нужна лишь совершенно четкая модель.

В общем, волноваться повода нет. Это лишь вопрос нескольких недель... Скоро мы обретем собственное место, я созову всех моих людей, и мы начнем работу. Мы сможем принять какое угодно количество желающих, потому что мы ведь собираемся строить не просто дома, а плавучие дома. В этом отношении океан неограничен, и проблем быть не должно.

Почему обязательно нужна суша? Нужен лишь небольшой ее участок, достаточный для функциональных вещей вроде гостиницы и аэропорта. В остальном же мы можем использовать океан. И законы насчет океана те же, что и везде: двадцать миль от побережья острова или земли принадлежат вам. Так что, мы можем селиться на расстоянии до двадцати миль от острова... И это будет очень подвижное поселение. Все эти лодки будут иметь возможность передвигаться, мы сможем передвигать и дома. Это будет живое общество, не мертвое, не закрепленное, где все остается на своих местах.

Человек еще не пытался жить... ведь вода может стать куда более прекрасной средой обитания. Тут есть свобода передвижения — ведь обычно вы привязаны к своему дому и к земле, на которой он стоит. Вспомните, как делают в Японии: они выращивают целые сады на воде. Они смешивают солому с землей, пускают ее на воду и на таких островках сажают семена; на них можно выращивать розы или вообще какие угодно цветы. Традиция плавучих садов существует в Японии уже не одну тысячу лет; они это умеют делать в совершенстве.

И у нас есть санньясины, которые знают, как построить плавучие сады, так что вы все это тоже увидите. Один санньясин сказал мне, что у него есть друг, ученый, который построил дом под водой, с кондиционером и прочими роскошествами, а на крыше он устроил замечательный сад. То есть, снаружи виден только этот сад, а

сам дом скрыт под водой. И в саду есть дверь, через которую можно попасть в дом.

Этот человек открыл особую водонепроницаемую смесь из клея и цемента. И у него все получилось. Он построил целый дом — теперь это успешный эксперимент. Мы могли бы позвать этого человека к нам и дать ему возможность строить нам дома под водой. И вы представьте как здорово жить в подводном доме. Можно даже сделать его полностью стеклянным, и точно так же, как из обычного дома вы смотрите на небо, из подводного дома можно будет рассматривать мир океана, рыб. Они все такие разноцветные и безумно красивые. Некоторые рыбы даже имеют собственные фонарики. Ночью это выглядит как целая процессия с фонариками — эти рыбы излучают свет.

Я как-то читал об одном человеке, который провел один небольшой опыт, успешный опыт, при котором дома... Если из-за роста населения возможности суши будут снижаться... этот человек построил воздушный дом. Раньше это просто была поговорка такая: строить воздушные замки — то есть, выдумывать что-то нереальное. Но сегодня он может построить настоящие воздушные замки. Нужен лишь очень большой воздушный шар, и внутри него можно устроить хоть целый город — летающий город. Его можно будет направить куда угодно; с него можно запросто отправлять людей на землю.

Просто люди консервативны до мозга костей и поэтому они продолжают поступать так, как поступали всегда. Я надеюсь, что в нашей коммуне мы перепробуем все самое новое и отбросим все представления о том, как надо жить. И мы начнем все заново не только с точки зрения экономики, психологии и духовности, но и в смысле физики — во всех смыслах... свежее и новое, мы построим образец для всей вселенной. У нас будет столько туристов, что нам хватит средств, чтобы прокормит всю коммуну.

И ведь эти японцы, которые пускают вплавь по океану, по рекам, по озерам целые островки — раз они могут выращивать цветы, то могут выращивать и пищу. Это лишь вопрос принятия неизведанного и желания исследовать неизведанное.

Словом, пусть никто из санньясинов на этот счет не волнуется. Через месяц у нас будет наш дом, а еще через год к нам начнет прибывать поселенцы. И вот в чем вся моя идея: если мы не в силах построить коммуну для ста тысяч санньясинов на суше, то мы запросто сможем построить ее в океане. И мы сделаем это!

Вопрос шестой:

Возлюбленный Ошо,

Скажи что-нибудь такое, что помогло бы нам не забывать,

что ты наш друг, и не попадаться в ловушки наших условностей, которые хотят сделать из тебя авторитарную личность.

Все, что я вам говорю, само отвечает на твой вопрос. Откуда этот страх? Я вовсе не авторитарная личность. Я не делаю заявлений, что я едиnorodный сын Божий, что я божественное воплощение или что я мессия, пророк. Каким же образом вы можете сделать из меня авторитарную личность?

Авторитарные личности сами несут ответственность за то, что они стали авторитарными. Никто их специально таковыми не делал. Более того, вся Иудея пыталась вразумить Иисуса Христа: «Никакой ты не едиnorodный сын Божий — перестань нести чепуху!» Но он упорствовал. Он упорствовал так сильно, что всем надоело, и его распяли.

Такие люди сами старались сделаться авторитарными личностями. Но нужно видеть одно небольшое различие: быть авторитарной личностью — это одно, но быть авторитетом — это уже совсем другое. Авторитарный человек заявляет: «Верьте всему, что я говорю, потому что мои слова идут непосредственно от Бога, у меня с ним прямая связь, которой нет у вас. Вам не подобает сомневаться. Сомнение будет наказано — вера будет вознаграждена».

Однако быть авторитетом — это совсем иное дело. Это означает, что все мои слова идут от моего собственного авторитета, мои слова не закованы в кавычки. Говоря, я не представляю Бога, я не представляю Иисуса Христа, Кришну или Будду. Я говорю не как обычный последователь какой-нибудь там уважаемой личности.

Быть авторитетом означает, что я имею собственный опыт и говорю я только исходя из моего собственного опыта. Мой авторитет не требует от вас веры, но требует, чтобы вы задавали вопросы. Но при этом я авторитетно вам заявляю, что вы обретете, потому что я обрел. Я не вижу, почему бы вам не обрести то же самое.

Таким образом, любой, кто говорит исходя из собственного опыта, есть авторитет, но ни в коем случае не авторитарная личность. Такой человек не авторитарен — он просто авторитет. Сомневайтесь в моих словах — вас никто за это не накажет. Верьте моим словам — вам никто за это не воздаст. Нужно лишь искать, следовать по пути и узнавать все самим.

В одном вы можете быть уверены: все, что я вам тут говорю, нигде не позаимствовано — это мой собственный опыт.

Вопрос седьмой:

Возлюбленный Ошо,

Моешь описать нам, какова твоя повседневная жизнь?

Точно такая же, какой она и была всегда! И такой же всегда и

останется. Я никогда ни по чему не скучаю. Даже в тюрьме я был всем доволен, хотя это был совершенно иной мир. За все двенадцать дней я только один раз принял душ! И то только потому, что на этом настояла Вивек. Она встретила со мной в суде и единственное, что она мне говорила, было:

— Ты должен помыться!

Я сказал ей:

— Мне и так хорошо: я лежу на койке и отдыхаю сутки напролет. Выйду — вот тогда и помоюсь как следует за все двенадцать дней — можешь быть уверена!

В тюрьме меня спрашивали... потому что когда меня перевозили из одной тюрьмы в другую, газетчики задавали мне много вопросов. Чаще всего они спрашивали:

— Как вы себя чувствуете?

Я отвечал:

— Превосходно — как и всегда!

И они говорили:

— Но вы же в тюрьме!

Я говорил:

— Меня можно посадить в тюрьму, но заключенным сделать нельзя. Да, мои руки в цепях, мои ноги в оковах, но это не делает из меня заключенного — я просто за всем этим наблюдаю. И кроме того, я уже много лет не отдыхал вот так вот все двадцать четыре часа в сутки, просто лежа с закрытыми глазами.

Даже мои сокамерники все спрашивали меня:

— Бхагван, ты что, заболел?

— Нет, я отлично себя чувствую!

И вот как забавно. Когда я выходил из тюрьмы, начальник тюрьмы сказал мне:

— Никогда в жизни я еще не видел, что человек выходит из тюрьмы в лучшей форме, нежели чем он был, когда его сюда доставили! Вы выглядите хорошенько отдохнувшим!

Я ответил ему:

— Что же еще делать в тюрьме?!

И в этом и состоит все мое мировоззрение: получать лучшее из самого худшего.

Вопрос восьмой:

Возлюбленный Ошо,

Многие индийцы, в частности, снова и снова спрашивают, значит ли, что раз ты только что покончил с раджнишизмом, освободив санньясинов от необходимости носить малу и оранжевые одежды, значит ли это, что рано или поздно ты также отбросишь титул «бхагван»? Это слово многим людям не дает прие-

хоть к тебе.

Этот вопрос поднимался в столько статьях и книгах, выступающих против меня, что хорошо бы разобрать его детально.

Во-первых, «бхагван» — это не титул. Этот титул никто не может дать. Точно так же «бхагван» — это не ученая степень, которую можно получить, сдав какие-то там экзамены. Точно так же «бхагван» — это не должность, на которую вас может назначить какой-либо комитет или группа людей. Точно так же «бхагван» — это не выборный пост, как если бы за вас голосовало большинство и вы бы становились бхагваном.

Все те недоброжелатели, пишущие критические статьи в мой адрес, всегда указывали на то, что я «само-провозглашенный» бхагван. И я все гадаю, неужели же Раму, Кришну, Будду или Магомета провозглашал святыми кто-либо со стороны? Если Раму кто-то провозгласил бхагваном, то вне всяких сомнений этот кто-то был выше Рамы, и кроме того, раз вас кто-то может вознести, то точно также вас можно и низвести.

Какая несусветная чушь! Они не понимают самое основное: «бхагван» — это состояние, опыт — и никакие должности, посты, титулы или степени здесь не при чем.

Это переживание бхагваты, божественности, когда все существование наполняется божественностью, и когда не остается ничего другого, кроме божественности. Бога никакого нет, но зато в каждом цветке, в каждом деревце, в каждом камешке — во всем есть нечто такое, что можно только назвать божественностью. Но увидеть ее можно только тогда, когда вы увидели ее в самих себе, а иначе вы просто не поймете ее языка.

«Бхагван» — это просто состояние, наивысшее состояние, выше которого подняться уже нельзя.

Во-вторых, непонимание среди критиков возникает по той причине, что они не знают, что в Индии существует три религии. Индуизм «бхагваном» называет Бога. Буддизм и джайнизм «бхагваном» называет божественность — в этих двух религиях нет божества. Вот только буддисты испокон веков называли «бхагваном» Будду, а джайны — Махавиру. И вот что странно: никто никогда не замечал им, что раз в вашей философии нет божества, тогда как же вы можете называть Будду или Махавиру богом? Этот вопрос никогда не возникал, потому что ни Будда, ни Махавира никогда не провозглашали себя богами; они оба просто сказали, что познали божественное.

Словом, бхагван — это состояние, и даже если я захочу его отбросить, я просто не смогу. Это же сам я.

Я распустил организацию, в которой появились зачатки рели-

гии. Я предоставил моим санньясинам свободу самим выбирать себе одежду, носить малу или не носить, и так стало еще красивее. Если вы носите малу, то только по вашему выбору; если вы носите оранжевое, то это только по вашему желанию. Ничто вам не навязывается, ничто не идет вразрез с вашей собственной волей.

Нет ничего проще, чем распустить организацию, потому что я всегда выступал против любых организаций. Эта организация создавалась, пока я пребывал в молчании; я ее не создавал. Я приказал вам сжечь все книги по раджнишизму, потому что я эти книги не писал — я вообще никогда ничего не писал. Просто пока я молчал, люди понатаסקали отовсюду мои высказывания и объединили их, руководствуясь своим собственным пониманием, перемешали их со своими идеями, желая придумать что-нибудь такое, что бы не уступало другим религиозным писаниям.

Я приказал вам сжечь все эти книги.

Оранжевые одежды ничего не значат — они просто помогали вам. Мне хотелось, чтобы мои люди обладали достаточным мужеством, чтобы стоять в одиночку перед лицом всего общества. Я дал им малу, чтобы они ассоциировались со мной, со всеми моими идеями, которые направлены против всех религий и политических идеологий. В этом было все дело. Теперь же мои санньясины разошлись по всему миру.

Перестать носить оранжевое и малу — это очень просто. Но теперь вы должны быть более... Я не облегчил вам задачу, помните — наоборот, я ее усложнил. Теперь у вас остается только одна медитация. И теперь только через медитацию в вас будут узнавать санньясинов. Медитация должна изменить вас так сильно, чтобы вы стали фактически другим видом человека; чтобы санньясина легко можно было бы выделить даже в безликой толпе.

От санньясинов будет исходить особое излучение, особая тишина, особый покой. Их выдадут их же глаза, их же тела, их же движения. Я не могу отбросить медитацию, потому что именно она даст вам преображение и однажды приведет вас к бхагавате — божественности. Медитация и есть путь к божественности.

Я не могу отбросить «бхагвана». Я бы с легкостью отбросил его, если бы это был просто титул. Если бы слово «бхагван» означало бы не опыт, не состояние, а что-либо еще, то отбросить его не составило бы никакого труда. Но это невозможно, потому что между мной и этим понятием больше нет никакого различия, так что кто кого будет отбрасывать?

Кроме того, если бы и можно было его отбросить, я все равно не стал бы этого делать. В твоём вопросе ты говоришь: «...потому что многим людям оно не дает приехать к тебе». Вот именно поэтому я и не буду отбрасывать его: я не хочу, чтобы ко мне приезжа-

ли люди, которые не могут приехать только из-за одного слова. И зачем вообще им ко мне ехать? В Индии живут девятьсот миллионов не бхагванов — пускай едут друг к другу в гости.

Зачем им ехать — или даже думать о том, чтобы приехать ко мне? Странно, ведь они могут отправиться куда пожелают — они где угодно найдут миллионы не бхагванов и замечательно могут с ними встретиться. Значит, раз они хотят увидиться со мной, то как раз именно из-за «бхагвана».

Но это ранит их эго. Я не отброшу это слово, потому что я хочу, чтобы они поняли, что мешает им именно их эго. Если хотят приехать, то пусть отбросят свои эго. Придется. Я не стану менять себя только ради того, чтобы они приехали ко мне. Раз они желают увидеть меня, то пусть меняются сами. Мне они здесь не нужны, необходимости в них нет. Это сугубо их личное желание приехать, поэтому пусть заплатят соответствующую цену.

И вообще, странное какое-то требование: я, видите ли, должен измениться, потому что им захотелось со мной повидаться. Если им так этого хочется, то пусть сами и меняются.

Тьма — основа всего бытия

Вопрос первый:

Возлюбленный Ошо,

Что ты можешь сказать о тьме?

Я много могу сказать о тьме, но вот только никто никогда замечал эту тайну, которую собой представляет тьма. Много говорилось о свете, но почти ничего о тьме. Однако тьма — это куда более глубокое явление, нежели свет. Свет приходит и уходит — тьма остается; она никогда не приходит и никогда не уходит. Свет не вечен, потому что он требует топлива, какого бы то ни было, и любое топливо рано или поздно иссякнет. Тьме же никакое топливо не нужно; ему не нужна никакая причина, и посему тьма не есть следствие и следовательно может быть вечно.

Утром вы видите, как встает солнце и приносит с собой свет. Вечером солнце садится, свет исчезает, и внезапно все вокруг погружается во тьму. Но это не значит, что, когда солнце заходит, тьма выходит. Она никуда не уходила — просто пока был свет, тьму вы не видели. Как можно видеть тьму, когда вокруг светло? Свет слепит ваши глаза.

Но в любой миг вы можете закрыть глаза — и вот тьма вернулась. Заглушите свечу — и вот она, тьма.

Гаутама Будда, пожалуй, единственный человек, который для описания наивысшего состояния сознания выбрал слово, которое можно перевести как «тьма». Все остальные религии говорят только о свете, напрочь забывая, что свет не может быть вечен, и следовательно если вы есть свет, то вы не вечны.

Свет всегда от чего-то зависит, его всегда что-то вызывает.

Гаутама Будда назвал состояние своей сущности словом «нирвана». Даже буддисты не думают о нирване, как о тьме, потому что это слово традиционно вызывает в нас нехорошие ассоциации. Но если быть точным, то нирвана означает тьму. Буквально же это слово переводится как «задувание свечи». Поэтому на протяжении двадцати пяти столетий буддисты принимали только его буквальное значение — «задувание свечи». Но что это означает? Если вы

задуете свечу, то что останется? Вечность, бессмертие, бездонная тьма.

Ощущая себя исполненным света, вы можете снова попасться в ловушку эго. Ощувив себя отождествленным со светом, вы можете просто изменить свою личность — но эго-то никуда не денется. Но задувая свечу, вы «задуваете» эго; и тогда огромнейшая тьма создаст в вас не менее огромные просторы для смирения, скромности, неэгоистичности.

Я люблю это слово. Свет всегда представляется мне какой-то помехой, а тьма — она как тишина. Но из-за беспрестанного страха перед тьмой, длящегося веками... все дело в том, что тьма ассоциируется в человеке с теми временами, когда он жил в джунглях. Ночь тогда была самым опасным временем суток. Днем человеку еще кое-как удавалось защитить себя от хищников, он даже сам убивал животных ради пропитания. Но ночью он был совершенно беспомощен. Вокруг непроглядная тьма — он был жертвой. Любой зверь мог запросто прикончить его. Днем бы он мог спастись, вскарабкаться на дерево или еще куда-нибудь, но во тьме он оказывался в лапах дикой смерти.

Так что, ассоциация тьмы со смертью очень понятна. Все религии изображают смерть как тьму, а жизнь как свет. Все это просто пережитки прошлого, когда человек жил в джунглях. Этот опыт сформировал его язык, придал словам особый смысл. И человек до сих пор так и не сумел очистить эти слова, потому что хоть он уже давно покинул джунгли, тем не менее у него все равно есть определенные причины продолжать бояться тьмы.

Когда вокруг светло, то вы не одни, все у вас как на ладони. Но если вдруг свет исчезает, то вы не знаете, есть ли вокруг кто еще или нет; вас гложет одна мысль: вам одиноко. Во тьме вы больше не отождествляете себя с толпой. Толпа обеспечивала вам некоторую безопасность, надежность, тепло, вы чувствовали, что вы не одни. Опасность — вокруг вас так много людей. Но во тьме вы вдруг ни с того ни с сего оказываетесь в уединении — рядом никого.

Человек до сих пор так и не познал красоту уединения. Он вечно ищет каких-то там отношений, вечно хочет быть с кем-то — с другом, отцом, женой, мужем, сыном... с кем-нибудь. Человек создает сообщества, клубы по интересам. Он сформировал партии — политические, идеологические. Он основал религии, построил церкви. Но основная потребность всех людей в том, чтобы как-нибудь забыть о собственном одиночестве. Отождествляясь с толпой, вы пытаетесь забыть то, что всегда выплывает на поверхность во тьме — что вы рождены одинокими, что вы умрете одинокими и что независимо от того, чем вы занимаетесь, живете вы тоже одинокими.

Одиночество, уединение — это нечто настолько естественное для

вашей сущности, что вы попросту не в силах его избежать. Вы можете обманывать себя, лгать себе; можете притворяться, что вы не одиноки — вы женаты, имеете детей, встречаетесь с друзьями, — но все это сплошное притворство. Вам прекрасно известно, как и всем остальным, что ваша жена настолько же одинока, как и вы сами, и если сложить два одиночества, то в целом ситуация от этого не изменится, но наоборот, станет лишь еще хуже.

Причину постоянных ссор между любовниками я вижу в том — и вообще причин может быть миллион, но все они поверхностны, — основная причина ссор в том, что каждый завел себе возлюбленного или любимую только за тем, чтобы таким образом расправиться со своим одиночеством — но ничего этого не случилось. Наоборот, присутствие другого заставляет человека еще острее ощущать свое одиночество.

Раньше у меня был один очень состоятельный друг. У него была замечательная жена, дети... у него было все, что только можно пожелать, идеальные удобства, все настолько прекрасно, что когда я сказал ему: «Тебе ведь уже пятьдесят, денег у тебя предостаточно — иди на пенсию», — он не стал мешкать ни секунды. Он тут же сообщил своим людям, что он больше не занимается делами и уходит на пенсию.

Потом как-то я направлялся к горе Абу и я сказал ему:

— Там так красиво, вы с женой обязательно должны туда съездить. И времени у тебя теперь хватает, раз ты отошел от дел. Поживите там пару недель, а то и месяц.

Он ответил:

— Ты прав, время у нас есть, но ты понятия не имеешь, что ты со мной сделал. Я тоже раньше думал, что вот выйду на пенсию и наконец-то впервые в жизни по-настоящему расслаблюсь. Мой отец умер, когда я был еще совсем юнцом, и с тех самых пор я и работал как лошадь, богатея понемножку. И я верил, что в один прекрасный день, когда я передам все дела и уйду на покой, то меня уже ничто в этом мире не будет беспокоить. И вот ты говоришь мне: «Пришло время — у тебя и так золотые горы. Разве тебе чего-то не хватает? Дочки твои уже замужем, сына у тебя нет — ради кого тогда копить еще богатства? Жить тебе еще лет двадцать-тридцать, и твоих денег на это время тебе будет более чем достаточно. Тебе бы их хватило и на сто лет. Отдыхай!» Я согласился с тобой, потому что в глубине души я всегда только о том и мечтал чтобы выйти на пенсию, и когда ты озвучил мои мечты, я и сказал себе: «Пришло время сойти с этого поезда». Но в результате ты сделал мою жизнь только сложнее. Теперь я совсем одинок. Такого чувства раньше у меня никогда не было. Я так глубоко одинок, что я даже зол на тебя. Как же можно вообще расслабиться в таком-то

одиночестве? И если так и будет продолжаться, то думается мне, что я не протяну двадцать-тридцать лет. Мне становится все холодней и мрачней. У меня такое чувство, будто меня как бы отрезали от всего мира.

Я сказал:

— Но ведь у тебя есть жена.

Он ответил:

— Это еще одна проблема. Раньше в ее обществе мне никогда не было так одиноко, как теперь. Я все время был весь в делах и когда я приходил домой поздно вечером, она всегда нападала на меня, ныла под ухо, донимала всякими вопросами. У нас не было времени, чтобы почувствовать друг друга. Но теперь я весь день сижу дома, и стоит мне глянуть на нее, я сразу понимаю: ей так же одиноко как и мне. И два одиночества друг другу помочь ничем не могут. Наоборот, так одиночество становится еще яснее.

Он сказал:

— Я поеду на гору Абу, но хорошо бы взять с собой приятеля, потому что иначе, жить три недели или три месяца только с женой... — и при этом он любил свою жену — ...это просто выше моих сил.

Я все понял и сказал:

— Ты послушался моего первого совета, и это создало тебе проблему. Но на самом деле проблема эта не появилась только что — она была всегда. Твои дела попросту отвлекали тебя от нее, но теперь тебя больше ничто не отвлекает. Теперь прислушайся же к моему второму совету: иди вглубь одиночества, а не беги прочь. Это твоя реальность, и спастись от нее невозможно. Одиночество — это как твоя тень: чем быстрее ты бежишь, тем быстрее бежит она. Она следует за тобой повсюду. Нет ничего глупее, чем бороться с собственной тенью. Вместо этого лучше просто сядь спокойно и позволь чувству поглотить тебя целиком. Поначалу тебе может быть страшно, тебе может показаться, будто ты падаешь в бездонную пропасть. Все будет так темно, и тебе может показаться, что если пойти еще глубже, то мрак будет лишь сгущаться. Но я говорю тебе из моего собственного опыта, что чем глубже ты познаешь свое одиночество, тем больше ты будешь любить его. Это тайна твоей индивидуальности. В нее никому нет доступа. Это только твое право. И в том чтобы быть наедине с самим собой нет ничего дурного. Только никогда не говори, что тебе «одинок», потому что это автоматически предполагает, что тебе кто-то нужен. «Одиночество» — это болезненное слово. Говори лучше «уединение»; в этом слове изначально заключено здоровье.

Я сказал ему:

— И если ты поймешь все это, то тебе даже не надо будет зани-

маться никакой медитацией, потому что в этом и будет твоя медитация — быть в уединении. Даже если ты окажешься в толпе, все равно помни, что ты наедине с собой — никогда этого не забывай. Ты всю жизнь пытался забыть об этом, так что сейчас помни все время.

Этот человек обладал немалой смелостью. Он попытался, у него получилось, и он был бесконечно мне признателен... потому что как только вы почувствуете, что вы совершенно одни, то в это самое время вы начнете ощущать, что вы — это не тело; что тело — это только оболочка; что вы — это не ум, а ум — это только мыслящее устройство; что вы — это даже не сердце, потому что и сердце — это тоже в некотором роде устройство, выполняющее свои задачи.

За всеми этими слоями в вас есть кристально чистое пространство — еще никто туда не проникал, поэтому его чистота первозданна. Войти в это пространство означает вступить в медитацию. Ощувив свою уединенность, вы ощутите, что все существование тоже уединено.

Нет никакого Бога — он выполнял потребности одиноких людей. Познавший уединенность, оставляет Бога, ад, рай и всю прочую чепуху. Вы одни, все существование одно: уединенность — это ваша единственная реальность.

Да, она неизмеримо темна, но во тьме есть тишина, во тьме есть глубина. Во тьме есть покой, тьма забирает у вас все ваши знания, забирает у вас все, что, как вам казалось, вам принадлежало. Она ведет вас прямо в неизведанное и тайное. Поэтому лично я вижу во тьме одну из величайших загадок существования — куда более таинственную, нежели свет.

Те же, кто боится тьмы, никогда не смогут войти в свою собственную сущность. Они будут ходить вокруг да около, но себя никогда не обретут.

И это должна быть именно тьма, а не свет, потому что свет переходящ. Когда вы отыщете в себе всего одно пятнышко тьмы, вы тем самым откроете нечто вечное, нечто неразрушимое, нечто большее, чем все ваши знания о жизни. Тьма — это основа строения всего бытия. И это просто два разных названия одного явления — тьма и уединенность.

Вопрос второй:

Возлюбленный Ошо,

Больше всего на свете мне хочется, чтобы твое видение стало реальностью. Как я могу помочь твоему видению сбыться, когда я не с тобой, когда я в мире?

Просто будь собой, будь полностью собой.

И не надо думать о том, как можно помочь моему видению

сбыться, потому что именно так появляются миссионеры, а я против миссионерства. Миссионеры — это отравители. Намерения у них самые добрые, им хочется нести в мир то, что им представляется неизмеримо ценным, но миссионер не отдает себе отчета в том, что он пытается перенести в мир отнюдь не свой личный опыт.

Поэтому я хочу ясно дать вам понять: просто будьте собой, и это и станет вашей вестью всему миру, потому что в этом и есть моя весть — быть собой, подлинно и искренне. Тут дело не в том, чтобы кому-нибудь что-нибудь рассказать. Нужно просто быть таким, чтобы видение излучалось из вас... чтобы люди вокруг вас ощутили, что с вами произошло нечто замечательное, что в вас есть нечто такое, чего нет в них... что вы наполнены, а они пусты... что вы можете делиться и при этом ничего не терять, а они при этом всего лишь попрошайки — они не могут отдавать, они могут лишь брать. Но и это тоже вскоре исчезает, потому что то, что они получили, им не принадлежало.

Я не хочу, чтобы мои люди уподобились христианским миссионерам.

Как-то утром, когда я сидел в тюрьме в Америке... Начальник тюрьмы должно быть был убежденным христианином, потому что он принес мне Библию, полагая, что я религиозен. Он сказал:

— Я хочу помолиться за вас и хочу принести вам Божье слово.

И не успел я и словом обмолвиться, как он закрыл глаза и начал громко причитать:

— Иисус любит Бхагвана. Иисус поможет Бхагвану! Иисус спасет Бхагвана!

Я сказал:

— Пойдите! Не так быстро!

Он открыл глаза и спросил:

— Что, что-то не так?

Я сказал:

— Все не так... Иисус даже себя самого спасти не смог! И вы все перепутали с этим своим «Иисус любит Бхагвана». Это неправильно. Надо говорить так: «Бхагван любит Иисуса. Бхагван спасет Иисуса».

Он сказал:

— Я так молился за многих заключенных — о чем вы говорите? Ведь вы в тюрьме; вас нужно спасти!

Я ответил:

— Со мной все в порядке. Весь этот мир — тюрьма, так что какая разница, внутри ты или снаружи? И вы ничего не смыслите в религиозности — вы даже не спросили, согласен ли я, чтобы за меня молились? Молитва посягает на мою сущность. И кому вообще вы молитесь? У меня нет никакого бога, поэтому все ваши молит-

вы — пустая болтовня. Кроме того, я не думаю, что Иисус или кто-то там еще могут кого-либо спасти. С тебя вполне достаточно, если ты в состоянии спасти самого себя. Вы начали молиться, не спросив меня! И кто вам вообще сказал, что эта книга — это Божье слово?

Он сказал:

— Это там написано.

Я сказал:

— Но ведь то же самое написано и в других книгах. То же самое написано в Ведах, и индуисты верят, что Веды написал сам Бог. То же самое написано и в Гите, потому что индуисты верят, что Гиту написал лично воплощенный Бог. Мусульмане убеждены, что слово Божье — это Коран. На основании каких доводов вы решаете, кто из них прав? Я тоже могу написать книгу и объявить: «Это слово Божье». Вы поверите этому просто потому, что там так написано?

Он немного помолчал и затем сказал:

— Я подумаю и потом вернусь. Потому что мне казалось... Я миссионер и в моей тюрьме всегда так или иначе сидят пятьсот заключенных. Так что я читал им проповеди и помогал им становиться настоящими христианами.

Я спросил:

— А вы настоящий христианин? А Иисус Христос был настоящим христианином? И что вообще вы имеете в виду, говоря «настоящий христианин»? Иисус никогда не поступал по-христиански. Это был очень злобный человек. Он говорил своим ученикам любить своих врагов, но при этом он запросто мог проклясть смоковницу. Она не виновата, что не плодоносит в не сезон! Но в ярости он проклинает ее, потому что она не угостила его и его учеников своими плодами. Скажите мне, в чем бала виновата несчастная смоковница? И вы считаете, что этот человек вел себя по-христиански? И по-вашему, этот человек был способен любить своих врагов? Он не способен полюбить даже простую смоковницу, которая вообще никому никакого зла не причинила. Она дает плоды, когда приходит время, но тогда был не сезон, и ее вины в этом нет! Это был просто безумец какой-то! И вы еще несете его слово. Вы хоть сами пытались жить по его слову? Попробуйте — по-моему, это будет правильно. Если вас ударят по одной щеке, вы подставите другую. Хотите, я попробую? Хотите, ударю вас по одной щеке, а вы подставите мне другую? Но только я хотел бы сделать это перед всеми вашими пятью сотнями заключенных.

Он сказал:

— Вы опасный человек!

— Я не опасный человек. Я просто говорю, что быть миссионе-

ром — это безобразно. Вы таким образом пытаетесь влезть в чужую жизнь, в чужие мысли, в чужое существование, даже не опробовав на себе все, что вы говорите другим. И вот что я думаю: если вы попробуете сами так жить, то вам и не нужно будет ничего никому нести — ваша весть разнесется сама по себе.

Так что, я повторю: просто будьте собой. Будьте медитативными, будьте любвеобильными, будьте уважительными, принимайте всех и не делайте оценок. И тогда нечто такое начнет само сочиться из вас, и это и будет моя весть. Эта весть не будет состоять просто из пустых слов, но будет полна значения и будет излучать особый аромат.

Вопрос третий:

Возлюбленный Ошо,

Находясь далеко от тебя, я часто ощущаю твою близость. Но увидев тебя снова, я иногда с изумлением обнаруживаю, что мы как бы чужие. Как так может быть?

Очень просто ощущать близость, когда вы далеко, потому что тогда я не нахожусь рядом с вами, и вы видите меня лишь при помощи вашего воображения. При этом, естественно, вы очень близки к вашему воображению и можете вертеть им как угодно. Можете оформить его в собственные представления — ведь это же ваше воображение — и вы непременно будете с ним очень близки.

Однако когда вы приезжаете ко мне, вам приходится расставаться с воображением. И когда воображение уходит, то в ту же секунду в вас появляется новое чувство: «Мы как будто чужие». Ваше воображение не было вам чужим — оно было исконно вашим. Но для меня вы чужие.

Все мы чужие друг другу. Всеми способами мы стараемся отбросить эту чуждость; вот откуда берутся все ритуалы. Мужчина женится на женщине... Что такое брак? Обычный ритуал. Но зачем он нужен? Он нужен за тем, чтобы люди могли забыть про свою чуждость и каким-то образом установить связь друг с другом. Однако эта связь так никогда и не устанавливается — им лишь кажется... теперь они муж и жена. Но они по-прежнему чужие. Они проживут вместе всю жизнь, но так и будут чужими друг другу, потому что никому не дано проникнуть в уединенность другого.

Можно перестать быть чужим только в том случае, если вам удастся проникнуть в мою уединенность, или мне удастся проникнуть в вашу уединенность — но только это невозможно, экзистенциально невозможно. Мы можем лишь максимально приблизиться друг к другу, но чем ближе мы становимся, тем глубже мы ощущаем нашу уединенность, потому что так нам проще будет увидеть,

что «я его не знаю и никогда, похоже, не узнаю».

Это общеизвестно, что влюбляясь в человека, вы не влюбляетесь в настоящего человека — вы влюбляетесь в человека из вашего воображения. И пока вы еще не вместе, вы смотрите на него в театре или болтаете с ним пару минут на пляже или держитесь за руки в кинозале и начинаете думать: «Мы созданы друг для друга». Но никто ни для кого не создан. Тем самым, бессознательно, вы все плотнее и плотнее заворачиваете его в собственное воображение.

Вы создаете вокруг вашего избранника какой-то ореол, а он в ответ создает ореол вокруг вас. Все вам кажется таким прекрасным, потому что вы сами делаете все прекрасным, потому что, забывшись в мечтах, вы уклоняетесь от реальности. И вы оба всеми силами пытаетесь не развенчивать изображение другого.

Женщина ведет себя так, как того хочет мужчина; мужчина ведет себя в соответствии с пожеланиями женщины. Но так может продолжаться лишь несколько минут или пару часов, от силы. Когда вы поженитесь, вам придется жить вместе сутки напролет, и притворяться кем-то, кем вы не являетесь, будет невероятно тяжело.

До каких пор один человек будет в силах удовлетворять воображение другого? Рано или поздно вам станет так тяжело, что вы начнете мстить. Вы начнете разрушать весь тот ореол, которым вас наделил ваш супруг, потому что вам не хочется больше быть в заключении; вам хочется освободиться и быть собой. И то же самое произойдет и с мужчиной — он тоже хочет освободиться и быть просто собой. В этом и состоит постоянный конфликт между всеми супругами, во всех отношениях.

Реальность в том, что мы одиноки, что мы чужие друг другу, и этот мир будет гораздо лучше, если мы смиримся с этой основополагающей истиной — что все мы странники.

И что такого страшного в том, чтобы любить странника? Почему обязательно должно быть так, что прежде чем полюбить незнакомого человека, нужно разрушить всю его чуждость? Нужно узнать, какой он касты, какой национальности, в какого бога он верит, кто он по гороскопу, когда он родился, в какой день, в какое время. Все это нужно чтобы рассеять неизвестность и создать какую-то иллюзию, что вы вовсе не чужие друг другу. Но ни одна иллюзия не выстоит перед реальностью. Рано или поздно реальность снесет все со своего пути.

Так что, помните: находясь вдалеке от меня, вы вольны думать обо мне что угодно, потому что в таком случае реальность моего существования никоим образом вам не помешает — ваше воображение ничем не будет ограничено. Но придя сюда, вы вынуждены забывать про свое воображение, и без налета воображения мы тут же

становимся чужими.

Мы можем помнить, как кого зовут, мы можем давно знать наши лица, но все это не имеет никакого значения. Наши сущности спрятаны в нас так глубоко, что ни в коем случае я не могу коснуться чьей-либо сущности или увидеть ее — но именно в ней и заключается вся чуждость. Но при этом я не вижу во всем этом никакой трагедии; наоборот, по-моему, это чистое благо.

Если бы мы не были чужими друг другу, то мы бы были просто роботами, механизмами. Наша чуждость придает нам индивидуальность, уникальность. И именно потому, что в нее никому не дано проникнуть, у вас есть сила и достоинство.

Но человечество живет всевозможными иллюзиями, во всем. Моя же задача состоит в том, чтобы как раз научить вас жить без иллюзий, жить с реальностью как она есть. Только так вы не будете разочарованы, только так вы не будете несчастны, только так вы не будете напряжены и взволнованы, потому что в таком случае вы смиритесь с тем, что все мы друг другу чужие.

Общество не любит чужаков. Общество хочет, чтобы все были одинаковыми, потому что общество боится незнакомцев. Даже при случайных встречах — например, в поезде...

В течение двадцати лет я без конца находился в разъездах, и иногда кто-нибудь ехал вместе со мной в одном купе. Первым делом мои соседи всегда спрашивали:

— Как вас зовут? Откуда вы едете? И куда? А чем вы занимаетесь?

Поначалу я удивлялся: почему кого-то все это должно волновать? Так что я стал... еще до того как мой сосед успевал раскрыть рот. Я входил в купе и сразу же говорил:

— Меня зовут так-то, моего отца зовут так-то, моего дедушку зовут так-то, я занимаюсь тем-то, еду я туда-то и оттуда-то...

И мой попутчик сразу же слегка пугался и спрашивал:

— Зачем вы все это мне говорите?

Я отвечал:

— Потому что рано или поздно вы бы об этом спросили. Так что давайте сразу разберемся. У вас есть еще вопросы? Потому что если нет, то дальше я буду молчать. Нам предстоит быть вместе целые сутки, так что я должен сказать все, что вам хочется знать.

И затем я замолкал и просто наблюдал за соседом. Это было еще то веселье! Он весь начинал ерзать, крутиться и вертеться, залезать в свой чемодан — просто так, без причины! Он это знал, я это знал — ему ничего там не было нужно. Закрыв чемодан, он хватался за какую-нибудь книгу — но не читал, а просто смотрел в нее. Затем откладывал книгу в сторону, звал слугу, вставал, бежал в туалет...

Что-то ему не давало покоя: «Странный этот тип. Ты его еще ничего не спросил, а он сразу давай выкладывать, как зовут его папашу, его дедушку, чем они занимались, и сколько у них было братьев, и сколько у него братьев, сколько сестер, кто замужем, а кто нет...»

Незнакомец после такого представления становился еще более чужим. И теперь вот он молча сидит и смотрит на тебя; и нужно что-то делать, потому что просто сидеть — как-то глупо...

Потом я выходил и говорил проводнику:

— Скоро мой сосед позовет вас и скажет, что желает пересест в другое купе. Скажите ему, что свободных мест нет.

И я путешествовал так часто, что меня знали почти все проводники. Все они говорили:

— Но зачем вы уже в который раз опять не даете человеку спокойно ехать? Теперь у него впереди целые сутки кошмара. Он не сможет спать, не сможет просто сидеть, он ничего не сможет делать!

Я отвечал:

— Пусть кое-что для себя уяснит.

И мой сосед поступал именно так, как я и говорил. Он звонил в колокольчик, вызывал проводника и говорил ему, что хочет пересест. И проводник отвечал:

— Других свободных мест нет. Но почему вам хочется пересест?

На он не мог объяснить, почему он хочет пересест.

— Ваш сосед мешает вам? Он что-нибудь вам сделал? Он пристает к вам или что?

И мой сосед отвечал:

— Ничего он не делал. Просто как-то здесь неуютно.

Встречаясь, люди стараются установить какую-то связь друг с другом, потому что иначе очень сложно.

Однажды в Бомбее, когда я вошел в свое купе... Там уже сидел мой попутчик и он видел, что сотни людей пришли на вокзал проводить меня, и поэтому он решил, что я наверняка индуистский святой, потому что люди на перроне выглядели как индуисты. В общем, он просто прилип к моим ногам. Я помог ему подняться и сказал ему:

— Вы ошиблись. Я мусульманин.

Он вскричал:

— Мусульманин?! И я коснулся ваших ног!

Я сказал:

— Но вы даже не дали мне возможности... вы сразу же напрыгнули на меня и схватили меня за ноги!

— Нет, — засомневался он, — вы не мусульманин, вы просто пошутили!

— С чего бы это мне шутить? Вы думаете, что религия — это шутка? Религия — это не шутка, это серьезное дело. Это все очень серьезно.

Он сказал:

— Но те люди, провожавшие вас, они ведь все были индуистами.

Я сказал:

— Да, у меня есть почитатели и среди индуистов. Но у меня же лицо мусульманина, разве вы сами не видите?

Он сказал:

— Похоже на то. Теперь мне придется пойти мыться, ведь я брамин, бенгальский брамин. Я никогда в жизни еще не касался ног мусульманина — и вот я коснулся ваших ног!

— Нужно мыться — идите мойтесь.

И он ушел мыться и вскоре вернулся. И я сразу же сказал:

— Я пошутил! Я и в самом деле индуистский святой. Но что же вы за брамин такой, что не можете узнать святого?

И он тут же снова упал к моим ногам, и я сказал ему:

— Теперь вам опять придется идти мыться!

Мой сосед закричал:

— Вы сведете меня с ума! Скажите честно, кто вы на самом деле?

Я сказал:

— Ну раз уж вы спросили, то на самом деле я не знаю, потому что родился я без каких-либо опознавательных знаков — ни индуистских, ни мусульманских, ни христианских, — поэтому если говорить с точки зрения реальности, то я не знаю. Но с точки зрения социальных условностей, я — мусульманин.

Ночь была холодной, но ему пришлось пойти и еще раз помыться. Пока его не было в купе зашел проводник и сказал:

— Ну хватит вам уже! Он же концы отдаст! Вы всю ночь его продержите в душевой?

Я сказал:

— Я его там не держу, у меня есть дела поважнее. Но скажите мне, если уж на то пошло, почему ему так хочется коснуться моих ног? Я даже не просил его.

И когда он вернулся, бормоча какую-то мантру и пытаясь не смотреть на меня, я сказал:

— Не уклоняйтесь! Мне пришлось вынудить вас помыться два раза, потому что я разрешаю людям касаться моих ног только после того, как они два раза помоются. Я — не обычный святой.

— Боже мой! — воскликнул он. — Но что же вы молчали? Я бы сразу пошел и помылся два раза и не мучался бы так страшно от того, что я коснулся ног мусульманина.

Я сказал:

— Теперь вы спокойно можете их касаться.

Он замялся. Я сказал:

— Если вам сомневаетесь, не надо касаться, потому что это все вопрос веры. Вы можете касаться моих ног, только если вы по-настоящему верите, только если вы подлинный брамин.

Он сказал:

— Я подлинный брамин и я верю и я поверил в вас с самого начала. Я сразу же коснулся ваших ног и коснусь снова. — И он снова упал на пол.

Тогда я рассмеялся.

Он испугался:

— Почему вы смеетесь?!

Я сказал:

— Ох, не спрашивайте, потому что иначе вам придется идти мыться в третий раз, а ночь выдалась холодной. Просто накройтесь получше одеялом и ложитесь себе спать.

Он завопил:

— Вы прикончите меня!

Я сказал:

— Я ничего не делаю. Я просто сижу. Вы сами тут устроили возню — сначала трогаете меня за ноги, потом идете моетесь. Что вам, собственно, от меня нужно?

Миллионы раз я сталкивался с тем, что люди все время стараются узнать, кто ты такой. Это дает им некоторого рода утешение, что ты не чужой — ты индуист, ты мусульманин, ты брамин... Так они утешают себя в том, что им что-то о тебе известно. Но реальность состоит в том, что никто на самом деле не брамин, не мусульманин и не индуист. И не то чтобы я один вам чужой — все мы друг другу чужие.

В нашем воображении мы создаем о людях всевозможные представления. Но рано или поздно все эти представления будут стерты. Им не выстоять против напора реальности.

Так что, твой вопрос — это точное описание реального положения вещей. Вдалеке от меня вы ощущаете близость, чувствуете, что хорошо меня знаете, потому что все это просто плод вашего воображения. Но рядом со мной так продолжаться не может. Здесь вам приходится быть начеку и отложить в сторону все воображение и смотреть на меня, чего бы это ни стоило, независимо от того, окажусь ли я вдруг чужим... Именно так и будет.

Но мой опыт говорит, что наша чуждость друг другу — это одна из красот жизни, и мы никак не можем изменить действительность. Это замечательно, когда вас любят незнакомые люди, как вы дру-

жите с незнакомыми людьми, когда весь мир населен только незнакомцами. Так весь мир становится загадкой — и он и есть загадка. Умом мы постоянно пытаемся снять с мира его загадочность, но у нас ничего не получится. Победить реальность нереально. И очень полезно сразу понимать всю ошибочность ума, чтобы потом, когда вы будете далеко, вы не позволяли бы вашему воображению и вашему уму играть с вами. Так вы не поддадитесь мечтаньям, но сохраните ясное понимание, что чуждость — это естественно. Мы умеем лишь лепить ярлыки.

В Индии был один очень известный человек, Махатма Бхавандин. В Индии только двух людей звали махатмами: Ганди и Бхавандина. «Махатма» означает «великая душа».

Бхавандин очень меня любил. Оказываясь поблизости, он всегда у меня останавливался. Это был очень осведомленный человек. Он был уже стар — семьдесят пять, восемьдесят... он знал все на свете — великий знаток, причем таких странных вещей, что вам бы и в голову никогда не пришло...

По утрам я брал его с собой погулять, и он сразу же начинал расписывать мне каждый цветок по пути — его название, его название на латыни, его свойства, его медицинское предназначение... все-все-все. Говорил он так много, что портил мне всю прогулку. Так что, однажды я сказал ему:

— Неужели вы полагаете, что, зная название цветка на латыни, вы узнаете сам цветок? Неужели вы полагаете, что, зная медицинские свойства цветка, вы узнаете сам цветок? Неужели вам кажется, что художник, глядя на этот цветок, будет думать о чем-то еще, кроме как о его окраске? Но даже если вы и знаете его латинское название и знаете все его оттенки, знаете, как и что им можно лечить, и вообще знаете все что только можно знать о цветке, все равно цветок остается неизведанной реальностью. Он таинственен. Само его существование — уже тайна. Его благоухания — загадка. Откуда он взялся, зачем он нужен существованию — этого нам не узнать. Какая-то потребность в нем есть, потому что без него существование было бы меньше, оно было бы не столь полным. Нам никогда не узнать связь между цветком и существованием, и в этом и есть его реальность. Он всегда останется лишь загадочным явлением. Так почему бы не оставить его таковым?

Однажды Пикассо рисовал не берегу моря. Битых два часа за его работой наблюдал один человек. Два часа — это немалое время, когда речь идет о наблюдении за чужим рисованием. В конце концов, его терпение иссякло, и он спросил Пикассо:

— Не хочу вас отвлекать, но я уже два часа все жду, когда вы на мгновение отложите кисть, чтобы задать вам один вопрос: что вы

такое пишете? Я смотрел два часа, но так и не смог понять.

Пикассо ответил:

— Странно! Разве кто-нибудь спрашивает природу: «Зачем тебе нужны эти горы или зачем тебе этот океан? Что это все значит? Зачем тебе еще столько птиц, цветов, людей? Что ты хочешь этим сказать?» И я же всего лишь несчастный художник: я пишу что-то одно свое на крохотном клочке холста, и весь мир наваливается мне на голову и спрашивает: «Что это значит?» Но почему это непременно должно что-нибудь значить?

Зевака сказал:

— Я не хотел вас обидеть.

Пикассо ответил:

— Вы меня не обидели. Просто мне кажется, что люди решили, будто у всего есть значение, и всем все должно быть известно. Я понятия не имею, что это такое, но мне нравилось это писать. Я так и понимаю, что я написал, но я безмерно рад, что я это написал. Я вынашивал эту идею несколько дней. Я носил в себе все эти краски, которые сейчас вот перенес на холст. Я не знаю, зачем это все, но и не хочу знать.

И это очень важный момент, который необходимо понять: почему мы обязательно должны знать друг друга?

Когда я учился в университете, у них там два раза в год устраивались встречи под названием «Узнаем друг друга лучше». Я никогда на них не ходил. Проректор как-то спросил меня:

— Почему ты никогда не приходишь на «Узнаем друг друга лучше»?

Я ответил:

— Потому что я уверен в том, что узнать нельзя ничего. Так что вся эта ерунда по поводу «узнать друг друга» — это чистая потра-та времени. Я лучше пойду погуляю в горы или спущусь к реке. Почему обязательно надо узнавать друг друга? Что вы хотите узнать?

В этом смысле я очень уважаю поэтов, художников, музыкантов, танцовщиков. Нельзя же спросить танцора: «Что это значит?» Можно радоваться танцу, можно любить танец, можно танцевать вместе, но нельзя спрашивать «что это значит». Он останется тайной, но все самое лучшее в искусстве, в музыке, в литературе, в философии, в религии — тайна.

И я хочу подарить моим санньясинам все тайны жизни.

Сила истины

Вопрос первый:

Возлюбленный Ошо,

Ты протекаешь через меня с невероятной силой и свежестью одновременно. Откуда у меня такая потребность защищать тебя?

В этом заключается один из самых фундаментальных законов жизни, что все высшее чрезвычайно уязвимо. Корни дерева очень сильные, в отличие от его цветов. Цветы дерева уязвимы — достаточно лишь подуть сильному ветру, и цветы погибнут.

То же самое справедливо и в отношении человеческого сознания. Ненависть очень сильна в отличие от любви. Любовь — она как цветок: ее запросто раздавит камень, сожрет дикий зверь. И когда вы достигаете высот сознания, в вас начинает цвести наивысшее, то, что мы называем просветлением, и это самый уязвимый цветок во всей вселенной.

И при этом вы ощутите любовь, огромное сострадание, за каждым моим словом или движением вы увидите силу. Эта сила происходит от того, что я сам и все мои слова — все это мой собственный опыт. Я — сам себе авторитет. Я не заключен в кавычки.

Сила, которую вы ощущаете, — это сила истины.

Цветок, танцующий на ветру, не кажется слабым. И на солнце, и под дождем в нем видна невероятная сила. Эти две особенности могут показаться противоречащими одна другой, но на самом деле противоречия здесь нет. Цветок получает силу из своих корней, из земли. Сила течет к цветку — это в него втекает его же собственный сок. Цветок ни у кого не одалживал его — он принадлежит только ему.

И поэтому он может танцевать на ветру, под дождем, на солнце; но с другой стороны, поскольку цветок есть наивысшее выражение сущности растения, он уязвим. Даже со всей его силой уничтожить его очень просто.

Представьте, как Сократ беседует с жителями Афин. За каждым его словом стоит чудовищная сила — человек в одиночку стоит

против всего мира. Но мы не видим слабости. Он не боится. Его сила влияет даже на судий, потому что ни один человек, говорящий заимствованную истину, не будет говорить с такой уверенностью.

Верховному судье Сократ сказал:

— Ты можешь убить меня, но помни: твое имя войдет в историю только за один этот поступок — за то что ты решился убить Сократа. Больше тебе нечего предложить. И все эти судьи, и все эти люди, которые будут решать мою судьбу, будут забыты, как если бы они вообще никогда не появлялись на свет. Можешь убить меня, но тебе не убить мой дух.

Ему был вынесен смертный приговор, но все присутствовавшие вне всяких сомнений были впечатлены его словами, потому что им нечего было противопоставить; Сократ говорил так ясно, так истинно, и опровергнуть его было невозможно — он всегда выходил правым в суде. Все же, раз это была демократия, то истина была решена большинством голосов. И те идиоты, которых было большинство, так даже и не поняли, о чем говорил Сократ. Его слова пролетели мимо их ушей.

Возможно, что именно поэтому они и решили отравить его, как это было принято в Греции. Они не могли терпеть человека, который так далеко ушел от них и так высоко поднялся над ними. Его красота, его истина, его честность — от всего этого они ощущали себя неполноценными. Он был сильнее толпы, которая и решила его участь.

Посмотрите, какая сила. Судьи были впечатлены такой силой. Им пришлось уступить большинству, но они выдвинули несколько условий, чтобы как-то помочь Сократу. Они сказали:

— Если большинство решит напоить тебя ядом, то тут мы уже ничего не можем поделать. Но у нас есть несколько других предложений — это в нашей власти. Во-первых, ты покинешь Афины и поклянешься никогда не возвращаться.

Сократ сказал:

— Это невозможно, потому что где бы я ни оказался, везде меня будет ждать одно и то же. — К тому же афинская цивилизация и ее культура в то время находились в самом расцвете. Вполне возможно, что ни один другой город никогда больше не поднимался до таких высот. — Если Афины не могут терпеть меня, то я не думаю, что это под силу другому городу. Если вы прогоните меня, то кто примет меня? И я не хочу уходить из Афин — я люблю этот город, я люблю его молодость, я люблю здесь тех немногих умных людей, которые могут понять меня. Меня не беспокоит толпа, я думаю о тех избранных, с которыми у меня есть душевная связь. Нет, я не уйду из Афин. Это будет хуже смерти.

Тогда судьи сказали:

— Есть еще одно предложение: ты остаешься в Афинах, но перестаешь говорить, перестаешь учить.

И тут Сократ впервые за время всего процесса рассмеялся. Он сказал:

— Ваши просьбы становятся все более нелепыми. Кем будет Сократ без его учения? Кем будет Сократ без истины? В этом вся моя жизнь, вся моя суть. Пожалуйста, не надо мне вашего снисхождения — смерть куда более достойное решение, чем уступки и компромиссы со всем, что противоречит моему сердцу.

И он принял смерть. Хотя у него были другие варианты.

Несомненно, в этом человеке присутствует сила, невероятная мощь. Но всего одна чаша яда смогла погубить его, потому что яду безразлично, кто его пьет — тупица или сам Сократ. Перед ядом Сократ оказался уязвим.

Так что, эти два явления не противоречат друг другу.

Вы чувствуете мою любовь, вы чувствуете мою силу — так и есть. Я могу выступить один против всего мира... на самом деле, именно этим я всю жизнь и занимался. Но те, кто обладает чувствительным сердцем, определенно увидят и мою уязвимость. Для меня достаточно одной пули. Пуля не увидит, убивает ли она зверя, глупца или будду.

Поэтому мысль о защите меня возникла в тебе в силу этой второй причины. Все мои санньясины чувствуют то же самое. Они чувствуют одновременно и мою силу и мою уязвимость. Мои санньясины по всему миру задают себе тот же самый вопрос: «Если в этом человеке заключена такая сила, то зачем волноваться о его безопасности?»

Сила идет из одного источника, а опасность смерти такого человека — из другого. Противоречия здесь нет.

Это в порядке вещей, что санньясины делают все возможное, чтобы огородить меня; просто им известно, что пламени свечи хватит силы, чтобы осветить целую комнату, но при этом оно так беспомощно: стоит только распахнуть окно, и ветер тут же задует его.

Противоречия здесь нет. Это два явления, имеющие разные причины.

Вопрос второй:

Возлюбленный Ошо,

Стирать твои одежды, готовить тебе еду, помогать тем, кто приходит к тебе с вопросами, нести твою весть в самые дальние уголки мира; находясь в тысячах километров от тебя, жаждать лишь коротко взглянуть на тебя — почему все это так мне дорого? Почему тайна этого ночного неба, наполненного тобой, так ценна?

Когда вы чувствуете нечто подлинное в этом абсолютно неискреннем мире; когда вы чувствуете нечто, настолько же чистое как любовь, в этом мире, где даже любовь нечиста, где нельзя найти ничего, что бы было достойно людей... И вот внезапно вы встречаетесь с человеком словно с другой планеты, говорящим на другом языке, указывающий пути к звездам, изо всех сил пытающийся помочь вам, без всякой причины — просто потому что ему нравится помогать людям достигать звезд.

Естественно, вам доставит огромную радость все, что вы делаете для такого человека, даже самая мелочь. Что именно вы для него делаете — не важно.

Мне вспоминается один случай из жизни Гаутамы Будды. Его старший двоюродный брат захотел принять посвящение, но прежде он сказал Будде:

— Послушай, Сиддхартха, — это была фамилия Будды, — перед тем как я приму посвящение, я хочу, чтобы ты выполнил несколько условий, потому что после посвящения я уже ничего не смогу тебе сказать — тогда ты уже будешь мастером, а я просто тенью. Поэтому давай разберемся со всем этим до посвящения, потому что пока я еще твой старший брат, а ты мой младший. — В Индии, по традиции, старших нужно уважать.

Будда спросил:

— Что это за условия?

Тот ответил:

— Да ничего особенного... так, мелочь. Первое: я всегда буду рядом с тобой. Так что ты не сможешь, посвятив меня, сказать: «Ананда, отправляйся туда-то и неси мою весть». Нет уж, я буду с тобой, так что помни об этом после посвящения. Это совершенно... ведь я хочу стирать твои одежды, я хочу ухаживать за твоим телом, я хочу массировать твои ноги после долгих переходов от одной деревни к другой. Я хочу проследить, чтобы тебе хватало хорошей пищи. Я хочу быть уверенным, что ты не замерзнешь в прохладную ночь, и что в жаркие дни ты не будешь сидеть в душном помещении. В общем, такая мелочь. Я и не для себя это прошу. Второе условие: ты не сможешь отказаться встретиться с людьми, с которыми я захочу, чтобы ты встретился. Пусть даже посреди ночи... и это ведь тоже не для меня, потому что ради встречи с тобой люди проходят тысячи верст, неся с собой огромную любовь, желая просто припасть к твоим ногам и послушать тебя, желая просто посмотреть на тебя, чтобы поверить в существование такого человека. Я не могу им отказать. Но твои охранники кажутся мне слишком уж суровыми. И третье условие: с кем бы ты ни говорил, я всегда буду рядом. Никто не сможет сказать, что ему хочется поговорить с тобой наедине. И это тоже не для меня, потому что

чем дальше весть о тебе идет по миру, тем больше к тебе будут приходить друзья и преданных — но тем больше ты будешь наживать себе врагов. Я не хочу оставлять тебя в одиночестве — ведь кто знает? Твой гость может быть недругом. Ты так уязвим, что убить тебя раз плюнуть. Следовать за тобой сложно, но расправиться — очень просто, потому что, следуя за тобой, человек должен расправиться со своим эго, а это весьма нелегко, но убить тебя... такого изящного и утонченного человека. Я не оставляю тебя одного ни с кем, без исключений.

В Индии когда старший брат просит нечто подобное — или вообще что угодно, — младший брат безоговорочно все принимает. И Будда просто от души рассмеялся. Он сказал:

— Отлично! Твои условия приняты.

И только однажды, за все сорок два года, проведенных в обществе Ананды, Будда был вынужден просить его уступить ему по поводу одного из условий, потому что он пошел в свой дворец, который оставил двенадцать лет назад, чтобы увидеться со своей женой. Будда сказал:

— Я ее знаю: она очень гордая женщина. Перед тобой она и слезы не проронит. И меня она тогда встретит, как если бы я просто пожаловал на день по делам. Но все двенадцать лет она наверняка вся кипела внутри от злости. И не потому, что я ушел от нее... ведь я отлично ее знаю. Она не может злиться по этому поводу. Я знаю ее характер. Ее предки были воинами, и каждую девочку в ее семье с детства приучали, что ее муж однажды уйдет на войну, и что она не должна будет лить слезы, чтобы они не стали на пути у мужа. Она должна будет лишь припасть к его ногам и отпустить в полной уверенности, что он не оставляет дома рыдающую жену. Так что, дело не в том, что я ушел. Проблема в том — я отлично это знаю, — что я не сообщил ей о моем уходе, я не доверился ей. От этого она страдает, и твое присутствие не позволит ей раскрыться и выложить начисто все то, что она накопила за эти двенадцать лет.

И Ананда сказал:

— Я понимаю. Ради нее я сделаю исключение.

И все так и случилось. Когда Будда пришел к жене, первым делом она сказала ему:

— Поиск истины тут не при чем — на самом деле, я только горжусь, тем что мой муж ищет истину и что он всю жизнь посвятил истине. Мне больно вот отчего: почему ты ничего мне не сказал? Неужели ты думаешь, что я бы остановила тебя? Все двенадцать лет я жила с этой болью, потому что ты не доверился мне. Я очень боялась, что Ананда, твой вечный спутник, придет с тобой, и что я в таком случае не смогу сказать тебе все это — ведь он не только

твой старший брат, но и мой тоже, по родству. Я бы не смогла все это сказать. Я очень благодарна тебе, за то что ты пришел один.

Когда Будда покинул свой дом, его сын был всего одного дня отроду. Он появился на свет всего за двадцать четыре часа, до того как Будда исчез. И вот теперь жена привела его двенадцатилетнего сына и сказала:

— Он все время твердит, что хочет увидеть своего отца, узнать как он выглядит, и почему весь мир говорит про него — либо хорошее, либо плохое, — и почему он никак не идет домой. Вот он, твой сын, и я хочу, чтобы ты дал ему свое наследство. Что ты можешь оставить своему сыну?

У Будды была только одна его чаша для подаяния. Он протянул ее сыну, которого звали Рахул, и посвятил его в санньясу. И тогда жена Будды зарыдала, упала к его ногам и сказала:

— Только ты способен на такое. Откуда у тебя такая сила! Ты оставил меня, не говоря ни слова, ты оставил своего новорожденного сына. И теперь в наследство ребенку ты даешь чашу для подаяния! Ни один отец еще не поступал так с собственным сыном. Ты делаешь из него нищего! Но я счастлива быть рядом с таким сильным человеком. Прошу тебя, посвяти и меня, посвяти и своего отца — он уже стар и все двенадцать лет он ждал тебя. Он очень зол. Ты его единственный сын. Кто сядет на его трон после его смерти? Но прошу тебя, не обращай внимания на его слова — он убьет тебя, хоть он и расвирепееет и наорет на тебя.

Будда сказал:

— Об этом не беспокойся. Я знаю его.

И его отец закричал от злости:

— Ты предал всех нас!

Но Будда только тихо слушал. Когда отец закончил, Будда лишь сказал:

— Будь добр, посмотри мне в глаза, посмотри на мое лицо. Неужели ты не видишь, что не я бежал тогда из дворца? Ты злишься на другого человека, но почему-то выливаешь свою злобу на меня. Я уже не тот — тот человек давно умер.

И отец Будды взгляделся в его лицо, посмотрел ему прямо в глаза. На некоторое время воцарилась тишина. Затем он сказал:

— Да, ты прав. Ты изменился. Ты теперь другой человек, ты полностью преобразен. Я уже одной ногой в могиле, но все же могут ли и мои глаза тоже стать такими? Не поздно ли уже для меня обрести такую же силу? Помоги мне, помоги старику, который в любую минуту может отдать концы.

И отец Будды тоже стал санньясином.

Все, кто жил возле Будды, знали его силу, но в то же время оберегали его как могли. Человеку со стороны сложно будет это по-

нять.

И то же самое происходит между мной и вами. Людям извне очень сложно, почти невозможно осознать, почему вы так оберегаете меня. Им просто непонятно, и это не их вина. В их жизни они еще не встречали человека, чья сила превосходила бы силу самой могущественной власти в мире, но который при этом был бы столь уязвим. Немного яда, пуля, крест — и его нет.

Нужно защищать высшие ценности жизни. То что стоит недорого само себя защитит. Камню не нужна защита, но защита необходима розовому кусту, который растет возле камня. Камень мертв — еще более мертвым ему не стать. Его не от чего оберегать.

Но роза полна жизни, красоты, цвета, притягательности. В этом ее опасность: она сильна, но сила притягивает опасность. Любой может сорвать ее. Камень никто не тронет, но цветок может сорвать любой прохожий.

Так что, все это вполне естественно, и не нужно усматривать здесь никаких противоречий. И помогите же разобраться, тем кто видит здесь противоречие. Им еще никогда не приходилось таким образом вступать в контакт с человеком, которого бы они любили и за его силу и за то, что, несмотря на его силу и его истину, его тем не менее нужно оберегать, потому что он находится в постоянной опасности — в любую секунду мир может раздавить его.

И это не значит, что вы должны оберегать меня оружием — вполне достаточно одного вашего желания защищать меня.

Когда я сидел в первой тюрьме в Америке, судебный маршал сказал мне:

— Ну вы и задали нам хлопот! Похоже, весь мир считает своим долгом вас защищать! Нас теперь везде принимают за врагов. Нам звонят с угрозами, что, мол, если с вами что-нибудь случится, репутация Америки будет разбита. Нам только звонят с угрозами, а вам присылают цветы, вы получаете телеграммы и телефонные звонки в свою поддержку; журналисты осаждают тюрьму со всех сторон!

Поэтому они и меняли тюрьмы — пять тюрем за двенадцать дней. Это было совершенно излишне, потому что все тюрьмы были одинаковыми. Ради чего тогда было таскать меня по пяти тюрьмам? Они просто хотели скрыться от журналистов — от людей, которые раньше обо мне слыхом не слыхивали и которые теперь начинали знакомиться со мной, — потому что они незаконно, недемократично, без всякого повода и без ордера на арест хватать невинного человека. За все двенадцать дней в заключении я не видел ни одного человека, настроенного ко мне недоброжелательно. Даже преступники выступали в мою защиту. Меня оберегали везде, где бы я ни был. Мне говорили:

— Мы видели тебя по телевизору, Бхагван. Но ты не бойся этих псов — ты их одолеешь, потому что они не правы.

И судебный маршал сказал мне:

— Такого на моем веку еще не было... за твоей судьбой следят сотни тысяч человек по всей стране.

В конце концов, они додумались вот до чего: как-то глубокой ночью тайком ото всех они перевезли меня в другую тюрьму. Никто не знал, где я. Они сказали мне, что я должен расписаться в их бланке чужим именем, что я должен подписаться именем Дэвид Уошингтон.

Я сказал им:

— Это же противозаконно. Вы заставляете меня совершить преступление. Но зачем вам это? Просто чтобы никто не проведал, что я в это тюрьме, и тогда вы сможете сделать со мной что угодно... Вы сможете даже убить меня — я ведь никогда не был в этой тюрьме, — а вы потом просто заполните фальшивую справку об освобождении Дэвида Уошингтона.

Я сказал им:

— Сами заполняйте этот бланк. Своей рукой я не буду делать ничего противозаконного. Заполняйте бланк, а я потом подпишу.

Маршал заполнил бланк, и расписался своим именем. Он посмотрел на подпись и спросил:

— Что это?

Я ответил:

— Должно быть Дэвид Уошингтон.

А потом я сказал ему:

— Запомните, это мое имя, и его знают во всем мире. Завтра утром вам придется встретиться с журналистами, и они спросят вас: «А где же Дэвид Уошингтон?» Найдите его, и пусть он повторит мою роспись. Или найдите кого угодно, кто бы мог расписаться за меня.

И тем же утром, в пять часов, они снова повезли меня в другую тюрьму. Я просидел там всего три-четыре часа, потому что они поняли, что сделали глупость, и что на этом их могут поймать. И я сказал им:

— Завтра утром об этом будут говорить в новостях.

Когда нас только везли из аэропорта, со мной была девушка, которую вскоре должны были выпустить. Я сказал ей:

— Сделай мне небольшое одолжение.

Она сказала:

— Бхагван, я сделаю все что ты хочешь.

Я сказал:

— Я ничего не хочу. Ты просто седи тихо в углу — ведь со мной будут разбираться в первую очередь. Ты седи и просто слу-

шай весь разговор, а потом ты все передашь журналистам, которые будут ждать за дверьми. Когда тебя выпустят, просто повтори телевидению, радио и прессе все, о чем говорили мы с маршалом.

Именно так она и поступила. Америка обо всем узнала уже из шестичасовых новостей. Всем было так стыдно. Всем американцам было стыдно за их бюрократическую машину. И вот что забавно: те, кому раньше не было до меня никакого дела, кто и имени моего никогда не слышал, теперь эти люди были готовы защищать меня — повсюду.

Я думаю так, что если в вас есть нечто, что указывает на вашу подлинность и делает вас олицетворением истины, люди непременно встанут на вашу сторону. И уж совсем разумеется, что близкие вам люди будут защищать вас еще сильнее, даже иногда чересчур сильно. Например, Вивек весьма осложнила мне жизнь — я это понял только за те двенадцать дней, — потому что она оберегала меня от всего так усердно, что я попросту разучился что-либо делать. За все эти годы я даже забыл, как выдавливать на щетку зубную пасту... или как менять постельное белье; стал забывать брать с собой в ванную полотенце. За те двенадцать дней я только один раз принял душ, да и то благодаря постоянным напоминаниям Вивек, которая, встретив меня в суде, первым делом спрашивала:

— Ты помылся?

Я говорил ей:

— Я помоюсь, просто как-то странно самому нести полотенце и мыло. Может, было бы лучше, если бы я просто пролежал эти двенадцать дней с закрытыми глазами.

За двенадцать дней я ни разу не менял ни простыней, ни наволочек. Даже сестры в больничных палатах стали заботиться обо мне! Они говорили:

— Вам надо бы поменять простыню, надо постирать вашу одежду.

Я отвечал им:

— Да не волнуйтесь. Осталось всего несколько дней, и тогда я буду мыться сколько захочу, буду менять робы и простыни... не переживайте.

Все они действительно очень за меня переживали, видя, что я почти как ребенок. Старшая медсестра даже стала следить, чтобы я чистил зубы по утрам. Она говорила:

— Не получите завтрак! Хотите есть — марш чистить зубы!

И она не отступала!

Я соглашался:

— Уже иду.

Она потом говорила:

— Забавный вы человек. Обычно к нам пристают: «Дай то, дай

это». Только вы один не жалуетесь и ничего не просите. Наоборот, это у нас голова болит, потому что вы вообще ничего не делаете. Только лежите себе с закрытыми глазами! Может у вас там в душевой грязно? Так вы ходите в наш душ, мы никому не скажем, потому что это не разрешается. Обычно заключенным нельзя мыться в душевой врачей, но для вас — без вопросов, в любое время. Мойтесь себе на здоровье, только не запирайтесь изнутри. Мы сами прокараулим, чтобы никто не вошел.

Я спросил:

— А что так?

Они сказали:

— Мы вам не доверяем. Запретесь изнутри, а вдруг с вами что-нибудь случится, вы упадете или еще что? Как нам тогда войти? И тогда все узнают, что мы пустили вас в нашу душевую, а это против правил.

И они каждый день приносили мне свежую одежду. Они ухаживали за мной как могли. И в день, когда я уезжал, все сестры — их было пятеро — все они ревели.

Я удивился:

— Вот те на! Что же вы ревете?

Они сказали:

— Жалко вас отпускать.

Я сказал:

— Ничего себе! Если бы меня там не ждали мои люди, я бы остался с вами.

Они ответили:

— Мы понимаем. Вы стали частью нашего заведения всего за несколько дней, так что мы можем себе представить, что чувствуют те, кто живет возле вас много лет. Но эти несколько дней мы не забудем никогда.

И у них были все мои фотографии из газет, потому что кроме как из газет брать им их было неоткуда... они попросили, чтобы я расписался на них.

Я сказал:

— Вы бы позвали фотографа.

Они ответили:

— Нельзя. Даже автографы брать нельзя. Вы просто тихонько распишитесь нам на память.

Просто будьте собой, и вас будут защищать все вокруг. Потому что чем глубже вы живете в самодостаточности, тем в большей опасности оказывается ваша жизнь, но в таких же пропорциях вырастают вокруг вас и защитные силы, силы любви и дружбы. Эти силы всегда находятся в равновесии.

Глава 6

Власть не нужна, когда идешь за собственной сутью

Вопрос первый:

Возлюбленный Ошо,

Существует ли какая-нибудь связь между гностицизмом и анархией?

Слово «анархия» несет в себе интересный подтекст. Анархия имеет место, только когда люди настолько дисциплинированы изнутри, что им не требуется никакая власть. Они находятся в настолько глубокой гармонии с самими собой, что им не нужно никакое внешнее управление.

Анархизм в своей основе — это преобразование индивида таким образом, что власть для него становится излишней. Такой человек живет в свете собственного сознания, полностью осознавая, что он делает, полностью отдавая себе отчет в последствиях своих действий, ни на секунду не забывая, что он не имеет права вмешиваться в чужую жизнь или вторгаться в нее — пусть даже на таком тонком уровне, как, например, при разговоре. Попытка навязать кому бы то ни было свою идеологию есть вторжение в сознание независимого индивида. Такая попытка будет считаться агрессией, только если другой человек сам об этом вас не просит.

То есть, люди должны быть настолько сознательными, чтобы не допускать агрессии ни на каком уровне — ни на телесном, ни на ментальном, ни на эмоциональном. Только в таком случае власть будет излишней ношей. И собственно, вся идея как раз и состоит в том, что только когда человек будет жить неподвластным, только тогда он будет человеком. Если человеку все еще нужно внешнее управление, то это означает, что он все еще не вышел из животного мира. Он пока еще не стал человеком. Ему нужен хозяин, властитель, он не в состоянии существовать самостоятельно. По сути, он добровольно просит принять его в рабство. Существование любой власти означает, что народ хочет жить в порабощении. Однако если вы сначала требуете порабощения и тут же сразу требуете демократии, свободы, свободы выражения, свободы личности, то так вы противоречите сами себе.

И власть продолжает обещать нам все эти свободы, одновременно отрицая их самим своим существованием. Отсюда, любая власть есть мошенничество. Власть может лишь обещать, но воплотить свои обещания она не в силах. Это просто невозможно физически. Если это возможно, то власть не нужна. Власть не может выполнить обещания, и поэтому она нужна. Так что, власть, в той или иной степени, есть символ того, что человек еще не вырос полностью, не достиг своего потенциала.

Ты спрашиваешь: есть ли связь между гностицизмом или анархией? Есть... потому что гностицизм означает собственное знание. Бывает два типа знания. Один тип — это заимствованное знание, либо из книг, либо от учителей, либо от родителей, либо из окружения, общества, в котором вы живете. Бессознательно вы все время накапливаете множество информации.

С точки зрения гностицизма, такое знание не есть знание. Это лишь подделка, подмена подлинного знания, препятствие подлинному знанию. Подлинное знание — это ваше собственное открытие истины, любви, сострадания, всего великого, что есть в человеческой жизни.

Любое буддистское писание начинается словами: «Я слышал, как Гаутама Будда сказал...» Это не знание — это слухи. Может быть, вы и слышали, как Гаутама Будда что-то сказал, но это не значит, что вы сами это узнали. Может быть, слова просто запечатлелись в вашей памяти, и теперь вы повторяете их как попугай. Именно этим и занимаются все ваши священники, пандиты по всему миру — повторяют точь-в-точь как попугаи, без какого-либо понимания. Пандиты понятия не имеют, о чем они говорят. Они где-то что-то услышали, запомнили — у них отменная память, а разума нет и в помине.

Подлинное знание — это ваш собственный опыт, плоды вашего собственного поиска, потому что когда вы познаете самих себя, вам больше незачем во что-то верить. Любая вера ядовита, потому что любая вера не дает вам искать истину.

Весь мир во что-то верит — не в то, так в другое. Задайте кому-нибудь вопрос о Боге — верит ли человек в существование Бога... всегда найдется кто-нибудь, кто верит, что Бога нет, но это тоже вера. Коммунист верит, что Бога нет, но ведь он его не искал, он не заглядывал даже в свое собственное сознание, не говоря уж обо всем существовании. Он не изучал даже свое собственное крохотное существо.

И уж конечно в мире найдутся миллионы, кто скажет: «Я верю, что Бог есть». Но от вашей веры Бог вдруг не появится; если его нет в природе вещей, то верите вы или нет — разницы никакой. И если вы верите в Бога, то понятное дело, ваш поиск прекращается.

Зачем искать, когда вы верите? Вот почему, все религии делают упор на вере, потому что вера прекращает поиск.

Вера — это тормоз.

Поиск означает, что вы все еще полны сомнений, что в вас нет уверенности. Вера означает, что вы абсолютно уверены в существовании Бога. У вас больше нет вопросов. И если человек будет упорно верить в такие вещи, которые предполагают множество абсурдных...

Вот вам пример. Папа сказал Галилею:

— Ты должен изменить утверждение в твоей книге, где говорится, что будто бы земля движется вокруг солнца, потому что это заявление противоречит Библии.

Библия утверждает, что солнце идет вокруг земли. К тому же, так все это и видят. — Разумеется, так нам кажется. Утром солнце встает, вечером — садится. Все говорит о том, что именно солнце вращается вокруг земли.

Галилею тогда было семьдесят пять лет. Его фактически подняли со смертного одра и привели в суд, чтобы он публично раскаялся, потому что нельзя подвергать сомнению ничто, что написано в Библии. Это слово Бога. Вопросы задавать нельзя.

Галилей сказал:

— Но это же такая незначительная деталь, которая вовсе не имеет никакого отношения к религии... Какая разница, вертится ли солнце вокруг земли или наоборот? Для религии ведь все равно.

Но папа сказал:

— К религии прямого отношения этот вопрос не имеет. Все дело в том, что если неверно одно библейское утверждение, то в таком случае можно подвергнуть сомнению всю веру вообще — может быть, и другие утверждения в ней ложны? Если Богу в голову пришла одна глупая мысль, то где гарантии, что все остальные его мысли от нее отличаются? Поэтому ни одно слово в Библии нельзя подвергать сомнению.

Должно быть, Галилей обладал отменным чувством юмора. Он сказал:

— Мне вообще-то все равно. Я изменю свое утверждение и напишу, что солнце движется вокруг земли, но толку в этом чуть. Земля так и будет продолжать вращаться вокруг солнца, даже не смотря на мое опровержение. Какое земле дело до моего опровержения?

И вот как он поступил. Он изменил свое утверждение, но поставил сноску, где написал: «На землю и солнце мое заявление никак не влияет — они будут поступать по-своему. Я же вношу изменения в свою работу, потому что не желаю, чтобы меня напрасно истязали в моем почтенном возрасте».

И та же история продолжалась и после Галилея: каждое научное открытие шло вразрез с Библией. Снова и снова возникала старая проблема. Поскольку западная наука продолжала развиваться, то между наукой и христианством все время возникали новые стычки.

Но если приглядеться повнимательнее, то мы увидим, что все то же самое справедливо и в отношении других религий. Индуизм верит, что земля плоская. Но ни один индуист никак не решится отказаться от этой идеи и признаться, что она идет в разрез со всеми нашими исследованиями. В индуистских писаниях говорится, что солнце меньше земли, и это полная чушь — солнце в шестьдесят раз превосходит размеры земли. Но индусам все равно.

И самое главное: если уж на то пошло, то все эти вещи вообще не должны упоминаться в религиозных писаниях, потому что религия не имеет никакого отношения к размеру солнца или размеру земли. Нужно изъять из религиозных писаний все, что не имеет отношения к религии. Религиозные писания нужно каждые десять лет редактировать и издавать заново, потому что наука неустанно развивается и ищет.

И то, как развивается и ищет наука, в точности соответствует тому, как должен искать человек. Он тоже должен подвергать сомнению, задавать вопросы, быть скептическим; он должен сам стараться отыскать истину. Он должен стать лабораторией самого себя.

Будда не сумел отыскать в себе Бога. Он дошел до самого центра своей сущности, но Бога там так и не увидел. И если Бога нет в сознании человека, то его и подавно нет ни в горах, ни в деревьях, которые ниже человеческого сознания.

И как нашли Бога те люди, кто проповедует его весть? Где они его отыскивали и каким способом? Об этом нет ни слова ни в одном писании — там есть только одна вера. Но с какой стати человек должен верить кому-то, кто может врать, кто может обманывать самого себя, кто может быть просто безумцем?

Я все никак не могу понять, как Моисей мог повстречать Бога, ведь Бог — это не личность. И если ему что-то и привиделось, то это просто был мираж, это была проекция его ума. Увидеть проекцию ума очень просто. Попоститесь три недели, и ваш ум утратит способность задавать вопросы. Ваш ум окажется в таком состоянии, когда он не сможет отделить сон от яви.

Это происходит с малолетними детьми. Во сне ребенку привиделась отличная игрушка, и когда он просыпается, игрушки нигде нет, и он начинает реветь: «Где моя игрушка?!» И вам никак не удастся ему объяснить, что игрушка ему только приснилась, что на самом деле ее нет: «У тебя все перепуталось. Это просто тебе показалось. Это все было у тебя в уме, понарошку, а вот сейчас ты ви-

дишь все по-настоящему. Настоящее никак не связано с твоим умом и воображением».

Все религии учат соблюдать пост. Никому никогда не приходило в голову поинтересоваться, почему все они соглашаются с идеей поста. Я это вижу так: спустя некоторое время после начала голодания... Ваш мозг постоянно требует протеин, без которого он не может работать. Спустя три недели запасы протеина в мозгу истощаются, и вы оказываетесь в положении проснувшегося ребенка. Вы не можете отличить сон от реальности.

Именно в таком состоянии люди начинают видеть Иисуса Христа, Кришну, Гаутаму Будду, Махавиру или кого угодно еще, в зависимости от того, на ком зациклены их умы. Фантазия проецируется. И теперь им попросту не хватает разума, чтобы провести четкое различие между подлинным и вымышленным.

Люди вроде Моисея или Иисуса, который утверждает, что встречался с Богом лицом к лицу, просто вводят себя в такое вот состояние — и все это можно повторить экспериментально. И ведь все предельно ясно: христианин никогда не увидит Кришну, индуист никогда не увидит Христа, потому что ум индуиста обусловлен не Христом, и поэтому он видит только Кришну. Ни буддист, ни джайн Кришну, в свою очередь, тоже никогда не увидят. Вы будете смеяться, но в соответствии с джайнскими писаниями, Кришна сейчас жарится в седьмом аду, потому что по его милости разгорелась великая война, через которую прошла Индия; он в ответе за все это насилие.

И на самом деле, в этом есть доля истины.

Арджуна вовсе не горел желанием воевать. Он хотел наконец отдохнуть от сражений, он хотел уйти в Гималаи и медитировать. Он сказал:

— Так будет лучше. Пусть престол возьмут другие. Все равно ведь они мои братья. И ради чего их убивать? — Это была внутрисемейная распря, и обе противоборствующие стороны имели тесные связи друг с другом. Мастер Арджуны, превративший его в искуснейшего лучника в мире, был теперь среди его врагов, потому что он также был мастером и его братьев.

Кришна сражался на стороне Арджуны, а его собственная армия воевала на противоположной стороне, потому что каждая сторона убеждала Кришну присоединиться именно к ней.

Кришна сказал:

— Я в затруднении. Я ведь один — так как же я могу присоединиться сразу к обеим армиям? Все вы мои друзья, так что вам выбирать: я лично буду сражаться на одной стороне, а моя армия перейдет к противнику.

Это была очень странная война — все ее участники приходи-

лись друг другу родственниками. Дед Арджуны, которого он любил и почитал, теперь дрался против внука. Он сражался с собственными двоюродными братьями, с которыми играл в детстве. Миллионы людей должны были умереть в этой войне. И довод Арджуны был весьма разумным:

— Убив столько людей, я не буду счастлив даже сидя на троне поверх трупов моих врагов. Все это будет лишено смысла. Я останусь несчастным до конца своих дней. Что я обрету? Мне даже не с кем будет отпраздновать мою победу. Убийство моих близких собственными руками не кажется мне достойным делом. Все это мне ясно говорит о том, что лучше будет уйти в горы, медитировать и забыть обо всех этих дрязгах.

Но Кришна настаивал. Когда все доводы были исчерпаны, он прибегнул к последнему аргументу:

— Так хочет Бог. Ты не можешь ослушаться Божьей воли, и Бог хочет, чтобы ты шел в бой.

Именно так во все века священники убеждали людей: «Это Божья воля». Но я не перестаю удивляться, почему такой разумный человек как Арджуна не спросил: «Если ты говоришь, что так хочет Бог, то почему же Бог не обращается непосредственно ко мне? Если такова Божья воля, вот ты и вой. Но что до меня, то я думаю, что Бог хочет, чтобы я послал все это куда подальше и ушел в горы».

На месте Арджуны я бы поступил так. Я бы сказал: «Замечательно. Если для тебя Божья воля — одно, то для меня Божья воля — другое. И если выбирать мне, то я скорее выберу мою Божью волю, чем твою».

Но этот довод религии всегда использовали, чтобы разбить все ваши аргументы, весь ваш разум и вселить в вас страх. Если вы не верите в Бога, то вас ждет ад. Если верите, то обретете рай со всеми его прелестями.

Христианин всегда видит одного Христа, индуист видит одного Кришну, буддист видит одного Будду. И видят они всех их только в силу элементарной психологической игры — постоянной молитвы.

Так вы делаетесь доверчивыми.

Человек просыпается утром и первым делом начинает молиться Кришне или Христу, затем идет в церковь, слушает священника, читает Гиту или Библию, которые учат только одному: веруй. И все это изо дня в день повторяется всю его жизнь.

Некоторые уходят в монастыри и становятся монахами, и эти люди более других способны воображать Бога, потому что им больше ничего не остается делать, кроме как сутки напролет читать мантры или повторять какое-нибудь имя. Это имя, этот образ их

гипнотизирует.

И кроме того, все религии настаивают на том, что пост очищает. Я не очень понимаю, каким образом голод может вас очистить. Если голод очищает, то ради чего мы боремся с нищетой? Мы убиваем чистых, духовных людей! Пусть все голодают!

Голод не может вас очистить. Посмотрите глубже: когда вы голодаете, вы думаете, что вы не едите, но ваше тело втихомолку поедает собственную же плоть. Вот почему вы худеете, а иначе куда может деться весь ваш лишний вес?

Джайны до сих пор проклинали меня, потому что я однажды сказал на их конференции:

— Пост — это фактически мясоедство. И вы еще прикидываетесь ненасильственными людьми, вегетарианцами. Но когда вы поститесь, вы перестаете быть вегетарианцами, потому что вы поедаете самих себя.

Самый здоровый человек может поститься три месяца подряд, но спустя три месяца он превратится в ходячий скелет, и потом он наверняка умрет, потому что его резервы будут истощены, и телу больше нечего будет впитывать. Кости нельзя впитать.

Но все эти деятели просто не дают своим последователям думать. Я сказал им:

— Я спрашиваю вас — ведь это очевидно, что вы теряете в весе — я спрашиваю вас, куда исчезает лишний вес? Вы поглощаете его. Вашему телу каждый день нужна энергия. Вы работаете, гуляете, сидите — чем бы вы ни занимались, ваше тело потребляет энергию, и пища — это просто топливо. Если вы не дадите телу топливо, оно начинает поедать само себя — это его запасной выход на крайний случай. Может так случиться, что какое-то время у вас нет пищи, вы можете заблудиться в лесу, поэтому на такой случай тело накапливает немного лишнего жира.

Но им нельзя задавать подобные вопросы.

И наконец, когда вы поститесь, вы лишаете себя разума.

В теле есть иерархия; как и в любом хозяйстве, в теле тоже есть свои подразделения. Если вы голодны, вы не станете покупать телевизор — вы пойдете в продовольственный магазин, потому что потребность в еде более насущна. Но если пищи у вас достаточно, то вы не будете покупать еще продукты. Вы задумаетесь, а не купить ли вам что-нибудь другое — новую мебель, новый дом, телевизор, радио, книги или музыку. Вы начнете обставлять свой дом, но если вдруг в какой-то момент деньги закончатся, то в первую очередь вы расстанетесь с более возвышенными вещами: сначала вы продадите телевизор и радио. Напоследок вы оставите все, в чем есть острая необходимость.

И точно так же работает ваше тело при посте.

Первым делом страдает ваш ум, потому что это самая возвышенная ваша часть, и вовсе не основополагающая — жизнедеятельность можно поддерживать и без него. Животные спокойно справляются без разума. Так что, сначала начнет исчезать ваш ум.

Если ваша голодовка продолжается, то вы теряете способность любить, которую вы всегда считали таким великим качеством. Голодный человек не может любить. Голодного человека не заставить читать замечательные книги, слушать красивую музыку. Ему все это покажется какой-то гадкой шуткой. Ему хочется есть.

Так что если вы поститесь три недели — а я постился и я говорю только о том, что испытал на себе, — то спустя три недели вам будет сложно отличить вымышленное от реального. Вы не увидите различий. У вас больше нет способности, благодаря которой вы различали.

Именно поэтому все религии все время твердят о посте. Они расходятся между собой во всех других моментах, кроме нескольких основных: пост, молитва, посещение церкви, храма, мечети и безоговорочная вера в святое писание — в Коран, в Гиту, в Библию, во что угодно. То есть, если вы приглядитесь, то увидите, что все основные элементы религий одинаковы и действуют они схожим образом.

Гностицизм — это очень революционная концепция, и он никогда не станет массовым явлением. Он всегда был уделом весьма небольшого течения избранных людей, отбросивших всю ту чепуху, которой внимают массы, и попытавшихся достичь своего центра собственными силами.

Вера не изменит вас, вы останетесь прежними; преобразить вас может гностический опыт. И это единственное достойное мерило знания — подлинное оно или заимствованное: изменяет оно вас или вы попросту накапливаете информацию в своей памяти. Вы можете стать неплохим учителем, недурным священником, отменным лидером, но вы не станете хорошим человеком.

Совсем недавно, во второй половине прошлого столетия Рани Размани выстроила храм на берегу Ганга в Калькутте, в Дакшинешваре. Но Рани Размани не была из высокой касты — она была шудрой, неприкасаемой. Поэтому ни один брамин не хотел идти служить в ее храм, несмотря на ее несметные богатства и ее готовность платить любые деньги. Она даже объясняла браминам: «Я сама и не входила в храм. Я просто поднимаюсь по ступеням и кланяюсь перед входом. Внутри храма я даже не входила. Я даже не видела статуи Кришны, которая там стоит. Храм построен на мои деньги, но деньги не могут быть неприкасаемыми, потому что деньги проходят и через шудр, и через браминов, и через чхатрий. Так что, вы не можете называть мой храм храмом шудры». Но

ей так и не удалось уговорить ни одного брамина прийти служить в ее храм. Она обошла всю Бенгалию.

Согласился один Рамакришна. Он был необразован. В Бенгалии люди учатся только два года. К тому же, он был беден. Вся деревня пыталась остановить его, но все уже знали о его эксцентричной натуре. Если уж он что решил, что решения не изменит.

Ему говорили о храме, говорили, что его построила шудра. На это он отвечал:

— Все храмы строят шудры, потому что все рабочие и ремесленники — все они шудры. Все храмы выстроены руками шудры. Или вы можете показать мне храм, который построил брамин?

И не только руками шудры: самые красивые части храмов выполняют мусульмане, потому что мусульмане славятся своим умением обрабатывать мрамор. Они могут то, что больше никому не под силу.

Так что, Рамакришна сказал:

— Все храмы строили шудры, поэтому различия тут никакой. Деньги тоже не различаются — они ходят по рукам. Я не могу отказать этой женщине, потому что в этом храме стоит Кришна, которому никто не служит. Вы и Кришну сделали шудрой, неприкасаемым. Сама Рани ведь не может туда войти. Так что иду я.

И он отправился служить. Рани с одной стороны была очень рада, но при этом ее слегка тревожила эксцентричность этого человека. Но и это уже лучше, чем вообще никто, поэтому она приняла Рамакришну. И на Рамакришну тут же стали жаловаться.

Люди негодовали, потому что время от времени он ругался с Кришной. Вместо того чтобы служить, он кричал на статую и размахивал руками. При этом он не стеснялся в выражениях — ведь он вырос в деревне. Бывало даже так, что в наказание Кришне, он не преподносил ему пищу. Но бывало и так, что он с раннего утра до поздней ночи без устали плясал вокруг Кришны и усердно молился. Рани спросила Рамакришну:

— Что там у тебя происходит?

Он ответил:

— Все в полном порядке. Когда Кришна добр со мной, я добр с ним. Когда он пакостничает, я тоже пакостничаю. Если я молюсь несколько часов подряд, а он так и не появляется, то на следующий день я его наказываю: не даю ему есть. Это приводит его обратно в чувства. Разумеется, что в такие дни я и сам не ем. В такие дни я плачу с рассвета до заката, потому что я не накормил Кришну и даже не отпер дверь храма — храм простоял запертым весь день.

Один эпизод из жизни Рамакришны наглядно вам продемонстрирует, как порождаются иллюзии. В самом начале служения — это был день рождения Кришны — Рамакришна сказал ему:

— Ты должен явиться мне сегодня. Это не обычный день — это день твоего рождения. Я буду танцевать и петь сегодня весь день и всю ночь. Но если ты мне не явишься, пеняй на себя, — а в храме всегда был меч: — вот этим самым мечом я отсеку себе голову.

Рамакришна протанцевал весь день, наступил вечер, сгустилась ночь. Все случилось глубокой ночью. Вокруг было тихо — храм стоял в уединенном месте на берегу Ганга. Танцевал весь день, Рамакришна теперь очень устал и был голоден, но он продолжал беспрерывно петь и молиться:

— Явись мне!

И вот когда он уже схватил меч с намерением отрубить себе голову, в этот самый миг Кришна явился ему. Меч выскользнул из руки Рамакришны, когда он увидел своего бога.

Но это же так просто, обычная психология. Если долго заниматься подобными вещами, то ваш ум теряет уравновешенность. К тому же, вел себя Рамакришна и жил совсем по-детски. Его называли святым именно за его детскую невинность, но именно благодаря этой его детской натуре он и сумел увидеть живого Кришну.

В то время по Индии путешествовал один мастер... Среди мастеров есть такая традиция: они ходят вверх вдоль всего Ганга, добираются до самого его истока и затем идут вниз вдоль другого его берега до самого океана. В то время мимо как раз проходил один мастер, и ему рассказали о Рамакришне — что он, мол, видит самого Кришну. Мастер рассмеялся и сказал:

— Этот ваш Рамакришна, похоже, невинен как дитя, но и доверчив не менее.

Он остановился в храме и поговорил с Рамакришной. Он объяснил ему, что с ним произошло:

— Ты видел свое же собственное создание. Это было твое воображение. Тебе не явился Рама, тебе не явился Вишну, тебе не явился Шива. Тебе почему-то не являлись Иисус и Моисей со всей честной компанией. Почему тебе явился именно Кришна? Тебе явилось одно твое воображение. И разумеется, если ты даешь своему мозгу такую нагрузку, намереваясь отсечь себе голову, то чтобы себя спасти, он тебе еще не такое явит.

Рамакришна сказал:

— В таком случае помоги мне избавиться от этой иллюзии.

Мастер сказал:

— Помочь-то я помогу, но самую главную работу делать придется тебе самому. Ты должен молча сесть, закрыть глаза, и когда Кришна появится перед тобой, просто разруби его напополам. Ничего страшного в этом нет.

Рамакришна спросил:

— Но где мне взять меч, чтобы его разрубить?

Мастер воскликнул:

— Оттуда же, откуда ты взял самого Кришну! Если ты можешь вообразить Кришну, то точно так же ты сможешь вообразить и меч и разрубить им Кришну напополам.

Рамакришна честно пытался несколько раз, но стоило ему только увидеть Кришну, как его тут же начинало качать из стороны в сторону, и он напрочь забывал и о мече и о мастере и его наставлениях.

Мастер развел руками:

— Ты невозможен! Я понапрасну трачу свое время. Увидев Кришну, вместо того чтобы рубить его, ты начинаешь раскачиваться! И на лице у тебя написано блаженство.

Рамакришна сказал:

— Я знаю, что я трачу твое время, но как же мне быть — просто когда он является мне, я тут же забываю себя.

Тогда мастер предложил вот что:

— Я возьму осколок стекла, и когда я увижу, что ты опять начал свои раскачивания, и на лице у тебя снова появиться довольная гримаса, я порежу тебе лоб прямо по центру, чтобы на сей раз ты вспомнил себя. И тогда делай, как я тебе говорил: хватай меч и руби Кришну надвое.

И так и произошло: мастер порезал Рамакришне лоб, и тогда, набравшись мужества, он разрубил своего внутреннего Кришну. И затем целых шесть часов Рамакришна просидел в полной тишине, и когда он открыл глаза, то первым делом сказал:

— Последняя преграда разбита... последняя преграда разбита.

Наше воображение и есть эта самая последняя преграда. Когда мы ее преодолеем, мы встретимся лицом к лицу с реальностью. Реальность — не христианская, не индуистская и не мусульманская.

Гностицизм всего-навсего говорит: каждый индивид должен следовать своей собственной сущности, отбросив мысли, воображение, эмоции и чувства — отбросив все, что встает у вас на пути. Все это — не вы. Основная идея гностицизма состоит в том, что все объекты, которые вы наблюдаете, не есть вы. Вы — наблюдатель, поэтому сами себя вы увидеть не можете. Я вижу стул, но сам я — не стул. Все, что я могу видеть, не есть я.

Поэтому отбрасывайте все что находите внутри себя, пока не окажетесь в таком пространстве, где уже нечего будет видеть. Где останется лишь один наблюдатель в его первоначальной чистоте и невинности. И это и есть миг великой революции — наверное, единственной возможной революции, — потому что теперь наблюдателю больше не за чем наблюдать, и ни один объект больше не препятствует ее свершению.

В этом и есть значение слова «объект»: объект — это препят-

ствие. В вас больше нет препятствий — все опустело. Можно идти еще и еще глубже, но и там ничего не будет. И тогда наблюдатель разворачивается на самого себя, превращаясь в объект наблюдения.

Когда субъект сам становится объектом — иными словами, когда наблюдатель наблюдает самого себя, когда знающий знает себя, — тогда вы прибываете домой. И в этом и состоит значение гностицизма.

Определенно, между анархизмом и гностицизмом есть связь, поскольку оба эти учения в своей основе опираются на индивида. К тому же, анархизм нереален без гностицизма, потому что только гностицизм способен преобразовать людей и наделять их такими качествами и такой энергией, при которых им не нужна никакая власть.

Сознательному человеку не нужно, чтобы кто-нибудь указывал ему, как надо поступать, а как не надо. Ему не нужен учитель-моралист, священник, полицейский, судья. Все это теряет для него всякий смысл.

День, когда власть потеряет свой смысл и отомрет, станет величайшим днем в истории человечества. Это будет означать, что человек превзошел все что в нем есть животного — насилие, злобу, гнев, — превзошел все то, что требует удержания человека под управлением власти, потому что иначе вся земля утонула бы в насилии, убийствах и грабеже, и никто бы не чувствовал себя в безопасности.

Власть — это попросту общественная договоренность: «Мы не в состоянии контролировать самих себя, поэтому нам нужно централизованное управление, обладающее достаточной властью, которое не позволит людям осмелиться... но если они и осмелятся сотворить нечто противозаконное, то они за это поплатятся». Но даже несмотря на сильную власть, уровень преступности все равно растет, строятся новые тюрьмы, назначаются новые суды, появляются новые преступники, пишутся новые законы.

Поэтому если просто взять и распустить власть, то воцарится хаос, и все что человек подавлял из страха... потому что власть и религия, эти два могущественных института всегда подавляли ваши животные инстинкты, играя на ваших страхах и вашей алчности. Подавав, они ничего не изменили. Если вы попались на чем-то, в наказание власти упрячут вас за решетку. Если поймать вас не удалось, то вас отправит в ад на вечные муки религия.

Это основная условность: если ваши действия раскрываются, вы становитесь преступником, если нет — вы становитесь грешником. Но и в том, и в другом случаях в вас живет страх перед грядущими мучениями.

И с другой стороны, если вы ведете себя прилично, власть вас

награждает. Тогда вы — падам шри, тогда вы — бхарат бхушан, тогда вы получаете Нобелевскую премию и другие премии в разных частях света, которые достаются только тем, кто доказал... кто подавил в себе все неудобное и неприятное — все награды достаются таким. И если вас обделили здесь, то уж всяко в раю вы получите награду в виде всех радостей мира.

Но все это просто уловки, призванные держать животные инстинкты человека подавленными. Подлинных перемен это не приносит.

Гностицизм означает, что вы меняете само ваше бытие. И тогда вам уже не нужен никакой страх, не нужен никакой ад в наказание; тогда вам уже не нужны никакие награды. Вы забудете про рай, потому что нет большей награды для человека — чем превзойти все животное. В становлении настоящим человеком скрываются такое блаженство и экстаз, что добавить к этому уже просто больше нечего. Поэтому в гностицизме нет ни Бога, ни ада, ни небес — все это термины религиозной власти.

В общем, я вижу явную связь между анархизмом и гностицизмом. Однако гностицизм более основателен, он должен воплотиться в первую очередь, и только затем свой шанс попытает анархия. Пока что это всего лишь утопия.

Анархистами становились отдельные личности, но это должно произойти со всем человечеством. И самое странное, что когда такое преобразование случается с отдельно взятым индивидом, власти выражают свое недовольство. Но теперь вам должно быть понятно, чем они не довольны.

Сам факт преобразования человеческого существа, когда в нем не остается ничего животного, создает жуткий страх у властей и у религиозных правителей, потому что пример одного человека ясно указывает на то, что то же самое может произойти и с остальными. И когда это произойдет, власть и религии потеряют свою значимость и будут просто преданы забвению. Но никто, у кого в руках собрана огромная власть, не пожелает быть преданным забвению. Ни одна власть не хочет потерять свою значимость, ни одна религия не хочет быть забыта.

И вот такая загадка: они неустанно убеждают вас быть добропорядочными, но глубоко внутри они желают, чтобы вы не менялись и оставались такими как вы есть, потому что от этого зависит само их существование.

Я говорил со многими политиками и религиозными деятелями и у всех спрашивал: «Так ли уж вы хотите, чтобы человек стал добропорядочным? Ведь в таком случае святой перестанет быть святым, раз все будут хорошими. Зачем тогда будут нужны святые? Мы помним Гаутаму Будду как великого святого, потому что на

его фоне все остальное общество не выглядит добродетельным. Он выделяется. Но если бы все общество обрело благодать, то Будда бы затерялся в толпе, и его бы никто не запомнил. Почему мы помним только небольшое число имен из истории? Просто потому, что они выделяются. Каждый человек может возвыситься до положения Гаутамы Будды. Но власти, политики, они хотят, чтобы люди не высовывались. Они будут говорить о переменах, но на самом деле перемены им не нужны, потому что перемены в людях — это угроза их личным интересам. Ведь если никто не будет совершать преступлений, то что случится с судами? Что будет с тюрьмами, полицией и со всеми остальными правоохранительными органами? Все они окажутся без работы. И если люди станут добродетельными и никто больше не захочет воевать, убивать, если народ откажется и скажет: «С какой стати нам убивать пакистанцев или китайцев?» И если пакистанцы скажут: «Зачем нам убивать индийцев? Мы не видим причин. Они не сделали нам ничего плохого. У них есть дети, у них есть жены, у них есть престарелые матери и отцы, за которыми нужен уход. Мы не будем их убивать. Разве есть для этого повод?» Как тогда быть вашим властям и армейским генералам?»

Все они против меня, потому что я говорю то, что может обрубить им самые корни. Им нечем спорить со мной, и поэтому им остается лишь выдумывать ложь, врать и выдвигать против меня угодные им обвинения. Но никто не отвечает на мой вопрос.

Так что, положение в мире сейчас весьма парадоксально. Власть, вроде бы, существует с целью поставить людей на путь добра, но это неправда. Власть существует только для того, чтобы удерживать людей в их нынешнем состоянии и не позволять им преобразовать себя.

Чем лучше народ, тем более лучшая ему требуется власть, тем более совершенная ему требуется религия. И если люди сами достигли совершенства, то им вообще не нужна никакая власть и никакая религия. Тогда они сами себе и власть и религия. И поэтому любой человек, достигший совершенства, обязательно должен быть убит.

Вы убили Сократа, потому что он был совершенен. В этом было все его преступление. За всю свою жизнь он не совершил ни одного дурного поступка и уже в суде он спросил:

— За что вы хотите убить меня? В чем еще мое преступление кроме того, что я не совершили никакого преступления?

Но он был опасен. В простом, совершенном человеке общество, духовенство, власть, заправилы видят для себя опасность, потому что такой человек заставляет каждого задуматься: «Раз Сократ стал таким, то почему я не могу стать таким?» Он стал precedен-

Власть не нужна, когда идешь за собственной сутью том. Он может воспламенить сознание всего человечества. С ним нужно расправиться прежде, чем его искра загорится ярким пламенем и простой люд начнет уподобляться ему.

Судьи обвинили Сократа:

— Ты совращал людей, — весьма странное обвинение, — ты совращал людей и особенно молодежь.

С точки зрения властей учить молодежь совершенству означает совращать ее, потому что это грозит смертью самим властям — будь то религиозным или мирским, это значения не имеет.

Так что, с одной стороны они убеждают вас в том, что хотят лишь построить лучшее общество, но при этом они не шадят никого, кто мог бы послужить для лучшего общества примером.

Осознанность творит чудеса

Вопрос первый:

Возлюбленный Ошо,

В жизни столько всего необычного и прекрасного — снежинки, птицы, движение руки. Почему же я все время теряюсь во всякой чепухе?

Самое сложное, но при этом самое основное в жизни — научиться не отделять прекрасное от чепухи, научиться вообще не разделять жизнь на части. Все эти части — части одного целого. Тут нужно немного юмора. И я считаю, что чувство юмора — это основное условие для целостности человека.

Что дурного в небольшой чепухе? Почему не посмеяться и не пошутить над ней? Вместо этого вы все время решаете, что то правильно, а это не правильно. Вы ведете себя как судья в своем кресле и от этого становитесь очень серьезными. Цветы прекрасны, но как насчет шипов?

Шипы — это часть мира цветов. Без них цветы не могут существовать. Шипы защищают — это их задача, в этом их смысл, значение. Но вы все делите надвое: цветы у вас красивы, а шипы отвратительны. Но и к цветку, и к шипу поступает один и тот же сок. В существовании растения нет ни разделений, ни суждений.

Цветок не превозносится, шип не унижается. Природа принимает их обоих без ограничений. И именно таким должен быть ваш подход к вашей собственной жизни.

В жизни всегда есть нечто незначительное, что выглядит как глупость, чепуха, если вы выносите такое суждение. Но это всего лишь ваше суждение и не более, потому что даже эта чепуха играет какую-то свою незаменимую роль. Вот, например, многие меня спрашивают: «Почему мы все равно курим, несмотря на то что нам известно, что курение вредит здоровью, сокращает срок жизни, и что потом мы будем мучаться? Врачи твердят нам... но мы все равно курим, как полные тупицы». Я спрашиваю таких людей в ответ: «А вы, часом, не подсматривали за врачами?» И они говорят: «Вот именно! Они тоже курят!»

Мало кто смотрит в самую суть вещей, избегая суждений. Если вы наблюдаете... и ведь это не суждение, вы просто наблюдаете за собой, когда курите, — если вы приглядитесь повнимательнее, то увидите кое-что интересное: в каких ситуациях вы курите? когда вы чувствуете желание курить? Самое поразительное то, что это всегда происходит, когда вы напряжены, взволнованы, взвинчены... и вам нечем больше себя занять. И надо не забывать, что мы выросли в обществе, которое верит в то, что пустой ум — это происки дьявола. Нужно обязательно чем-нибудь заняться — нельзя быть пустым. Нужно заполнить себя. И сигарета в этом очень вам помогает: это занятие и при том очень важное занятие — курение вас расслабляет. В сигаретах есть никотин, который снимает с вас напряжение. На некоторое время благодаря никотину вы забываете о ваших тревогах. На несколько мгновений сигарета погружает обычного, простого человека в небольшое пространство, которое можно назвать созерцательным.

Курильщик знает, что курить вредно, и поэтому позже он будет корить себя, ругать, осуждать: «Какой я дурак, врежу своему здоровью». Но он никогда не посмотрит на всю ситуацию целиком. Если бы он смотрел шире, то он не стал бы корить себя, но вместо этого он учился бы расслабляться, учился бы не быть на взводе, учился бы не быть в напряжении. И тогда у него оставалось бы все меньше и меньше причин курить. И когда все поверхностные причины были бы отброшены, он бы оказался перед лицом непреложного факта: курение — это просто замена. Замена материнской груди.

Всех младенцев отнимают от матери раньше срока. Например, в туземных племенах вообще не существует проблему курения, потому что дети кормятся грудью сколь угодно долго. Только они решают, когда для них приходит пора переходить на твердую пищу.

Но в цивилизованных обществах... и чем более общество цивилизовано, тем больше в нем будет курильщиков, потому что детей слишком рано отнимают от материнской груди. И тут все понятно: если ребенок долго сосет грудь, то грудь теряет свою форму, а женщина теряет часть своей красоты, начинает выглядеть более старой, чем на самом деле.

Современные женщины вообще редко кормят детей грудью. Но ведь грудь — это не только молоко: молоко можно давать и в бутылочке с соской. Через грудь ребенок получает также тепло, любовь и заботу. Человечество забыло некоторые очень важные вещи: например, насколько большое значение в жизни имеет прикосновение. Если мать не прижимала вас близко к своему телу, не делилась с вами своим теплом, то вы останетесь холодным на всю жизнь, вы сами не сумеете любить и давать тепло женщине, потому

что вас всем этим обделили. Вы даже не подозреваете, что такие вещи вообще существуют. Грудь непосредственно передает вам материнское тепло, благодаря груди вы чувствуете себя частью тела матери.

В природе отрыв ребенка от матери никогда не случается резко — после рождения ребенок находится все время рядом с матерью. Отрыв должен происходить постепенно и очень естественно, и только в положенный срок. И тогда, став взрослым, человек не будет испытывать потребности в курении.

Курение во многом напоминает кормление грудью. Сигарета выполняет роль материнского соска, и ее тепло выполняет роль тепла молока, текущего из материнской груди. Так что, пусть вам хоть пятьдесят лет, шестьдесят или даже семьдесят: где-то глубоко-глубоко, в самом дальнем уголке вашего существа вы все еще младенец. В тот день, когда вас отняли от материнской груди... с тех пор что-то в вас все еще находится на зачаточном уровне и требует себе выхода.

Моим санньясидам я предложил, что всякий раз, когда их потянет курить, пусть лучше возьмут в рот бутылочку с молоком, с теплым молоком. Поначалу они смеялись. Я сказал им:

— Смейтесь, но все же попробуйте. Вам понравится.

Они сказали:

— Но что подумают люди? Мы же не можем, сидя в конторе, тянуть молочко из детской бутылочки!

Я сказал:

— Вы начните ночью, лежа в постели. Главное попробуйте, и вы сами увидите, как это повлияет на вашу привычку.

И на удивление им это понравилось! Они стали меньше курить и мало-помалу бросили курить вообще. Курение просто удовлетворяет какую-то определенную потребность, а вы называете его дурацкой привычкой. Она лишь внешне кажется дурацкой, но на самом деле в ней нет ничего дурацкого. Где-нибудь обязательно найдется его истинная естественная причина.

Так что, не надо ничего осуждать. Поменяйте осуждение на наблюдение. Какой бы глупой вам ни казалось та или иная вещь, просто наблюдайте за ней без каких-либо предубеждений. Не решайте сразу, что это чепуха, потому что в таком случае вы не сумеете свободно наблюдать. Но нужно именно попросту наблюдать — без суждений и предубеждений. Идите глубже и ищите причины. Однажды вы дойдете до самого основания, и тогда все просто исчезнет.

Осознанность творит чудеса. При помощи осознанности вы можете заставить исчезнуть целые явления, но для этого нужно проявить немалую решимость не делать суждений, а просто осознавать.

Погружайтесь в самую глубину, независимо от последствий, и тогда вам станет ясна суть вещей, и вы поймете, что нужно сделать.

Врач никогда не скажет вам, как бросить курить. Он просто будет напоминать вам, что нужно перестать курить, потому что иначе возникнут проблемы со здоровьем. Но вы это и так знаете, об этом твердят на каждом углу — в журналах, газетах, на радио, повсюду.

Сегодня даже власти во всем мире издали постановление печатать на каждой пачке сигарет предупреждение, что курение опасно для здоровья. Поначалу, естественно, мировые производители сигарет очень возражали против такой политики. Что за глупость: вы продаете товар, но вместо того, чтобы расхваливать его, вы пишете на нем, что этот товар опасен для вашего здоровья. Но вот что самое удивительное: это постановление никоим образом не повлияло на продажи табачных изделий. Люди читают предупреждение, но ведь им и так все это было известно, они слышали это предостережение уже миллион раз. Оно старо как мир.

Возьмите любую мелочь в вашей жизни и при помощи осознанности дойдите до самых ее корней, и она начнет исчезать. Самое главное — научиться не судить, потому что когда вы начинаете судить, ваша наблюдательность рассеивается. Вы больше не будете видеть ясно, раз вы уже вынесли для себя решение. Вы поступили не по науке, а по вере.

В детстве я однажды так прямо и сказал отцу — я всегда говорил с ним только прямо:

— Дай мне денег на сигареты, потому что я собираюсь курить.

Он удивился:

— Ну ты даешь! Еще ни у одного мальчишки твоего возраста не хватало наглости просить у отца денег на сигареты!

Я сказал:

— Поступай как знаешь, но если не дашь, то я украду. И это все равно будут твои же деньги. Ты вынудишь меня совершить сразу два проступка: таскать деньги и курить. И потом я буду вынужден совершить еще третий проступок: мне придется врать тебе, потому что когда ты спросишь меня, не курил ли я, я отвечу: «Нет, не курил». Я облегчаю тебе задачу. Просто дай мне денег. Я хочу курить, чтобы просто узнать, почему люди все время курят и что они в этом находят, потому что все вокруг без конца дымят, несмотря на предупреждения учителей, родителей, врачей, священников и прочих. Должно быть, в курении что-то такое есть, раз никто не слушает эти предупреждения, и все всё равно курят. И при этом еще платят деньги за свои болезни, за приближающуюся смерть, за туберкулез, за рак легких. Но я не в праве судить, пока я не попробую сам. Так что, решать тебе. Ты хочешь чтобы я совершил сразу три проступка или всего один?

Он посмотрел на меня и сказал:

— Ты просто невозможен! Теперь я даже не могу заставить тебя не курить. Ты сам просишь у меня денег... Но ты прав: если я не дам, то ты совершишь три проступка, так что бери деньги.

Затем я сказал:

— Курить я буду прямо в доме, а не где-нибудь под забором. Я буду курить в моем собственном доме.

Отец взмолился:

— Прошу тебя, не надо! Здесь мой отец, здесь мои братья, мои сестры, — а мы жили в доме одной большой семьей, человек пятьдесят. — Они все нападут на меня! Тебе они и слова не скажут, но меня обвинят, в том что я сам дал тебе деньги на курево, и что теперь ты куришь прямо посреди дома на глазах у всей семьи!

Я сказал:

— Лучше, чтобы они сами это видели, потому что иначе им кто-нибудь об этом расскажет, и они будут приставать ко мне с вопросами. Зачем понапрасну тратить время?

И я уселся курить прямо в доме у всех на виду. Родственники разошлись на моего отца, решив что это уже слишком. Но мне хватило одной сигареты. Это была моя первая и последняя сигарета, потому что из-за дыма у меня заслезилась глаза, и я начал кашлять. Так что, я сказал:

— Глупость какая. Теперь даже если мне заплатят деньги, чтобы я курил, все равно я не буду курить.

Остальную пачку я вручил одному из моих дядьев, который вечером курил, прячась по углам. Сначала он стал отнекиваться:

— Не надо, зачем...

Но я сказал:

— Чего вы боитесь? Вы видели, что я курю прямо в доме, почему же тогда вы прячетесь по углам? Я знаю, и все знают, что вы курите. Берите скорее сигареты, потому что иначе я их просто выкину. Но ведь это дорогие сигареты, потому что отцу я сказал, что хочу лучшие, ведь это может быть моим первым и последним разом.

Когда вы чувствуете что делаете что-то дурное, не спешите просто называть это дурным — наверняка, ваши действия объяснит длинная цепь причин и следствий. Нужно смотреть на всю картину целиком. И привычка не уйдет, пока вы не увидите самые ее корни.

И вот что я называю волшебством осознанности: когда вы обнаруживаете корень той или иной проблемы, эта проблема исчезает сама по себе. Вам даже не надо будет ее отбрасывать. Вам не надо будет клятвенно обещать: «Больше ни одной сигареты!» Привычка уйдет сама, потому что вы поняли всю ее структуру. Теперь вы будете учиться расслабляться сами, учиться не быть в напряжении.

Я видел, как люди... Раньше я был знаком с одним из спикеров

государственного собрания. Ему было лет семьдесят и публично он выступал по меньшей мере лет пятьдесят. Он был спикером в государственном собрании, но каждый раз, поднимаясь на трибуну, он нервничал так сильно, что ему приходилось прятать руки в карманы. Его руки буквально тряслись.

Раньше этот человек был проректором университета, где я преподавал. Как-то раз он выступал на открытии нового здания библиотеки. Он говорил, как всегда держа руки в карманах, когда я вдруг подошел к нему с запиской. Ему пришлось вынуть руки из карманов, чтобы взять записку и развернуть ее, но он не смог держать ее нормально — бумажка дико тряслась в его руках... Публика захихикала. И в записке ничего не было — так, какие-то каракули.

Он был вне себя. После собрания он вызвал меня к себе в кабинет и сказал:

— Неужели это было так необходимо — выставять меня на всеобщее посмешище?

Я сказал:

— Совершенно необходимо. Вам семьдесят лет, вы выступаете на публике уже в течение лет сорока или даже больше, но у вас все равно трясутся руки! Вы думаете, никто этого не знает? У вас руки и в карманах трясутся. Любой внимательный человек заметит, что ваши руки трясутся и в карманах тоже. Я же просто хотел дать вам понять, что даже если вы их спрячете с глаз долой, то все равно это ничего не изменит. Почему вы так нервничаете? Вы ведь не желторотый юнец. Новичка еще можно понять, когда он весь трясется перед выступлением и гадает, угодит ли он слушателям или нет. Но ведь вы — известный оратор. Вы уже не раз доказали свои способности. Чего еще вы боитесь? Но все эти годы вы скрывали свой страх — причем не от публики, а от самого себя, от собственного же сознания. В чем дело? В следующий раз попробуйте сделать так: пусть ваши руки дрожат на виду, а не в карманах. Потому что иначе я снова вручу вам записку, и вам придется ее принять — либо зубами, либо руками. Если вы возьмете записку зубами, то не сможете говорить. Если вы возьмете записку руками, то слушатели увидят, что руки у вас трясутся. Так что, лучше если я буду рядом, чтобы вы не держали руки в карманах. Но мне бы хотелось, чтобы вы поглубже изучили эту вашу нелепую привычку.

Он молчал. Сначала он очень сердился, но теперь не сердился вовсе, потому что я не сделал ему ничего дурного, а лишь довел до его сведения то, в чем он никогда не решался признаться ни самому себе, ни всему остальному миру. Ему уже было за семьдесят, и он мог умереть в любой момент.

Я продолжал:

— Поразмышляйте над моими словами. Я всегда готов вам помочь, я приду в любое время, но сперва вы должны сами пройти через вашу проблему с самого начала — вспомнить, как все это началось, и почему за всю жизнь вам так и не удалось избавиться от этой привычки. Это не достойно положения уважаемого оратора и спикера государственного собрания. Я вернусь завтра. Вы пока изучите свою проблему. Не отворачивайтесь от нее, но встретьте во штыки! Не осуждайте себя. Именно это осуждение и стало ее причиной.

И когда я пришел к нему на следующий день, он сказал:

— Вы были правы. Это все мой отец. Потому что когда еще в старших классах я впервые собирался выступить на соревновании между двумя школами и когда я готовил мою речь, отец настаивал, чтобы все было гладко и идеально. Это был настоящий педант.

Все педанты — невротики, потому что ничто в жизни не может быть совершенным, и поэтому педанты всегда несчастны, раз жизнь никогда не соответствует их ожиданиям. И вот он говорил своему сыну: «Повторяй свою речь снова и снова. Иди в ванную, встань перед зеркалом, повторяй и следи, чтобы не было никакой нервозности».

И проректор признался мне:

— Даже в ванной, где никого кроме меня не было, даже там я все равно дико нервничал, и особенно это было видно по моим рукам. Я старался не нервничать, но чем больше я старался, тем сильнее дрожали мои руки. Я пошел к отцу и сказал ему об этом. Но мой отец был известным военным. Он ответил: «Если у тебя дрожат руки, держи их в карманах. Никто не должен знать, что у тебя дрожат руки, потому что иначе тебя поднимут на смех!»

Я сказал:

— Если бы я был на месте вашего отца, то я бы посоветовал вам направить энергию ваших рук в жестикуляцию, потому что далеко не все можно выразить одними только словами, но иногда требуется и помощь рук. Более того, держа руки в карманах, вы теряете значительную часть вашей убедительности, потому что сами по себе слова неполноценны — их нужно подкреплять жестами, взглядами, голосом, интонацией. Важны даже паузы между словами. И вот, вместо того, чтобы превратить дрожь в жестикуляцию, вы решили подавить свою энергию — но энергию нельзя подавить. Ваш отец понятия не имел, что руки связаны с умом. Руки — это продолжение человеческого мозга: ваша левая рука продолжает правое полушарие мозга, правая рука продолжает левое полушарие. Если мозг работает нормально, то ваши руки будут реагировать на мозговые импульсы. Не давая рукам двигаться, вы тем самым урезаете

свою же способность выражать себя более ясно, более проникновенно, более страстно. Вы останетесь посредственным оратором. И может быть вам будет неприятно это услышать, но должен вам сказать, что несмотря на то что вы являетесь спикером государственного собрания и известным общественным деятелем, я считаю вас весьма посредственным оратором. В ваших речах нет сока, нет смака, нет червоточинки. Ваши речи плоски, как если бы вы их читали по бумажке. В них нет пауз. Вы не обращаетесь к людям — вы на самом деле их избегаете. Вы что-то там говорите, но в этом нет радости, в этом нет музыки. Освободите же свои руки.

Так случилось, что когда в Америке меня посадили в тюрьму — в самую первую, — начальник той тюрьмы сразу же полюбил меня. Это действительно был добрый и замечательный старик. И когда суд отказал мне в выходе под залог, он сказал мне:

— Это совершеннейшее беззаконие — держать в тюрьме человека, чье преступление не доказано и даже не было объявлено в суде. И отказывать такому человеку в выходе под залог — это чистая политика и ноль правосудия.

Тогда я сказал ему:

— Может быть в таком случае вы окажете мне небольшую услугу?

Он сказал:

— Помогу чем смогу. Что вы хотите, чтобы я сделал?

— Мне бы очень хотелось устроить здесь пресс-конференцию.

Он удивился:

— Такого я еще не видал, чтобы заключенный устраивал пресс-конференцию прямо в тюрьме.

Я сказал:

— Ну так пусть же это случится, пусть будет прецедент! Раз уж вы чувствуете, что все это несправедливо, то сделайте же что-нибудь.

И он согласился. Собрались журналисты, но у меня на руках были наручники. Я сказал начальнику тюрьмы:

— Я не смогу говорить, если мои руки будут в наручниках.

И руки были не просто в наручниках: на талии у меня был цепной ремень, и наручники были пристегнуты к нему, чтобы нельзя было поднять руки выше чем вот так...

В общем, я заявил:

— Так я не смогу говорить. Вы были так добры, что создали журналистов, — и там было около сотни человек от всех крупных изданий, с телевидения и радио. — Сделайте же мне еще одно одолжение — ведь я не сбегу. У меня цепи на ногах, и вы можете оставить цепь на талии. Хотя все тело закуйте в цепи, но только оставьте свободными руки. Я и слова не смогу произнести, если мои

руки не смогут дополнять мою речь.

Он все понял и сказал:

— Я видел, как вы выступали по телевидению. И мне самому очень понравились ваши руки и то, что вы явно ими что-то выражаете.

И вот я сказал проректору:

— Освободите же свои руки — это освободит и ваш ум. Ваша речь оживет. Нет ничего страшного в том, что вам уже семьдесят лет. Никогда не поздно начать все заново. И вы сами будете довольны, впервые в жизни, потому что все ваши прежние выступления... вам сейчас приходится выступать чуть ли не каждый день, и для вас это сущая пытка. Если вы нервничаете, то выступление вам в тягость, а не в радость.

Он согласился. И вот впервые в жизни он читал речь, вынул руки из карманов, и все в университете гадали, что же это такое случилось, потому что это было что-то невиданное. И его руки нисколько не дрожали — дрожь перешла в жестикуляцию.

По окончании выступления он снова вызвал меня к себе. Его глаза были влажными от слез. Он сказал:

— Битых пятьдесят лет, поднимаясь на трибуну, я опускался в ад. Вы освободили меня из этого ада. Никто никогда не говорил мне, что я сам и есть причина всей этой нервозности, что я сам подавлял энергию, которую мог спокойно преобразить.

Большая часть всего, что вы называете глупым или дурацким... если посмотреть в самую суть, то вполне может оказаться так, что вы попросту неправильно использовали энергию. Теперь нужно лишь немного наблюдательности, и вы сами легко сможете все изменить.

Я никому никогда не скажу менять что-либо силой, потому что силой ничто на самом деле изменить нельзя. И чем больше усилий вы прикладываете, чтобы что-то в себе изменить, тем в большей вы оказываетесь зависимости от вашей же собственной силы.

Мой подход абсолютно ненасильственен.

Просто наблюдайте и ищите причину в самом корне. И вы сами удивитесь, как то, на что вы всегда смотрели как на глупость, внезапно превратится в нечто разумное, в нечто прекрасное.

И так вся ваша жизнь может превратиться в прекрасное и органичное целое.

Можно зачитать следующий вопрос.

Вопрос второй:

Возлюбленный Ошо,

Согласен ли ты с выбором Сократа? Как бы ты поступил на его месте?

На этот вопрос сложно дать ответ хотя бы потому, что я не Сократ. Если бы выбор стоял передо мной, то я бы однозначно не стал выбирать яд, потому что на мой взгляд это просто самоубийство, выбор против жизни. Ведь сам мой подход к жизни — жизнеутверждающий.

Я не выбрал бы смерть, но наверное где-то в глубине души у Сократа имелась склонность к самоубийству. Выбор исходит от него. Я не большой любитель мучеников — по-моему, все они безумны.

Я бы согласился покинуть пределы Афин и остаться за городом, у самых его границ, куда бы мои люди спокойно могли прийти сами. Мне не кажется... в чем вообще была проблема? Судьи ведь сказали: «Уйди из Афин». Но Сократ еще больше упорствует со своей эгоистической позицией: «Либо у меня будет все, либо ничего. Все или ничего».

Я не смотрю на жизнь такими категориями. Все иметь нельзя, просто невозможно. Вообще незачем проводить такие различия между всем и ничем. Пусть у вас будет столько всего, сколько вы можете принять; пусть каждый ваш миг будет выжат до конца, но зачем же так торопиться на тот свет?

Афины — это был город-государство. Сократ спокойно мог бы просто выйти за его пределы, и его ученики запросто бы могли приходить к нему. На самом деле, создавать школу и учить в тишине немногих самых преданных за городом даже проще, нежели где-нибудь в центре с его вечной суетой и суматохой.

И ведь дело было не только в одном Сократе — то было дело истины. Сократ пожертвовал не только собой — он пожертвовал истиной. Он пожертвовал людьми, которые любили его, которые желали его слушать, которые хотели, чтобы он жил. Именно это решило бы мой выбор.

И на самом деле так и случилось в Америке. Я не совершал ничего противозаконного. Они это знали, это знали судьи, и всем было ясно, что обвинять им меня не в чем. И все те мои проступки, о которых они говорили... они обвиняли меня по двум основным пунктам. Во-первых, я якобы помогал иностранцам вступать в браки с американцами, чтобы они смогли остаться в Америке. Это чистая ложь, потому что в течение трех с половиной лет я все время молчал и не виделся ни с кем из саньясинов. Это верно, люди заключали браки, чтобы просто остаться в Америке, но я в этом не участвовал. Я за это не в ответе. Я никому, ни одному человеку не приказывал жениться. Я вообще ни с кем не встречался. Я был изолирован в моей тишине. И те двадцать человек, которые работали в доме, ухаживая за мной, все они свидетельствовали, что никто посторонний в дом не входил, и я сам нигде не выходил. Так что,

это была совершеннейшая чушь.

Второе их обвинение заключалось в том, что я приехал в Америку с намерением остаться там навсегда. Я сказал моим адвокатам: «Это все глупости, потому что если только они не умеют читать мысли... но мне почему-то кажется, что ни судья, ни прокурор или кто-нибудь из этой компании... Вот, я стою перед судом. Пусть скажут, что я намереваюсь делать дальше? Может я собираюсь ударить прокурора? Раз он не в состоянии увидеть моих намерений, когда я нахожусь прямо перед ним, то на каких основаниях он утверждает, что у меня были такие намерения раньше? Можно обсуждать поступки, потому что у поступков могут быть свидетели, но как можно засвидетельствовать намерение? Нельзя судить по намерениям. Кто-нибудь, может быть, хочет убить все человечество, но это еще не означает, что его тут же надо распять. Он и муравья пока не убил — он просто имеет такие намерения. Может ему нравится мечтать об убийстве всего человечества, о третьей мировой войне, но эти мечты — это еще не преступление».

И вот, имея только эти два обвинения, они арестовали меня без всякого ордера — и это незаконно. Они даже не сказали мне, за что я арестован, и я имею полное право знать это. Они не дали мне позвонить адвокату, а ведь это мое законное право. Они сами сотворили против меня немало беззаконий.

Они понимали, что проиграют в суде. Дело они назвали так: «Соединенные Штаты против Бхагвана Шри Раджниша». Поэтому в случае поражения, пострадал бы авторитет всей страны: один человек одержал верх над целым государством. И это была их собственная недалекость, называть дело таким громким именем; я тут не при чем.

Они осознали, что у них есть проблемы и что они проиграют, уже в самую последнюю минуту. Тогда они вызвали моих адвокатов на переговоры, и это была точно такая же ситуация, в которой когда-то оказался Сократ. На переговорах они так прямо и сказали:

— У нас нет никаких доказательств, поэтому мы готовы договориться до суда. Нам нужно только одно: Бхагван должен признать себя виновным. Тогда мы отзовем дело, а ему запретят посещать Америку в течение пяти лет. Но если он будет настаивать на своей невиновности, то мы не выпустим его ни под какие деньги — ни пять, ни десять миллионов. Ни под какие деньги. Правительство Соединенных Штатов не выпустит его под залог ни в каком случае. При этом мы сможем тянуть дело сколь угодно долго — пять лет, семь лет, десять лет. Десять лет в тюрьме изнуряют его. Десять лет будут страдать его коммуна и миллионы людей по всему миру. Разумеется, в результате он выиграет дело. Но следующие

десять лет миллионы людей будут жить в кошмаре тревог. Так что, решать вам.

Вне всяких сомнений, Сократ бы никогда не признал себя виновным. Даже мои адвокаты боялись передать мне слова властей. На глазах у них были слезы. Они сказали:

— Мы вынуждены просить вас о страшной глупости, но все дело в том, что если вы будете настаивать на своей невиновности — и мы-то знаем, что вы невиновны, и мы это доказали, но только от нас ничего не зависит... Власти сильно давят. Они не выпустят вас под залог и затянут дело на пять-семь лет. Они погубят всю вашу работу, пострадают ваши люди. — Сотни людей по всему миру в те двенадцать дней даже ничего не ели. Они голодали, они плакали, рыдали, чувствуя себя совершенно беспомощными, не зная что делать. — В общем, они просто хотят, чтобы вы признали свою вину.

Я сказал им:

— Не волнуйтесь и не хнычьте. Я вам не Сократ. Для меня сострадание и любовь — куда более высокие качества, нежели мое эго. Эго у меня нет вообще. Я признаю в суде свою вину и затем всю последующую жизнь я буду доказывать всему миру обратное, разоблачая действия властей, которые заставили меня лгать под присягой. Ведь сначала они заставят меня поклясться: «Я буду говорить правду и только правду и ничего, кроме правды». И при этом они силой вынуждают меня лгать.

Я сказал моим людям:

— Не волнуйтесь, я признаю себя виновным. Это признание не сделает меня виновным. И после того как я выйду на свободу, у меня впереди будет вся жизнь, чтобы доказать свою невиновность и наоборот виновность американских властей. Ведь это преступление: сначала заставлять меня присягнуть, а затем вынуждать меня лгать под угрозой длительного заключения и уничтожения всего моего движения. Я люблю моих людей. Ради них я готов лгать ни один раз, а тысячу раз. Я люблю мой труд, поэтому все это не важно, и вы не волнуйтесь.

Несомненно, мой выбор был бы другим. Я бы основал свою коммуна за самой границей Афин!

Глава 8

Не ищите дом — ищите себя

Вопрос первый:

Возлюбленный Ошо,

Похоже, что в эти нестабильные времена в окружающих тебя людях проявляется все самое лучшее — и также худшее. Что ты можешь сказать по этому поводу?

Не бывает никаких «нестабильных времен», потому что время всегда нестабильно. Это все проблемы ума: уму хочется стабильности, но время никогда не бывает стабильным. И когда по чистой случайности ум находит для себя островок уверенности, это дает ему ощущение покоя, его окружает в некотором роде иллюзорное постоянство. Ум имеет привычку забывать подлинную природу существования, жизни; он живет в мире фантазий, принимая кажущееся за реальное. От этого уму хорошо, потому что он вечно боится перемен, ведь неизвестно, что принесут перемены — хорошее или плохое. Очевидно одно: перемены встряхнут мир ваших иллюзий, ожиданий и фантазий.

Ум подобен ребенку, который строит песочные замки на морском побережье. На мгновение нам может показаться, что замок крепок, но построен он из ненадежного материала. В любую минуту может подуть ветер, и от замка останутся одни лишь развалины. Но именно в таких вот замках мы и живем. Нам кажется, что мы нашли нечто такое, что будет с нами всегда.

Но время никогда не оставляет наши умы в покое. Это кажется жестоко, но на самом деле, не забывая про вас, существование проявляет к нам немало сострадания. Оно не дает вам строить реальность из кажущегося. Оно не позволяет вам прятать за масками ваши настоящие лица, ваши подлинные лица.

Именно поэтому, когда время бьет по вашим обожаемым фантазиям, у вас и создается впечатление, что именно сейчас в людях проявляется все самое лучшее и самое худшее. Просто в таких ситуациях наружу выходит все, что было спрятано за фасадом ложного постоянства, за снами, которые вы давно спутали с реальностью. Время сдирает с вас ваши маски. Хорошее или плохое,

лучшее или худшее — все это здесь не при чем; время попросту сдирает с вас маски. Время обнажает вас, заставляет вас увидеть себя, и поэтому все подавленное начинает всплывать на поверхность. Всплыть может и самое худшее, всплыть может и самое лучшее. Но само время не имеет никакой связи с этими понятиями. Оно просто-напросто выводит все подавленное на поверхность, оно приводит вас к вам же самим.

Большинство людей скрывают в себе худшее. Очень редко можно повстречать человека, который прячет в себе самое лучшее — зачем же прятать свои лучшие качества? Скорее уж люди будут обрадовать в себе хорошие качества — кто же станет их прятать? Как правило, люди утаивают худшее, полагая, что так им удастся прикрыть свою безобразность.

Перемена — и маска сползает. Перемена — и на мгновение... внезапно вы чувствуете себя голыми. Вы вдруг потеряли все ваши одежды, и ваша реальность превратилась в зеркало: все отражает вашу наготу.

Да, очень редко и в качестве исключения иногда случается так, что на поверхности вдруг оказывается все самое лучшее. Но такое бывает только с теми, кто не носит маску, кто уж и так наг, кто уже признал свою наготу как прекрасную и естественную. И поэтому перемены ничего не разоблачают в таких людях, но наоборот, украшают их. Перемены в таких людях выносят на свет все ими забытое, забытое другими — ведь мы зачастую принимаем вещи как должное.

Поэтому лишь иногда, в исключительных случаях, когда человек невинен, нелицемерен, когда он прекрасно осознает, что в этом мире нет ничего постоянного, ничего, в чем можно было бы быть уверенным... Ведь верить в постоянство означает строить фундамент своим же будущим разочарованиям, это означает сеять семена отчаяния, мучений и тревог.

Если вы смирились с тем, что перемены — это сущность реальности, и что перемен не избежит ничто; если вы помните об этом каждое мгновение, если вы помните, что следующий миг может принести вам нечто совершенно новое и в одночасье рассеять все то, что сейчас вам кажется реальным... Если вы обладаете такими пониманием, то никакие перемены вам не будут страшны, и вы примите их с легким сердцем.

Вы не будете сопротивляться, вы просто не захотите, чтобы было как-то иначе. Даже если перемены заберут ваши прекрасные мечты, ваши взлелеянные надежды, ваши недостроенные замки, все равно вы не будете разочарованы, потому что вы с самого начала помнили, что это все может произойти в любую минуту. В вас не будет конфликта, вы не затаите обид на реальность. Вы будете лег-

ки на подъем.

Поэтому я и утверждаю, что не бывает никаких сложных и нестабильных времен. Время есть перемена, постоянная перемена. Просто мы сами все время строим себе постоянство. И естественно, когда мы терпим поражение, нас берет в злобу, мы сетуем на существование. Мы теряем доверие. Нам мерещится, будто весь мир настроен против нас, и отсюда берутся паранойя и всевозможные страхи; в наших душах селится ужас.

И все это происходит просто потому, что мы возлагали наши надежды на нереальные вещи. Существование не обязано выполнять ваши ожидания. И когда ваши ожидания рушатся, то как правило вы раскрываете в себе все самое дурное, потому что именно дурное мы прячем за нашей верой в постоянство вещей. Мы были уверены, что все это у нас навсегда, что перемены нас не коснутся. И тут вдруг земля у нас буквально уходит из под ног — естественно, что в такой ситуации люди проявят свои худшие качества.

Возможно, что на поверхности окажется и все самое лучшее, но возможно это только в том случае, если вы жили в согласии с миром, с бытием, если вы ничего для себя не просили. И ведь мы все время чего-нибудь просим. Но если ничего не просить, то не будет и разочарования, не будет злости.

Например, многие из тех, кто был со мной, были сильно разочарованы жизнью как таковой, потому что они так старались, они всю свою энергию вложили в построение прекрасной мечты, и вот когда работа уже почти подошла к своему завершению, когда оставалось добавить лишь пару штрихов, внезапно весь их труд пошел насмарку. Они обозлились, разгневались на все существование — но все это только наши проблемы.

Я не разочарован ни в коей мере. Я даже не оглянулся ни разу. Да, это были замечательные годы, нам было очень хорошо, но это закон существования: все проходит. Что тут можно поделаться? И теперь мы пытаемся построить что-то другое, но и это тоже будет подвержено переменам. Нет ничего постоянного. Ничто не постоянно, кроме самих перемен.

Так что, я не жалею. Ни на одно мгновение у меня не было мысли, что так быть не должно... потому что, вроде бы, несправедливо было все, но только не для меня. Просто мы строили красивые замки из игральные карты. Вы уже заканчивали отделять крышу, и в этот самый момент подул ветер, которому нет дела до ваших картонных домиков, и начисто все снес.

Возможно, что разочарованы были все, кроме меня. И теперь вы сердитесь и на меня, за то что я не разочарован, за то что я не разделяю ваши чувства. Это злит вас еще сильнее. Если бы я злился

вместе с вами, если бы я тоже ныл, если бы я тоже был дико возмущен, то вам несомненно было бы легче. Но я не таков.

Нам было хорошо, нам еще будет хорошо в дальнейшем, но все всегда будет меняться. И если понимание этого факта будет гореть в вас вечным огнем, то вам больше никогда не будет казаться, что трудные, беспокойные времена выявляют все самое худшее. Нужно просто самим не сеять семена будущего разочарования.

Вот почему я вроде бы и с вами, но все же для вас есть во мне что-то чужеродное, что-то незнакомое. Это происходит оттого, что я смотрю на вещи совершенно по-иному — я принимаю и мирюсь со всем.

Теперь построить новую такую мечту будет уже не так просто, потому что многие из тех, кто так усердно трудился в прошлом, пребывают в пораженческом состоянии. Они ведь проиграли. Этим людям будет казаться, что реальности, существованию попросту наплевать на невинных людей, которые никому не делают зла, которые всего лишь пытаются сотворить нечто прекрасное. Но даже с ними бытие будет играть по тем же правилам — оно ни для кого не делает исключений.

Так что, многие санньясины теперь будут испытывать пораженческие настроения; начать заново для них будет очень непросто. Они спросят себя: «Ради чего? Мы снова вложим в дело всю нашу душу, все наши надежды, всю нашу веру, но что дальше? Завтра дунет ветер, и все пойдет псу под хвост». Они решат, что лучше и вовсе не надеяться, что лучше и вовсе не мечтать. Проще и спокойнее затеряться в обыденной жизни, где люди не мечтают, где люди уже ни на что не надеются, где люди ничего не создают, где люди день за днем просто влачат свое существование.

При такой жизни вы не будете знать горечи поражений. Прогреть можно, только если стремиться к луне. Когда вы уже прошли почти весь путь, луна вдруг берет и пропадает из-под самого вашего носа, и вы оказываетесь дальше от нее, чем когда-либо прежде; дальше, чем были в самом начале своего пути.

Я понимаю, как это горько, но за эту горечь и боль отвечаем только мы одни. Нам кажется, что жизнь несправедлива, нечестна, потому что она забрала у нас нашу любимую игрушку. Но никогда не следует торопиться делать трагические выводы. Подождите немного. Ведь может так оказаться, что все это к лучшему — что все перемены только к лучшему. Нужно лишь набраться достаточно терпения. Дайте жизни чуть больше свободы.

И никогда не забывайте, что счастье не в завершении чего бы то ни было. Счастье именно в том, что вы возжелали, что вы возжелали страстно и горячо; счастье в том, что, делая работу, вы обо всем позабыли, вы позабыли обо всем остальном мире; счастье в том, что

вы полностью сосредоточились на своем существе. Именно в этом вы и находите блаженство, награду — а не в выполнении работы, не в установлении постоянства.

В этом изменчивом существовании мы должны находить радость в каждом мгновении. Что бы мы ни делали, мы сделали все лучшим образом, мы отдали себя без остатка, не пожалев никаких сил. Каждый вложил в дело все свое существо. В этом мы должны искать блаженство.

И тогда наши мечты... это ведь действительно только мечты, и превратить мечту в реальность — это нелегкое испытание. Но при этом мы не должны забывать, что в конце концов мечта есть мечта. Это прекрасно, воплотить ее в реальность, но не забывайте, что все равно это будет мечта, которая рано или поздно обязательно исчезнет.

Если мы об этом помним, то каждая перемена лишь будет оттачивать ваше понимание, будет делать вас более разумными, более зрелыми; вы будете более остро чувствовать все тонкости бытия и с великой радостью принимать все новое.

Всю жизнь я наблюдаю, как все потихоньку исчезает. Наверное, у меня было больше друзей, чем у кого-либо еще в этом мире. Но сегодняшний друг завтра может уйти. Мы дойдем вместе до перепутья, и дальше он пойдет своей дорогой. Но я никогда не выпускал из головы эту мысль, что все мы — просто путники, и никому не дано знать, как долго вы с кем-то будете идти бок о бок. Но пока вы вместе, давайте вашему попутчику как можно больше своей любви, как можно больше. Возможно, что завтра вам придется расстаться.

Всю свою жизнь я передвигаюсь с места на место, потому что всегда что-то не удается. Но сам я от этого не страдаю. Пусть не оправдаются тысячи моих надежд — это не сделает меня неудачником. Наоборот, каждая рассеявшаяся мечта еще раз оставит меня победителем, потому что ее исчезновение никак меня не потревожило, никак меня не затронуло. Крушение надежд — это большой плюс, это повод учиться большей зрелости. И тогда перемены будут вызывать в вас только все самое лучшее. И что бы с вами ни происходило, для вас это не будет иметь никакого значения — вы просто будете расти на пути к новым высотам.

Но никогда не пытайтесь побороть время, побороть жизнь, побороть существование. Пребывайте в позволительности. И тогда вы не будете знать горечи поражения, тогда вы не будете знать неудач. И тогда вам нечего будет прятать от людских глаз, потому что у вас не будет навязчивой идеи все непременно увековечить — отношения, дружбу, работу и вообще что угодно; у вас не будет стремления привязываться к чему бы то ни было дольше, чем вам

это доставляет удовольствие.

Вы откроете себя, вы дадите соку настоящего заполнить вашу сущность, и тогда, после того как мгновения счастья уйдут в прошлое, в вас навсегда сохранится благодарность к ним, и вы никогда не будете жаловаться на невозможность вернуть время вспять. Если рассеивающиеся мечты будут оставлять в вас ничего иного, кроме благодарности и признательности, то в вас будет расти только самое лучшее. Я никогда не оглядываюсь назад.

Вот, буквально вчера вечером во время даршана ко мне подошли несколько радостных и бойких людей, которые сказали мне: «Бхагван, мы из Джабалпура». И единственное, о чем я подумал, это что мои годы в Джабалпуре остались далеко-далеко в прошлом, настолько далеко, что я даже все забыл. Да, тогда у меня тоже были мечты и, как и все мечты, они тоже разбились в пух и прах.

И я был таким всегда — я и сейчас такой же. И я останусь таким, непобежденным, до моего самого последнего вздоха. Я считаю, что быть непобежденным означает быть победителем. Быть непобежденным, когда время встает у вас на пути, когда жизнь меняет направление своего течения, когда все происходит так, как вы и представить себе не могли... Неизвестное неустанно врывается в ваш известный мир и нарушает весь его уклад. Но это происходит только тогда, когда вы сопротивляетесь ему. Если вы встретите неизвестное с распростертыми объятиями, оставив все известное позади... Время всегда бьет только по известному, но никогда не по неизвестному. Неизвестное не подвластно ни времени, ни чему-либо еще. Если у вас достаточно мужества принять неизвестное, то вы узнаете, как выходить победителем из всех поражений и неудач.

Те мечты сейчас не имеют никакого значения. Важно только то, какими вы выходите после их крушения, после того, как ваши большие надежды бесследно рассеиваются в воздухе.

Какими вы выходите из этой катастрофы? Если на вас нет ни царапинки, то это означает, что вам известна великая тайна, что вы нашли самый главный ключ. В таком случае ничто не в силах одержать над вами верх, ничто не в силах причинить вам неудобства, ничто не заставит вас выйти из себя и ничто не сможет вернуть вас назад. Вы всегда смело вступаете в неизвестное в поисках новых испытаний. И все эти испытания будут только оттачивать ваши лучшие качества.

Вопрос второй:

Возлюбленный Ошо,

Что такое дом?

Дома нет, есть только дома, жилища. Мы же пытаемся устроить себе дом из жилища, но по сути дела, дом — это только проекция.

У нас есть жилища, но в них нам холодно. Нам нужен дом, нам нужно что-нибудь такое уютное, что-нибудь исключительно наше, что-нибудь, где нам будет «как дома». Нам нужно что-нибудь такое, что станет продолжением нашей сущности, что-нибудь, что мы можем превратить в часть нас; что-нибудь, что будет не просто местом проживания, но вместе с нами заживет своей жизнью. Жилище, здание — мертво, но дом — это как живое существо, хотя всего лишь спроецированное.

И поэтому те, кто ищут себе дом, снова и снова будут испытывать разочарование, потому что в результате каждый раз они будут находить себе всего лишь еще одно жилище. Дом — это просто мечта, фантазия, иллюзия. Дом был для них поэзией, романтикой. Они оплетали, окружали свой невидимый для посторонних глаз дом чем-то неосязаемым. Но это просто игра ума.

Человек рождается бездомным и остается бездомным всю свою жизнь. Да, из множества жилищ он будет устраивать себе свое гнездышко, но в результате ему всегда будет чего-то не хватать. И в конце концов, бездомным он и умрет.

Смирившись с истинным положением дел, вы глубоко преображаетесь. Тогда вы перестаете искать себе дом, потому что дом — это где-то там, далеко, за семью холмами. Все его ищут. Но когда вы осознаете всю иллюзорность этой идеи, тогда, перестав искать этот мифический дом, вы начинаете поиск того самого существа, рожденного бездомным, чья судьба — быть бездомным.

Построить дом просто невозможно. И вот где кроется все чудо: в ту самую минуту, когда вы понимаете, что построить дом нельзя, вашим домом становится все существование. Отныне ваш дом там, где есть вы, потому что перед вами больше не стоит задача строить себе пристанище — вы больше не заняты поиском иллюзий. Вы признали себя бездомным, по собственной воле, не противясь, с легким сердцем, потому что это ведь так замечательно, что вы родились бездомным — ведь иначе ваш дом стал бы вашей тюрьмой.

Задумайтесь на секунду, если бы каждый рождался, имея свой собственный дом, то получается, что каждый бы рождался в заключении. Быть бездомным — это быть свободным. В этом и есть свобода. Это значит, что у вас нет привязанности, вас не интересует ничто внешнее; вы не нуждаетесь в тепле извне, потому что вам хватает вашего внутреннего тепла.

У вас внутри есть собственный источник тепла, и другого тепла вам просто не нужно. И тогда, как ни странно, где бы вы ни были, вы будете дома, оставаясь при этом бездомным.

Те, кто ищет дом вовне, рано или поздно обязательно откажутся и в результате скажут: «Нас обманули, жизнь нас обманула. Жизнь побуждала нас искать дом, но дома нигде нет — он просто не суще-

ствует».

Мы стараемся изо всех сил: кто-то находит себе мужа, кто-то находит жену, кто-то рождает детей... Кто-то создает семью. Семья — это своего рода психологический дом. Кто-то делает все возможное, чтобы оживить свое жилище в соответствии со своими фантазиями, полагая, что это даст ему тепло и спасет от холода... Но холод бытия безграничен. Вся вселенная настолько холодна, настолько безразлична, что вам хочется найти хоть какое-нибудь укрытие, где у вас будет теплое чувство, что о вас заботятся, что вас оберегают... что вы чем-то владеете, что вы собственник, а не грязный бродяга.

Но в реальности такие фантазии лишь сделают вас несчастными, потому что в один прекрасный день вы обнаружите, что муж, с которым вы жили, что ваша верная жена — что они какие-то чужие. Это чуждость никуда не денется даже после пятидесяти лет совместной жизни, но наоборот — она лишь еще больше укоренится. В самый первый день вашего знакомства вы и то были менее чужими.

Время шло, вы жили бок о бок, но узнавая друг о друге все больше, вы при этом только дальше друг от друга отдалялись, и теперь вы и вовсе не понимаете, кто же на самом деле этот человек рядом с вами. Чем больше вы узнаете, тем меньше вы знаете. Похоже, что чем ближе вы знакомитесь с человеком, тем глубже вы чувствуете, что совершенно его не знаете... и избавиться от этого чувства никак нельзя.

Ваши дети, которых вы считали своими, в один прекрасный день окажутся совсем чужими. Вы для них были просто переходной стадией. Они живут собственной жизнью. Они совершенно чужие. Они не принадлежат вам. Они найдут свой собственный путь и начнут свою собственную жизнь.

И кто остается с вами? Никто не может быть с кем-то. Все вы — одиночки, окруженные толпой. Одни ли вы или в толпе — роли не играет; есть ли у вас дом или вы просто скитаетесь по свету — роли никакой не играет.

У меня никогда не было дома. Когда я в последний раз был в доме моего отца, я сказал ему:

— Я сюда больше не вернусь, потому что я выполнил обещание, которое дал моей матери. Она взяла с меня слово, что я вернусь, когда она будет умирать. Я вернулся только за тем, чтобы сдержать свое обещание. Больше меня ничто здесь не держит.

Отец сказал:

— Ты всегда говоришь загадками. Это же твой родной дом!

Я сказал:

— В этом наше с тобой различие. Это не мой дом и не твой. Ты по-прежнему живешь в иллюзиях, но однажды и ты поймешь, что

это не твой дом.

И затем я рассказал ему одну знаменитую суфийскую притчу, которую я уже так часто рассказывал и вам.

Как-то ночью король услышал, что кто-то ходит по крыше его дворца. Он не верил своим ушам. Дворец отлично охранялся — как же кому-то удалось забраться на самую его крышу?

Король крикнул:

— Ты кто?

С крыши донесся мужской голос:

— Сперва спроси самого себя: кто ты?

Король выбежал из спальни, вызвал охрану, приказав схватить наглеца, но того и след простыл.

Назавтра этот незнакомец пожаловал снова. Король узнал его голос — это был тот самый ночной хулиган. Ну и странно он себя вел накануне ночью... это ж надо, ходить по крыше и говорить королю: «Сперва спроси самого себя: кто ты? Ты даже не знаешь такой простой вещи и еще цепляешься ко мне! Занимайся своим делом. Оставь меня в покое».

И вот сейчас этот человек ругался со стражей у ворот. Он кричал:

— Я хочу остановиться на пару дней в этом караван-сараяе!

Стражники твердили ему снова и снова:

— Ты какой-то непонятливый: это не караван-сарай! Это дворец короля, его дом!

Тогда человек сказал:

— В таком случае я хотел бы взглянуть на этого безумца, который живет в иллюзиях.

Король все слышал. Он сразу узнал этот голос и приказал страже:

— Приведите сюда этого человека.

Когда его привели, король спросил:

— Это ты вчера ходил по крыше у меня над головой?

Тот ответил:

— Я.

— И что ты там делал?

— Я искал своего верблюда, — ответил незнакомец.

Король воскликнул:

— Ты, похоже, и в самом деле спятил! Ты потерял своего верблюда у меня на крыше? Ты где-нибудь хоть раз слышал, чтобы верблюды терялись на крыше? И теперь ты еще споришь с моей стражей, называя мой дом постоянным двором! Да как ты смеешь! Я же король, и это мой дом, а тебе придется поучиться хорошим манерам!

Тогда незнакомец засмеялся:

— Забавно! Ты обещаешь проучить меня, но даже не знаешь, о чем говоришь! Ведь я уже был здесь раньше, и в твоём дворце жил другой человек. Он тоже утверждал, что это его дом. Но я приходил и еще раньше, и здесь жил еще один человек, который тоже говорил, что это его дом. Теперь ты пытаешься убедить меня в том же самом!

Король сказал:

— Раньше здесь жил мой отец, он уже умер. До него здесь жил мой дед.

Незнакомец сказал:

— Вот именно на это я и хотел тебе указать: они оба называли этот дворец своим домом, но оба были вынуждены его покинуть. Они не смогли забрать свой дом с собой. Так что, это караван-сарай! Пойми, что многие считали это место своим домом, но все они ушли. И когда я вернусь сюда вновь, уйдешь и ты! Место, где люди останавливаются ненадолго, называется караван-сарай. И вот и я всего-то хотел пожить здесь пару деньков, так что ж в этом такого? Ты живешь здесь временно, твой отец жил здесь временно, отец твоего отца жил здесь временно, и так было всегда. Но меня тебе не обмануть: этот дворец — постоянный двор.

Так что, я сказал моему отцу:

— Рано или поздно ты тоже поймешь, что это не твой дом, потому что мы начинаем умирать в самый первый день нашей жизни, в день нашего рождения. Домом можно еще назвать свою могилу, но никак не жилища, в которых мы обитаем, потому что в них мы даже не живем, а просто умираем потихоньку!

И с тех самых пор я бывал во многих местах, которые считались моим домом, но я всегда говорил, что это не так, потому что это просто невозможно. Очень важно понять, что все мы — просто странники, цыгане, несомненно, что-то ищущие. Но можно всю жизнь потратить на поиски дома — то есть, безопасности, тепла, уюта, внешней любви, — но это ложный путь. Это земной путь, который неизменно приводит вас к несчастью.

Санньясин же понимает, что искать нужно не дом — искать нужно ответ на вопрос: кто это существо? Кто это существо, которое родилось бездомным и которое всегда будет бездомным.

Не ищите дом, потому что дома нет. Ищите себя, потому что есть только вы! И найдя себя, вы, внезапно, самым чудесным образом, вдруг поймете, что ваш дом — весь мир! И вы не строите его, вы не проектируете его, вы выдумываете его. Внезапно на вас снизойдет откровение. Вы не сможете понять, как это вы умудрились не видеть такую простую вещь: дом всегда был там, где были вы.

На хинди слово «цыган» звучит более красиво. Родина цыган — Раджпутана в Индии. Английское слово «gypsy» — «цыган» — происходит от слова «Egypt» — «Египет», — куда цыгане попали из Индии и откуда впоследствии перебрались в Европу. Именно благодаря Египту появилось слово «gypsy». Но исконно цыгане происходят из Индии, и в Индии их называют словом «кханабадош».

Это слово очень красиво. Дословно оно переводится так: носящий свой дом на собственных плечах. Поэтому куда бы кханабадош ни шел, он везде будет дома. Это очень глубокое слово. «Кхана» означает «дом», «бадош» означает «на своих плечах».

Этот дом невидим, но он есть и открывается он только тем, кто нашел ответ на вопрос: кто этот бродяга? кто этот искатель? Вместо того чтобы искать искомое, ищите искателя. И найдя искателя, вы тут же поймете, что ваш дом — это весь белый свет; и тогда вы будете дома везде, даже в гостинице. Потому что каждый дом по своей сути — это гостиница, каждый замок — постоянный двор.

Так что, все это просто вопрос точки зрения.

Я был дома, когда я был в Индии. Я был дома, когда я был в Америке. Теперь я в Непале, но и здесь я дома. И я не знаю, куда занесет меня жизнь завтра, но где бы я завтра ни оказался, я буду дома. Никто не в силах лишить меня этого дома, просто потому что я не строю себе проекций, которые можно забрать.

Узнав себя, вы узнаете, что ваш дом — это целая вселенная.

Мастер не обязан вас спасать

Вопрос первый:

Возлюбленный Ошо,

Я обожаю, когда ты называешь нас своими друзьями. Почему это одновременно и просто радует, и побуждает к действию?

Здесь есть много нюансов.

Две с половиной тысячи лет назад перед самой своей смертью Будда сказал своим ученикам:

— Я вернусь спустя двадцать пять столетий. Меня будут звать Майтрейя.

«Майтрейя» означает «друг». Почему так будут звать нового Будду? Потому что за это время духовное развитие человека пройдет много этапов. Самый высший этап — этап, при котором отношения между мастером и учеником — это отношения между друзьями... потому что иначе само понятие отношений мастера и ученика подразумевает некое духовное рабство, на очень тонком уровне. Ученик сдается мастеру. Мастер изобретает всевозможные способы, чтобы эго ученика исчезло. Но в этом есть скрытая опасность.

И опасность эта существует не просто в теории. Эта опасность очень реальна, и так и происходило во всем мире испокон веков: вместо исчезновения эго, исчезала индивидуальность, но эго оставалось нетронутым. Вместо того чтобы исчезнуть, оно становилось едва заметным, становилось святым, религиозным, духовным.

Сдаваясь, индивидуальность исчезала, но весь смысл-то был не в этом. Индивидуальность должна стать еще более яркой, более независимой и самодостаточной. Исчезнуть должно эго — исчезнуть должен этот самозванец, выдающий себя за подлинную индивидуальность.

Истина рождается в смерти ложного. Сдача — это просто прием, способствующий уничтожению эго и освобождению подлинной сущности. Но вся беда в том, что никогда не знаешь, чего можно ждать от человечества. Всегда есть возможность, что все пойдет шиворот-навыворот, потому что невежество человека очень глубоко,

способность ума обманывать бесконечна. Человек легко оказывается в собственных цепях, которые ему кажутся красивыми и поэтому разбивать их ему не хочется. Цепи появились так давно, что теперь он уже отождествляет себя с ними.

Человек забыл, кто он на самом деле. Фактически он сам загипнотизировал себя этим своим представлением о себе, которое он таскает за собой всю жизнь, даже не подозревая, что это не он, а всего лишь его тень. Но тени угодить нельзя. Тень не существует — из нее ничего нельзя сделать. Пытаясь угодить ей, вы просто испортите себе всю жизнь. И тут вам и может помочь этот прием — сдача.

Но и здесь проявляется людское невежество: человек сдается, но сдается не тем местом. Он оставляет себе эго, которое нужно отдать, но лишает себя своей индивидуальности, которую как раз следовало бы оставить. И тогда, всего лишь став учеником и получив посвящение, он уже начинает мнить себя духовной сущностью. И если по чистой случайности ему повезет и он встретит великого мастера, то он тут же возомнит себя великим учеником великого мастера.

За свою жизнь Гаутама Будда мало-помалу пришел к пониманию, что нужно отказаться от приема сдачи, потому что в большинстве случаев он не только не помогает, но наоборот мешает. Об этом говорил весь его жизненный опыт. Он видел, как люди просто перекрашивают свои эго в другие цвета. Мирское эго становится неземным эго; материалистическое эго становится духовным эго, и это куда более опасно. Препре эго было явным, его легко было увидеть и схватить. Но с новым эго справиться уже не так просто, потому что оно очень туманно и увертливо.

И поэтому перед самой смертью Будда сказал:

— Когда я вернусь, я не буду мастером, а вы не будете учениками. Я вернусь как друг. И вам придется подняться до уровня друга будды.

Это огромное испытание для всей традиции посвящения и самих взаимоотношений между мастером и учеником. Будда понял, что сдача помогает лишь изредка, но в большинстве случаев лишь затормаживает ученический рост.

И мы видим, что он был прав. Этот мир населен миллионами людей, воображающих себя религиозными, духовными, святыми, возвышенными. Все это называется вскармливанием эго. Такие люди очень далеко ушли от своей подлинной сущности.

Нужно ясно помнить: Гаутама Будда не может вернуться. Он сказал «я вернусь», но это чисто символическое обещание — вернуться он не может. Человек такой высоты, существо, познавшее наивысший опыт, вернуться не в состоянии. Это теперь просто невоз-

можно по природе вещей. Он больше не может принять новую форму, новое обличье. Он не родится снова в материнской утробе, он больше не сможет стать человеком из плоти и костей. Достигнув однажды такого состояния существования, когда вы реализуете себя как чистое сознание, вы больше не родитесь снова.

Поэтому если Будда говорит: «Когда я вернусь...», нужно понимать его чисто символически. Но все буддисты мира ждут — и ждут совершенно напрасно. Гаутаму Будду во плоти они больше никогда не увидят. И если вдруг им и удастся его отыскать, то перво-наперво это будет уже не настоящий будда. В этом и состоит вся дилемма: он может родиться снова, если раньше не был буддой, если не был пробужденным. Если вы пробудились, то заснуть снова вы не сможете — спать можно только будучи бессознательным. Вы не заснете снова; и ведь вся наша жизнь — это просто глубокий-глубокий сон.

Буддисты не уловили символичности слов Будды. Обещая вернуться в следующий раз, он попросту имел в виду то время, когда появится другой пробужденный — и качества двух пробужденных людей не различаются между собой. Не различаются ни на йоту. И с этой точки зрения Будда не обманывал, обещая вернуться. То есть, фактически Будда возвращается каждый раз, когда кто-либо из людей пробуждается — в том смысле, что любой пробужденный обладает точно таким же сознанием. Расцвел тот же самый цветок, неся тот же самый аромат и то же самое послание! И Будда видит, что спустя две с половиной тысячи лет человек будет в состоянии говорить с пробужденным как с другом.

И сложность тут в том, что, приняв будду как друга, теперь у вас есть две возможности: либо вы утащите будду за собой вниз до вашего уровня развития, либо он поднимет вас вверх до своего состояния. Но на самом деле вы никогда не утащите будду вниз — такого просто не бывает. Ни при каких обстоятельствах вам не удастся затянуть его в ваш мир глубокого мрака и слепоты. Поэтому вам ничего не остается, кроме как самим восходить на залитые солнцем вершины. И это серьезное испытание.

И чтобы суметь по-настоящему подружиться с пробужденным в этом восхождении, по пути вам придется со многим расстаться — со всем тем, с чем вам пришлось бы расстаться при сдаче. Вам придется расстаться со всем, что вас отягощает. Чем выше вы поднимаетесь, тем легче вы будете вынуждены становиться. На самом пике сознания вы будете стоять попросту голыми и невинными как дитя — даже без пеленок. Даже пеленки будут для вас слишком тяжелы.

Я всегда называл вас своими друзьями... то же самое испытание.

И ровно спустя двадцать пять столетий Будда вернулся — не в прямом смысле, а в переносном. Рядом с любым пробужденным вы ощутите тот же вкус, ту же сладость, то же счастье, то же блаженство, ту же тишину. Или вы сможете различить свет пламени двух свечей? Свет есть свет, и от какой свечи он исходит, не имеет равным счетом никакого значения. Задача света — рассеивать тьму. В этом весь его смысл.

И таким образом, сегодня обязанность любого просветленного человека освободить человечество от древней традиции сдачи мастеру, потому что именно благодаря этой традиции по всему миру мы наблюдаем признаки духовного рабства. Эта традиция не делает людей просветленными, но наоборот затемняет их души.

Сама попытка стать другом... и что-то начинает меняться в вас, потому что вы тянетесь к луне. Луна не может опуститься к вам, но вы в состоянии дотянуться до нее. Луна может приглашать. Луна может взывать к самой вашей сущности, луна может провоцировать, искушать, вдохновлять, но она никогда не придет к вам сама. Путь должны пройти вы.

И этот путь всегда проще и короче, если ваш мастер — ваш друг, потому что в таком случае отношения между вами и мастером будут исполнены любви. Дружба — это любовь в чистом виде. Это наивысшая форма любви, когда человек ничего не просит, не выдвигает условий, но просто с легким сердцем отдает. Взамен он тоже получает немало, но это уже следствие, это случается само по себе.

Создавая любовные отношения между мастером и учеником, мы оставляем в стороне сдачу как средство; вместо того чтобы требовать от ученика сдать, мы делаем его ответственным за себя. Сдача, как правило, ведет к безответственности... потому что ученик думает: «Я сдался мастеру, и теперь это уже его дело изменить меня, преобразить меня, поднять меня на свой уровень». Ученик в таком случае видит в мастере спасителя, он говорит себе: «Я наше своего спасителя. Если я буду сильно в него верить, то он меня непременно спасет».

Именно этим и занимаются все мировые религии. Каждая религия нашла себе спасителя, освободив себя от всякой ответственности. Теперь это уже задача Иисуса, Кришны или Будды; они возьмут вас на руки и сами перенесут вас на высшие порядки бытия.

Но так не бывает. Никто не в состоянии поднять вас наверх. Вам придется идти самим, в одиночку. Мастер не обязан вас спасать: его задача — указать вам путь. Спасать себя предстоит вам самим. Кроме вас больше никто не может стать вашим спасителем.

Никто никогда не задумывался о том, что если вдруг кто-то будет в состоянии вас спасти, то вы будете зависеть от этого кого-то.

И зависимость никогда не приведет вас к высшим пикам сознания и независимости — полной независимости — к свободе. Своими же собственными руками вы обрезаете себе крылья, без которых вам теперь уже не долететь до луны.

Но если вы считаете мастера своим другом, то вы освобождаете его от ответственности быть вашим спасителем, и беря всю ответственность на свои плечи, становясь на путь со всеми его трудностями, красотами, муками и восторгами, принимая все-все с полной ответственностью, вы тем самым сами себя и спасаете.

Вы — одиночки, и поэтому искать вам тоже предстоит только в одиночку. И найти вы можете только в полном уединении. Мастер же лишь может указать вам путь. Мастер — это просто палец, указывающий на луну. Несомненно, он ваш лучший друг, потому что указывает он вам на самое великое блаженство.

Существование движется в двух направлениях. Во-первых, оно движется по горизонтали, в точности как прямая линия движется от А до В, от В до С, и так далее до Х, Y и Z. По мере продвижения вы становитесь все более и более живыми. Наверное, где-нибудь в точке А вы просто были камнем. Да, в камнях в некотором роде тоже есть жизнь, потому что они растут. Гималаи каждый год становятся выше на треть метра. Они все еще молоды и полны энергии для роста. Гималаи — это самые высокие горы в мире, и их сила кажется неистощимой, как если бы они хотели коснуться звезд.

Я родился возле горы, самой древней горы в мире — Виндхьячала. В самом-самом начале она вышла из океана — это самая первая гора в мире. Самая древняя, самая старая... она перестала расти уже много миллионов лет назад. Про ее древность даже была сложена одна прекрасная легенда.

Один великий мудрец нес свою весть на юг — а Виндхьячал стоит в самом центре Индии, — и переходить через гору старому мудрецу было очень непросто. Видя, как мучается старик, Виндхьячал наклонился, как человек, припадающий к вашим ногам, и позволил мудрецу идти беспрепятственно.

И мудрец сказал:

— Оставайся так, потому что мне придется идти обратно, и к тому времени я буду еще дряхлее. Подожди!

Но мудрец больше не вернулся — он умер на юге, и Виндхьячал так и остался согбенным.

Я бывал в том месте, где проходил тот мудрец. Гора до сих пор словно согнута в три погибели. Это самая древняя гора на свете — ничто в ней не растет, все в ней замерло. Но когда-то в далеком прошлом росла и она.

Гималаи — это молодые горы; они последними из всех гор мира вышли из океана. Они все еще растут, вздымаясь все выше и выше к небесам.

Даже камни растут, и не думайте, будто в них совсем нет жизни; но жизнь в них очень глубоко спит; они не видят снов, они погружены во мрак и глубокий сон. Но тем не менее и это тоже жизнь, пожалуй, самая примитивная — где-нибудь в точке А горизонтальной линии.

И на этой же линии где-то стоит человек. Впереди вас стоят другие люди, но они не выше вас. Альберт Эйнштейн стоит впереди вас, может быть на несколько километров, но все же он стоит на той же самой линии... это линейный рост. Разница между вами и ним может составлять не один километр, но вы с ним на одном пути. Даже если кому-то удастся достичь самого конца линии, достичь Z, то и тогда в самом лучшем случае он станет греком Зорбой (Zorba).

Мне очень нравится имя Зорба, и на то есть много причин. В первых, Z — это последняя буква алфавита. Зорба — это Z, это конец линии. Грек Зорба — живее всех живых, но его живость не возвышает его над вами. Его живость больше напоминает живость дикого зверя — невинного, но невежественного; переполненного энергией, силой, но слепого, незрячего. Да, он умеет танцевать, но в его танце нет ничего божественного. Его танец невероятно мощен, но все же очень по-земному.

Горизонтальная линия проходит по земле. Находясь на этой линии, в самом крайнем случае вы станете греком Зорбой, но ваша жизнь все еще будет бессознательной, вы и тогда будете по-прежнему бродить во мраке. Вы все равно не будете осознавать, что в жизни существует и другое измерение — вертикальное.

Вертикаль жизни движется от А к более высшему А. Она движется только вверх, будучи при этом той же самой энергией; А очищается, становится более сознательным, более внимательным, пока однажды не станет сознательным полностью. Это не движение от А до В, от В до С. Это движение от А1 до А2, от А3 до А4. В точке А4 происходит то, что мы называем пробуждением.

Жизнь, которая движется по горизонтали, остается просто жизнью; жизнь, которая движется по вертикали, становится сознанием.

Она становится сознанием — совершенно новым явлением. В жизни, движущейся по горизонтали, всегда есть цель; такая жизнь ориентирована на достижение цели. Находясь в точке В, вы смотрите на точку С. Находясь в точке В, вы не находитесь там в полной мере: вы либо думаете о точке А, оставшейся позади — это ваше прошлое, ваши вчера, ваши воспоминания, — либо вы заглядываете

в будущее — в В, в С, в Е... и так до самого Z; долгая цепочка целей.

Ваш ум всегда либо во вчера, либо в завтра, но никогда не в здесь и сейчас. Вас никогда не бывает там, где вы есть; вы всегда где-нибудь еще, где вас нет. В этом и заключается вся противоречивость ума — что его никогда нет там, где он на самом деле есть, и что он всегда там, где его на самом деле нет. Ни при каких обстоятельствах вы не в состоянии просто быть здесь.

Если вы в точке В, то вы в точке В. Вы только можете думать о точке С, представлять ее. Вы можете вспоминать прошлое или строить в уме будущее, но сами вы при этом в настоящем.

Вертикаль всегда движется из настоящего. Для начала вы должны быть здесь и сейчас. Где бы вы ни были, вы должны быть там, где вы есть — не вспоминая, не воображая, — и тогда вы внезапно преображаетесь, потому что если вы не тратите себя на воспоминание и воображение, то вся ваша энергия собирается в одном крохотном мгновении. И оно настолько мало, что оно не в силах вместить в себя всю эту энергию. И именно так и случается преображение.

Это как взрыв, как атомный взрыв. Настоящий момент взрывается, и жизнь вдруг наполняется сознанием. Далее вы начинаете двигаться вверх, от сознания к сверхсознанию, от сверхсознания к коллективному сверхсознанию, от коллективного сверхсознания к космическое сверхсознание. И вот она, точка А4 — космическое состояние, состояние пробужденного, состояние будды.

Стать другом пробужденного мастера означает преобразить само качество вашей жизни, изменить ее направление с горизонтального на вертикальное. Это самое начало жизни в настоящем моменте — неожиданно для себя вы видите, что Будда не так уж и далек, но наоборот очень близок — всего-то в трех шагах, на четвертой ступени.

На Востоке это состояние мы так и называем — «четвертое». Мы не стали давать ему особое название и вместо этого просто наделили его порядковым номером. Мы называем его «турийя», что означает «четвертый». Это единственное понятие, не имеющее подходящего названия, и именуемое простым числительным. И это очень важно.

Почему числительное? Потому что ни одно слово не в состоянии объяснить это состояние. Оно настолько таинственно, что перед ним все слова оказываются не у дел, все объяснения становятся бессмысленными. О нем ничего нельзя сказать, и лишь одна тишина способна передать вам его вкус. И посему это состояние определили не именем, а простым порядковым номером, которое указывает на то, что в этот мир словам вход воспрещен.

Где бы вы ни стояли на горизонтальной линии, впереди вас всегда будут маячить миллионы целей, и даже если вы и достигнете их всех, перед вами снова откроются миллионы новых целей. Так что, все вы нищие — все без исключений. Где бы ни находился человек, он остается нищим по определению, потому что ничто не может его удовлетворить. Впереди себя он всегда видит больше — у других всегда всего больше. Даже величайший император, даже величайший богач, даже самый-самый знаток не смогут претендовать сразу на все, потому что всего так много. Пусть император будет величайшим из великих, пусть он будет хоть самим Александром Македонским, он будет оставаться бедняком во многих отношениях.

Когда Александр Македонский повстречал Диогена, нагого мудреца, его переполнила зависть, едва он успел взглянуть на него. Александр Македонский, Александр Великий, покоривший весь известный мир, позавидовал голому человеку, потому что этот голый казался таким довольным, и окружал его такой невероятной покоей! Его нигде не ждали, у него не было ничего — но при этом, похоже, у него было сразу все. И Александр не смог забыть Диогена — он помнил его до конца своих дней.

Он не смог забыть, потому что тот человек был гораздо богаче, и просто невозможно... можно завоевать весь мир, но это не сделает из вас Диогена. И когда Александр только увидел Диогена, тот рассмеялся и сказал ему:

— Ты понапрасну мне завидуешь, потому что все что есть у меня, можешь найти и ты. Просто перестань гоняться за миром. Ты умрешь измотанным, изнуренным, ты умрешь нищим.

И умер Александр в возрасте тридцати трех лет. Постоянная борьба изнурила его, он сжег всего себя слишком быстро. И в день смерти, вспомнив предсказание Диогена — «ты умрешь нищим», — он сказал своему советнику и своим генералам:

— Слушайте мою последнюю волю, и да будет она выполнена. Мои руки должны свисать из гроба. Когда вы понесете мое тело на кладбище, мои руки будут свисать.

— Но так ведь не принято! — удивились его подчиненные. — Что за странная просьба. Нас спросят: «Почему его руки свисают?» Где ж это видано! Что нам им ответить?

И Александр сказал:

— Ответьте же им, что мои руки пусты. Я пришел сюда с пустыми руками и с пустыми руками ухожу. Я умирающий бедняк. Диоген был прав. Так пусть же весь мир узнает, что я понапрасну потратил свое время, сжег все свои силы в погоне за тенями.

Да, он покорил весь мир, но так и не смог обрести покой и тишину голого нищего, который не владел ничем. У Гаутамы Будды

по крайней мере была чаша для подаяний...

У Диогена раньше тоже была чаша для подаяний, но как-то раз, держа в руках свою чашу, он спустился к реке, чтобы черпнуть воду и утолить жажду. Но тут мимо него пробежала собака: опередив Диогена, она стала пить прямо из реки. Диоген воскликнул:

— Бог ты мой! Эта псина обошла меня! Ей даже чаша не нужна! Она победила меня со моей чашей для подаяний!

И тогда он выбросил чашу в реку и стал лакать воду по-собачьи. Эта чаша была его последней собственностью. После он уже никогда ничем не обладал.

Человек, не имеющий ничего в этом мире, не имеющий даже чаши для подаяний, которую позволено иметь нищему заставил императоров чувствовать зависть.

Просто заглянуть в его глаза, увидеть их свет... ошеломлял даже блеск его глаз. Его тишина и его короткие высказывания, полные глубокого смысла...

Покидая Диогена, Александр спросил его:

— Могу ли я что-нибудь для тебя сделать? Ты немало меня впечатлил: я еще никогда не встречал никого, кто мог бы с тобой сравниться. Мне бы очень хотелось что-нибудь для тебя сделать. Проси что угодно, и твоя просьба будет исполнена.

И Диоген сказал:

— Ты бы подвинулся немного в сторонку, а то я тут загораю, а ты мне солнце загораживаешь.

Голый Диоген сидел на песочном берегу и загорал. Поэтому он и сказал:

— Было бы очень мило с твоей стороны, если бы ты просто подвинулся в сторонку. Этого вполне достаточно. Что еще мне может быть нужно? У меня все есть.

Человек, утверждающий, что у него «все есть», говорит не о мирских вещах — потому что в мире у Диогена не было ничего. Он говорит о другом измерении, о богатстве иного рода, о другом царстве — он говорит о том самом «четвертом». Он говорит о вертикальном росте.

Стать другом пробужденного мастера очень непросто. Но расстояние не велико — нужно всего лишь поменять направление. Если продолжать двигаться по горизонтали, то вы будете все дальше и дальше удаляться от мастера и состояния его ума, его сознания. Чтобы стать его другом, вам придется развернуться и начать расти вверх, как дерево, которое растет в вертикальной плоскости, которое не течет как горизонтальная река.

Каждый человек способен в любой миг сменить направление своей жизни. Это просто решение, обещание — не кому-либо, а самому себе. Нужно простое решение: «Я принял мастера, пробуж-

денного человека как моего друга. Теперь мне предстоит доказать это». Никто кроме вас не сможет доказать это вместо вас — только вы. Несомненно, это восхитительный опыт... сближаться с сущностью мастера и подходить к переживанию четвертого состояния сознания, когда внезапно перед вами открываются все загадки существования и исчезают все вопросы. И тогда вы сами становитесь ответом.

Нет вопросительного знака, нет поиска, вы никуда больше не идете, потому что вы прибыли. И ответ оказался совсем рядом, он уже был в вас — вы носили его в себе на протяжении долгих-долгих жизней, но никогда просто не удосуживались на него взглянуть. Он был вашим и только вашим сокровищем. Он ждал вас много жизней подряд, находясь в вас же самих. И он будет ждать еще целую вечность, потому что кроме вас никто не сможет на него посягнуть.

Вы можете взять его в любую секунду — нужно просто решиться уйти от мира целенаправленности и честолубия, где вы все время ищите все большего и большего. Конечно, вы и получаете все больше и больше, но неудовлетворенность никуда не девается; желание большего остается невредимым.

Чем больше у вас есть, тем большего вы хотите — желание только растет.

Есть одна древняя притча про короля и бедняка, который приходил каждый день в королевские пенаты, чтобы помассировать королю спину — он был лучшим массажистом во всей столице. За работу он получал один золотой в день, и этого ему было более чем достаточно. Он жил как богатейший из богачей. Один золотой в день да еще в те времена... о завтра можно было не беспокоиться.

Поэтому он слыл счастливейшим человеком, и король ни разу не видел его в печали. В то же время сам король все время тосковал, потому что перед ним стояло столько всяких неразрешимых задач, которые все прибывали и прибывали... враги и войны — проблема на проблеме. Но у этого массажиста не было ничего, кроме этого его золотого, который он получал каждое утро, — и все. Он никогда больше не ходил — его работа заканчивалась утром и затем целый день он от души бездельничал. Он сидел в своей хижине прямо возле королевского дворца и играл на своей флейте. Ночами, когда король ломал себе голову на своими проблемами, его массажист беззаботно играл. Ночь могла бы быть полнолунной и безумно прекрасной, но король был всегда взволнован и ничего не видел.

Король очень завидовал своему массажисту, потому что этот бедняк получал от него каждый день свой золотой и радовался жизни, как подобает королю, а король при этом был не в состоянии

радоваться жизни, как какой-то там массажист.

И вот он обратился к своему советнику, старому и мудрому человеку:

— В чем его секрет? Ума не приложу, почему он вечно такой весь радостный, вечно напевает, вечно играет на своей дудке, вечно такой счастливый. Я еще ни разу не видел в нем ни капли грусти, ни намека не тоску.

И советник сказал:

— Подожди пару дней.

И той же ночью советник подбросил к дому массажиста мешок с девяносто девятью золотыми. Утром, когда тот собирался уже было идти к королю, он обнаружил мешок. Вот это да! Он посчитал монеты и промолвил:

— Бог ты мой, девяносто девять золотых! Что же мне делать с такими деньгами? Одно золотого мне более чем достаточно.

И он стал волноваться. Тем днем он уже не был так счастлив, как накануне. Король спросил его:

— Что-нибудь случилось?

Тот ответил:

— Ничего особенного, просто я влип в историю. Кто-то подбросил мне в дом мешок с девяносто девятью золотыми. Когда я их пересчитал, я понял, что моя жизнь испорчена. Сегодня утром моя жизнь была разрушена, потому что в моей душе поселилось волнение. Никогда прежде я не волновался.

Король сказал:

— Но с чего бы тебе волноваться?

— Я волнуюсь, потому что теперь я думаю, что неплохо было бы сэкономить сегодняшней золотой, и тогда у меня будет ровно сотня. Сегодня я не буду есть, потому что я не смогу поесть, если не куплю еду. И сегодня ты не услышишь мою флейту, потому что голодный человек не может играть на флейте. На меня давит эта мысль — что неплохо было бы округлить сумму до сотни.

И с того самого дня массажист уже не был прежним. И советник спросил короля:

— Ну что, разгадал свою загадку? Просто раньше у него не было желания иметь больше. Но теперь он в беде. Когда у него будет сто монет, он решит, что неплохо было бы сэкономить еще одну, чтобы у него была сто одна монета. Он попался в порочный круг, из которого ему уже не вылезти. Теперь с каждым днем он будет становиться все более и более несчастным.

Мир «большого» — это мир обычного человека. Мир, в котором нет стремления за большим, нет гонки за далекой целью, но есть просто поиск настоящего момента, поиск себя, погружение в настоящее вашего сознания — только такой мир будет миром рево-

люции, миром религии, миром духовности. И он совсем рядом, всего в трех ступенях. И как скоро вы там окажетесь, зависит от вас одних.

Став другом мастера, вы принимаете вызов: вы подниметесь выше себя и будете продолжать подниматься до тех пор, пока не достигнете такой точки, где вы станете синонимом сознания мастера. Только тогда путь дружбы с пробужденным будет пройден до конца.

Это величайшее испытание, но если вы примете его, оно приведет вас к величайшему благословию, которое только возможно для человеческого существа.

Я хочу быть для вас не мастером, а просто другом, зовущим вас к себе. Я не могу спуститься в долину мрака, но зато вы можете подняться в мир звездного света. Я могу позвать вас, могу пригласить вас, могу подвергнуть вас испытаниям, могу спровоцировать вас. Я могу указать вам путь, но идти придется вам самим. Никто не сможет идти вместо вас. Но именно на это мы и продолжали надеяться испокон веков — что кто-то пойдет по пути вместо нас. И именно поэтому просветление случалось так редко — оно случалось только с теми немногими, кто отправлялся в путь сам. Человечество остается в несчастье, потому что ждет, когда его заберет спаситель.

Но спаситель никогда не придет. Он всегда стоит на залитых солнцем вершинах и зовет вас к себе. Спасители могут быть разными, но там, наверху, всегда кто-нибудь да стоит, призывая вас подняться на четвертую ступень. Голос всегда один и тот же. Лицо может быть другим, тело может быть другим, но источник всегда один и тот же. Все будды одинаковы, их послание и их задача — одни и те же. Может различаться язык, но указывают они всегда на один и тот же путь.

Двигайтесь от прошлого и будущего к настоящему. Направьте всю вашу энергию на настоящий миг. И этот миг настоящего настолько мал, что вам даже ничего больше не понадобится делать — одной этой энергии будет достаточно, чтобы крохотный миг просто взорвался. Этот взрыв станет вашим светом, благодаря которому вы в один момент подниметесь на одну ступень вверх — от сознания к сверхсознанию. Куда идти дальше, вы уже будете знать сами, потому что все ступени одинаковые и движение вверх есть движение вверх.

Стоит вам только сделать один шаг... Древняя поговорка китайских мудрецов гласит: «Один шаг — это половина пути», потому что стоит вам только сделать один шаг, подняться на одну ступеньку, как ваш путь можно считать пройденным, потому что теперь вы знаете, как сделать следующий шаг. Дальше вам остается

лишь собирать еще больше и больше энергии настоящего, снова и снова, и с каждым разом взрываться она будет все сильнее.

После четвертого взрыва вас уже не будет — и в то же время вы впервые будете. Как это вы перестанете существовать, и родитесь как индивидуальность. Отныне вы больше не будете личностью, отделенной от существования; вы больше не будете росинкой — вы станете целым океаном. И каждая новая ступенька будет приносить вам такое огромное счастье, что само это счастье будет поднимать вас все выше и выше.

Сложно сделать лишь самый первый шаг, но потом все будет просто, потому что у вас в руках уже будет главный ключ.

Обожаю мошенников-святых!

Вопрос первый:

Возлюбленный Ошо,

Возможно ли, чтобы святой был мошенником?

Этот вопрос напомнил мне об одной коротенькой истории, произошедшей в христианском монастыре.

Два монаха спорили между собой, прогуливаясь в монастырском саду — каждый день они в течение часа гуляли по саду, размышляя о Боге... И вот они спорили на тему, можно ли курить, гуляя в саду.

Строго говоря они не были в церкви, не были в монастыре — они гуляли в саду за пределами и церкви, и монастыря. В конце концов, они порешили на том, что лучше, если каждый обратиться с этим вопросом к настоятелю.

На следующий день один монах, подавленный и печальный сидел под деревом, когда другой монах проходил мимо, дымя сигаретой. Первый монах опешил:

— Похоже, что ты не стал спрашивать настоятеля, потому что я спросил, и он очень на меня рассердился и сказал, что категорически нельзя. Но почему же ты куришь?

Второй монах спросил:

— Что именно ты сказал настоятелю?

Грустный монах ответил:

— Я просто спросил его: «Можно ли курить, думая о Боге?» И он сказал: «Нет, ни в коем случае!»

Тогда второй монах рассмеялся и сказал:

— Вот оно что! Я же спросил его так: «Можно думать о Боге, куря сигарету?» И он сказал: «Да, конечно!»

Точно так же совершенно невозможно, чтобы святой был мошенником, но мошенник в свою очередь может быть святым. Святой никак не может быть мошенником, потому что святой по определению лишен всякой возможности быть мошенником. Считается, что святой должен быть прост, правдив, искренен и очень серьезно настроен на поиск истины. Он односторонен.

Он оставляет все ради поиска истины, он отрекается от мира, от собственного тела, собственных чувств, собственных эмоций. Фактически он становится бестелесным. Он живет в мире, но миру больше не принадлежит. Он развернулся к нему спиной.

Такая позиция издревле почиталась в народе, но здесь есть кое-что, что не попало в поле зрения людей: такой человек очень уныл. Он обесцвечен, он как старая, античная, обветшавшая картина. Он просто влачит существование, но не живет. Он выбрал антижизненную позицию. Он отрекся от жизни, чтобы обрести духовность.

Естественно, отрекаясь от жизни, он отрекается от всего, что подразумевает жизнь — от ее многообразности, от ее песен, от ее красоты, от ее радостей. Жизнь — это уникальное явление. Но святой иссыхает, теряет сочность, превращаясь в скелет и ожидая, когда придет смерть и освободит его наконец от тела полностью. Разумеется, что такой человек мошенником быть не может.

Но этот мир знал мошенников, которые становились великими святыми. Это и Джуан Дзы в Китае, и Хотей в Японии, и Боддхарма в Индии, и уже в этом веке, на Западе — Георгий Гурджиев... и это только самые знаменитые и самые значительные мошенники, известные как святые. Но разве можно втиснуть их в представления об обычных святых?

Это очень красочные, очень живые и яркие люди. Они не отрекались от мира, они не видели в этом надобности. Если Бог не отрекся от мира, то почему это должны делать они? Бог сам любит все эти краски, все эти цветы, всех этих птиц, все эти песни и всех этих людей. Существование — многосторонне. Оно вмещает в себя все, оно очень сострадательно. Оно не станет мешать мошеннику быть святым. Разумеется, при этом все качества сущности мошенника будут полностью преобразены.

Из-за своего поведения, из-за своих высказываний, из-за своих нелепых историй, которые святыми никто никогда не считал, Джуан Дзы всегда оставался загадочной фигурой для религиозных китайцев. Его слова несомненно содержат в себе нечто более святое, нежели так называемые святые писания, но чтобы понять их, нужно обладать особым зрением.

Однажды утром Джуан Дзы сидел на своей постели в большой печали. Его ученики никогда еще не видели его в таком состоянии, поэтому они спросили его, не случилось ли что. Он ответил:

— Я попал в настолько ужасную беду, что теперь даже не знаю, удастся ли мне выпутаться из нее в этой жизни или вообще когда-нибудь.

Всем очень не терпелось узнать, что же это была за беда, из которой Джуан Дзы никак не мог выпутаться. Это был один из величайших философов, и всякий раз, когда его ученики сами прихо-

дили к нему со своими бедами и невзгодами, он всегда давал ответ на любой их вопрос, и ни разу еще не называл ни одну проблему неразрешимой. Так что же с ним приключилось?

Джуан Дзы сказал:

— Беда в том, что сегодня ночью мне приснилось, будто я превратился в бабочку.

Ученики рассмеялись и сказали:

— Но это же был сон! Что ж здесь такого страшного?

Джуан Дзы сказал:

— Вы не выслушали меня до конца. Теперь я гадаю: а вдруг та бабочка заснула и сейчас ей снится, что она превратилась в Джуан Дзы? Так где же истина? Превратился ли Джуан Дзы в бабочку, или бабочка превратилась в Джуан Дзы? Кто я?

Вроде бы все логично. Раз человек во сне может превратиться в бабочку, то кажется, что вполне закономерно можно предположить, что и бабочка во сне может превратиться в человека. Так где же реальность?

И вот он писал такие притчи, совершенно абсурдные. Их нельзя разрешить, они в своей основе неразрешимы. Его спрашивали, зачем он сочиняет такие загадки, потому что никто никогда не слышал, чтобы религиозные люди занимались подобными вещами. Религиозные люди пишут о Боге, о небесах, об аде, они пишут о том, как надо жить. А он писал такое, что казалось бесполезным и лишь сеяло в умах людей сумятицу.

Но Джуан Дзы говорил людям: «Если вас не растормошить, то вы никогда не родитесь заново. Если вас не растормошить настолько глубоко, что ни одна ваша клетка не останется в покое, то вы не сумеете найти себя, вы никогда не найдете такое состояние, которое нельзя растормошить. Поэтому я буду продолжать загадывать вам эти загадки, чтобы тормозить вас и дальше. Я не стану вас утешать. За утешением идите к обычным святым. Я буду тормозить, я буду сеять сумятицу до тех пор, пока у вас не случится нервный срыв, потому что без нервного срыва вы не совершите прорыв».

Лишь немногим хватало мужества, чтобы оставаться рядом с Джуан Дзы. Он создавал такие ситуации, которые напрочь всех сбивали с толку. Святым не подобает делать такие вещи.

Однажды, например, его увидели в столице верхом на осле. За ним шли его ученики, и над ним смеялся весь город. Вокруг него собралась толпа... потому что сидел он не как следует — он сидел задом наперед, смотря назад на своих учеников! Народ гоготал, а ученикам было очень стыдно.

Наконец один из них решился спросить:

— Зачем все это? Ты выставяешь себя в дураках! И заодно

ставишь и нас в неловкое положение — люди считают нас идиотами!

Джуан Дзы сказал:

— Во всем этом есть большой смысл. Я уже не раз задумывался: если я сижу верхом на осле как полагается, тогда я буду сидеть к вам спиной, но это оскорбительно. И я не хочу никого оскорблять, даже собственных учеников. Можно сделать так, чтобы вы шли впереди меня, но тем самым вы оскорбите меня — и это уже ни в какие ворота не лезет, когда ученики оскорбляют своего мастера. И так вот я нашел выход. Пусть дураки себе смеются, но я смотрю на вас, а вы смотрите на меня. Вот так и должны вести себя мастер и ученики. Я уважаю вас, вы уважаете меня. А раз даже этому ослу все равно, то чего нам обращать внимание на глупцов?

Люди такой породы редки, уникальны, отыскать их чрезвычайно сложно.

Но он достиг высочайшей ясности, сознания, любви и сострадания, оставаясь при этом мошенником и плутом до конца своих дней.

Я также упомянул имя Хотей. Лежа на смертном одре, он спросил своих учеников:

— Может ли кто-нибудь предложить, как мне умереть так, как еще никто не умирал до меня? Потому что я не хочу умирать как все, как обычно. Большинство людей умирают в собственной постели. И вот почему я никогда не сплю в постели — ведь это самое опасное место на земле! Девяносто девять процентов людей умирают в постели! Поэтому всю свою жизнь, желая избежать это опасное место, я спал на полу. Но умереть мне хочется как-нибудь по-особому, точно так же, как я и жил: меня никогда не волновало, что скажут другие — я просто жил спонтанно, в согласии со своей собственной сущностью, в соответствии со своим собственным пониманием. Проклинали ли меня, порицали ли меня — меня это мало заботило. Но сейчас я в тревоге — мне нужны ваши идеи.

Кто-то предложил:

— Попробуй умереть стоя.

Хотей сказал:

— Отличная мысль.

Тогда кто-то из учеников вспомнил:

— Но это не оригинально. Я где-то уже слышал об одном мошеннике-святом вроде тебя, которые умер стоя. Так что, в такой смерти не будет ничего особого.

Тогда другой ученик сказал:

— Лучше всего, если ты умрешь стоя на голове! Не думаю, что кто-либо когда-нибудь умирал таким образом. Это будет уникальный случай. Никто так не поступал в прошлом и вряд ли посту-

пит в будущем.

Хотей воскликнул:

— Мне по душе эта идея!

И вот, будучи уже на волосок от смерти, он встал на голову. Говорят, что все ученики совсем растерялись, понятия не имея, как быть дальше. Они знали, что делать, если человек умирает в постели, но как быть с мастером, который умер стоя на голове?

Кто-то вспомнил о его старшей сестре — она была монахиней, точно так же как и он был монахом, и жила неподалеку:

— Позовем ее. Ничего не будем делать. Спросим сначала кого-нибудь, кто больше знает и понимает.

Сходили за старшей сестрой Хотей. Она пришла и закричала:

— Хотей, ах ты мошенник! всю жизнь ты был несносным, так ведь же себя прилично хотя бы при смерти! Ну-ка быстро ложись в постель!

Понятное дело, раз старшая сестра так говорит... Хотей прыгнул на ноги, засмеялся, лег в постель и тут же умер!

Но святой такого рода — явление очень редкое. Его не примет традиция, его имя не будут упоминать религии. Даже после смерти он не изменил себе. Перед тем как умереть, он сказал:

— Помните, я не обычный человек, поэтому не надо меня омыwać. — Это была традиция: прежде чем нести усопшего на погребальный костер, нужно его омыть. — Я уже помылся с утра, так что незачем снова поливать меня холодной водой! Терпеть не могу холодную воду!

— Но ведь ты уже будешь мертвый! — удивились ученики.

Хотей сказал:

— Мертвый, живой — терпеть не могу холодную воду! И не забывайте, что вы — мои ученики и вы обязаны исполнить мою последнюю волю: не снимайте с меня мою одежду.

По традиции полагается омыwać умершего, одевать его в новую одежду, класть ему рядом еду... ведь мы готовим его к новому паломничеству, к новому путешествию. Но Хотей настаивал на своем. Приверженцы традиций отказались принимать участие в таких похоронах:

— Это неправильно, что его нужно омыть и переодеть! — говорили они.

Но ученики упорствовали:

— Мы не смеем послушаться нашего мертвого мастера. Ктому же ему никогда не было до вас дела. И нам не кажется, что для него будет иметь какое-то значение, придете вы на похороны или нет.

И они так и положили его тело в костер прямо в его одеждах... и только тогда все поняли, насколько уникален был этот человек и что он действительно был из числа тех, кто приходит лишь

изредка. Он заставил смеяться всех хоронивших его, потому что в своей одежде он спрятал фейерверк! В костре все вдруг начало взрываться! Он высмеял даже смерть! Он заставил людей смеяться даже на собственных похоронах.

Так что, я не стану говорить, что святой может быть мошенником, но я с уверенностью заявляю, что существование очень вмести-тельно, и поэтому мошенник запросто может быть святым и, пожалуй, даже лучшим святым, нежели все ваши так называемые обычные святые. Обычные святые — это обычные люди. Они выполняют ваши ожидания. Мошенник-святой никогда не станет выполнять ваши ожидания и более того — он будет их разрушать. Он действует таким образом, что вы не можете ни понять его, ни истолковать его. Вы не в состоянии постичь многое из того, что происходит в его жизни.

Георгий Гурджиев, который умер в 1950-ом году — фактически наш современник — был, пожалуй, самым уникальным человеком в этом столетии. Один из его учеников по имени Николь вспоминает, что однажды, когда они с Гурджиевым ехали на поезде в Америке, Гурджиев вдруг начал притворяться вдрызг пьяным. Николь, который уже давно был с Гурджиевым, прекрасно знал, что тот уже много лет подряд не прикасался к спиртному, но сейчас почему-то он стал строить из себя пьяницу... он орал, кидался вещами, поднял на ноги весь вагон.

Кончилось тем, что пришел проводник с охраной, и Николь стало очень стыдно. Он все уговаривал Гурджиева:

— Что вы делаете?! — Но Гурджиев и слышать ничего не желал. Он выставил в дураках и себя и заодно Николь.

Николь не мог себе места найти от стыда... потому что все ведь думали, что Гурджиев был пьян. Ему говорили:

— Вам бы следовало лучше приглядывать за своим учителем и не сажать его пьяным ночью на поезд! Он разбудил весь вагон! И он не только своими вещами кидается, но и чужими тоже! Лучше бы вам его утихомирить, а то на следующей станции мы вызовем полицию!

Николь как мог убеждал Гурджиева:

— Да будет вам! Зачем вы напрасно... я ведь отлично знаю, что вы не пьяны!

Тогда Гурджиев прошептал Николью на ухо:

— Я тоже это знаю, не волнуйся ты так! У меня свои способы работы. Нужно учиться не испытывать стыд, ни при каких обстоятельствах. Если хочешь быть со мной, то тебе придется забыть, как стыдиться. Это был тебе урок. Я превратил весь этот вагон в учебный класс специально для тебя. С чего вообще человеку должно быть стыдно?

И пока он говорил, вокруг собрались люди стали слушать. Гурджиев друг оказался совершенно трезвым и спокойно рассуждал о стыде и его особенностях. Если вы в состоянии забыть про стыд, то определенно в вас наблюдается духовных рост. Почему люди чувствуют стыд? Потому что им хочется уважения, каждый глубоко в душе желает, чтобы о нем думали только хорошо, уважительно. И когда происходит что-нибудь такое, что разрушает их респектабельность, они испытывают стыд. Стыдится эго.

И Гурджиев сказал Николу:

— Если ты отбросишь стыд, то считай, что ты отбросил эго. Ну а теперь мы можем поспать.

Все пассажиры были немало озадачены этим человеком. Все поняли, что он был совершенно прав. Наутро многие пришли к нему в купе. Люди говорили:

— Извините за беспокойство, но вы произвели на нас сильное впечатление. Нам и в голову придти не могло, что учитель, духовный мастер станет вести себя таким образом, только чтобы преподать урок своему ученику. Но мы не смогли глаз сомкнуть всю ночь — все думали о вас. Это правда, мы все время чувствуем стыд. Это не мы сами, а наши представления о нашем престиже, о положении, о том, какими нас должны видеть люди и какими они должны нас знать.

Все мы носим маски. И когда кто-нибудь вдруг срывает с вас вашу маску, вам становится стыдно, потому что за маской вы прятали от мира ваше подлинное лицо, а теперь оно вдруг стало открытым. Вы вдруг обнаружили, что вся ваша одежда исчезла, и вы стоите голыми у всех на виду!

Но на такое способен только человек вроде Гурджиева. Однажды он вызвал к себе одного из своих самых ярких и известных учеников — Петра Успенского. Успенский был знаменитым на весь мир математиком. До того как Успенский стал учеником Гурджиева, о Гурджиеве никто слыхом не слыхивал, и именно посвящение, полученное Успенским от Гурджиева, прославило и самого Гурджиева.

Успенского знал весь мир. Он написал книгу, которую называют одной из трех величайших книг на свете. Он сам в ней пишет... Эта книга о математике, о высшей математике, но при этом не только о математике, но и о духовности тоже. И Успенский остается единственным математиком, который провел параллели между высшими математическими порядками и духовностью.

Его книга называется «Tertium Organum». Это переводится как «третий канон мысли». Во вступлении он пишет: «Первый канон мысли принадлежит Аристотелю, его работа называлась просто «Organum». Второй канон был составлен Бэйконом и назывался

он «Novum Organum» — «Новый канон мысли». Оба эти труда оказали чрезвычайно большое влияние на научный рост. Свою книгу Успенский назвал третьим канонем мысли — «Tertium Organum». Он говорит: «Несмотря на то что моя книга третья по счету, она существовала еще до того как, первая появилось на свет».

Вне всяких сомнений, его работа более фундаментальна, нежели работы Бэйкона и Аристотеля. Книга написана уже почти полвека тому назад, но четвертый канон так пока и не появился, и возможно, что никогда и не появится. Успенский потрудились на славу.

Он преподавал в Лондонском университете, когда в России произошла революция. Гурджиев как раз был в то время в России, в далекой глубинке, в небольшом городе Тифлисе. Гурджиев написал Успенскому, призывая его немедленно приехать. Ехать было очень опасно: русский царь был убит, по всей России шли беспорядки. Несмотря на то что революционеры свергли прежний строй, новый порядок еще не был установлен, и поэтому вся страна вверглась в пучину хаоса — и эта страна огромна, она занимает одну шестую часть всей суши. Армия разбежалась и никто понятия не имел, что происходит. Поезда ходили как попало или не ходили вообще. В общем, никто ничего не контролировал. Страна металась в горячке, и ехать было очень рискованно.

Гурджиев написал Успенскому, чтобы тот немедленно приехал, и Успенский тут же бросил свою высокооплачиваемую работу, бросил свой респектабельный пост профессора и отправился в опасную Россию. Он боялся, что может не доехать, что по дороге его могут убить — ведь людей тогда резали почем зря. Но каким-то образом он добрался целым и невредимым. Дорога до Тифлиса отняла у него три месяца, но все же он добрался туда и был очень доволен собой.

Когда он вошел в дом Гурджиева, тот сказал:

— Отлично! Значит ты приехал. Теперь можешь ехать обратно и заниматься своими делами.

Успенский отказывался верить, что Гурджиев мог сыграть с ним такую шутку и напрасно подвергать его такой страшной опасности. И Гурджиев больше ничего не сказал! Он даже не предложил Успенскому присесть и отдохнуть, прежде чем ехать обратно. Он лишь бросил:

— Теперь можешь сразу же ехать обратно.

Даже другие ученики, которые в то время были с Гурджиевым, были весьма озадачены: странно все-таки! Один из учеников высказал все Гурджиеву:

— Мы глазам своим не верим, что вы оказались способны на такое! Ради чего все это было?

И Гурджиев сказал:

— Это его последнее испытание — испытание огнем, и похоже, что он не сможет его пройти. Я видел у него на лице печать поражения. Я видел его разочарование. Он не смог уйти красиво. Если бы он ушел красиво, то он родился бы заново, стал бы новым человеком. Я дал ему отличную возможность переродиться, но он ее упустил.

И очевидно, что Успенский действительно упустил эту возможность, потому что он очень обозлился и полностью порвал с Гурджиевым. Даже будучи таким выдающимся мыслителем, математиком, ученым, он не был в состоянии понять, что когда человек вроде Гурджиева проделывает нечто подобное — пусть кажущееся совершенно абсурдным и лишенным смысла, — в этом всегда есть какое-то значение. Нельзя оценивать такие действия поверхностно — нужно попытаться пойти вглубь. Многие из учеников Гурджиева в тот или иной момент покинули его, потому что не сумели логически осмыслить его поступки.

Но мошенник-святой не станет поступать исходя из логики — его поведение будет очень иррациональным. Однако если вы сумеете понять глубинный смысл его нелогичности, то вы с удивлением обнаружите в ней поистине чудесного человека.

Вот еще один пример: Гурджиев заставлял вегетарианцев есть мясо, вынуждал буквально силой. Непьющих он заставлял пить до тех пор, пока человек просто не валился плашмя на пол и не начинал говорить совершенно неподобающие ему вещи. И Гурджиев все это слушал. Он говорил:

— Я не верю ничему, что говорят люди, если только они не в бессознательном состоянии. Только тогда из них можно вытянуть правду. Находясь в сознании, они без конца говорят только то, что от них ждут, что они должны говорить, что соответствует их положению. Но правдивыми они будут лишь в бессознательном состоянии. Лишь тогда можно увидеть их подлинные лица. И изменить можно только подлинное. Ложное не податливо. Ложь не существует в принципе, так как же ее можно изменить? Изменить можно только подлинное, но прежде его нужно еще отыскать.

У Гурджиева были свои способы искать подлинное. Но эти способы не общеприняты, и именно поэтому ни Джуан Дзы, ни Хотей, ни Гурджиев, ни Бодхидхарма не стали основателями новых религий. Бодхидхарма, пожалуй, был самым выдающимся из этой четверки. Он родился в Индии, но ушел в Китай. Его слава шла впереди него самого, так что даже китайский император лично пришел встретиться с ним на границе.

И этот император сослужил величайшую службу буддизму: он воздвиг тысячи храмов и основал тысячи монастырей; тысячи ученых трудились над переводами всех буддистских писаний с па-

ли на китайский. Все свои сокровища он отдал на дело буддизма. Весь Китай он обратил в буддизм. И звали его император Ву.

И естественно, что любой из буддистских учителей, приходивших к Ву до Бодхидхармы, убеждал его:

— Ты заслужил несказанную благость. Ты переродишься в седьмом лотосовом раю, — это самый высший рай в буддистской мифологии. — Твоя заслуга настолько велика, что ничто не может с ней сравниться. Даже сам Ашока остался далеко позади.

И вот император Ву изящно поклонился, коснулся ног Бодхидхармы и спросил его:

— Заслужил ли я благость?

И Бодхидхарма отрезал:

— Ничего подобного!

Император был потрясен. Он сказал:

— Но ведь я воздвиг столько храмов, я высек тысячи статуй Будды, я кормлю тысячи монахов! Я весь Китай обратил в буддизм. И теперь ты говоришь, что грош цена всем моим заслугам? Что, я не перерожусь в седьмом лотосовом раю?

Бодхидхарма засмеялся и сказал:

— Ты переродишься в седьмом крапивном аду!

Ву еще не встречал таких людей. Он привык к учтивости, к любезности — ведь он был выдающимся императором. И теперь этот человек лупит его нещадно. Он спросил Бодхидхарму:

— За что ты так суров со мной?

И Бодхидхарма ответил:

— Потому что я люблю тебя и я суров со всеми, кого я люблю. Потому что как еще можно проявить заботу о человеке? Те пустомели, обещавшие тебе седьмой рай, не любят и не понимают тебя. Они просто тебя обманывают, потому что ты помогаешь им жить. Они обещают тебе сказочные награды в ином мире. Но я не стану тебе ничего обещать, пока не увижу, как ты преобразуешься здесь и сейчас. Может ты и воздвиг тысячи храмов, но ты еще не построил храм в самом себе. Может ты и высек тысячи статуй Будды, но сам ты — еще не Будда. И в седьмой лотосовый рай попадают не строители-ваятели, но лишь тот, кто сам стал буддой. Я могу превратить тебя в Будду, но со мной будет не просто. Тебе придется забыть, что ты император. Я не стану терпеть всю эту чепуху. Так что, теперь иди обратно к себе домой и обдумай все хорошенько. Я готов всегда, так что дело только за тобой. Но не верь ты своим монахам — они, может, и неплохие люди, простодушные и безвредные, — но они не мастера, способные преобразовать; они не способны сотворить новое сознание.

И еще он сказал:

— Я буду ждать с этой стороны границы, я не войду в твою им-

перью. Тебе придется войти в мою империю. Я буду ждать тебя здесь. Если ты решишься вступить на путь со всеми вытекающими отсюда последствиями, то приходи в четыре часа утра, перед восходом солнца. Если не придешь к этому времени, я уйду.

Все ночь император не мог сомкнуть глаз... идти или не идти? Этот человек показался ему опасным. И идти одному в четыре часа утра в полном мраке... ведь Бодхидхарма сразу предупредил его:

— Не приводи с собой свою стражу и свиту, потому что идти по пути придется тебе в одиночку.

Кто его знает? Может он сумасшедший какой. Однозначно, он опасен! Бодхидхарма не был заурядным святым. Но его взгляд, его жесты!.. Несмотря на всю его неотесанность, за ней скрывалось невероятное сострадание. И император все размышлял: идти или не идти? В результате он не выдержал: ему пришлось пойти. Сопротивляться этому человеку было просто нельзя.

Дрожа от страха, Ву вошел в храм — Бодхидхарма остановился в храме с внешней границы империи. Бодхидхарма сказал:

— Я знал, что ты придешь. Я это понял, потому что несмотря на мой суровый и грубый нрав, несмотря на твое потрясение, ты не разозлился и кое-что понял. Ты был озадачен — тебе ведь еще не приходилось встречать человека вроде меня, ты еще не видал таких странных святых! Но я знал, что ты не сможешь сегодня заснуть. Я тоже не спал всю ночь, потому что ждал тебя. Я был уверен, что ты придешь, потому что все мои слова были полны безграничной любви, сострадания к тебе.

У Бодхидхармы было всего несколько учеников, но все, кому хватило смелости и мужества быть возле такого необычного человека, в результате несомненно преобразились. Бодхидхарму не почитают традиционалисты. Но в этом и состоит вся прелесть жизни: есть толпа, приверженная традициям, но есть также и узенький непривычный путь, по которому ходят лишь немногие избранные. Ходить по нему — это как ходить по лезвию меча. Но для преобразования сознания эти немногие сделали больше, чем миллионы обычных святых.

Обычные святые хороши, но бесполезны. Те же немногие могут показаться недостойными, но встретить одного из них — редчайшая удача. Они опасны. Быть с ними означает играть с огнем, но если вы не готовы играть с огнем, не ждите, что с вами может случиться что-нибудь чудесное.

У обычных святых, священников и теологов вы найдете только обычную религиозность. Если вам ее хватает, то я вам не завидую. Ее не должно быть достаточно ни для кого, кто считает себя в праве называться человеком.

Я всей душой поддерживаю этих редких существ — необычных, нетрадиционных, чужих, неземных, — потому что они могут изменить вас в одночасье. Одной лишь их близости достаточно, чтобы разжечь в вас новое пламя. Оно горит в вас всегда — нужно лишь дать ему свежего воздуха, освободить от условностей, от мыслей, от традиций, которыми вы его прикрыли. Ведь этот огонь есть в каждом.

Вам нужно хирургическое вмешательство, вы не можете рассчитывать на помощь добрых людей. Вам нужно, чтобы кто-нибудь буквально разрезал вас вдоль и поперек и добрался бы до самого сердца. Понятное дело, что у загадочных людей методы тоже загадочны, потому что добраться к человеческому сердцу не так уж и просто. Достучаться до человеческого ума — вот это раз плюнуть, но достучаться до сердца очень нелегко, и чтобы проникнуть еще глубже сердца — в саму вашу душу, в саму вашу сущность, — вам понадобится помощь особого хирурга, необычного врача, чьи инструменты будут диковинны.

В общем, появление пары-другой мошенников среди святых — это благословение для нашей земли. Именно они и есть сама соль всей эволюции человеческого сознания.

Следуйте за исключительным, ищите уникальность. Только тогда, может быть, вам удастся отыскать дверь в неизведанное. Обычный святой хорош для служения, для преклонения, для осыпания его цветами и для получения от него благословений. Он добрый, он никому не причиняет вреда, он утешает. Он дает вам успокоение в этом тревожном, несчастном и многострадальном обществе. Он дает вам в некотором роде наркотик, он дает вам удовлетворение в этом неудовлетворенном мире.

Но особый тип святого, о котором вы меня спрашиваете, намеренно создает в вас неудовлетворенность — неудовлетворенность по божественному. Обычная неудовлетворенность — это пустяк, но мастер хочет, чтобы вы были неудовлетворены еще больше. Он хочет, чтобы вы пылали пламенем неудовлетворенности. Ваша неудовлетворенность должна стать настолько горячей, чтобы она могла сжечь в вас все лишнее, все, что не является частью вас, и вывести на свет вашу лучащуюся сущность в ее первозданной красоте и наготе.

Я обожаю мошенников-святых!

О них никто не говорит и не пишет. Никому даже не хватит наглости назвать какого-либо святого мошенником. Но я не могу врать, и поэтому лопату я просто называю лопатой!

Глава 11

Подлинный мастер зажжет в вас огонь

Вопрос первый:

Возлюбленный Ошо,

Как так может быть, что ты просто проходишь мимо человека, и он уже весь воспламеняется? Я собственными глазами видел, как люди, совершенно незнающие, что они тебя любят, словно как бы загорались от одного твоего вида.

Замечательный вопрос. Жизнь — это не синоним логики и в частности той логики, которую миру подарил Аристотель. Логика привлекательна для ума — она очень проста, весьма очевидна, математична и научна. Но если логика Аристотеля и привлекательна для ума, то это еще не значит, что она подходит существованию, это еще не значит, что логика представляет жизнь. Наоборот, ум так переполнен логикой именно потому, что она отлично подходит расщепленному уму, подходит просто идеально. И естественно, ум убежден в ее непреложности.

Но жизнь — это не логика. И поэтому первым делом мы должны понять раздвоенность нашего ума, благодаря которой он и оказался под таким впечатлением от ложной логики, от логики, которая ни в коей мере не передает суть самого существования.

Ум разделен надвое. Есть передняя часть ума и задняя часть — это первое деление. Передняя часть ума активна, задняя часть ума пассивна. Передняя часть ума думает, задняя часть ума просто живет. Передняя часть ума — это сама основа нашей деятельности, наших достижений, всего нашего научного и технологического прогресса.

Задняя же часть ума безмятежно спокойна, и известна она только медитирующим людям. Остальные попросту о ней ничего не знают. Если только вы не станете бездеятельными настолько, что ваши мысли и чувства ничто не будет тревожить, вы не сможете попасть в заднюю часть вашего ума.

Передняя часть ума очень ограничена — действие должно иметь границы. Бездействие — необъятно, оно не знает границ и поэтому оно безгранично. Действие можно определить, низвести до объяс-

нения и теории. Но вся прелесть переживания бездеятельности остается в вас — она за пределами слов. Бездеятельная часть ума существует независимо от того, знаете вы о ней или нет. Ваше знание никак не нее не влияет — она просто всегда есть и всегда была. Я вернусь к ней позже, когда я буду непосредственно отвечать на вопрос. Сейчас я просто готовлю пространство, в котором на такой вопрос можно ответить.

Второе деление — это деление на левую и правую части ума. Наши руки связаны с этими частями ума, но довольно странным образом: левая рука связана с правой частью ума, правая же рука связана с его левой частью. И поскольку в наших действиях доминирует правая рука, а левая лишь выполняет вспомогательную функцию, то в наших умах где-то глубоко-глубоко отпечаталось, что правое — верно, а левое — ложно. Поэтому все ложное и неверное мы осуждающе называем «левым», а все, что мы ценим, что поддерживает традиция, за чем стоят консерваторы и массы, мы называем «правым».

В Индии жена не может сидеть по правую руку мужчины — она должна сидеть только слева. Женщина — проклятое существо. В самом крайнем случае она может сесть слева, но никогда не справа — правая сторона оставлена для других мужчин.

Но вот что забавно: веками люди не отдавали себе отчета в том, что правая рука связана с левой стороной ума; руки и стороны ума связаны крест-накрест. Так что левая область ума так развилась, потому что у нас доминирует правая рука. Ее действия — это продолжение той части ума, с которой она непосредственно связана. И поскольку левая рука второстепенна, то и правая область ума тоже всегда оставалась второстепенной.

Таким образом, ум каждого человека разделен крест-накрест в двух плоскостях. Во-первых, это деление на переднюю и заднюю области, и во-вторых — на левую и правую. Если крест вообще и включает в себе какой-то смысл, то смысл этот должен быть таков.

Словом, каждый человек несет свой крест, а не один только Иисус Христос. И этот крест не вне вас, а внутри. Он гораздо тяжелее, чем любой материальный крест и гораздо более опасен. Его бремя так ужасно и разрушительно, что и представить себе страшно. И все традиции мира только и делают, что поддерживают его.

Левая область ума имеет свои особенности... Например, ее запросто и без проблем может задействовать передняя часть ума. У нее есть определенное тяготение к передней части. Правая же область ума тяготеет к задней его части. Так что по мере продвижения медитирующего в неостребованные части собственного ума... добравшись до задней части, он полностью затихнет.

Многие мистики молчали просто потому, что они понятия не имели... ведь если бы им захотелось что-либо сказать, им пришлось бы использовать правую область ума, им пришлось бы перейти в правую область.

Раньше, прежде чем погрузиться в медитацию, они пользовались только левой областью ума, поскольку знали они только о ней. Но углубившись в медитацию, они неожиданно обнаруживали, что между левой областью ума и задней его частью нет никакой связи. И они оказались отсоединенными. Молчание мистиков не было намеренным — просто они никак не могли найти из него выход. Они пытались установить связь с привычной левой областью ума, но им никак не удавалось до нее добраться. До левой области ума невозможно добраться непосредственно из задней части. Поэтому мистики не говорили ни слова.

Лишь немногие из них решили эту невероятную задачу и поняли, что левую область ума может использовать только передняя его часть, заставляя ее думать и действовать. Так что, это просто естественный вывод, что, возможно, в таком случае тишину можно выразить через правую область ума, превратив тишину в песню. И только те мистики, кто понял это, прославились на весь мир как великие мастера.

Не все мистики становились мастерами. Многие пробуждались, познавали наивысшие высоты сознания, оставаясь при этом в изоляции, в отрыве от большей части человечества. Они ничего не могли дать людям. Они познали истину, но к своей досаде поняли, что немые. Они познали ее вкус, но взяв ее на язык, они лишились языка и поэтому потеряли способность говорить.

Одному из величайших философов современного Запада Людвигу Виттгенштайну принадлежит одно весьма многозначительное изречение. Он единственный мыслитель современности, пишущий одними афоризмами; он даже не выстраивает их в параграфы — у него есть только отдельные и независимые друг от друга строчки. И вот одна из таких его строчек: «Что сказать нельзя, говорить не должно». Этот человек осознает, что в мире есть нечто такое, что невозможно высказать. Он не отрицает этот факт, он не утверждает, что не бывает ничего таинственного — таинственное есть. И его изречение гласит: что сказать нельзя, говорить не должно. Почему? Потому что все ваши слова окажутся ложными. И именно в такой ситуации и оказывались все, кто каким-то образом сумел проникнуть в заднюю часть своего ума.

Виттгенштайн был опытным философом, его учили величайшие умы своего времени. На его удачу, одним из его учителей были Рассел и Мур — оба сами выдающиеся философы и оба они говорили о Виттгенштайне: «Хоть он был нашим учеником, мы

представлялись себе карликами по сравнению с ним». И это говорили знаменитые мыслители, Нобелевские лауреаты.

Что же было в Виттгенштайне такого, что заставляло таких людей чувствовать себя неполноценными? Он был еще студентом, когда Бертран Рассел предложил ему опубликовать свои заметки, которые Виттгенштайн делал в его классе. И это были не конспекты слов Рассела; это были заметки, где он Виттгенштайн высказывал свое мнение по поводу высказываний своего учителя.

Когда Рассел впервые заглянул в тетрадь Виттгенштайна, он воскликнул: «Боже всемогущий! Я думал, что ты записываешь мои лекции! Но твои замечания очень оригинальны, ты здорово поработал».

Бертран Рассел сильно развил переднюю лобную долю своего мозга, в то время как Людвиг Виттгенштайн нашел лазейку в заднюю его часть.

Ученые говорят, что нам неизвестно предназначение задней части ума. Они никак не могут понять, для чего она вообще нужна, потому что хоть она и занимает целую половину всего мозга, все же непонятно, какие задачи она выполняет. У нее нет функций, она ничему не способствует. Вполне возможно, что ученые никогда и не смогут постичь эту бездонную глубину, этот мрак, эту загадочную часть собственных же умов.

Бертран Рассел уговаривал Виттгенштайна издать все свои заметки, которые он заносил в тетради. Виттгенштайн отвечал:

— Это же просто заметки! Вы говорили, и когда я слышал что-либо, что мне не казалось верным, я это отмечал у себя в тетради, для собственных нужд.

Но Рассел настаивал:

— Эти заметки нужно издать и даже не редактировать, потому что в них есть нечто такое, что не известно мыслителю, философу; в них есть нечто, что понятно только мистике. Это просто случайность, что мистик пришел учиться философии.

Но Виттгенштайн тоже не мог найти связь между мистической частью ума и левой его областью. Связи просто нет. Он старался как мог — это был опытный философ, логик и поэтому он работал изо всех сил. Он писал свои книги, редактировал их по несколько раз и в результате пришел к выводу, что «то что сказать нельзя, говорить не должно», потому что в таком случае любые слова окажутся ложными. Они не никак не будут связаны с действительностью.

Он так и не сумел найти проход из задней части ума в переднюю. Просто из задней части ума нет прохода в левую область передней части. Левая область ума находится во власти передней его части, она живет в мире действия. Правая же область ума находит-

ся во власти бездеятельной части ума, во власти тишины и безмятежности. Этот крест мы несем беспрестанно. Логика Аристотеля устраивает левую область передней части ума, но на остальной ум она никак не влияет. Передняя левая часть ума очень мала. Задняя же часть ума фактически бесконечна; это окно в тайны жизни.

Лишь изредка кому-нибудь удавалось найти связь, и только тогда просветленный человек мог выразить словами нечто важное. Именно поэтому в мире было много мистиков, но лишь горстка мастеров. Мастер — это мистик, который узнал, что правая область ума — это способ передать нелогичное, таинственное, необъясненное и необъяснимое.

И вот твой вопрос: что происходит с людьми, которые даже не знают меня, которые пришли посмотреть на меня просто из любопытства, которые просто случайно оказались рядом, когда я проходил мимо... Но что-то успевает перейти к ним, и они воспламеняются. Это видно по их взглядам, по их лицам — за несколько секунд они продвинулись на многие мили. И они даже не ждали, не желали ничего подобного. Им и в голову не могло прийти, что так случится. Они поняли уже потом, после, и менять что-либо было уже поздно.

Так случается в силу нескольких причин. Во-первых, раз они ничего не ждали, то не было и препятствий. В их умах не было ожидания, и соответственно ничто не мешало им быть открытыми. Они ни коим образом не были со мной связаны, так что они просто присутствовали, без помех и ожиданий.

Просто присутствовать — это самое важное, и это будет весьма сложно для человека, который любит меня. В нем обязательно будет какое-нибудь подсознательное желание, какие-нибудь ожидания... тайная надежда, что я узнаю его — этого вполне достаточно.

Но у постороннего, у туриста, у зеваки, у случайного прохожего не будет на мой счет никаких ожиданий, даже столь незначительных. Он просто стоит и смотрит, как я прохожу мимо. И поскольку ничто ему не мешает, то мистическая часть его ума открывается сама... я даже ничего не делаю для этого — они раскрываются сами. И точно так же, как пламя одной свечи передается другой свече — нужно лишь поднести их поближе друг к другу...

Наблюдатель стоит и тихо ждет, ни на что не надеясь, и от этого он становится ближе. Чем больше надежды, тем больше разрыв.

И нужно лишь, чтобы всего одна искорка выпрыгнула из моего мистического мира. И чтобы поймать ее, вы просто должны стоять в непосредственной близости.

Это случилось однажды, и очень может быть, что завтра сторонний наблюдатель придет снова, но второй раз он уже ничего не почувствует, потому что завтра он уже будет чего-то ждать — тот же

самый человек. И обычная логика скажет ему, что раз он почувствовал что-то однажды, то велика вероятность, что это повторится. Но жизнь не подчиняется обычной логике. У жизни свои пути — и весьма неисповедимые. Можно лишь с уверенностью утверждать, что жизнь не подчиняется двойственной логике Аристотеля, жизнь не обращает внимания на подход к действительности, который исповедует расщепленный ум.

Ум видит все в черно-белых тонах, где ничего нет посередине: либо день, либо ночь; либо жизнь, либо смерть; либо любовь, либо ненависть — одни лишь крайности. Ум просто делит, расщепляет, разрезает все пополам на две отдельные полярные реальности, превращая половинки в несовместимые противоположности, и кажется, что объединить их просто невозможно, что они не могут слиться в единую действительность.

Ум воспринимает лишь противоположные крайности реальности. Ум таков. С точки зрения логики, любовь противостоит и противоречит ненависти. Но в жизни это не так. Любовь свободно и беспрепятственно перетекает в ненависть. Ненависть перетекает в любовь точно так же свободно, как одна волна перетекает в другую.

Это лишь наше с вами представление, что якобы свет и тьма — это две противоположные реальности. Это не так. Есть животные, которые отлично видят ночью, но слепы днем. Солнечный свет слишком ярок для их чувствительных глаз, он их слепит. Днем они видят лишь тьму, потому что их глаза закрыты — они их просто не могут открыть. Они начинают видеть, только когда на землю опускается спокойствие и тишина ночи. Тогда они и открывают свои чувствительные глаза, и ночь для них наполняется светом. Их органы зрения гораздо более нежны, чем у нас. Поэтому наша ночь — это их день; наш день — это их ночь.

Здесь нет противостояния. В самом крайнем случае мы можем утверждать, что свет менее темен, а тьма менее светла. Но для измерения степени света и тьмы нам придется использовать нечто такое, что лишь укажет разницу в значениях, но никак не создаст противоречия.

Каждый божий день мы видим, как жизнь так тихо, спокойно, без шума перетекает в смерть. Мы не слышим даже шагов смерти. Противоречия здесь быть просто не может. И знающие, знают также и оборотную сторону медали: смерть перетекает в новую форму жизни. Все различия рукотворны; существование — беспристрастно.

Стоит нам только начать мыслить в терминах одной беспристрастной действительности, неразделенной и неразветвленной, крест в нашем уме исчезнет. Кроме вас самих никто вас не распинаял; вся ответственность лежит только на вас, и вы в силах снять себя с

этого креста и объединить весь ваш ум в одно целое.

В единстве ума заключена невероятная сила. Нет, вы не получите власть над другими людьми, но зато вдруг обнаружите, что все словно протекает через вас, хотя вы ничего не делаете. Вы превратитесь в средство передачи огромного существования; и именно так и происходят подобные вещи.

Вы сами все видите: посторонний человек просто стоит рядом и внезапно он словно весь зажигается. Он уже больше никогда не будет прежним, потому что ему не забыть то мгновение, когда он впервые увидел реальность. Оно будет преследовать его, оно будет ходить за ним повсюду как тень. И ему придется что-то сделать, потому что иначе память о том мгновении изведет его. И случилось вот что: задняя часть его ума, которая беззаботно спала тысячи лет, внезапно вдруг ожила.

Вот что я называю синхронностью. И только так можно определить, знаете ли вы мастера или нет. Люди всегда задавались вопросом: «Каковы качества мастера? Как нам узнать его? Как узнать, какой именно мастер нам нужен? Как отличить притворщика от подлинного мастера?» Было придумано множество определений, множество качеств и множество признаков, но все они происходят от логического ума. Ни одно из этих определений не имеет и мало-мальски важного значения.

Я хочу, чтобы вы знали, что только одно определяет настоящего мастера: достаточно присутствия настоящего мастера, чтобы оживить ваш дремлющий ум и воспламенить вашу сущность. Присутствие мастера способно заставить вас расцвести тысячами цветов в один-единственный миг. Этот миг будет настолько интенсивен, что фактически приравняется к вечности. Так и только так можно узнать настоящего мастера, а все остальные способы лишены всякого смысла.

В каждой религии есть определения истинного мастера. Все они отличаются друг от друга — естественно, — потому что они были установлены на примере какого-нибудь конкретного учителя, который мог быть настоящим мастером, а мог и не быть. Так что, они просто собрали воедино его отличительные черты — что он ел, что он носил, как он ходил, как он сидел, сколько он спал...

Но каждый мастер уникален по-своему, поэтому нельзя определять его истинность по его личным чертам. Махавира жил голым. Будда был его современником, но он не жил голым. Понятное дело, джайны ни за что не согласятся, что Будда был подлинным мастером, раз он носил одежду — настоящий мастер должен быть голым. Буддисты в свою очередь никогда не примут Махавиру в качестве мастера, потому что Будда учит оставаться в середине, все крайности эгоистичны, любой экстремист всегда будет эгоистом.

Ведь заниматься накопительством — это одна крайность. Но бывает еще и другая крайность: есть люди, которые полностью от всего отрекаются. Если бы это было в их силах, они бы сбросили с себя кожу и отреклись бы и от нее. Им приходится ограничиваться только одеждой, потому что больше отбрасывать уже просто нечего — они добрались до самого конца. Так что, по мнению буддистов, Махавира был еще тем экстремистом. Зачем же ходить голым? Может когда на улице и жарко, можно походить голым, но если дует промозглый ветер, то стоит бы накрыться плащом — в этом совершенно нет ничего дурного, нужно заботиться о теле. Оставайтесь в середине и не скатывайтесь к крайностям. Не нужно копить лишние накидки, не нужно ходить голым в мороз и понапрасну себя мучать.

Но буддисты не могут принять Махавиру как мастера, потому что их определения мастера лишь внешние. Они просто скопировали все внешнее с одного человека, при этом не зная внутренней природы мастера. Определить можно только по одному признаку, а все остальное — абсолютно случайный выбор той или иной личности.

Насколько я понимаю, Махавира был очень красивым человеком; не исключено, что за всю историю ни у одного другого мужчины не было столь пропорционального тела такой изысканной красоты. Я не согласен с джайнами, которые убеждены, что он жил голым из-за своего аскетизма. Нет. По-моему, он просто ценил красоту, и его красота была такой совершенной, что любая одежда бы уничтожила бы ее. В его наготе была первозданная красота.

На самом деле, одежда была изобретена теми людьми, которые не хотели выставлять на показ свои кривые тела. У одежды, конечно, есть и другие задачи, но основная задача — это не только создание микроклимата, но и придание вашему телу красоты. Обнаженным оно не будет столь прекрасно; очень немногие люди красивы в наготе — большинство же просто безобразны. И в одежде они могут показаться красивыми, потому что в таком случае видны только одни их лица.

Не думаю, что Махавира был склонен к крайностям. Я просто считаю, что при его красоте ему не нужна была одежда, и кроме того он был настолько здоров, что смена времен года никак на нем не отражалась. То есть, все из-за его здоровья и красоты. Но эти его свойства никак не определяют, был ли он мастером или не был.

Это определить можно только по одному-единственному признаку: воспаляет ли он людей — и особенно незнакомых, особенно зевак, пришедших, просто чтобы посмотреть, что это за человек такой, к которому люди липнут как мухи. Зеваки не пришли с

желанием духовного, потому что желание как таковое всегда недуховно. Соответственно, не бывает и никакого духовного желания.

Эти люди пришли не с тем, чтобы что-то для себя получить; они просто пришли поглядеть. И вот вам определение: если мастер оказывается рядом с зеваками, и что-то от него передается этим людям, совершенно не готовым, ничего не ожидавшим, ни о чем не мечтавшим, удивленным не менее чем те, кто смотрит на них...

На самом деле, им даже слегка не по себе, потому что они и не думали ни о чем таком: они просто пришли поглядеть на этого человека из чистого любопытства. И вот что-то с ними случилось, что-то необычное и очень ценное... Как будто им в руки вдруг попал совершенно неожиданный подарок.

И дальше им будет нелегко, потому что дальше им захочется прийти снова, но в этот раз в них уже будет желание, надежда; завтра они уже не придут невинными, как это было в первый раз. И завтра с ними уже ничего не случится.

Теперь дайте я вам напомню о разделении ума. Сначала зевачи пришли просто посмотреть на интересного человека. Когда они увидели его, на мгновение их мышление остановилось. На мгновение их поглотила энергия, окружающая этого человека; сами не ведая того, они оказались втянутыми в нечто такое, к чему они еще не были готовы. Что-то в них изменилось, изменилось навсегда, и теперь они больше никогда не будут в покое.

Но тут они должны понять одну элементарную вещь, потому что иначе они вступят на очень сложный путь, на котором уже мечутся миллионы людей. И они затаят на мастера злобу: «Почему со мной ничего больше не происходит? Почему он бездействует?»

Но мастер ничего не делал с самого начала — он просто проходил мимо. Он каждый день точно так же проходит мимо вас. Просто в первый раз вы были чисты, открыты, ничто вам не мешало, и вы спокойно позволили ему войти. Но теперь вы напряжены, скованы, требовательны; вам хочется новых и новых ощущений. Вы попали в порочный круг: чем больше вы требуете и ожидаете, тем меньше шансов, что это случится.

Любые требования происходят из передней части ума, любые желания зарождаются в передней части ума, все ожидания находятся в передней части ума. Задняя же часть ума абсолютно невинна, как дитя.

Поэтому вы должны осмыслить ваш первый опыт: что с вами произошло, где вы были, в каком вы были состоянии. В этом будет больше пользы. И тогда если вы поймете, как не загрязнять ваше пространство ожиданиями, желаниями и требованиями, и будете помнить, что мастер никогда ничего не делает... его действия лежат

за пределами обычных действий, потому что обычными действиями руководит передняя часть ума. Любое действие происходит от передней части ума, но мастер живет задней его частью, темной его стороной, мистической стороной, иррациональной стороной.

Если вы общаетесь с мастером при помощи передней части вашего ума, то между вами и мастером будет сохраняться непреодолимый разрыв. Вы должны прийти к мастеру, отключив переднюю часть ума и отдав в распоряжение мастера всю восприимчивость задней части ума.

Мастер ничего не делает, и от вас никто не ждет, что вы будете что-то делать. Все происходит само собой. Вот почему я называю это синхронностью. Когда мастер переполнен, а вы тихи и открыты, энергия, переполняющая мастера, начнет заполнять и вас. Но для этого вы должны быть пусты. Будьте пустыми — это все что от вас требуется.

И помните, я повторяю: мастер не может ничего сделать. Да, многое в его присутствии происходит само по себе; он как катализатор. Многое может случиться, пока он говорит, пока он молчит — когда угодно. Нужно лишь, чтобы вы были открыты.

Для меня это всегда была проблема. Люди, чувствовавшие в себе перемены, оставались со мной — но с желанием. И потом они злились на меня, потому что им казалось, будто я забыл про них, будто я с ними больше не работаю, будто я больше о них не забочусь. Но нет же, я тот же самый. Просто ни моя забота, ни мои действия тут совершенно не при чем.

Вы должны понять, как все это происходит. Для этого вовсе не обязательно быть благостным, не обязательно быть очень образованным. Не нужно ничего. Чудо случается только с теми, кто просто умеет находиться в присутствии мастера и невинно наслаждаться самим этим присутствием, независимо от того, происходит что-либо или нет; только тогда сила энергии будет расти. Она будет накатывать как приливная волна, она будет накатывать все чаще и чаще. И вскоре вы будете ощущать ее даже на расстоянии от мастера.

Вы будете находиться в тысячах километров от мастера, но если вы будете в нужном состоянии — внутреннем состоянии, — то вы почувствуете... потому что присутствие мастера лишь возбудило то, что и так было вашим. Одно его присутствия было достаточно, чтобы вы ясно увидели свой внутренний огонь. И стоит вам только однажды почувствовать его внутри себя, как едва войдя в нужное состояние, где бы вы ни были...

Смотрите, как человек все ставит с ног на голову. Ему нужно найти внутреннее состояние, принять внутреннюю позу, но он занимается йогой, которая не имеет никакого отношения к истине. Дело

вовсе не в том, как вы сидите, в позе лотоса или нет... Это все не важно; важно то, что внутри вас.

Так что, никогда не забывайте ваш самый первый опыт, потому что это самый важный опыт, и в нем таится ключ к этой тайне. И вся тайна в том, что в самый первый раз вы были невинны. И если вы это поймете, то уже не важно, где вы окажетесь — нужно будет просто вспомнить то состояние, и то ощущение вернется к вам, и вы снова разгоритесь, воспламенитесь.

Расстояния же значения не имеют. Пусть даже ваш мастер умрет, на вас это никак не должно сказаться, потому что реальность заключена в вас, а мастер лишь был возбудителем. Дальше уже дело только за вами — понять все верно, ясно увидеть весь механизм и постоянно пребывать в нужном состоянии.

Смотря на восход, сидя возле дерева, глядя на звезды, просто восстановите в себе то состояние и вы найдете своего мастера повсюду. Люди, поклонявшиеся солнцу, луне, звездам не были идиотами. Просто они поняли, что мастер проявляется во всех-всех формах, которые дает вам существование. И все дело лишь в вашей восприимчивости.

Все то же самое испытывают и мистики, не ставшие мастерами. Их беда в том, что они не могут выразить словами произошедшее с ними, они не могут объяснить вам что, как и почему. И поскольку они не в состоянии объяснить, вы обречены всю жизнь оставаться в неверном состоянии.

Задача мастера — дать вам почувствовать и затем объяснить, что эти ощущения — это ваша заслуга, что их источник лежит в вас же самих, и что мастер попросту создал для вас нужную ситуацию; это было средство, которое разбудило ваш дремлющий ум, сдвинуло его с места, оживило его.

И теперь это уже ваша задача — идти еще глубже в это состояние синхронности с мастером и как результат — со всем этим прекрасным существованием, со всем вообще. И если все существование не стало вашим мастером, то ваш мастер никуда не годится. Так что, не подведите меня!

Религиозность вплетена в само бытие

Вопрос первый:

Возлюбленный Ошо,

Я был в Голландии, когда с тобой приключилась вся эта история, и я так сильно о тебе волновался, что решил приехать. Я хотел увидеть тебя, хотел собственными глазами убедиться, что ты в порядке. Я чуть с ума не сошел, когда увидел, что они с тобой вытворяли; я был вне себя!

У меня есть один вопрос — я только что его придумал. Происходящее в последние три месяца в Европе — это следствие того, что религия умерла и религиозные лидеры так сказать в «ауте». Ты же показал мне значение истинной религии, и вместе с тем я считаю себя лидером. Поэтому я решил назвать себя «религиозным лидером». Все крутят пальцем у виска и говорят: «Ты чего, с дуба рухнул? Не самое уместное сегодня занятие». И я отвечаю: «Именно поэтому я его и выбрал!»

Ошо, что ты думаешь по этому поводу?

Очень важный вопрос. Есть известное пророческое высказывание Ницше: «Бог умер, и человек свободен». В этом случае Ницше смотрел очень далеко. Лишь немногим дано понять глубину этого высказывания. Это верстовой столб в истории сознания.

Пока есть Бог, человек никогда не будет свободным — это просто невозможно. Бог и свободный человек не могут сосуществовать, потому что весь смысл Бога состоит в том, что он творец, а мы в таком случае низведены до положения его кукол. И раз он может нас сотворить, то таким же образом он может в любую минуту с нами покончить. Он не спрашивал нас, когда нас создавал, поэтому он не обязан спрашивать нашего позволения, когда ему вздумается всех нас убить. Творить и разрушать — это все чисто его прихоти.

Как же человек может быть свободным? У вас нет свободы даже просто быть. Даже родились вы не по вашей воле и умрете не по вашей воле, так что неужели вы думаете, что между двумя этими стенами вашего рабства вы сможете прожить свободную

жизнь?

Если мы хотим освободить человека, Богу придется умереть. Выбор очевиден, вопрос о компромиссе даже не возникает. Пока Бог жив, человек будет рабом, и само слово «свобода» будет просто пустым звуком. Только в отсутствие Бога свобода обретает свой смысл.

Но изречение Фридриха Ницше — это лишь полдела. Никто еще не пытался его завершить. Оно кажется законченным, но то что кажется еще не обязательно истинно. Ницше не подумал о том, что в мире есть религии, в которых нет Бога, но тем не менее и в этих религиях человек не свободен. Он забыл о буддизме, джайнизме, даосизме — о наиболее глубоких мировых религиях. Во всех этих трех религиях нет никакого Бога. Лао Дзы, Махавира и Гаутама Будда отрицали Бога по той же самой причине, ибо они видели, что пока есть Бог, человек будет всего лишь куклой в его руках. И тогда любые попытки достичь просветления лишены всякого смысла: вы несвободны, так как же вы собираетесь становиться просветленными? И где-то там сидит всемогущий и всевидящий — он в одночасье может забрать у вас ваше просветление. Он в состоянии уничтожить все что угодно!

Но Ницше совсем не учел, что в мире есть религии без верховного божества. Уже не одну тысячу лет назад люди поняли, что существование Бога — это главное препятствие человеческой свободы, и поэтому они избавились от него.

Но человек тем не менее не освободился.

Все это я веду к тому, чтобы вы поняли, что одного умерщвления Бога еще не достаточно для освобождения человека. Нужно сперва убить еще кое-что — убить религию.

Именно поэтому я все время настаиваю на том, что религия должна исчезнуть. Она должна последовать за Богом. И при этом мы должны создать религиозность без Бога и без религии, чтобы над вами больше не было бы никого более могущественного, и чтобы никакая организованная религия больше не могла бы заключить вас в клетки — христианские, мусульманские, индуистские или буддистские. Золотые клетки...

Когда исчезнут и Бог и религия, то автоматически исчезнет и еще кое-что: исчезнут священники, религиозные лидеры; исчезнут все эти бесчисленные подвиды религиозных властей. Им больше нечего будет делать. Больше не будет ни одной организованной религии, в которой нашлось бы место папе или шанкарачарье или Аятолле Хомейни. Больше не будет Бога, которого они бы могли представлять — поэтому их миссия подойдет к концу.

Будда, Махавира, Лао Дзы отбросили Бога по той же самой причине, что и Фридрих Ницше, не зная, не подозревая, что рели-

гия сохранится и без Бога, что священники все равно удержат человека в рабстве. И это рабство существует и по сей день.

Таким образом, чтобы завершить мысль Ницше, нужно убить и религию. Если нет Бога, то нет никакого смысла ни в какой организованной религии. Ради кого ей в таком случае существовать? Все церкви, храмы, мечети и синагоги закроются. И все раввины, священники и прочие религиозные прохвосты попросту окажутся на улице, безработными и никому ненужными.

И произойдет великая революция: человек станет полностью свободным.

И прежде чем я расскажу вам о нюансах этой свободы, вы должны понять: если мы завершаем изречение Ницше, то какую тогда свободу обретает человек? Бог мертв, человек свободен... но для чего? Его свобода ничем не будет отличаться от свободы дикого зверя.

Неверно называть ее свободой — это скорее обыкновенная распущенность. Это не свобода, потому что в ней нет никакой ответственности, никакой сознательности. Она не поможет человеку в его росте, в его становлении более возвышенным существом, нежели кем он был в рабстве. Свобода лишена всякого смысла, если только она не поднимает вас над рабством.

Очень может быть, что свобода скорее даже опустит вас еще ниже, чем где вы были при рабстве, потому что рабство — это своего рода порядок, в нем есть своя мораль, свои законы. В рабстве за вами приглядывала организованная религия, державшая вас в страхе перед наказанием, перед адским пламенем, заставлявшая вас алкать по награде на небесах, державшая вас чуть выше животных, чья свобода не сделала их возвышенными созданиями и не дала им никаких качеств, которые вы смогли бы оценить.

И поскольку Ницше даже не догадывался, что одна свобода не самодостаточна... и не только не самодостаточна, но и опасна. Она может низвести человека до скотского уровня. Во имя свободы он может свернуть с пути к высшим порядкам сознания.

Когда я говорю, что Бог мертв, что религия как организация мертва, я говорю, что человек свободен стать самим собой. Впервые он свободен отправиться на поиски своей сокровенной сути, не имея перед собой никаких препятствий. Он волен погружаться в глубины своего существа, он волен парить в высотах своего сознания. Никто его не держит; его свобода безусловна.

Но такая свобода возможна только, если — при условии что Бога нет, религий нет, священничества, религиозных лидеров тоже нет, — только, если мы сумеем сохранить то, что я называю религиозными качествами, то есть, если мы сумеем сохранить религиозность... и религиозность самым прекрасным образом сочетается со

свободой человека; она питает его рост.

И говоря «религиозность», я имею в виду, что человек как он есть — это еще не все; человек может стать большим, он может стать несоизмеримо большим. Человек как он есть сейчас — это просто семя. Он и не подозревает, какой потенциал он в себе заключает.

Религиозность просто означает побуждение к росту; это призыв к семени взойти и подняться до самого пика, выразиться в тысячах цветов и освободить свой аромат, который оно таило в себе все это время. Этот аромат я и называю религиозностью. Такая религиозность не имеет никакой связи с вашим так называемыми религиями, с Богом, со священниками; такая религиозность имеет отношение лишь к вам одним и вашему потенциалу роста.

Так что, я убрал все препятствия. И я понимаю твой вопрос.

Я сделал тебя религиозным, я сделал тебя религиозным лидером, и затем, ни с того ни с сего, я все это у тебя забрал.

Такое впечатление, что... Ты пришел ко мне, плача и рыдая; ты был несчастен, ты мучался, и это было не самое время говорить о религиозности. Нужно было сначала дать тебе поиграть с какими-нибудь игрушками. Я дал тебе игрушки. Тебе понравилось с ними играть: ты перестал реветь, забыл про свои горести, стал весь сиять от счастья, начал петь и плясать. Но дело в том, что это еще не предел твоим возможностям, и я стал волноваться, что ты можешь застрять в этом поверхностном счастье и довольстве...

Тогда мне пришлось отнять у тебя твои игрушки, потому что ты мог слишком глубоко сжиться с ними, зацепиться за них — ведь они доставляли тебе немало радостных мгновений. Эти игрушки остановили твои слезы и заставили тебя забыть обо всех твоих тревогах и невзгодах. Эти игрушки стали для тебя чем-то вроде опиума. И задача настоящего мастера — лишить тебя этих привязанностей, прежде чем ты начнешь слишком от них зависеть.

Только липовый мастер будет рад твоему счастью — ведь ты будешь ему благодарен за это счастье, пусть хоть оно и будет иллюзорным. Игрушки никогда не дадут тебе ничего подлинного и реального. С их помощью ты не откроешь свое истинное лицо. Да, ты займешься ими, погрузишься в заботы и забудешь про себя. Но настоящий вопрос в том, не как забыть себя, а как вспомнить.

Теперь эти игрушки тебе только мешают. Они сослужили свою службу, они высушили твои слезы. Они сделали то что от них требовалось, они дали тебе дозу утешения, и теперь, по крайней мере, ты находишься в таком состоянии, когда можно поговорить о чем-то более возвышенном. От игрушек надо быстро избавиться. Недолго час и ты начнешь таскаться с ними повсюду двадцать четыре часа в сутки, как малые дети таскаются везде со

своими плюшевыми медведями, без которых они не могут ни заснуть, ни даже шагу сделать — они буквально срастаются с ними.

Естественно, ты окажешься в странной ситуации — ведь я дал тебе религию, я дал тебе в ней лидерство. Ты нашел себе каких-то последователей. Ты нашел людей, обратил их и убедил в истинности этой новой религии. И чем больше людей тебе удалось убедить, тем сильнее ты убедил самого себя, в том что ты — отличный лидер.

И вот, в самом интересном месте твоего сладкого сна я вдруг бужу тебя и говорю, что все это чепуха: нет никакой религии, нет никакого лидерства, не бывает организованной истины, и нет никого, кто мог бы ее представлять.

Это сокрушительный удар. Он забирает почву у тебя из-под ног, и ты вдруг обнаруживаешь себя висящим над бездонной пропастью. Но я требую от тебя, чтобы ты дал этой ситуации проникнуть в тебя очень глубоко, чтобы ты освободился сам и освободил всех тех людей, которые попали под твое влияние.

Нет ничего проще, чем подчинить себе кого-то, обратить, заставить слушать; гораздо сложнее разубедить в обратном и сказать, что ты больше не лидер, что на самом деле никогда и не был лидером, что нет никакой религии, и что ты просто бредил во сне.

Нужно немало смелости, что сказать людям: «Я не спаситель, я не ваш лидер; я просто ищу, точно так же как и вы. В самом крайнем случае мы лишь можем быть попутчиками, друзьями, то между нами больше нет этого безобразия в духе «я учитель — ты ученик». Давайте просто любить друг друга; нам не нужно быть согласными, нам не нужно бояться быть несогласными. Будьте собой. Разумеется, обязательно будет что-то, с чем не согласитесь вы, с чем не соглашусь я». Вот что делает из людей индивидов и придает им уникальность, и видеть в ком угодно уникального индивида — это одно из самых прекрасных ощущений.

Твои ученики будут потрясены. Они поверили тебе, они смотрели на тебя в поисках руководства, в надежде вырасти — теперь они будут потрясены до глубины души. Но это потрясение просто необходимо. Оно необходимо, потому что пока не отрезать пуповину, которая связывает ребенка с матерью... это потрясение, величайшее потрясение.

Большого потрясения с вами не случится за всю жизнь, потому что, будучи зародышем, вы жили матерью, вы кормились, дышали через вашу мать. Девять долгих месяцев вы просто-напросто были частью ее организма, и тут вдруг вас отрывают — отрывают беспомощного ребенка от источника жизни! Для ребенка такой шок равносителен ужасу перед смертью. Но так вы даете ему его же индивидуальность, дарите ему его собственную сущность, его собственную

жизнь.

Утроба была уютной, удобной — даже очень удобной. Ученые говорят, что мы пока еще не смогли воссоздать столь же удобные и уютные условия, какие у нас были в материнской утробе. Ребенок в утробе не волнуется о пропитании, не волнуется о завтрашнем дне. Ребенок живет, не ведая невзгод, ни мало не заботясь ни о каких проблемах. За все девять месяцев у него не будет ни одной проблемы, и затем вдруг проблемы начнут валиться на него... он больше не подсоединен к источнику жизни. Но эти проблемы нужно решать. Они поставят его на ноги. И чем раньше он примет этот вызов, тем лучше для него.

То же самое происходит с теми, кто следует за тобой. Твой ученик начинает зависеть от твоего видения, от твоих наставлений. От него не требуется думать — ведь знаешь ты, знает лидер, знает священник. Ученик же лишь должен спрашивать, но сам он вовсе не обязан искать ответ.

Ты забрал у него его тревоги и тебе ты возвращаешь все это его добро обратно, ты возвращаешь ему все его проблемы и не пройденные испытания. И ты отдаешь ему обратно не просто его старые волнения, но еще и преумножаешь их, утверждая, что Бога нет. По крайней мере, до того как он повстречал тебя, у него был Бог. Ему было кому молиться!

В Америке в одной из камер одной из тюрем вместе со мной сидел один старик — очень милый старик, который каждое утро вставал на колени, клал голову на кровать и молился Богу. Затем весь день он глядел в свою Библию. Потом ритуал повторялся, прежде чем он шел на боковую: он снова вставал на колени.

При этом он был явно немного озадачен, почему это я не занимаюсь ничем подобным. На второй день он спросил меня:

— Ты разве не христианин?

Я сказал:

— Если ты хочешь обратить меня в христианство — я открыт. Только я должен тебе кое-что сказать: я открыт для всего вообще. Можешь попытаться меня обратить.

Он очень обрадовался — такая возможность обратить язычника в христианство! Он начал говорить мне о Боге, и я стал задавать ему вопросы, на которые он, конечно, не мог ответить. Он читал какие-то отрывки из Библии, но я просто говорил:

— Это все чепуха.

Вечером он сказал:

— Прости меня, я не сумел обратить тебя, но вот ты изрядно сбил меня с толку. Я весь день все пытаюсь прийти в норму. Пока ты ходил куда-то там на обед и на ужин, я пытался молиться, но у меня ничего не получалось, потому что теперь и меня терзают сом-

нения: а не занимаюсь ли я чепухой — встаю на колени, кладу голову на кровать и пытаюсь говорить с Богом, которого нет! Ты совсем меня совратил. Я сижу в тюрьме уже семь лет, и все это время Бог очень мне помогал. Но теперь ты говоришь, что Бога нет, так что ведь не исключено, что это все просто мое воображение. Я думал, что это Бог обо мне заботится, что вся эта тюрьма — это просто мне испытание длиной в десять лет, и что он все время рядом, и что мне не о чем волноваться. Уже прошло семь лет, осталось еще три года, но я еще ни разу ни на что не жаловался. Я гордился собой, что сумел довериться ему. Если ему было угодно поставить меня в такие условия, то наверное зачем-то ему это было надо. Это все Божья воля — она не может быть бессмысленной. Но если Бога нет... и я не могу ответить на твои вопросы! Я никогда раньше не сомневался, но ты посеял во мне сомнение. Через день-два ты выйдешь, и как мне теперь жить эти три года? Я буду смотреть в Библию и найду там одни вопросы. Я попробую молиться, но я же буду знать, что занимаюсь глупостью — что меня никто не услышит, что я просто говорю сам с собой, с собственными фантазиями.

Потом он подошел ко мне, взял меня за руки и сказал:

— Пожалуйста, пусть все будет как было — истинно или ложно, верни мне мои фантазии. Не оставляй меня так, потому что я не смогу вынести эти три года.

Так что, когда ты скажешь своим людям всю правду, ты не просто вернешь им их волнения — ты вернешь им волнения, увеличенные во много крат, потому что взамен ты отберешь у них все их верования, фантазии и утешения. Они будут очень недовольны и расстроены.

Очень легко обратить человека в какую-то систему верований, но гораздо сложнее убедить того же человека освободиться от этих верований, потому что требуя этого, вы разрушаете все его надежды на его фантазии.

Но только таким должен быть подлинный человек.

Я дал тебе игрушки — теперь я сломал их. И ты должен понять насколько важно то, почему я их сломал... потому что я чувствую, что теперь мои люди набрались достаточной зрелости, чтобы спокойно жить без Бога, без плюшевых мишек, без организованных религий; способны просто жить сами по себе.

Я забираю у тебя все твои игрушки с огромным доверием к тебе, прекрасно зная, что какое-то время тебе будет очень больно. Но ты уже вырос из них, да и я не буду здесь вечно. Прежде чем я уйду, я отберу у вас все те иллюзии, которыми я же вас наделил, потому что я не желаю потом оправдываться перед существованием.

Вопрос второй:

Возлюбленный Ошо,

Я не хочу, чтобы ты переживал за меня. Я не спятил и я не организирую религии, не переживай на этот счет — я не говорил серьезно! Я просто думал, что получится неплохая шутка!

Ты решил, что я там совсем свихнулся — нет, я просто хотел сказать тебе: «Эй, Ошо, я на твоей стороне». Я вовсе не убеждаю людей присоединиться ко мне. Не волнуйся! Я просто говорю: «Ужас! Он думает, что я спятил!» Нет и еще раз нет — я просто придумал вопрос. Я просто думал, что она (указывает на Самадхи) будет устраивать интервью, вот я и решил пошутить под конец и сказать: «Ошо, я — религиозный лидер!»

Я знаю, что ты шутил, но я отвечал не одному тебе. Через тебя я отвечаю очень многим людям во всем мире, а ты просто предлог! Я знаю тебя... Ты сам не переживай. Но есть люди, которых мой ответ действительно потрясет. Им нравилось быть лидерами, им нравилось, что за ними идут последователи, которых им удалось убедить. Я же попросту испортил им всю жизнь. Они будут недовольны мною. Вместо того чтобы поблагодарить, они будут злиться.

Лишь те, кто достаточно зрел, будут благодарны за то, что я делаю вас свободными, за то что я даю вам почувствовать сам вкус свободы. И эта свобода не утащит вас вниз, но поднимет ввысь.

Я оставил слово «религиозность», просто чтобы напомнить вам, что Бог может умереть, религии могут исчезнуть, но религиозность — она вплетена в само бытие. Религиозность — это красота восхода, это красота птицы в полете. Это красота раскрывающегося лотоса. Религиозность — это все истинное, все искреннее и подлинное, все любящее и сострадающее. Она — это все, что несет вас вверх; что не дает вам быть там, где вы находитесь сейчас, и все время напоминает вам, что путь впереди еще не близок. Каждая остановка — это просто остановка на ночлег, но утром мы снова пускаемся в путь. Это вечное паломничество, и вы идете в одиночку, но при этом совершенно свободными.

Это немалая ответственность, и она просто невозможна для тех, кто верит в Бога, для тех, кто верит священнику, кто верит церкви, потому что веря во все это, они просто перекладывают ответственность на других. Христианин верит, что Иисус — это спаситель, так что спастись — это Иисусова обязанность: «Он придет и избавит нас от мук, спасет нас от этого ада». Свобода же делает вас ответственными за все, чем вы являетесь и чем еще будете.

И вот поэтому я оставил слово «религиозность». Это очень красивое слово. Оно не принадлежит индуизму, исламу или христианству. Это просто благоухание, зовущее вас вперед. Останавливаться

негде.

В жизни не бывает конечных остановок, не бывает даже точек с запятыми — есть только запятые. Вы лишь можете передохнуть пару минут, но отдых вам дан для того, чтобы вы могли набраться сил идти дальше, подниматься выше.

Я знаю, что твой вопрос не о тебе; поэтому и отвечал я не тебе. Но тем не менее вопрос был очень важен и он касается тысяч людей по всему миру. Им нужна ясность, им нужно понять, что происходит, и куда им теперь идти после этой остановки.

Самадхи, у тебя есть вопрос?

Вопрос третий:

Возлюбленный Ошо,

Я просто очень благодарна тебе!

Я знаю!

Вопрос четвертый:

Возлюбленный Ошо,

Я много плакала последнее время. Мне казалось, что я плачу о тебе, но думаю, что нет. Мне все время было очень грустно и неловко перед тобой, и я не хочу, чтобы такое еще когда-нибудь повторилось!

Я вижушь со многими людьми... Я знаю, что очень много людей сильно тебя любят. Они не слушают сплетни о Шиле, о коммуне, но вместо этого они чувствуют тебя, когда читают твои цитаты, твои книги или слышат что-то о тебе.

И я просто думаю: как так может быть, что тебе удастся быть открытым для людей несмотря ни на что? Сейчас ведь у нас больше нет крупных центров. Как это может быть? И что вообще делать дальше?

Дальше будет проще. Теперь я буду еще больше открыт для отдельных людей, и им будет проще общаться со мной напрямую. Все коммуны объединятся снова, на более высоком уровне, на более высоком плане. Центры снова заработают. Неплохо на время сделать паузу, так чтобы на всем новом не было и тени прежнего.

Мне не нужны отменно организованные коммуны, потому что когда появляется сильная организация, вы начинаете терять то самое, ради чего вы вообще все и затевали. Так начинают доминировать второстепенные вещи.

Например, в Пуне у нас все было совсем по-другому. Люди съезжались со всего света. У них были свои небольшие центры. Они не управлялись централизованно — все центры были вольны делать все что им было угодно. Мне кажется, что в этом было больше красоты.

Люди работали у себя шесть, девять месяцев, а затем на три месяца приезжали ко мне. И эти три месяца были одним сплошным удовольствием, потому что им не надо было работать и думать о всевозможных глупых проблемах. Они просто и спокойно медитировали. Если было желание, любой мог пойти в терапевтическую группу. Если им хотелось слушать меня, они приходили и слушали меня. Все эти три или шесть месяцев люди купались в удовольствии, радуясь всему, чем бы они ни занимались.

В Америке вся схема изменилась. Там не хватало времени даже на медитации. Людям приходилось просто из необходимости строить себе дома, прокладывать дороги, копать водохранилища; потому что как иначе им было жить? Им самим пришлось создавать условия на пять тысяч человек.

Рано или поздно эта коммуна неминуемо бы развалилась, потому что люди там были заняты по двенадцать-четырнадцать часов в день. Они и думать не могли, что так все получится; они приехали с идеями из Пуны, надеясь, что в новой коммуне тоже будет сплошное расслабление, медитация, что там уже все будет устроено, и что все свое время можно будет посвятить духовному росту. Они мечтали играть музыку, мечтали творить по своим интересам.

Но в результате жизнь заставила всех строить дома, прокладывать дороги, строить резервуары для питьевой воды; им пришлось воевать с властями в судах, воевать с соседями. Все свои силы... как если бы они просто забыли, зачем они вообще туда приехали. Не было времени медитировать, танцевать, петь и играть на флейте. Все просто надеялись, что когда-нибудь наконец все будет построено, и они освободятся...

Но я знал, что этому не бывать. Во-первых, коммуна никогда не могла бы быть построена, потому что прибывали все новые санньясины; приходилось строить новые дома, дороги, коммуникации, приходилось готовить больше пищи, шить больше одежды, устраивать больше школ для детей. Коммуна росла, люди прибывали, и поэтому, чтобы поддерживать этот рост, приходилось работать не разгибая спины.

Во-вторых, до каких пор можно жить на пожертвования? Так что, если бы вдруг мы и дожили до того дня, когда вся коммуна была бы полностью обустроена... и это невозможно! Но все же если представить чисто гипотетически, что в один прекрасный день работать больше было бы не надо, что всего сделано достаточно на пять, на десять тысяч людей, то тогда неизбежно возник бы вопрос о продуктивности. Продуктивности не в смысле творчества, но в коммерческом смысле, потому что как иначе вы собирались бы выживать? На строительство коммуны пять тысяч человек отдали все свои сбережения. Но не будешь же сыт, просто живя в доме и пе-

редвигаясь по дороге. Нужна еда, нужно молоко, нужны лекарства, нужна одежда — все это пришлось бы производить вам самим. И вот вы опять попались в упряжку.

Так что, вместо медитаций, вместо веселья и праздника, вы стали бы строить заводы, потом пошли бы на них работать, стали бы производить продукты... затем отправились бы их продавать, нашли бы рынок сбыта, стали бы их «проталкивать»...

Я знал, что все это будет нереально... И если бы вдруг и было реально, то коммуна ничем бы не отличалась от других городов. Вы бы утратили то самое главное, ради чего вы вообще туда приехали; вы бы все напрочь забыли.

Так что, коммуна должна была развалиться. Это был необходимый шаг. Никогда не забывайте, что прежде чем в чем-нибудь преуспеть, вам придется пройти через множество неудач; успех никогда не приходит сразу. Каждая неудача приближает вас к успеху, потому что неудача очищает ваши глаза, дает вам ясное видение.

Люди хотели остаться жить со мной навсегда. Я знал, что это невыполнимое требование, но я не хотел никому делать больно. Когда я могу, я никогда не говорю «нет», даже если вижу, что работа напрасна. Мое «нет» было бы неправильным — они сами должны были это понять.

Так что, сейчас мы находимся в лучшей ситуации, потому что все европейские коммуны тоже вскоре развалятся по тем же самым причинам. У них будут финансовые затруднения, у них будут проблемы с законом. И как только начнутся все эти неурядицы, люди начнут ныть, раздражаться, сердиться, ссориться друг с другом...

Хорошо, когда есть небольшие центры, где люди могут медитировать, читать. Они могут оставаться там на выходные, быть вместе — в маленьких группах, которые способны позаботиться о себе. Им не нужно будет ничего производить, им не нужно будет строить себе жилье; у них не будет никаких других забот, кроме медитации.

И пусть такие группы будут работать по всему миру. Именно поэтому я разрешил вам носить любые цвета; не надо носить малу, если это причиняет неудобства — главное, чтобы вы смешались с обществом, с коллегами, и чтобы у вас не было проблем. И если вы работаете целый год, то вы сможете найти два-три месяца, чтобы быть со мной.

И я найду место — я уже его ищу, — я найду нам прекрасное место чистой красоты, идиллию, где бы вы спокойно и от всего сердца наслаждались своими двумя месяцами. И потом вы будете уезжать обратно домой, чтобы повсюду излучать радость, красоту и опыт. Вы будете заражать собой всех вокруг...

Но мы не станем превращать это место в коммуны, где бы можно

было жить все оставшуюся жизнь. Жить там будет лишь небольшой костяк из тех, кто будет заботиться о прибывающих гостях. Так все будет проще, и так мы избежим всей этой никому ненужной возни с законодательством и деньгами.

Те кто занимался раньше терапией смогут там продолжить свою работу, но уже на частой основе. В небольших группах у вас есть друзья, которые вас знают, — из них вы и наберете себе группу. Вместо постоянного общества, у вас будет временное общество, в котором люди смогут формировать группы на неделю. И вы будете работать с этими людьми неделю и сколько понадобится; вы откроетесь им или научитесь открываться. Вы станете бродячими посланниками.

Каждый сможет приехать ко мне в любой момент, каждый сможет оставаться так долго, сколько он может себе позволить. Ни от меня, ни от места ничего зависеть не будет. Все будет зависеть только от вас самих: можете оставаться, сколько сможете себе позволить. После чего отправитесь обратно в мир.

Такая ситуация позволит большему числу людей приезжать ко мне, потому что раньше бывало так, что людям было сложно добраться к нам даже на фестивали. Они мечтали приехать, но все свои деньги они отдавали своим коммунами. Они живут где-нибудь в Германии, Швейцарии или Голландии, все их деньги уходят в коммуны, и у них самих ничего не остается. Им хочется приехать в Америку на фестиваль и повидаться со мной, но у них просто нет денег, а у их коммуны других проблем по горло. У них четыреста человек, и всем хочется ехать, но коммуна не может привезти сразу всех. Все деньги, которые санньясины отдали своим коммунам, ушли на строительство, на оборудование и тому подобное — у коммун не было лишних средств. И люди недоумевали.

Многие из тех, кто приезжал в Пуну каждый год, так ни разу и не смогли приехать в Америку за все четыре года. Им безумно хотелось приехать, но как? Естественно, что коммуны, в которых они жили, нуждались в деньгах, и все деньги уходили на их обустройство. Одна коммуна не могла послать всех своих людей. В год могли поехать десять-двадцать человек от силы. Это означает, что если у нас коммуна из четырехсот человек, то один санньясин смог бы поехать ко мне только раз в десять-двадцать лет. И при этом, живя обособленно, не в коммуне, он мог бы ездить хоть каждый год. Глупость какая-то.

Но мы должны были пройти этот этап и мы прошли его без потерь, потому что если я цел, то потерь нет!

Словом, тут не о чем волноваться. Передайте всем, что пришло время рассредоточиться. Большие коммуны никогда не заработают — децентрализуйтесь! Прежний вариант с небольшими центрами

был гораздо лучше; все были довольны, потому что центром мог стать просто чей-то дом, и владельцу очень нравилось, что его дом можно использовать для моей работы. Люди приезжали медитировать, и дом превращался в нечто целое и не обезличенное.

Коммуна же обезличивается. И коммуна неустанно ищет людей, готовых вложить в нее еще денег. Коммуну нельзя за это осуждать, потому что она все время катится под откос. Нужно содержать людей, закупать предметы первой необходимости, а цены все время растут, и никогда не знаешь... Человек отдал все свои сбережения, а потом заболел раком. Коммуне приходится его лечить, оплачивать операцию. Или у кого-нибудь окажется СПИД — что с ним делать? Нельзя же просто сказать: «Уходи». Это как-то плохо. Но при этом нельзя позволить ему жить дальше бок о бок с остальными, потому что это может быть опасно для четырех-пяти сотен человек.

Нужно принимать решение. Человек отдал все что имел, теперь у него нет ничего, ему некуда идти. И это просто ужасно, что теперь, когда у него проблемы... и не обычные проблемы — ему угрожает смерть, и вы его не поддерживаете и естественно чувствуете вину. И вы оказываетесь перед дилеммой: если оставить его в коммуне, то вы тоже будете чувствовать себя виноватыми, потому что тем самым подвергаете опасности жизни пяти сотен людей. И тогда приходится выбирать меньшее из зол, но независимо от выбора вы чувствуете вину. Выгоняете человека — вина, оставляете его — снова вина. Что-то нужно в корне менять.

Поэтому лучшее решение — децентрализация коммун. Вовсе обязательно... просто нужны частные дома; санньясины, владеющие небольшими фермами или какими-нибудь загородными дачами, запросто смогут устраивать там группы на выходные или на целую неделю. И теперь мои терапевты свободны, так что они будут разъезжать по всему миру. Принимайте их, где бы они ни оказались. Потому что в том месте, которое я найду, все будет совершенно по-иному. Там будут не терапевтические группы, а медитационные группы, музыкальные группы, поэтические группы. До каких пор можно заниматься одной терапией? Люди уже достаточно налечились; теперь им нужно заняться чем-нибудь творческим. Они готовы творить. Будут группы живописи... Это будет совсем иная школа. Вы будете учиться рисовать, играть на гитаре или на каком-нибудь другом инструменте, будете учиться танцевать. У нас будут самые разные учителя — танцоры, музыканты, художники, скульпторы, поэты — это будет чистое веселье. Вы сами будете решать, к какой группе примкнуть или может сразу ко всем. И, конечно, будут медитационные группы — их никто не отменяет.

И я буду доступен вам теперь совсем иначе: вы сможете просто

сидеть рядом и задавать свои вопросы. У кого будет вопрос, тот сможет его задать, потому что сейчас вы уже достаточно зрелы — нечего бояться, что ваш вопрос окажется нелепым. Но даже если и так, то вреда от этого не будет никакого, потому что я никогда не помню, о чем вы спрашиваете! Я просто отвечаю тем, что у меня есть. Независимо от вопроса, мой ответ обязательно для вас будет важен и полон смысла.

Мне хочется, что теперь за раз ко мне приходило человек двести. Вы будете сидеть прямо вокруг меня, и тогда между нами установится более близкая, более интимная связь. А то когда собираются десять или двадцать тысяч человек, то мне даже лиц ваших не различить, да и вы меня с трудом видите. Вы вроде бы присутствуете, но что это за присутствие?

Так что, новое место, по моим планам, будет просто моей резиденцией, вмещающей две сотни человек, которые просто будут сидеть возле меня на лужайке или еще как-нибудь. Нам не будут нужны никакие формальные приготовления — наши беседы будут совершенно произвольными. Если же вопросов не будет, будем сидеть в тишине. Если кому захочется потанцевать, пусть танцует; кому-то захочется поиграть на флейте, пусть играет, а мы послушаем. Это будет больше похоже на простое общение. Все будет совсем по-другому.

Так что, езжай обратно и передай всем, чтобы рассредоточились, чтобы не забывали свои головы ненужными проблемами и финансовыми неурядицами. Каждая крупная коммуна должна обанкротиться. Так пускай же поторопятся! Раз уж суждено обанкротиться, так пусть это произойдет побыстрее! Пускай люди разойдутся, рассеются и освободятся.

Небольшие, интимные группы... без управляющих, без координаторов. Никого не нужно спрашивать, можно ли делать то-то или нельзя — каждый маленький центр должен быть автономным.

Я полностью за свободу. Как я могу позволить, чтобы вами управляли, понукали, чтобы вас к чему-то принуждали? Это уже и так причинило мне немало страданий.

Виреш не слушался указаний международного комитета, который управлял всеми коммунами и центрами — он поступал по-своему, обособлено, он не вписывался в общие рамки, и поэтому его общество было распущено. Оно не могло больше существовать под моим именем. И таких ситуаций было множество: закрывались общества, закрывались целые коммуны и все только потому, что они ослушивались, не выполняли приказы и делали все по-своему. Мне это все очень надоедало — с каждым днем все больше.

В общем, я не хочу, что все это снова повторилось. Будьте совершенно свободны. Я же всегда открыт. И мои люди обладают дос-

таточным разумом — они вполне могут найти средства, чтобы приехать ко мне на пару-другую месяцев в году и быть со мной... или на более долгий срок, если они смогут это себе позволить.

Я чувствую, что так во всем этом будет больше смысла. И надо мною не будут докучать... ведь я не хочу никому делать больно, потому что тогда это в ответ ударяет и по мне. Я буду последним человеком, кто скажет Вирешу: «Закрывай свое общество». И он знает это. Но люди, получившие власть, без конца ныли мне в ухо; они поставили перед собой задачу достать меня, чтобы я закрыл общество Виреша. Если бы я их не послушал, они бы затеяли какую-нибудь другую пагубную возню.

В конечном счете все к тому и свелось. Шила очень не хотела, чтобы я снова заговорил, потому что если бы я заговорил, то она тут же потеряла бы свою значимость. Пока я молчу, она меня представляет, и любое ее слово автоматически становится святым. Если же я говорю сам, и вы можете напрямую задавать мне вопросы, то ее фигура теряет весь свой вес, который она накопила за четыре года.

Так что, она убеждала меня не говорить, но поскольку я начал говорить, она параллельно начала свою подрывную деятельность в коммуне. Она сделала все возможное, чтобы коммуна не смогла выжить в случае ее ухода. Уезжая из коммуны, она даже не позаботилась о питании для санньясинов на последующие дни; она перестала закупать продукты и все необходимое за пятнадцать дней до своего отъезда и уехала она ровно тогда, когда все запасы иссякли.

Я послал ее в Индию поискать место в Гималаях, потому что еще за год до всех событий я сказал ей, что назревает большая битва с властями... четыреста санньясинов уже тогда были задействованы в юридической волоките — какая глупость! Эти люди приехали медитировать, а не становятся юристами и адвокатами и всяким прочим в таком духе. Этим они могли заниматься где угодно. Они и занимались этим всю свою жизнь и приехали они в коммуну, чтобы как раз обо всем этом позабыть! И теперь они снова оказались в той же ловушке.

Если уж все это назревало, то прежде чем дело приняло бы резкий оборот, лучше было бы... потому что власти все чаще и чаще поступали не по закону, и это был явный знак, что скоро они сорвутся. Победить нас законно они не могли — в судах все дела мы выигрывали. И если власти проигрывают дело в суде, то это больно бьет по их престижу. Что бы вы сделали, если бы все время проигрывали в суде? Вы бы стали изводить ваших противников. Если суд все время против вас, то вы начинаете действовать незаконно.

И я сказал ей, что рано или поздно власти предпримут реши-

тельные меры, чтобы покончить с коммуной во что бы то ни стало. И именно это они и сделали.

Так что еще за год до развязки я послал ее искать нам новое место, где я думал начать новый этап работы. Она уехала, но поскольку я не согласился с ее идеей о вечном молчании... Это все были ее планы, потому что так бы она навсегда сохранила свою власть, так бы она превратилась в верховную жрицу новой религии. Она говорила от моего имени то, что я никогда не говорил, и умалчивала то, что я как раз говорил. Она делала какую-нибудь вещь, а потом спрашивала моего разрешения — задним числом!

Вместо того чтобы искать нам место, она семь дней просидела в Дели, сообщая нам оттуда: «Сейчас очень опасно ехать в Гималаи из-за ситуации в Пенджабе, из-за индийских властей, из-за убийства Индиры, — это как раз тогда случилось. — Так что я застряла в Дели. Если ты будешь настаивать, я конечно поеду, но это опасно». Я сказал ей: «Возвращайся. Нечего понапрасну рисковать. Поедешь снова через пару месяцев».

И когда она вернулась... Она не знала, что тот санньясин, к которому она обратилась со своей просьбой, который, наверное, был с ней близок в Пуне, успел с тех пор жениться на дочери одного из моих братьев. Она попросила его — не зная, что он женат на моей племяннице, — она сказала ему: «У тебя есть связи в правительстве, — а он жил в Дели. — Сделай что-нибудь, чтобы Бхагван не мог вернуться в Индию».

Я специально послал ее искать место, куда можно было отправиться, в случае если американские власти совсем потеряют голову — и вместо этого такая история. Вместо того чтобы искать нам место, она намеренно попыталась сделать так, чтобы я не смог вернуться в Индию.

Так что, мне постоянно приходилось помнить, что если я скажу «нет» людям, которые имеют влияние, они начнут мстить. Если же я буду их слушаться, то тем самым подвергну себя мучениям, которые им понять не дано. И если хоть один мой санньясин в любом уголке мира понапрасну страдает, мне от этого становится больно. В общем, я не хочу, чтобы впредь один санньясин стоял выше другого.

Словом, передай моим людям, чтобы не тревожились: все это переходный период, и он пройдет. Я ищу подходящее место и скоро я его найду. И тогда у них будет больше возможности быть ко мне ближе.

И так будет только лучше — с небольшими группами круглый год. Я покончу со всеми фестивалями, и не нужно будет принимать сразу по двадцать-тридцать тысяч человек, потому что в таком случае ни о какой близости говорить не приходится. Каждый день будет фестивалем. Зачем ограничиваться одним фестивалем, когда можно устраивать фестивали все триста шестьдесят пять дней в году!

Глава 13

Я есть везде, где есть мои санньясины

Вопрос первый:

Возлюбленный Ошо,

Что такое поле будды? Просто жить бок о бок, вместе заниматься делами — это как-то не тянет на поле будды; чего-то не хватает. Мне кажется, что поле будды требует нечто более глубокое — нечто такое, что сильнее стимулирует и коллектив, и личность; нечто такое, в чем оба они будут расти.

Поле будды — это одно из самых таинственных явлений в существовании. Оно случается тогда, когда сознание пробудившегося человека излучает вокруг себя какую-то ауру. Энергия, которую излучает пробужденное существо, способна преобразить любого, кто обладает достаточной восприимчивостью и открытостью. Само присутствие пробужденного человека способно тронуть вас так глубоко, что и в вас начнет пробуждаться спящая энергия.

Это состояние сравнивают с пробуждением спящей змеи: она лежит, свернувшись кольцами, кажущаяся мертвой, но стоит ее потревожить, как ее кольца начнут разворачиваться. Именно из-за этого сходства просыпающаяся от присутствия пробужденного человека энергия на Востоке называется словом «кундалини». «Кундалини» буквально означает «сила змеи».

Поле будды может превратиться в сеть. В руках опытного мастера ему не обязательно ограничиваться небольшой площадью, и именно поэтому я создал сеть коммун. Это как если поставить зеркало возле горящей свечи. Само зеркало свет не производит, но оно способно его отражать. И тогда одна единственная свеча, окруженная тысячами зеркал, сможет тысячекратно преумножить свою яркость.

В Индии есть один храм, полностью отделанный маленькими осколками зеркал. Когда вы входите в него, вам вдруг кажется, что вы окружаете самого себя со всех сторон, смотрите на себя с тысячи точек — и с потолка, и с пола, и со стен. Каждый осколок олицетворяет вашу тотальность. Если осколок небольшой, то это еще

не значит, что он отразит только небольшую часть вас; он все равер отразит вас полностью, отразит вас всего целиком. И вы отражаетесь сразу в тысячах зеркал. Внесите внутрь горящую свечу и вы поразитесь: всего одна свеча превратится в тысячи свечей и все эти отражения создадут невероятное освещение.

Человек, построивший этот храм, был одним из богатейших людей в Индии. Он обожал делать что-нибудь особенное. Он очень меня любил. Я как-то спросил его:

— Знаешь ли ты, в чем значение твоего храма?

Он удивился:

— Значение? Я просто-напросто построил красивую и уникальную вещь, предмет архитектуры, которому нет аналогов во всем мире.

Я сказал:

— Это верно, но в нем так же есть глубокий смысл, и ты должен его знать, потому что это как-то стыдно — построить храм и не знать его значение. И значение это таково: твой храм — это физическое олицетворение устройства поля будды.

Один будда может окружить себя тысячами искателей. Они еще спят, но желают пробудиться. Они еще не пришли к цели, но они очень восприимчивы, открыты и доступны. В присутствии мастера они легко могут превратиться в зеркала, и таким образом один будда станет миллионами будд.

Я создал коммуну, чтобы пять тысяч человек могли жить бок о бок и учиться отражать меня. Не подражать — помните, это две совершенно разные вещи. Зеркало никогда не подражает — зеркало отражает.

Но теперь я распустил все коммуны, потому что отныне я хочу, чтобы весь мир превратился в мою коммуну. Каждый санньясин, где бы он ни жил, должен стать моим зеркалом. Время и пространство роли не играют: если санньясин открыт мне, то он близок ко мне точно так же, как и вы здесь. И он сможет отражать меня, находясь хоть в самом дальнем уголке земли.

Сегодня в мире живут миллионы моих санньясинов. Я снял все условия, которые бы могли воспрепятствовать людям принимать санньясу. И эти миллионы создадут собой энергетическую сеть, которая покрывает весь земной шар.

Утром встает всего одно солнце, но оно отражается во всех океанах, во всех озерах, реках и прудах. В самой крохотной лужице отразится то же самое солнце, что и в крупнейшем океане. Одно солнце встает из-за горизонта и тут же отражается в миллионах различных зеркал. И не только в океане, озере, реке или пруду — существуют и другие зеркала, более тонкие. Еще до того как солнце покажется за горизонтом, уже начинают петь птицы: они пробую-

дились, что-то случилось с ними, что-то очень красивое — откуда иначе берется их песня? Их переполняет жизнь! Цветы раскрывают свои лепестки... это тоже отражение. Они не брали на себя никаких обязательств — они могли бы оставаться бутонами. Птицы тоже никому не обязаны — они ведь могли бы и не петь, но ими движет что-то такое, чему невозможно сопротивляться, что находится выше их власти...

Когда восходит солнце, что-то восходит и в них — это их жизненная энергия, их кундалини. Конечно же, птица не может стать буддой, но ведь она может петь, танцевать, кружиться в небе от чистой радости, расправлять крылья, демонстрируя свою свободу и живость. Птица может назвать своим хоть весь небосклон.

И все цветы — от мельчайшей травинки до крупнейшего лотоса — все они внезапно сливаются в симфонию. Они забывают о своих различиях, они забывают, что есть бедные цветки, а есть богатые; что и среди них есть пролетарии, а есть буржуа; все классы исчезают. И расцветая, раскрываясь, они одинаково выпускают все, чем обладают.

Они возвращают существованию дар, который существование преподнесло им. Они не оставляют его при себе, они не откладывают его про запас. Они возвращают этот дар, умножив его тысячекратно, потому что то, чего, естественно, не было в семени, чего не было в корнях, чего не было в стебле, чего не было в ветвях и листьях... то вдруг появилось в цветке — в его красках, в его аромате. Но они прождали долгую черную ночь, прежде чем солнце взошло.

Присутствие солнца нашло отражение в миллионах зеркал, и все эти отражения объединились в единую сеть света, жизни, радости, полноты, переливающегося через край экстаза.

Вот что я называю полем будды. Один пробужденный человек — это взошедшее солнце. Это провозглашение конца черной ночи души. Но поле будды возможно только в том случае, если миллионы людей по всей земле соединятся друг с другом. При помощи такой энергетической сети мы можем преобразить больше тех людей, которые и понятия не имели, которые даже и представить себе не могли, что в мире бывает нечто большее, чем обычная земная жизнь.

И в этом отношении ты прав: просто работать вместе, строить коммуну, искать деньги на ее существование — одного этого еще не достаточно. Все это не имеет никакого отношения к полю будды. Видя, что коммуны обязательно будут втянуты во все эти лишние занятия, что у людей не будет никакой возможности заниматься тем, ради чего они собрались вместе... Отныне у нас больше не будет больших коммун, но будут лишь небольшие группы, более ин-

тимные; или даже люди просто будут жить в мире по отдельности, работая на своей обычной работе. На работу уходит всего-то пять часов пять дней в неделю, так что у вас будет оставаться достаточно времени и сил, чтобы стать частью прекрасного и экстаичного опыта.

Осуществить это в коммуне сложнее, потому что в коммуне вы пытаетесь построить альтернативное общество, а это требует очень много времени и очень много энергии. Люди у нас работали по двенадцать-четырнадцать часов в сутки; у них просто не оставалось сил ни на что другое. Уставшая птица не будет петь, даже если взойдет солнце. Солнце восходит, но у уставшей розы нет сил распускать свои лепестки и излучать благоухания.

Кроме того, создавая альтернативное общество, вы навлечете на себя весь гнев обычного мира. Ведь для них вы чужаки, которые делают нечто такое, что не приемлет их традиция, что противоречит всему их опыту. И они в большинстве, в их руках находится власть, в их руках находится закон. Так что, сначала все силы и все время у вас отнимет строительство, а затем вам еще придется бороться с обществом, которое больше вас во много крат, и на это тоже потребуются немало энергии.

Мне казалось, что человечество ушло далеко вперед со времен Сократа, но я ошибался. Воз и поныне там; общество не сдвинулось ни на сантиметр. Цивилизации пока что просто нет, культура живет только в наших мечтах, а демократия — заоблачная утопия. Так что, всякий раз, вступая в противостояние, вы почувствуете на себе всю разрушительную силу варварства, примитивности, животности человека. И понятное дело, что вам не выдержать весь напор необъятных масс, толпы слепцов.

Мне вспоминается одна история — не просто история, а реальный факт, настолько необычный, что он смахивает на выдумку. Где-то в Южной Америке, глубоко в горах есть одна скрытая долина, в которой было обнаружено небольшое сообщество — человек триста, не более — сообщество слепых людей. Это была большая загадка: что могло с ними случиться? Что за несчастье на них обрушилось? И вот один искатель приключений, отважный ученый, решил пойти туда и разгадать эту загадку... никто больше не отваживался спускаться в ту долину — это могло бы быть чревато: ведь раз слепы сразу триста человек, то наверное там какой-то вредный воздух или что-нибудь не так с водой или пищей. Кто знает? Так можно и самим ослепнуть!

Но этот отважный человек все же отправился в путь и был поражен... он не ослеп и даже в результате разобрался, что произошло с этими людьми. Во всем был повинен один вид мухи, обитавший в местных горах... Все дети в этом племени рождались зря-

чами, как и любые другие дети, но если в течение трех-четырех месяцев после рождения эта муха кусала младенца, то он слеп. Срок этот был немалым, потому что эти мухи летали там повсюду.

Так что, все они рождались зрячими, но никто не помнил, что когда-то каждый из них мог видеть, потому что зрение было потеряно в грудном возрасте — в возрасте трех, от силы четырех месяцев. Но эта муха уже никак не могла навредить зрению молодого ученого. То есть, любой ребенок, кому уже исполнился год, был бы вне опасности — уязвимы были лишь самые грудные младенцы.

И вот этот ученый захотел помочь этим людям, поскольку раз он нашел причину их болезни, то теперь ее можно было предотвратить и спасти зрение новорожденным. И пока он строил свои планы по уничтожению этой мухи, все племя смеялось над ним, считая его безумцем. Они смеялись, потому что не могли поверить, что у него есть какие-то глаза, которых нет ни у кого больше. И ведь их было три сотни душ против него одного, и он никому не мог доказать, что может видеть. Эти триста туземцев никогда не слышали ни о каких глазах — так что он просто все себе выдумал, нафантазировал!

Но он оставался в племени и вскоре влюбился в одну местную девушку. Он пожелал жениться на ней, но у ее соплеменников было одно условие: он должен был отбросить все эти фантазии по поводу каких-то там глаз. Ему сказали: «Чтобы знать наверняка, наши старейшины проверят тебя. И если они обнаружат, что у тебя есть нечто такое, что ты называешь «глазами», они вырежут тебе их... потому что ты не можешь иметь то, что не должен иметь. У нормальных людей нет глаз — с тобой просто не все в порядке. Можешь взять в жены эту девушку, но с условием, что ты станешь одним из нас. Ты должен быть слепым. Выбирай. Либо уходи, оставь нас в покое и не тревожь своими бреднями. С тех пор как ты к нам явился, мы уже не знаем покоя. Ты совращаешь нашу молодежь, забиваешь им умы своими идеями, о которых мы никогда не слышали даже от наших старейшин, и о которых они не слышали от своих праотцев. Мы живем как жили испокон веков. Нам не нужны никакие такие глаза. Что нам с ними делать? Нам и так хорошо, мы и так всем довольны. Ты же потревожил наш покой и теперь ты еще хочешь войти в наше общество. Поэтому тебе придется сделать выбор: либо, если ты хочешь жениться, ты отказываешься от своих так называемых «глаз», либо забываешь про свою невесту и навсегда уходишь из наших мест».

Молодой человек ломал голову всю ночь. Он действительно очень любил эту девушку, но условие было совершенно диким и нелепым — лишиться себя глаз! Более того, он любил эту девушку только благодаря своим глазам. Она была безумно красива, и все

ее триста сородичей даже не догадывались об этой ее красоте и никогда бы не узнали. Только благодаря своим глазам он смог оценить красоту его возлюбленной.

Он знал многих женщин, но полюбил слепую. Но несмотря на ее слепоту, в ней было что-то неопишное, нечто не от мира сего. Однако расстаться с глазами в обмен на женщину — это какая-то нелепая сделка, потому что, потеряв глаза, он потерял бы и свою невесту — ведь он никогда бы ее больше не увидел. В слепоте все женщины одинаковы. Слепому какая разница, кто твоя женщина — дурнушка или Клеопатра? Никакой разницы.

Нет, он так и не смог убедить себя расстаться с глазами, потому что его глаза и были причиной его знания красоты. Поэтому глубокой ночью он бежал прочь из долины слепцов.

И это не вымышленная история — это все было на самом деле.

Так что, когда мы строили нашу коммуны, мне еще казалось, что человечество далеко продвинулось со времен Сократа и Будды. Но я заблуждался. Оно не продвинулось ни на вершок! Люди лишь сменили свои маски, надев более лучшие маски нежели те, что носили их предки; но за этими масками по-прежнему скрываются их варварские души — нецивилизованные и некультурные.

Общество не может принять чужака. Ему не хватает простора, чтобы впитать в себя что-либо новое, неизвестное, неопробованное. Общество раздражается, сердится. Оно хочет выколотить вам глаза, потому что оно слепо, а ваши глаза напоминают ему о его слепоте. И глядя на такое положение дел, я распустил все коммуны.

Теперь я полагаюсь на индивидов. Так моя весть может дойти как угодно далеко. Я даже позволил вам, если это причиняет вам неудобства, не носить оранжевые одежды, чтобы не раздражать ими слепцов... Потому что я хочу уберечь ваши глаза — и они очень уязвимы, потому что вы сейчас находитесь в такой же ситуации, как и те новорожденные в том племени, чье зрение может убить укус одной-единственной мушки. И эти люди — они не какие-то там мушки; они — чудовища.

Поле будды стало шире, но его тактика претерпела изменения. Теперь я целиком и полностью полагаюсь на индивидов; и индивиды вольны передвигаться по всему миру, забираясь в самые его дальние уголки, и при этом они все равно будут связаны со мной. Я есть везде, где есть мои санньясины. Они будут моими зеркалами, они будут отражать в себе меня и мой свет. Они будут передавать окружающим мою энергию, мое понимание.

Так что, ты прав: просто жить бок о бок, трудиться не покладая рук, танцевать на дискотеке, собирать деньги и заниматься прочими вещами — всего этого, кажется, недостаточно. Этого действительно недостаточно. И не просто недостаточно — все это чистая

потрата.

Работайте в мире; и ведь все так элементарно просто: вы испытываете глубокую потребность быть со мной — я открыт вам все время. Вы можете приехать в любой момент. Чтобы сделать из этой идеи реальность, мы отказываемся от специальных праздников; теперь праздник будет продолжаться круглый год — триста шестьдесят пять дней в году! И скоро я уже найду себе место обитания — мои люди уже сейчас ищут подходящее место.

И вы сможете приезжать ко мне в любое время года, когда только сможете. Поэтому триста-пятьсот человек будут все время постоянно приезжать и уезжать. И я бы хотел, чтобы с каждым из вас у меня устанавливался более близкий контакт, потому что теперь я полностью полагаюсь на индивида. Вы даже представить себе не можете, как больно мне было знать, что мои люди сначала не могли добраться ко мне в течение нескольких лет, а потом, когда они все же приезжали, в коммуне уже жили двадцать тысяч человек, и им просто не удавалось увидеть меня, когда я говорил. Я не мог видеть их лица, я не мог заглянуть им в глаза — и ведь они приехали издалека именно ради этого. Они ждали долгие годы, копили деньги и с горем пополам умудрились все же приехать. Но когда в одном месте собираются двадцать тысяч человек, то ни о какой интимности говорить уже не приходится.

В общем, новая форма моей работы — это круглогодичный фестиваль. Вам будут рады в любой момент, потому что фестиваль будет продолжаться все время, и мы не будем собирать двадцать тысяч человек одновременно. Мы растянем приток гостей на весь год, так, чтобы я мог спокойно сидеть с вами на лужайке, под деревом, под звездным небом; чтобы я мог нормально беседовать с вами и сидеть с вами в тишине. И тогда, отправляясь домой, вы будете полны мною. И так мы создадим совершенно новую структуру поля будды.

Вопрос второй:

Возлюбленный Ошо,

Медитация — это ключ. Но почему так сложно жить медитативно, когда тебя нет рядом?

Жить медитативно сложно потому, что вы еще не нашли собственного источника медитации. Находясь в моем присутствии, вы не медитируете. В моем присутствии на вас просто нисходит тишина. Ваше сердце бьется по-особому, ваша сущность ощущает невероятную удовлетворенность.

Но все это просто отражение. Не нужно обманывать себя отражением. Пусть отражение вас радует, пусть оно проникает в вас как можно глубже. Но это лишь вам пример того, что раз все это

может случиться в моем присутствии, то почему не может случиться в мое отсутствие? Ведь с вами что-то происходит. Может я и выполняю функцию катализатора, но в вас все равно есть источник; нужно просто начать открывать его.

Вот, например, вы находитесь возле меня и чувствуете, как легко к вам приходит медитация; но на самом деле неправильно даже думать так — медитация есть в вас всегда. Просто сядьте у себя в комнате. Если это вам помогает, вспомните меня, представьте меня в уме; представьте, что я сижу напротив вас, и дайте тому же самому ощущению прийти снова. Вы поразитесь; вы даже не подозреваете, какими способностями обладает ваше сознание. Просто представьте: вам понравился запах таких-то духов... Между прочим, суфийские мистики даже использовали ароматы духов в своих техниках. Когда-то давно вам понравились одни духи. С тех пор, может быть, прошло уже лет двадцать. Сядьте и тихо попробуйте вспомнить их аромат, вызовите из памяти те ощущения; минуйте эти двадцать лет. И вот забавно: вы снова услышите тот аромат. Вы буквально почувствуете его — двадцать лет не сумели окончательно рассеять его. Он сохранился где-то глубоко в вашем сознании. Вы никогда его не забудете.

Суфии используют этот прием, хотя они никогда об этом не говорят. Почему? Когда вы идете к мастеру-суфию, первым делом он предлагает вам понюхать его духи, и каждого суфия свои духи. Он ассоциирует себя с этими духами, потому что знает, как работает сознание: запах духов никогда не забывается. И каждый раз, когда вы вспоминаете этот аромат, вы неизбежно вспоминаете и мастера — аромат и мастер связаны у вас в уме.

И это происходит каждый день: вы приходите к мастеру, и первым делом он встречает вас своими духами. Его дом весь пропах ими. Входя в него, вас тут же окутывают эти благоухания. И вот, месяц за месяцем, год за годом, вы живете возле мастера. Запах его духов проникает в самые глубокие слои вашего сознания — и вместе с духами в вас также проникает и сам мастер.

Когда вы будете уезжать, мастер будет вас наставлять: вспомни запах. И самое замечательное то, что едва вспомнив его, вы тут же оказываетесь в присутствии мастера. И соответственно, все то, что происходило, когда мастер был рядом, теперь будет происходить и в его отсутствие. Источник ведь находится в вас.

Но все это просто приемы. Я никогда не пользовался ничем подобным просто потому, что я гораздо больше доверяю самой вашей любви, нежели каким-то ассоциациям с чем-то земным. Если вы любите меня, то сможете материализовать меня где угодно. И нет более высокого аромата, чем аромат любви. Нет более божественной музыки, чем музыка любви.

Я не пользовался ничем подобным. В некоторых мистических школах упор делается на музыку — на какую-нибудь одну мелодию, которая переносит вас из вашего действительного окружения в то окружение, в котором вам всегда хотелось быть, стоит вам только ее услышать.

Но все это какие-то мирские уловки. Я хочу быть более прямой. Я не хочу, чтобы что-то встревало между мною и вами — даже с целью напомнить вам. Мне нужен непосредственный контакт. Я категорически требую прямооты, без посредников, потому что ничто не действует так чудесно, как действует любовь.

Все мастера древности прибегали ко всевозможным уловкам, потому что они боялись любви. Их собственный страх перед любовью заставлял их потчевать вас третьесортными приемами. Я же не боюсь ничего и менее всего остального — любви.

Так что помните, что медитация в моем присутствии так легка, потому что в моем присутствии любовь свободна. Поэтому любите, где бы вы ни были. Любите людей, с которыми вы живете, любите небо у вас над головой, любите деревья, мимо которых проходите.

Просто любите и тогда, всякий раз, когда вы будете исполнены любви, вы увидите, что я иду рядом с вами, что я сижу рядом с вами, что я держу вас за руку — кто говорит, что я далеко? Вы тут же получите тому доказательство, потому что медитация будет стекаться к вам со всех сторон, она затопит вас. И если это случится с вами один раз, то потом вы сможете все повторить где угодно и когда угодно; вы потеряете последнюю зависимость.

Тогда вы больше не будете нуждаться в моем физическом присутствии. Это не будет означать, что вы перестали меня любить. Совсем нет — наоборот. Как можно любить без остатка, если вы в чем-то зависите от человека, которого любите? Любить тотально можно только тогда, когда зависимости нет и в помине.

Один из учеников Будды, Сарипутта, стал просветленным еще при Будде. Но он не стал говорить об этом Будде, он попытался скрыть свое просветление. Он попытался сделать то, что под силу только непросветленному.

В конце концов, Будда позвал его к себе и сказал:

— Сарипутта, перестань прикидываться. Хватит заниматься этой чепухой и говорить всякие глупости, чтобы скрыть свое просветление. Чего ты боишься? Почему прямо не расскажешь, что с тобой произошло?

Сарипутта сказал:

— Я и в самом деле очень боюсь. Я как мог долго откладывал просветление, потому что знал, что когда я стану просветленным, ты скажешь: «Сарипутта, теперь ты должен идти к людям и помогать

им. Я тебе более не нужен, так чего же ты здесь околачиваешься?» Я как мог пытался избежать просветления, но оно случилось, и вот сейчас, когда ты об этом узнал, я прошу тебя: не прогоняй меня.

Будда сказал:

— Но ведь я тебе больше не нужен. Ты еще мог оправдывать свое присутствие рядом со мной все эти долгие годы тем, что без меня ты не стал бы просветленным. Но теперь ты им стал, так что оправданий у тебя больше никаких нет.

Послушайте же, что Сарипутта сказал дальше:

— Да, оправданий у меня больше нет, и ты мне больше не нужен. Но я хочу остаться с тобой, потому что ты — это ты, и именно твоя любовь сделала меня независимым — независимым даже от собственного мастера... Я отказываюсь уходить. До сих пор я был возле тебя по нужде. Отныне же я буду возле тебя без всякой нужды. Впервые моя любовь настолько чиста — ни мотивов, ни желаний... одна лишь чистая благодарность.

Когда исчезает нужда, появляется благодарность. Когда исчезает зависимость, в вас зарождается великолепное чувство, что то, чем вы были и чем стали... расстояние было настолько велико, что объяснить, как вам удалось его пройти, можно только, если понять чудесную природу присутствия мастера. Поэтому когда вам будет сложно медитировать без меня, вспоминайте мою любовь к вам, вспомните вашу любовь ко мне.

Любовь преодолевает любые расстояния.

И вы увидите, что я с вами точно так же, как я с вами здесь — или даже еще ближе. И стоит вам только понять это хотя бы однажды, и этой проблемы у вас больше не будет: медитация будет вашей, где бы вы ни были, потому что это ваша же энергия. И все равно вы сможете приезжать ко мне.

Я не так суров, как Будда. Вы все наверняка видели мраморные статуи Будды. Он таким и был: холодным как кусок мрамора, даже при жизни. Прекрасный человек, невероятно чудесный человек, но очень холодный.

Я совсем другой.

Мое сострадание — это не сострадание человека, стоящего выше вас; мое сострадание очень человеческо, потому что я понимаю, что такое черные ночи. Я сам через них проходил и я знаю, как сильно вы страдаете в них. Но тут решать вам самим: можно растягивать черную ночь до бесконечности, а можно положить ей конец, позволив солнцу в этот самый миг взойти и осветить вашу жизнь.

Я называю вас своими друзьями. Не забывайте это слово.

Я обещаю вам, что буду с вами всегда, когда буду вам нужен. Просто дайте мне быть нужным!

Вопрос третий:

Возлюбленный Ошо,

Министерство иностранных дел Германии запретило тебе въезд в эту страну. Не хочешь ли ты что-нибудь сказать по этому поводу?

Похоже, что больше ни одно государство не пустит меня к себе. Это отличный знак. Это значит, что меня начали признавать. Получив Нобелевскую премию, я не получу должного признания. Я буду признан только тогда, когда со мной будут поступать так, как поступила Америка, как поступила Индия, как поступает Германия. Я вот только слегка озадачен по поводу Германии. Я там никогда не был, поэтому естественно германские законы нарушить не мог. Это какой-то небывалый случай, что человек хочет попасть в вашу страну, которой он не причинил никакого вреда, и вы уже заранее решаете его не впускать, если вдруг он решит к вам приехать.

Страх властей указывает на безоговорочное признание ими отдельного индивида, не обладающего никакой властью вообще. Они наверняка грешны, наверняка за ними что-то водится, раз они так боятся, что одно мое присутствие их разоблачит.

Я бы сказал, что это добрый знак — мне это нравится. Я бы отказался от Нобелевской премии, потому что это все развлечения буржуазии, но я никогда бы не стал отказываться от столь замечательного признания — такое признание устраивает меня как нельзя больше.

Я бы хотел сказать вот какую вещь: Германия может сколько угодно не давать мне попасть на свою территорию, но они не смогут помешать мне попасть в сердца немцев, особенно — немецкой молодежи. И уж совсем разумеется, они не сумеют помешать мне позвать немецкой молодежи поселиться в моем сердце.

Моя работа невидима — мне и не нужно непосредственно быть в Германии. Любящие меня сами приедут ко мне куда угодно. И если их любовь достаточно сильна, они увидят меня возле себя. Мне не нужно для этого ехать в Германию — я все равно буду с моими санньясинами. Мое присутствие зависит от их любви, а не от виз, которые выдает правительство.

Этот случай попросту еще раз наглядно демонстрирует нищету ваших так называемых великих держав. Мы будем праздновать и радоваться в тот день, когда мне негде будет остановиться в этом мире. В этот день мы будем петь и танцевать от счастья, потому что это случится впервые в истории...

Ведь Сократ был осужден в Афинах, а Афины — это был просто город-государство. Судьи сказали ему: «Уйди из Афин, и мы тебя не тронем. Перед тобой весь мир — зачем же зазря пить яд?»

Просто уйди из Афин».

Иисуса распяли в Иудее — это очень маленькая страна. Пока он был жив, никто за ее пределами о нем не слышал. Ктому же он и не умер на кресте. Не было никакого воскрешения — его просто сняли с креста спустя шесть часов, а чтобы умереть на кресте нужно было по меньшей мере сутки, а иногда и двое.

Все это было устроено Понтием Пилатом, римским наместником, и одним влиятельным человеком, который хотел спасти Иисуса. Они договорились, что Иисуса распнут в пятницу, но как можно ближе к ночи, чтобы он не долго провисел на кресте. В пятницу на закате иудеи прекращают любую работу, потому что в субботу им запрещено вообще что-либо делать. Поэтому казнь все оттягивали и распяли его только ближе к вечеру, когда солнце уже пошло вниз. И еще до заката его нужно было снять с креста — по иудейскому обычаю. Потом он должен был ждать в пещере. После субботы его бы снова повесили на крест, но к тому времени его уже увели из Иудеи. Он жил в Индии и прожил до ста двенадцати лет — до самого зрелого возраста. В Индии же он и умер; я был на его могиле в Кашмире, и вот какое забавное совпадение: там же в Кашмире похоронен и Моисей.

Но никто больше не вставал у него на пути, никто его не преследовал и никто не распинал. В Индии он прожил долгую жизнь. В Иудее его распяли, когда ему было тридцать три, и после распятия он прожил до ста двенадцати лет без каких-либо неприятностей.

Так что, нам есть чему радоваться: по всей видимости, я первый человек за всю историю цивилизации, который подвергается преследованиям всего мира. Это не дурная весть, а добрая. Это означает, что я несу угрозу всем властителям этого мира — религиозным, политическим, социальным. Одному-единственному человеку, в одиночку, удалось обнажить все бессилие и нищету великих держав, великих теологов, великих религий. Могу ли я просить о большей награде?

Все это только поможет нашему движению. Все это означает, что ваш мастер — действительно мастер, а не какой-то там добропорядочный святой!

Говорите от всей души

Вопрос первый:

Возлюбленный Ошо,

Я все пытаюсь объяснить людям, кто такой просветленный мастер. Я пытаюсь и так и сяк; это как если бы каждое утро, садясь за рояль, я пробовал бы спеть свою песню иначе, в другой тональности, изменив мелодию.

Но мои знакомые на Западе никогда не слышали подобных историй, и я вижу, что мои слова не доходят до цели. Но не говорить я не могу, поэтому я продолжаю искать подходящие слова. Если их собрать в одну книгу, то такую книгу я бы назвал так: «Слова выражения», — потому что я не могу ни сдаться, ни достойно выразить мою тишину, мои слезы, мой смех. Пожалуйста, помоги мне найти слова выражения, подскажи, как объяснить моим друзьям из долины слепцов, что такое просветление, и кто такой просветленный мастер.

Ты не первый, кто столкнулся с этой проблемой — она стара как мир. Те же самые попытки, которые ты предпринимаешь сегодня, предпринимали испокон веков тысячи поэтов, художников, музыкантов, скульпторов и других творческих людей, которые хотели выразить то, что выразить нельзя. Всем им это было известно — что нет способа выразить, — но тем не менее сердце человека переполнено страстным желанием выражать, объяснять, передавать знание своим любимым, тем, в ком он хочет найти понимание.

Пожалуй, нет в мире задачи сложнее... человек познает, чувствует, подходит очень близко к выражению — но в результате упускает. И из-за того, что он постоянно упускает, задача становится все сложнее и сложнее.

Так что, я очень хорошо понимаю твою проблему, но тебе придется понять, что в мире есть вещи, которые высказать не получится, сколько ты ни пытайся. Не стоит также ожидать какого бы то ни было успеха, потому что успех — это сама попытка. Ты старался как мог, ты вложил в свои слова всю свою тотальность. Ты пытался от всего сердца. Но что же можно поделать, если это невозможно

просто по природе вещей?

Просветление случается без слов и без мыслей; когда ум как таковой оставлен далеко позади; когда вы не слышите даже сердцебиения, когда в вас абсолютная пустота. Нет ни света, ни тьмы. Просветление дальше их обоих.

Просветление — это то, чего нет в известном нам мире. Мы не можем провести параллель, мы не можем установить даже отдаленную связь между ним и еще чем-либо, что дало бы нам хоть какой-то намек. И всякий раз, когда мы пожелаем объяснить его словами, мы неизбежно будем вовлекать ум — который никогда не существовал в действительности. Мы неизбежно будем вовлекать слова, которых тоже нет.

В этом-то и состоит вся нелепость ситуации: мы прибегаем к помощи несуществующих свидетелей. Можно, конечно, попытаться и с ними, но они просто рыщут во тьме. Все эти попытки ничтожны, в то время как существование настолько огромно, что его не вместит ни одно слово.

Когда я закрываю глаза и начинаю смотреть, то я вижу одну лишь пустоту... безмятежную, безграничную; в ней есть что-то от вечности.

Ум же находится во власти времени; ум понятия не имеет о вечности. Он может ее придумать, но представление ума о вечности будет лишь временем, растянутым настолько, насколько ему позволит сам ум. И это никакая не вечность.

Что может делать ум? Он способен лишь растягивать время; в этом он профессионал. Он может удлинить время, но как бы сильно ему ни удалось растянуть прямую времени, у нее все равно будет начало и конец, и следовательно это не будет вечностью.

Ум размышляет об истине. Ум размышляет об истине только потому, что он ее не знает. Размышления — это забава для слепых. Одни слепцы размышляют о свете. Если у вас есть глаза, то вы просто видите свет; вам не надо о нем думать. И что вообще можно думать о свете? Когда вокруг вас светло, вы видите свет, вы знаете его — здесь просто не о чем еще размышлять. Или если вокруг темно, потому что вы слепы, то что в этом случае можно думать о свете? Что бы вы о нем ни думали, все будет ложно. Мышление не напомнит настоящий свет даже отдаленно.

Людам на Западе говорить о просветлении еще сложнее. Очень важно отметить, что в Индии никогда не было ничего похожего на философию — никогда, потому что философия — это мыслительный процесс, это игра ума; философия никогда не выходит за его пределы. Это логика, но не знание. На Востоке существует совершенно другое явление: мы называем его «видением», а не мышлением и не философией.

Будда сказал о самом себе: «Я не философ. Я врач. Не спрашивайте у меня, что такое свет. Если вы не видите сами, приходите ко мне, и я вылечу ваши глаза — это в моих силах, но только не надо спрашивать меня, что такое свет. Я могу поправить ваше зрение, и тогда вы сами сможете ответить на этот вопрос».

В западной культуре никогда не было ничего похожего на даршан, на видение, лежащее за пределами мышления. Поэтому объяснить его очень сложно, почти невозможно; на каждом шагу вас ждет провал. Даже величайшая музыка здесь не поможет, потому что даже самая величайшая музыка — это всего лишь звук, в то время как знание — это тишина, а не звук. Но вы именно пытаетесь выразить тишину через звук.

Только самая выдающаяся поэзия может на мгновения возвысить незнающих людей на невиданные высоты, дать им проблеск неизведанного. Но для знающих людей задача состоит не в том, чтобы воспарить до неизведанного, но в том, чтобы войти в непознаваемое.

Неизвестное может стать известным в любую минуту. Наука всеми силами пытается сделать неизвестное известным: что не было известно вчера, известно уже сегодня; что неизвестно сегодня, будет известно завтра. И научный ум полагает, что наступит время — и это очень логично, — когда мы сможем заявить, что все неизвестное находится в рамках известного. Это будет победа, последняя победа науки — когда в мире не останется ничего неизвестного.

Но они не отдают себе отчет в том, что на свете есть нечто большее, чем просто неизвестное — еще есть мир непознаваемого, который никак нельзя умалить до известного.

Словом, поэзия, живопись время от времени могут подвести вас вплотную к неизвестному. Но просветление — не из области известного; оно непознаваемо. Вы можете его испытать, но не можете объяснить. Это не ваш просчет — просто такова природа вещей. Такого само бытие.

Тем не менее, я не стану говорить, чтобы вы не пытались его выражать. Наоборот, я скажу: продолжайте пытаться. Я вкладываю в это совершенно иные задачи: дело не в том, что если долго мучаться, то что-нибудь получится — просто в самой попытке выразить что-то начнет в вас меняться, что-то начнет в вас преображаться. Каждая безуспешная попытка выразить подведет вас на шаг ближе к тишине, которую можно лишь испытать. Каждая неудача будет для вас новой ступенькой.

И не надо переживать, что люди никак не могут понять то, о чем вы так упорно пытаетесь им втолковать. Просто продолжайте пытаться. Тут дело не в том, что у вас непременно должно получиться, и до них непременно должны прийти ваши объяснения — об

этом нет и речи. Но сама ваша попытка, ваши отчаянные старания, ваши слезы — все это может затронуть людские сердца.

Слова ничего не дадут, но ваши искренние попытки заставят людей задуматься... раз, этот парень из кожи вон лезет, пытаюсь объяснить, и ничего у него у не получается, то что-то там такое, наверняка, все же есть. Доказательством послужат его слезы, доказательством послужат его неустанные попытки, которые он предпринимает несмотря ни на что. Каждый день он придумывает что-то новое, заходит с другой стороны; и это все явно доказывает, что ему есть что сказать — он знает нечто такое, что, может быть, по самой своей сути необъяснимо.

И по своему обычному житейскому опыту люди знают, что в жизни действительно бывают необъяснимые вещи. Любовь необъяснима. Даже величайший ученый может влюбиться, прекрасно зная, что объяснить свою влюбленность он не в силах. И ему известно, что любое его объяснение будет ошибочным. Он начнет говорить о гормонах, о влечении женских гормонов и мужских, он вспомнит всю физиологию. Но он понимает, что это не то. Он не в состоянии объяснить свою любовь; он не может низвести ее до уровня объяснимых понятий.

Возьмите даже самые обычные вещи: вы едите что-то, но вы не можете передать свой вкус. Вы слышите какой-то аромат, но можете ли вы как-нибудь объяснить его? И в особенности людям, утратившим обоняние. Ваши слова их не убедят, но вот ваши старания могут сделать свое дело — благодаря им в них может загореться огонь любопытства: а вдруг вы правы?

И именно так испокон веков люди и пытались себя выразить. Встретившись с мастером, они вступали в контакт с живым знанием просветления. Они знают, что просветление есть, оно стало для них почти осязаемо. Они ощутили его своим сердцем, своим дыханием. Они увидели его и поэтому, естественно, им теперь хочется как-то его передать. Их переполняет огромное чувство, и они хотят разбудить всех и вся и кричать: «Чем вы занимаетесь? В жизни есть нечто куда более ценное — не тратьте ее понапрасну! Я сам видел то, о чем говорю. Я сам пережил мгновения в присутствии какого-то волшебства!»

Возможно, вас примут за полоумного, люди решат, что вы обезумели. Не тревожьтесь об этом — так было всегда. Однако же если ваше безумие тотально, оно произведет на людей неизгладимое впечатление. Если ваше безумие состоит из счастья, из блаженства, то они просто не смогут его не заметить.

Им бы хотелось не замечать, потому что вы уводите их на опасный путь — вдруг они станут такими же безумными, как и вы. Им бы очень хотелось, чтобы ничего из того, о чем вы говорите, не

существовало на самом деле. Этим они пытаются уберечь себя. Более того, сами их попытки не заметить вас, осудить вас, обозвать безумцем явно свидетельствуют о том, что вы каким-то образом проникли в их сердца.

Все это защитные меры. Люди строят стену между собой и вами, но эта стена — начало их поражения. Защита — это исток поражения; они испугались и всполошились.

Поэтому я говорю: продолжайте выражать. У вас никогда не получится выразить по-настоящему, но благодаря самой этой попытке многое начнет меняться. Сознательно или бессознательно, но люди всегда ищут что-то, что не является частью их мирской жизни. Они утомлены, им скучно, но при этом они хотят во всем разобраться, прежде чем пуститься в какие-то поиски. Именно поэтому им так нужны точные описания и объяснения, и поэтому они задают уйму всевозможных вопросов.

Так они просто оберегают себя. Они потеряли свою жизнь, осталась лишь крохотная ее часть, которой им не хочется понапрасну рисковать. Поэтому проявите же к ним немного сочувствия. Не злитесь на них за их непонимание. Не прекращайте свои попытки объяснять только из-за того, что они вас не слушают, и что вам не удается до них достучаться.

Пути жизни неисповедимы. Вам хочется как-то выразить словами непознаваемое. Выразить вы никогда не выразите, но самой своей попыткой вы сможете изменить весь ход жизни слушающего. Вы можете дать ему новые мечты, новые надежды.

Именно этим я и занимаюсь всю свою жизнь — продаю мечты и надежды... Ни вы не в состоянии выразить просветление, ни я. Я стараюсь сколько себя помню, прекрасно зная, что это невыполнимая задача. Решить ее еще никому не удавалось и никогда не удастся. И это очень хорошо, что не удастся... потому что так просветление останется за пределами ума, так оно сохранит свою первоизданную чистоту.

Я воспаляю людей. Это делают не мои слова, но их побочный эффект — мои усердные попытки объяснить; я вкладываю в эти объяснения всего себя, и тогда что-то начинает происходить как бы между прочим. Слушатель воспаляется. Он начинает искать то, что словами выразить никак невозможно.

То есть, я терплю неудачу в одном смысле, но преуспеваю в другом. Более того, успешное объяснение не многого стоит. Зато воспламенение людей — вот это действительно огромный успех. В этом случае вы не промахнулись. И помогли вам не сами слова, а то, как вы их сказали, та уверенность, с которой вы их говорили; живые качества ваших слов, шедших из самого центра вашего существа. Это не какая-то игра ума — ваши слова не являются частью мышления... качество ваших слов оставит у слушателей ощущение, что вы говорите самой вашей сущностью. И это качество произво-

дит впечатление.

Словом, это все очень загадочно: объяснить как следует вы не в силах, но все же вы должны продолжать говорить. Слова могут и не дойти, но благодаря им передастся нечто иное.

Просто будьте тотальны. Не сдерживайтесь. Если хочется плакать, плачьте. Все это важно. Каждое движение важно. Даже паузы несут в себе огромное значение. Никогда не знаешь, что именно произведет на человека впечатление. Поэтому стараться надо от всей души. И что-то обязательно произойдет; так было всегда.

Вспомните одну притчу про Будду. Как известно, с той самой ночи, когда он стал просветленным, он молчал семь дней — какой смысл говорить о том, что сказать нельзя? И он абсолютно ясно понимал, что объяснить просветление нет никакой возможности. Тогда зачем попусту тратить свое и чужое время?

Притча эта очень красива. В буддистской мифологии нет одного Бога, зато есть множество богов. Боги — это люди, обитающие в раю. Рай в буддизме — это что-то вроде отпуска на курорте. Туда люди попадают в качестве награды за свою благостную, религиозную жизнь — на каникулы; вот они и называются богами. Но они ни в коем случае не выше просветленного существа — наоборот, они гораздо ниже, потому что как только запас их благостности исчерпывается и их небесный счет закрывается, они летят обратно в свой обычный, земной мир.

Та же история происходит и с теми, кто много грешит: такие будут брошены в ад. И когда они отбудут там свое наказание, их вернут в обычный мир. Таким образом, рай и ад — это, так сказать, поощрительно-исправительный институт.

Просветленный же человек на небеса не попадает, потому что он свободен и от всех грехов, и от всей благостности — он свободен от самого ума. Он попросту растворяется в существовании и становится единым с океаном.

И вот боги на небесах очень забеспокоились, что Будда не хочет говорить — и ведь впервые за долгие века так случилось, что человек стал буддой. Поэтому семь богов, представлявших весь рай, спустились на землю к Будде, коснулись его ног и попросили его заговорить:

— Земля ждала тебя не одно столетие, и если ты будешь хранить молчание, то твое просветление ничем нам не поможет. Ты должен поделиться им со всеми.

Будда сказал:

— Но как же я могу говорить о том, о чем говорить невозможно? Вы прекрасно знаете, что это так, так что какой смысл? Более того, пытаясь объяснить словами, вы только все искажаете. Истина, облаченная в слова, становится ложью. Поэтому прошу простить меня, но я не смогу.

Боги были очень расстроены. Они стали думать между собой... что делать? как его убедить? Он совершенно прав, но все же убедить его говорить просто необходимо. Истину нельзя выразить

словами, нет, это известно испокон веков; но когда о ней говорит человек истины... дело не в одних словах — говорит все его существо, его глаза, его руки. Может, словами передать ничего и не удастся, но слова создадут поле, которое притянет людей. Они увидят глаза Будды, они увидят его сущность, они увидят его тишину. Они увидят его блаженство, его удовлетворенность. Именно это увидит ищущих, а не его слова.

Тогда боги сказали Будде:

— Мы все понимаем. Девяносто-девять процентов людей тебя не поймут, но почему ты снимаешь со счета оставшийся процент? Ведь даже если тебя поймет только этот один процент, то и этого будет достаточно, чтобы преобразить все сознание человека.

Будда ответил:

— Я не забыл об этом проценте, но ведь это те самые люди, которые обретут просветление независимо от того, буду ли я говорить или нет. Они обязательно обретут — через пару лет или пару жизней. Ничто не удержит от просветления этот оставшийся один процент людей, которые способны меня понять. Так в чем же смысл? Они и так найдут. И когда мы имеем дело с вечностью, так ли уж важно, когда они достигнут — завтра или послезавтра?

Но боги настаивали:

— Это все понятно, но нельзя забывать и про тех, кто может наводиться уже на самом краю, кому нужен лишь один маленький толчок, кого нужно подбодрить и убедить, что они рискуют всем не ради пустяка. Само твое присутствие убедит их, что стоит пойти на этот риск. И ведь они на самом краю — им остается сделать все лишь один шагок! И они не спешат его сделать, потому что они не знают, что там, в неизвестности, что там, в непознаваемом. Они не видят впереди себя, и поэтому к ним приходят разные мысли: а стоит ли жертвовать тем, что мы имеем, ради такой неопределенности? Может стоит, а может и нет. И твое присутствие придаст им сил сделать этот последний шаг. И ты отлично знаешь, что они так будут висеть на одном волоске еще миллионы лет и все из-за одного этого страха. Услышав тебя, они перестанут бояться. Они поймут, что пуститься в неизвестное и непознаваемое — не только не опасно, но и исключительно безопасно. В жизни все опасно, кроме просветления, в котором можно быть абсолютно уверенным. И твое присутствие даст им эту уверенность и мужество решиться на последний шаг. Ты просто должен говорить.

Будда хорошенько подумал и сказал:

— Возможно, вы и правы, потому что я еще не забыл, как сам недавно мучался: сделать последний шаг было сложнее всего, потому что рядом со мной не было никого, кто мог бы убедить меня своим присутствием и сказать: «Ты не исчезнешь бесследно в пустоте. Ты выйдешь из нее обновленным и бессмертным». Я еще помню, в течение скольких жизней я все никак не мог решиться на этот последний шаг. Я буду говорить. Я буду говорить ради тех, кто находится на самом краю.

И Будда говорил сорок два года, но так и не сумел объяснить истину. Однако он сумел помочь сотням людей достичь просветления самим.

Так что нечего пугаться, что у вас не получится объяснить. Это еще никому не удавалось, зато удавалось нечто иное. Попытка объяснить создает нужную атмосферу. И даже если всего несколько людей зашевелятся — этого уже достаточно. Глядя на них, вы сами тронетесь с места. Когда вы увидите в чьих-то глазах растущую уверенность, ваша уверенность тоже возрастет тысячекратно. Так что, это все не только для других, но и для вас тоже. Говорите, объясняйте как можно больше.

Главное, не забывайте: говорить нужно от всего вашего существа, потому что именно ваша тотальность изменит другого человека, его точку зрения. И когда вы говорите тотально, ваши слова обрывают собственную жизнь.

Я не знаю и основ ораторского искусства... Как-то раз я оказался в христианском теологическом колледже. Директор этого колледжа был моим другом и он настоял, что обязательно должен приехать к нему и посмотреть, как они там готовят своих будущих миссионеров. Я был потрясен: они там учат людей буквально всему — и когда нужно повисить голос, и когда говорить мягче, и когда переходить на шепот, и когда воздымать руки к небесам, и в какой момент проповеди делать то или иное телодвижение...

Я сказал директору:

— Что за идиотизм! Вы не учите людей — вы убиваете их! Вы учите их быть фальшивыми, поддельными. Ваш колледж никак нельзя называть религиозным институтом — это институт актерского мастерства.

Я никогда не обучался ораторскому искусству. В этом нет нужды. Чтобы уметь говорить, нужно просто обладать личным опытом, который сам найдет способ, как себя выразить. И я в своей жизни говорил перед миллионами людей, и мои слова шли от моего сердца к их сердцам. Но я сам понятия не имею, каким будет мое следующее высказывание. Я понятия не имею, что будут делать мои руки, каким будет следующий жест. Я понятия не имею, куда посмотрят мои глаза.

Я знаю одно: когда я говорю, я говорю всем своим телом, всем своим умом, всей своей душой — я вовлечен весь без остатка. И если у вас есть что сказать, то ваши слова сами найдут себе выход.

Разумеется, я никогда не смогу высказать истину, но пытаюсь высказать ее, я смогу достучаться до людских сердец. Своими попытками вы можете подвигнуть их пуститься в путь — и это больший успех, на который только можно рассчитывать. Поэтому не останавливайтесь, продолжайте пытаться, продолжайте, несмотря на то, что вам очевидна вся тщетность слов.

Просветленные люди поняли это очень давно, но во все времена они неустанно говорили, потому что они умели передавать нечто между слов, между строчек — и это самое ценное.

Мастер подскажет прямую дорогу

Вопрос первый:

Возлюбленный Ошо,

Кто-то из дзен-мастеров сказал: «Сиди тихо, ничего не делаю, и трава растет сама по себе». Будда сказал: «Будь светом самому себе». Я полностью с этим согласен. Но зачем тогда вообще нужен мастер? Разве не может разумный и смелый идти в одиночку? Как объяснить значение слова «мастер» жителям страны, где исконно оно означает лишь «властитель душ».

Мастер не нужен. Разумный и смелый спокойно может идти в одиночку, но его путь к цели может занять много жизней. Мастер же может подсказать, как идти напрямик. Одни вы понятия не имеете, куда идете. И ведь к истине не ведут асфальтовые шоссе. Вы сами прокладываете тропу, вы идете по нехоженным местам.

И существуют тысячи дверей. Человеку, ищущему в одиночку, придется стучать в каждую из них, но большинство этих дверей ведут далеко не к истине. Лишь одна из тысяч откроет для вас истину. Человеку, идущему в одиночку, придется полагаться на случай, ему придется надеяться на удачу, что он сразу постучит в верную дверь, а в противном случае ему придется стучать в них во все, обходя одну ложную дверь за другой, пока наконец, когда выбирать уже будет не из чего, перед ним не останется та самая, единственно верная дверь.

И на этот перебор могут уйти тысячи жизней. Путь может быть очень долгим — долг настолько, что даже самый смелый человек за это время давно уже растеряет всю свою смелость, даже самый разумный человек за это время давно уже махнет на все это рукой. И вместо того чтобы прийти к цели, он развернется и пойдет обратно.

Совершенно верно, найти можно и без мастера, но это неимоверно сложно. Мастер сам не ведет вас к истине, потому что он уже прошел весь путь — он уже отыскал верную дверь, верный метод. Но он может помочь вам исключить все ложные пути. В дру-

гих словах, задача мастера состоит не в том, чтобы преподнести вам истину на блюде, но чтобы заставить вас увидеть все ложное, заставить вас увидеть все неистинное. Мастер укорачивает ваш путь, мастер показывает, как идти напрямик.

И мастер — это не властитель душ. Властитель душ — это никакой не мастер, а политик. Он испорчен властью.

Мастер же может называться мастером только в том случае, если он не обладает людьми, а любит их. Любовь не может обладать. Любовь отдает, не прося ничего взамен. Любовь не выдвигает условий. Любовь не знает исключений.

Мастер — это просто друг. Он не выше людей, которых он ведет к определенному знанию. В нем нет мании величия. Он не создает в вас никакой вины, не делает вас неполноценными, не заключает в вас духовное рабство, потому что все это — препятствия на пути к познанию, к которому он вас и ведет. Только независимый, полностью самостоятельный и свободный человек способен познать истину.

Так каким же образом мастер может быть властителем душ? Он всеми силами старается помочь, и его помощь не накладывает никаких обязательств на тех, кто ее принимает. Наоборот, мастер сам чувствует себя обязанным вам, если вы принимаете его помощь. Ведь вы могли бы ее отклонить, вы вовсе не обязаны были ее принимать.

Мастер не нужен — но это только теория. Фактически же найти без помощи мастера почти невозможно, потому что в мире есть великое множество разных путей, но далеко не все они ведут к истине. И ваша смелость не бесконечна. Рано или поздно она истощится. После долгого бесцельного и тщетного брожения, вы устанете и потеряете волю. С каждой неудачей вы будете удручаться все больше и больше. Вскоре вы зададитесь вопросом: «Существует ли вообще где-нибудь эта истина? Или может я просто гоняюсь за призраками, ищущее нечто такое, чего нет в природе?» Ваш ум, каким бы острым он ни был, начнет терять свою остроту, когда из раза в раз вы снова и снова будете терпеть неудачу.

Человеку нужно питание для всего, чем он располагает. Питание нужно его смелости, питание нужно его уму. Питание — это успешные действия. Если у вас все получается, то ваш ум укрепляется, ваша смелость упрочняется... так вы готовите себя к квантовому скачку в неизвестность. Но если на каждом этапе вас подстерегает мрак неудач, то от вашей смелости не останется и следа, а ваш ум утратит весь свой блеск и всю свою остроту.

И скорее всего случится так, что вскоре вы и думать забудете и об истине, и о поиске. Может быть, вы даже превратитесь во врага всем тем, кто говорит об истине и занимается ее поисками. Вы нач-

нете говорить, что все это чушь несусветная, что это просто брожение в потемках... что это как в случае со слепым мудрецом, который черной ночью в черной комнате ищет черную кошку, которой тому же там нет. Насколько хватит вашей смелости?

По этому поводу у Будды есть одна замечательная притча. Будда говорил: «Представьте себе дворец с тысячу дверями, и слепец во дворце ищет нужную дверь, чтобы выйти наружу. И все двери открыты. Он долго ищет нужную дверь, но вот он устает, утомляется — потому что все двери оказываются ложными: это не двери, а просто проемы, за которыми стоит стена. Дверь сама открыта, но едва слепец входит в проем, как тут же ударяется лбом об стену. И вот он отчаивается, и это несмотря на то что ему сказали, что где-то здесь есть одна-единственная нормальная дверь, через которую он может выйти наружу. И все двери открыты настезь. И к тому времени, когда он в результате почти доходит до настоящей двери, он уже изнемогает от усталости и отчаяния. Он опробовал без одной тысячу дверей, и все они оказались ложными. Поэтому для него естественно будет предположить, что и эта дверь тоже будет ложной. И он даже не пытается пройти через нее — он сдается. Он уже довольно намучался. Сложно обвинять этого слепца — он уже девятьсот девяносто девять раз ударился головой о стену, думая, что это дверь... Сложно винить его, если он решит оставить эту последнюю дверь и пожалеет свой лоб. Он сдается, но вскоре опять начинает свой поиск и опять начинает биться головой об стенку».

Будда говорил, что нельзя осуждать такого человека. Нужно проявить к нему немного сочувствия: он слеп и весь его опыт — это одна большая неудача, и поэтому он начисто лишен воли. И он проходит мимо нужной двери. Он даже не пытается — так он устал. Возможно, что еще одна неудача заставит его вообще отказаться от самой мысли выйти наружу. Возможно, это просто миф, что где-то здесь есть дверь, ведущая в мир света, солнца, цветов, неба и звезд. Возможно, всего этого не существует, а те, кто утверждал, что настоящая дверь есть, просто нагло его обманули — или же они обманывают и себя тоже.

Что возможно в теории, на деле вовсе не обязательно окажется верным. Любой мастер скажет, что идти можно в одиночку, что истину можно найти и самому, что мастер не нужен. И говорить так будет только настоящий мастер. Но при этом он добавит, что, отказываясь от его помощи, вы выбираете очень неблизкий путь, на котором вы можете устать, на котором вы можете плюнуть на весь поиск и развернуться к истине спиной. Встав на долгий путь, однажды вы даже можете начать ненавидеть саму мысль о поиске. Поэтому мастер — это практическая необходимость.

И мастер — это всего лишь любящий друг. Он любит истину и он любит помогать людям обретать это замечательное знание. Мастер подобен садовнику. Когда растение цветет, то расцветает не оно одно: вместе с каждым цветком расцветает и душа садовника. То же самое справедливо и в отношении мастера. Каждый ученик, пришедший к цели, реализовавший свой потенциал, расцветший, заставляет цвести сердце мастера. Каждый ученик, обретший просветление, снова делает мастера просветленным. Это и есть награда мастера. Больше от ученика ему ничего не нужно. Его награда — успех ученика.

Так что, никогда не мешайте теорию с практикой.

В своем вопросе ты процитировал Башо, уникального мастера. Он говорил: «Сижу тихо, ничего не делаю, и трава растет сама по себе». Это все теория, с которой согласиться каждый настоящий мастер: нужно лишь просто тихо сидеть и ничего не делать. От вас не требуется никаких действий. Не надо тянуть траву вверх, чтобы помочь ей расти. Просто сидите тихо, и трава вырастет сама по себе.

Но это чисто теоретическое изречение. Кто же научит вас тихо сидеть? Это ведь самое сложное на свете. Со всем остальным вы справитесь легко, но вот самое простое — сидеть в тишине — для вас оказывается непомерно сложной задачей.

Мастер нужен по многим причинам и во-первых потому, что рано или поздно вы непременно поймете, что не умеете тихо сидеть. И вот как работает ум — он начнет утешать себя: «Я не виноват, что я не могу тихо сидеть — такова человеческая натура. Никто не может тихо сидеть. Я еще никого не видел, кто бы мог просто сидеть в тишине и ничего не делать».

И первоочередная задача мастера — не дать вам делать такие выводы. Вы все знаете по меньшей мере одного человека, который может просто тихо сидеть. По крайней мере, есть один человек, способный просто быть, ничего не делая. И если это возможно для одного, то возможно и для всех людей без исключения.

И во-вторых: вам потребуется какой-нибудь метод, какая-нибудь тактика, которая поможет вам научиться тихо сидеть и ничего не делать. У каждого мастера есть свои приемы — иногда весьма необычные, иногда очень простые. Все зависит от личности ученика, которому адресована помощь.

Эту хайку написал Башо, который, впрочем, сам помог многим людям — который сам помог траве расти, несмотря на его же собственное изречение, прославившее его на весь мир. Никому и в голову не приходит, что Башо сам помог вырасти не одному поколению травы.

Одному ученику он дал медитацию звука хлопка одной ладони.

Ученик знает, что одной ладонью звука не добьешься. Как ни старайся, для звука нужно столкновение двух предметов; одной ладонью никак не хлопнешь. Но мастер настаивает:

— Ищи. Садись и ищи, и когда тебе покажется, что ты услышал что-то вроде звука хлопка одной ладони, приди и доложи.

И ученик приходит каждое утро. Накануне вечером он слышит, как ветер шелестит в верхушках сосен, и решает: «Наверное, это и есть звук хлопка одной ладони». И на утро он бежит к мастеру, падает ему в ноги и выкладывает:

— Я услышал! Звук хлопка одной ладони — это ветер, играющий с соснами!

И мастер дает ему тумаков и говорит:

— Ты идиот! Я же сказал тебе искать звук хлопка одной ладони, а ветер и сосны — это две ладони. Иди обратно и медитируй.

Ученик приходит снова и снова. В какой-то момент ему кажется, что журчание ручья... и он думает: «Наверное, это оно!» Но мастер — крепкий орешек: его ученик устал и в ответ на все свои старания он лишь получает пощечины. И вот он рассказывает мастеру про журчание ручья. Мастер свирепеет:

— Ты чем меня слушаешь?!

И тогда он просто хватает ученика за шкуру и выбрасывает его из окна! С третьего этажа он летит на землю. И вслед за учеником мастер выпрыгивает сам, садится на него сверху и спрашивает:

— Ну что, услышал?!

На мгновение ученик оказывается в полной тишине. Ученик оказывается верить в случившееся. Он и подумать не мог, что Башо, такой изящный человек, может так поступить. Он потрясен до глубины души. И теперь мастер еще уселся ему на грудь и спрашивает, услышал ли он.

Потрясение таково, что на мгновение время замирает, ум замирает, и ученик улыбается. И Башо говорит:

— Услышал! Но ты сам вынудил меня выкинуть такой фокус. Обычно я подобными вещами не занимаюсь, если только не доставать меня каждое утро такой чепухой.

Да, трава растет сама по себе. Но человек — это не трава. Ему нужно руководство, ему нужен чуткий мастер. Ему нужен друг, который временами может быть суров; друг, который создаст для него нужные условия. Без него этот ученик искал бы звук хлопка одной ладони еще не одну жизнь. Если бы не этот спонтанный поступок Башо. Это не был расчет, Башо не планировал ничего такого. Просто он поступает в соответствии со своим чувством в данный момент. Ученик переломал себе все кости, но переломы заживут — они не важны. Важно само потрясение от того, что тебя просто бе-

рут да вышвыривают из окна, а потом на тебя еще сверху напрыгивает мастер; все это было настолько неожиданным, что ум просто вынужден был остановиться.

Ум имеет дело только с ожидаемым, с известным. Столкнувшись с неожиданным, с неизвестным, он вынужден остановиться. И остановка ума — это и есть тот самый звук хлопка одной ладони. Это тишина.

Теперь ученик знает на собственном опыте, что такое тишина. Теперь он может тихо сидеть, ничего не делать, пока трава растет сама по себе. Но кто даст вам впервые отведать вкус тишины? Только тот, кто сам уже ее попробовал.

Чрезвычайно важно не затеряться в теории и всегда пребывать в мире практики, потому что только в нем вообще что-либо происходит. Только после проверки практикой теория становится верной, но не раньше.

Мастер просто поддерживает вас, когда вы еще слишком слабы, чтобы идти собственными силами. Если бы мать не помогала ребенку делать свои первые шаги... Мать оберегает его. Она держит его, чтобы он не свалился в лужу; он смотрит, чтобы он не поранился. Вместе с тем она подстрекает своего ребенка, призывает его: «Давай, ты можешь. Я здесь, ты не упадешь, я тебя держу». Но для ребенка первые шаги — это вход в мир неизвестности.

Если ребенку не помочь, то он так никогда и не встанет на ноги и так и пробегает всю жизнь на четвереньках. Это доказанный факт, потому что не раз человеческих детей находили в джунглях, живущих с волками в пещерах. Какая-нибудь волчица уносила ребенка из деревни, кормила его... Но поскольку волки ходят на четырех лапах, то и человеческий ребенок тоже продолжает передвигаться на четвереньках. Никто не поощрял его подняться на ноги, никто не говорил ему: «Хватит ходить по-звериному, давай ходи прямо».

Всего несколько лет назад в Индии, возле Лакнау, был найден такой мальчик. Ему было четырнадцать лет, но он не умел стоять вертикально. Только за шесть месяцев врачам удалось научить его ходить на одних ногах. Но и тогда, стоило ему остаться наедине с собой, он тут же опускался на четвереньки. На одних ногах он ходил только из-под палки. В общем, научить его было сложно, к тому же он был очень нервный, нерешительный и всего пугался.

То есть, в теории человек способен ходить на двух ногах, но для практического осуществления этой теории требуется мать, требуется материнская обстановка, в которой ребенку будет легко и не страшно — даже если он и упадет, он все равно не поранится. И он будет падать, но рано или поздно к нему придет сноровка. И тогда помощь матери больше будет не нужна. И он уже ни разу в

жизни не вспомнит, что умеет ходить благодаря своей матери, без которой встать на ноги было бы для него невозможно.

В духовном мире это происходит чуть сложнее и не так заметно. Мастер играет сразу несколько ролей: он и друг, он и проводник, он и мать. И любыми способами он пытается дать вам ваш первый опыт. Самый первый опыт ляжет в основу последующего опыта. И тогда вы уже сможете спокойно сидеть в тишине.

И настоящий мастер никогда не захочет, чтобы вы зависели от него. Он наоборот стремится к тому, чтобы вы как можно скорее стали независимыми... и чем быстрее, тем лучше. И поэтому он все время ищет короткий путь. Ведь ему известна вся местность — он исходил ее вдоль и поперек. Он смотрел на нее под разными углами. Он отлично знает, где находитеесь вы, и где находится истина. И самый короткий путь между двумя точками — это прямая, и вот в этом как раз и состоит вся задача мастера: прочертить прямую линию от вас до истины.

Буквально вчера один пожилой человек сказал мне — он служит у короля Непала личным секретарем:

— Я не думаю, что в этой жизни мне удастся испытать то, о чем вы говорите.

Я спросил его:

— Но почему? Откуда у вас такой пессимизм? То, о чем я говорю, можно испытать в любую секунду. Нужно лишь слушать меня очень внимательно и просто стараться. Не нужно ждать другой жизни. Очень может быть, что вы как раз уже откладывали в ваших прошлых жизнях, и теперь просто повинуетесь старой привычке, думая, что нельзя стать просветленным за то короткое время, что вам осталось. Вы думаете: «Две трети жизни уже позади, осталась треть. Как же я могу пройти такой длинный путь за треть жизни?»

Но пока я с ним говорил и давал ему медитацию — обычное наблюдение за дыханием, — я понял, в чем вся его беда. Он меня не слушал. Пока я говорил с ним, пока я объяснял ему суть техники, он тем временем обдумывал в уме, что скажет, когда закончу говорить я.

И когда я остановился, он не стал делать то, что я ему объяснял. Он тут же перескочил на совершенно другой предмет, не имеющий никакого отношения к тому, о чем я ему толковал. И просто чтобы создать впечатление наличия связи, он сказал:

— Помимо наблюдения за дыханием... Я очень глубоко сплю и не вижу снов.

Дело в том, что я сказал ему, что если человек наблюдает за дыханием, засыпая, то он проснется, опять же наблюдая за дыханием. И если это случилось, то это явное доказательство того, что вы усвоили технику, потому что ваша последняя мысль перед погружением в сон никуда не девается и она же первым делом встречает вас с утра. Мысль ждет вас все восемь часов.

И вот он сказал:

— Да, со мной так и происходит: последняя мысль перед сном становится моей первой мыслью утром, но только не мысль о наблюдении за дыханием... Знаете, когда я еду по тихой дороге в отдаленных частях Непала, я чувствую, что меня переполняет такое блаженство, что мои глаза заполняются слезами, и мне приходится остановиться, потому что я просто перестаю видеть.

Я спросил его:

— Вас кто-нибудь уже учил?

Он ответил:

— Нет, я сам пробую потихонечку.

Я сказал:

— В таком случае мне ясно, откуда у вас страх, что вы ничего не достигнете в этой жизни. Возможно, что так оно и будет. У вас есть только кусочки опыта, но нет опыта в целом. И вы не знаете, каким образом можно соединить эти фрагменты в единое целое. Вы никогда не были с мастером. Вы просто очень непоследовательно и беспорядочно пробуете все, что где-то вычитали или услышали. Но духовный опыт — это органичное единство. Вам нужен человек, который бы обладал видением целого. Он может дать вам ключ к самой первой двери, и тогда вы перестанете собирать мозаику из случайных кусочков. Это все бесполезное занятие. Так вы просто обманываете себя, полагая, что вы на пути.

Так что, на практике мастер абсолютно необходим. Но помните, что мастер — это не властитель душ. Мастер — это не хозяин других людей; мастер — хозяин самого себя.

Люди стекаются к нему только из-за его мастерства. Он не станет их поработать. Если же он надевает на людей рабские оковы — и именно этим занимаются все так называемые религии, — то это не мастер, а самозванец, который скорее убьет вас, нежели преобразит вас в нового человека.

Так что, вот вам основное определение настоящего мастера: мастер не делает из вас раба. Наоборот, он дарит вам полную свободу. И если вы решаетесь на что-то, то решаетесь именно вы сами. Никто вас не принуждает — это ваш добровольный выбор.

Мастер может многое вам показать, но выбор всегда остается за вами. И мастер никогда не будет демонстрировать какое бы то ни было превосходство над вами. Он наоборот будет все время повторять: «Я — обычный человек, я — не пророк, не мессия, не спаситель цивилизации. Я — просто человек, такой же, как и вы. Если между нами и есть разница, то она очень невелика. Разница в том, что я уже проснулся, а вы все еще спите».

Но сам тот факт, что вы спите, уже указывает на то, что вы можете проснуться. Мертвый человек не спит и следовательно пробудиться он не в силах. Сон и пробуждение — это одна энергия.

Совершенный мастер убедит вас, что вы тоже способны обрести весь тот опыт, которым обладает мастер, и который поднимет вас над обычным, приземленным миром и вознесет вас на духовные небеса — в здесь и сейчас.

Восток и Запад должны встретиться

Вопрос первый:

Возлюбленный Ошо,

Свою работу ты описываешь словом «депрограммирование». Техники, которые ты предлагал нам все эти годы, охватывают все — начиная хаотической и динамической медитациями, заканчивая современными терапевтическими приемами.

Мне бы хотелось, чтобы ты вкратце объяснил, почему ты взялся разрабатывать новые медитационные техники — такие как, например, кундалини или динамическую, — в то время как уже существуют успешные медитационные традиции в йоге, суффизме, буддизме и т.д.

Так же для западного человека весьма удивительно, что в своей коммуне ты не брезгуешь и терапиями, вроде гештальт-терапии, праймал-терапии или энкаунтер-терапии. Так уж ли это необходимо?

Это все вызывает подозрение, что твое тайное намерение — промыть людям мозги, а этого они никак не потерпят, потому что ты покушаешься на самое ценное, что у них есть.

Все древние медитационные техники были разработаны на Востоке. Они никогда не рассчитывались на человек с Запада — западного человека они не касались. Я же разрабатываю техники не только для людей на Востоке, а для всех людей вообще — хоть с Востока, хоть с Запада.

Между восточной и западной традициями существует определенная разница — и именно традиция отвечает за формирование ума. Например, восточный ум очень терпелив — его долгими тысячелетиями учили хранить терпение в независимости от условий.

Западный же ум очень нетерпелив. Поэтому одна и та же техника не годится сразу и для западного, и для восточного умов. Восточный ум обучен хранить выдержку как в успехе, так и в неудаче, как в богатстве, так и нищете, как в болезни, так и в здоровье, как в жизни, так и в смерти. Западный же ум не обладает никакой выдержкой — он донельзя взбудоражен. Он запросто возбуждает-

ся в успехе — он начинает чувствовать себя пупом земли, в нем появляется мания величия; в неудаче же он впадает в другую крайность и оказывается в седьмом аду — он несчастен, он страдает, он мучается о страшного комплекса неполноценности; он разорван на части.

Но жизнь-то состоит из обеих крайностей. В жизни бывают как прекрасные мгновения, так и неприятные. Бывают как минуты любви, так и минуты гнева, ненависти. Западный ум просто повторяет ситуацию. Он вечно находится в суматохе. Восточный же ум обучен... и это всего лишь обусловленность, а не революция сознания; это всего лишь привычка, дисциплина, навык; но под этой толстой обусловленностью, которая позволяет сохранять какое-то видимое равновесие, под ней скрывается все то же самое.

Восточный ум очень медлителен, потому что ему незачем спешить — жизнь идет своим чередом, и все уже и так предопределено судьбой, так что все что вы имеете, вы не получаете благодаря темпу, благодаря спешке. Все что у вас есть, есть только благодаря судьбе. Поэтому спешить куда-то просто незачем. Все происходит в установленный срок — ни на секунду раньше, ни на секунду позже.

Вот как сформировалось это медлительное течение жизни на Востоке. Кажется даже, что течения никакого нет и вовсе — все движется настолько медленно, что течение уловить очень сложно. Более того, восточная обусловленность говорит, что вы уже прожили миллионы таких вот жизней, и вам еще придется родиться не один миллион раз, так что цикл жизни длится не семьдесят лет, а просто невероятно долго. Никакой спешки, раз в вашем распоряжении столько времени — с какой стати вам лететь на всех парах? Если что-то не успеете в этой жизни, успеете в следующей.

Западный же ум очень тороплив, поспешен, потому что он привык думать, что жизнь только одна и длится она семьдесят лет, а сделать нужно так много всего! Треть жизни расходуется на сон, еще треть уходит на образование, обучение — и что же остается? Большая часть оставшегося времени уходит на заработок хлеба насущного. Если же все сложить, то вы будете потрясены: из семидесяти лет вы едва-едва имеете семь лет, чтобы заняться всем тем, чем пожелаете. Естественно, что отсюда и берется эта спешка, безумная гонка, безумная настолько, что человек попросту забывает, а куда он вообще так стремится? Не забываете вы лишь поддерживать скорость. Средство для вас становятся результатом.

По одному пути, но в разных направлениях... Восточный ум развивался отлично от западного ума. Те самые сто двенадцать медитационных техник, разработанных на Востоке, не рассчитаны на западного человека; они просто не создавались под его условия.

Западный человек тогда еще не был в поле видимости Востока. Вигьян Бхарива Тантра, в которой эти сто двенадцать техник представлены в совершенстве, была написана приблизительно от пяти до десяти тысяч лет назад. В то время еще не было никакого западного человека, никакого западного общества, никакой западной культуры. Запад тогда все еще был варварским, примитивным; его не за что было принимать в расчет. Вся цивилизация сосредоточилась на Востоке, который тогда был на самом пике своего развития и богатства.

Свои медитационные техники я разработал из чистой необходимости. Я хочу стереть все различия между Западом и Востоком.

После того как пять-десять тысяч лет назад появилась Вигьян Бхарива Тантра Шивы, никто больше не разработал ни одной техники. Но я изучил различия между Востоком и Западом и понял, что одна и та же техника не годится для обоих умов сразу. Сперва нужно, чтобы восточный и западный умы сравнялись. Эти техники — динамическая медитация, медитация кундалини и прочие — все они катартические; их основа — катарсис.

Вам придется так или иначе избавиться от всего хлама, которым забит ваш ум. Пока вы не разгрузитесь, вы не будете в состоянии сидеть в тишине. Попробуйте посадить ребенка в угол и приказать ему сидеть тихо и ничего не делать. Для него это невероятно сложно, он полон энергии. Вы сдерживаете целый вулкан! Если вы хотите утихомирить его, лучше скажите ему: «Пойди сначала беги вокруг дома десять раз и только затем сядь в угол».

Тогда все получится — вы создали подходящие условия. Теперь ребенок сам хочет сесть и отдохнуть. Он устал, он выдохся, и поэтому теперь, сидя в углу, его энергия не подавляется — он ее выпустил, пока обегал вокруг дома десять раз. Теперь он гораздо спокойнее.

Катартические техники нужны для того, чтобы вы могли выкинуть нетерпение, спешку, торопливость, подавленные эмоции. Нужно обязательно помнить, что западному человеку совершенно необходимо пройти сначала катартические техники, прежде чем браться за випассану или ей подобные техники, когда вы просто тихо сидите, ничего не делаете, и трава растет сама по себе. Но чтобы трава росла сама по себе, вам действительно придется сидеть тихо и ничего не делать — это основное условие. Если вы беспокойны, то вы будете мешать траве.

Я всегда любил сады, и где бы мне ни доводилось жить, везде я устраивал замечательные сады с лужайками. Я беседовал с гостями, сидя на лужайках. В какой-то момент я заметил, что они все время выдергивают листья травы... как лихорадочные. Если им нечем было занять руки, они дергали траву. Я говорил им: «Если

вы намерены продолжать это делать, то мы перейдем в дом. Я не дам вам портить мою лужайку». Они переставали на какое-то время, но вскоре, когда я снова начинал говорить, их руки опять бессознательно принимались дергать траву. Так что, когда вы тихо сидите и ничего не делаете, вы на самом деле не сидите тихо и что-нибудь обязательно делаете.

Сделайте одолжение траве — оставьте ее в покое. Пока вы не перестанете что-то делать, она не будет расти — вы будете ей мешать, вы будете ее вырывать, вы будете ее топтать.

Поэтому катартические техники — сущая необходимость для западного человека. Но обстоятельства изменились: теперь и восточный ум должен проходить через катарсис. Тот ум, для которого Шива написал те сто двенадцать медитационных техник, просто больше не существует — даже на Востоке. Влияние Запада чудовищно. Поэтому все изменилось.

Во времена Шивы не было никакой западной цивилизации. Восток пребывал на вершине своей славы; его называли «золотой птицей». Люди на Востоке жили в роскоши, удобствах и изобилии. Теперь же положение дел в корне изменилось: вот уже две тысячи лет Восток находится в рабстве. Его используют в своих интересах все кому не лень. Десятки раз на него покушались иноземцы, его непрерывно грабили, насиловали, жгли. Сегодня Восток нищ.

Триста лет британского правления в Индии погубили всю индийскую систему образования, которая была уникальна. Европейцы вынудили восточный ум приспособиться к западным стандартам. По большому счету, они превратили интеллигенцию Востока во второразрядную западную интеллигенцию. Они заразили Восток своей скоростью, спешкой, нетерпеливостью, постоянными волнениями и страданиями.

Если вы посмотрите на храмы Хаджурахо или Конарака, вы увидите подлинные краски Востока. Раньше в одном только Хаджурахо было сто храмов, из которых до наших дней уцелело только тридцать — семьдесят храмов разрушили мусульмане. Тридцать храмов уцелели по чистой случайности — они расположены в лесу. Скорее всего, захватчики просто их не заметили.

Но британские традиции оказали настолько сильное влияние на умы индийцев, что даже такой человек как Махатма Ганди призывал покрыть эти храмы глиной, чтобы никто больше не видел их красоты. Просто подумайте о людях, которые строили эти сто храмов... на каждый уходило не одно столетие. Их архитектура настолько изящна, пропорциональна и прекрасна, что вряд ли какое еще строение на земле сможет с ними сравниться. И нетрудно представить, что эти храмы стоят не сами по себе. Раз изначально в Хаджурахо было сто храмов, то должно быть в этом городе жили

тысячи людей, потому что в противном случае кому нужны эти сто храмов? Но куда делись эти люди? Они все были стерты с лица земли, как и их храмы.

И я привел этот пример потому, что западному уму скульптуры в храмах Хаджурахо покажутся порнографическими. Они казались порнографическими и Махатме Ганди. Индия многим обязана личности Рабиндраната Тагора, потому что именно он встал на пути у Ганди и других политиков, которые уже приготовились спрятать эти скульптуры от людских глаз и замазать их глиной. Рабиндранат Тагор публично заявил: «Что за идиотизм! Никакая это не порнография. Эти скульптуры невероятно прекрасны».

Между порнографией и красотой существует очень тонкая граница. Изображение обнаженной женщины не обязательно будет порнографическим, изображение обнаженного мужчины не обязательно будет порнографическим. Красивый мужчина и красивая женщина без покрова одежды — это образцы красоты, здоровья и идеальных пропорций. Красивое человеческое тело — это венец творения природы. Если олень запросто может жить голым и считаться красивым — никто ведь не сочтет изображение оленя за порнографию, — тогда почему же изображения обнаженных мужчины и женщины не могут просто называться красивыми?

Во времена королевы Виктории в Англии высокосветские дамы надевали на ножки стульев специальные чехлы, потому что ножки не должны быть нагими — даром что ножки стула! Раз называешься ножкой, но голым тебе быть не престало. В те времена считалось, что собак на прогулку можно выводить только одетыми. Нельзя чтобы они бегали как есть... как если бы нагота сама по себе была порнографией. Вся порнография находится в человеческом уме.

Я много раз бывал в Хаджурахо, и ни одна скульптура не показала мне порнографической. Рисунок голого тела или обнаженная статуя становятся порнографическими только в том случае, если они возбуждают вашу сексуальность. Это единственное определение порнографии: порнография возбуждает вас сексуально, порнография стимулирует ваши сексуальные инстинкты. Но все это не имеет никакого отношения к Хаджурахо. Более того, эти храмы были воздвигнуты для совершенно иных целей.

Их построили, чтобы люди могли медитировать над изображениями мужчин и женщин, занимающихся любовью. Те, кто изваял эти статуи, должно быть, были величайшими скульпторами в мире. Эти статуи были созданы для медитации — это объекты медитации.

Медитирующие люди садились возле храма, смотрели на скульптуры и наблюдали за собой — не появляется ли в них сек-

суальное желание. И только после того, как они не могли найти в себе никаких признаков сексуального возбуждения, они были в праве войти в сам храм. Ведь все эти скульптуры стоят только снаружи, на внешних стенах, а внутри нет изображений обнаженных людей.

Но они были необходимы для медитации, и после очищения в медитирующих не оставалось никакого желания; то есть, эти статуи наоборот вынуждали обычное физическое желание отступить. Только тогда человек мог войти внутрь храма, но никак не раньше. Это было бы богохульно — войти в храм с кипящими желаниями. Храм был бы осквернен, оскорблен.

Народ, построивший эти храмы, славился также своей великолепной, богатой литературой. Раньше на Востоке никто никогда не подавлял сексуальность. До времен Будды и Махавиры Восток не знал, что такое подавленная сексуальность. Именно Будда на пару с Махавирой впервые назвали целибат духовным. До Будды и Махавиры все провидцы Упанишад и Вед были женатыми людьми; они не хранили никакого целибата и спокойно рожали детей. Провидцы не отрекались от мира и жили в роскоши со всеми удобствами. Они обитали в джунглях, но их ученики, властители и просто почитатели сами приносили им все необходимое. Их ашрамы, школы, институты, расположенные прямо в джунглях, преобладали в изобилии.

Именно Будда и Махавира заразили Восток традицией целибата, подавления. И когда в Индию ступило христианство, тенденции подавления сексуальности еще только усилились. За три столетия христианство сделало ум восточного человека практически настолько же репрессивным, что и ум европейца.

Поэтому мои техники годятся как для европейского склада ума, так и для азиатского. Я называю эти техники первичными. Их задача — избавить вас от всего, что может помешать вам войти в тихую медитацию. После динамической медитации и медитации кундалини вы очищаетесь. Вся ваша репрессивность стирается. Останавливается ваша торопливость, спешка, успокаивается нетерпеливость. И только тогда вы готовы вступить в храм.

Именно по этой причине я говорю о принятии секса, потому что без этого избавиться от подавления невозможно. И я хочу, чтобы вы были совершенно чистыми и естественными. Я хочу, чтобы вы вступили в такое состояние, когда вы сможете полноценно использовать те самые сто двенадцать техник.

Вот для чего я и разработал эти техники — для элементарного очищения. Кроме того, я включил в свои техники элементы западных терапевтических методик, потому что западный ум — и под его влиянием и восточный ум — оба они больны.

Здоровый ум в наши дни — чрезвычайно редкое явление. У каждого есть свои проблемы ментального характера, у каждого есть какая-то пустота, которая зудит, как открытая рана. Какого человека не возьми, у всех не жизнь, а сущий кошмар. Все взволнованы, все безумно боятся смерти — и не только смерти, но и самой жизни.

Люди живут наполовину, жизнь в них едва теплится. Они не горячи, как грек Зорба; они не пышут здоровьем — они больны умом. Они живут просто потому, что больше нечего делать. Они любят просто потому, что так принято. Они занимаются какими-то вещами просто потому, что нужно же чем-то заниматься. Ничто не вызывает к человеку из глубин его собственного существа.

У людей нет энергии. Они ничем в жизни не рискуют. Они боятся опасности — но без опасности не будет здоровья. Опасность, поиск неизвестного — вот показатели здоровья. Люди не знают молодости — из детства они сразу попадают в старость. Молодость просто не встречается.

Западные терапевтические методики не помогут вам сразу вырасти духовно, но зато ими можно удобрить почву для роста. Они посадят в вас семена будущих цветов, они создадут пригодные для рассады условия — и это необходимо. Это одна причина, почему я применяю терапию.

Но есть и другая причина: Восток и Запад должны встретиться. Восток разработал медитативные техники. Запад, вместо медитации, создал психотерапевтические методики. Теперь если мы хотим, чтобы западный ум заинтересовался медитацией, а восточный ум сблизился с западным, то нужно пойти на взаимные уступки. Поэтому новые медитационные техники не должны быть сугубо восточными — в них должно войти нечто из достижений Запада. Я считаю эти западные терапевтические методики чрезвычайно полезными. Они не уведут вас очень далеко, но в зоне своего действия они очень хороши. Там, где кончается их действие, начинается медитация.

Западный ум должен чувствовать, что в это слияние включено нечто, разработанное и им; встреча не может быть односторонней. И эти методики важны; вреда от них никакого — только польза. Я успешно их применяю на протяжении уже последних пятнадцати лет. С их помощью немало людей сумели очистить себя и подготовиться ко входу в храм медитации.

Моя задача — стереть границу между Востоком и Западом. Земля должна быть едина и не только с политической точки зрения, но и с духовной тоже.

Ты говоришь, люди считают, что все это — хитроумный способ промывки мозгов. Это даже больше, чем промывка мозгов — это

промывка умов. Промывка мозгов очень поверхностна, потому что мозг — это просто устройство, которым пользуется ум. Мозг можно мыть сколько угодно — как и любой другой механизм его можно мыть, чистить, смазывать. Но если ум, который и стоит за мозгом, сам грязен, нечист, полон подавленных желаний, полон всевозможных безобразий, то очень скоро и мозг тоже потеряет свою чистоту.

Честно говоря, я не вижу в этом ничего дурного — промывка всегда идет только на пользу. К тому же, я — сторонник сухой чистки. Я ничего не промываю по старинке.

Да, естественно, люди почувствуют, что их обманули, забрав у них их умы, потому что это действительно самое ценное, что у них есть. Но это будет только начало. Когда их лишат этой драгоценности, они с удивлением увидят, что за их умами все время пряталось их подлинное сокровище. Ум был всего лишь зеркалом, он лишь отражал блеск подлинного сокровища, но сам по себе он гроша ломаного не стоит. Подлинное сокровище скрывается за умом — и это ваша сущность.

Но зеркало легко может ввести вас в заблуждение. Вы можете решить, что отражение в нем — это и есть действительность. Поэтому если не забрать у вас ваш ум... и именно в этом и есть смысл медитации; медитация — это состояние не-ума. Медитация забирает у вас ваш ум и дает вам возможность увидеть не просто отражение вашего самого сокровенного, но и само это сокровенное.

Именно в этом помощь мастера незаменима, потому что нет ничего сложнее на свете, чем потерять свой ум. Я все понимаю — потому что кроме ума у вас действительно ничего больше нет, и его потеря равносильна потере сразу всего. И кроме того, нам известно, что потеря ума обычно означает безумие. Поэтому-то люди и цепляются за свои умы — никому не хочется обезуметь.

Именно здесь мастер просто необходим, потому что он становится примером человека, потерявшего ум, но при этом не обезумевшего. На самом деле, потеряв свой ум, он стал настолько разумным, насколько это только возможно. Именно в это время вас нужно подбодрить и воодушевить сделать этот прыжок и рискнуть всем что имеете. В эти мгновения вам нужен кто-то, кого любите вы, и кто любит вас; кто-то, чья любовь для вас ценнее, нежели ваш собственный ум, и чтобы вы готовы были с ним расстаться только ради этой любви.

И ведь за любовь люди готовы расстаться с самой жизнью — что уж говорить о каком-то там уме. Когда вы любите человека, вы способны пожертвовать ради него своей жизнью, вы способны умереть ради него. Так что, ум — это все пустяки. И мастер медленно, очень медленно сеет свои семена любви, семена доверия. Он не начнет действовать до тех пор, пока не наступит время, пока он не

увидит, что ваша любовь созрела, возмужала, и что теперь можно просить вас отбросить ум.

В атмосфере любви и доверия сделать это очень легко. И когда перед вами есть живой пример, когда вы сами прожили возле мастера много лет подряд и успели понаблюдать за ним в самых разных ситуациях, изучить все его стороны и прийти к выводу, что независимо от обстоятельств в нем всегда есть этот негаснущий огонь, это постоянное счастье, — тогда любовь и доверие глубоко пускают корни в вашем сердце.

И в конце концов, когда сердце переполнено любовью и доверием, вы готовы рискнуть умом. Он ни в коем случае не более ценен, чем ваше сердце. И как только вы отбрасываете ум, то, внезапно, перед вами открываются двери вашей сокровищницы. Именно ее вы и искали всю свою жизнь, но только ум все время вам мешал.

Вопрос второй:

Возлюбленный Ошо,

Это правда, что ты называешь своих терапевтов лучшими в мире? И в чем различие между ними и знаменитыми терапевтами из эсаленского института?

Да, мои терапевты — самые лучшие в мире просто потому, что любые другие терапевты остаются просто терапевтами, поскольку не используют медитацию. Мои же терапевты используют медитацию.

Терапия очень поверхностна. С ее помощью можно подготовить почву, но взрыхленная почва — это еще не сам сад. Для сада нужно нечто большее. Терапия имеет отрицательный характер — она просто пропальывает землю от сорняков, выбирает камни, готовит почву для рассады. Но на этом ее работа заканчивается.

Западная терапия все еще находится на зачаточном уровне. Ей еще предстоит долгий путь. И до тех пор пока терапия не начнет ассоциироваться с медитацией, она будет лишь выполнять поверхностную функцию скорой помощи и никак не будет способствовать непосредственно человеческому росту.

И кроме того, на нее убивается уйма времени. Многие люди занимаются психоанализом или еще чем-нибудь в этом же духе по десять-пятнадцать лет. Они меняют терапевтов, но проблемы никуда не деваются. Они разбирают по полочкам свои сны, они находят новые направления анализа, читают Фрейда, Юнга, Адлера, Ассагьоли, на какое-то время удовлетворяясь их толкованиями. Но все это ничего не меняет. Хуже того, люди пристращаются к терапии.

На Западе терапия стала предметом обихода в богатых слоях общества... точно так же как в былые времена женщины болтали

друг с другом о платьях, брильянтах, картинах, домашних убранствах и о ценах на все это, в наши дни дамы обсуждают своих психоаналитиков, и кто сколько платит за сеанс. Если ваш психоаналитик считается лучшим, если он самый высокооплачиваемый психоаналитик в мире, и вы ходите к нему битых десять лет, то вам есть чем похвастаться в свете.

Обратите внимание на одну вещь: практики психоанализа и других связанных терапевтических методик сами не блещут здоровьем. Они заучили методику, выучили профессиональный жаргон, но сами они так же больны — в том смысле, что в них нет целостности. Психоаналитики сходят с ума чаще, чем представители любых других профессий. Психоаналитики накладывают на себя руки чаще, чем люди других специальностей.

Казалось бы, странное дело... по идее, уж кто-кто, но уж они-то как раз не должны ни сходить с ума, ни кончать жизнь самоубийством. Как же в таком случае они могут помочь другим?

Еще ни один медитирующий за всю историю не покончил жизнь самоубийством. Попробуйте представить, чтобы Гаутама Будда свел счеты с жизнью. Попробуйте только представить, чтобы Бодхидхарма сошел с ума. Это даже представить нельзя. Так что, терапии не хватает чего-то фундаментального.

Поэтому когда я говорю, что лучше моих терапевтов в мире нет, я просто имею в виду, что мои терапевты — не просто терапевты, но еще и медитирующие люди. Остальные же остаются просто терапевтами. Если вы посмотрите на то, как они живут, вы поймете, что я прав.

Только подумайте: Зигмунд Фрейд, основатель психоанализа, до смерти боялся привидений. Сложно назвать такого человека развитым — скорее недоумком. Привидений он боялся так сильно, что едва он слышал само слово «привидение», как с ним тут же случался припадок, он валялся со стула, и из его рта шла пена. Вот он — основатель психоанализа!

Его преемником должен был стать Карл Густав Юнг — Фрейд сам его выбрал, — человек немалого ума. Но он так сильно увлекался феноменом привидений, что за это его просто исключили из фрейдистской школы. Фрейд все время не давал ему говорить о привидениях. Он останавливал Юнга: «Не надо об этом». Он даже не мог прямо сказать, о чем «не надо» — не надо об «этом». Но Юнг никак не мог успокоиться, так что время от времени он все же заговаривал об «этом», и снова повторялось все это безобразие.

В конце концов, было решено избавиться от Юнга, и его исключили из школы. Но сам Юнг был ничуть не лучше. Он все хотел поехать в Египет, чтобы собственными глазами посмотреть на мумий фараонов, возрастом в три-четыре тысячи лет. Ему очень хоте-

лось посмотреть на них, узнать, как им удалось так сохраниться. Его занимала смерть — вот откуда весь его интерес к привидениям.

И вот с одной стороны мумии притягивали его, а с другой стороны он ужасно их боялся. Так всегда и бывает: люди больше всего боятся того, чем они больше всего восхищаются, потому что само наличие восхищения означает то, что вы оказались под влиянием чего-то такого, что может оказаться за пределами способности вашего понимания, и вы в результате можете забрести туда, куда бы вам забредать не хотелось.

Юнг десять раз бронировал билет в Египет, но каждый раз приходил себе какое-нибудь оправдание, чтобы не ехать. Он заболел, он лежал в лихорадке, и бронь приходилось отменять. И он все прекрасно понимал — потому что был проникательным наблюдателем, — он все отлично понимал: «Почему же это все происходит только тогда, когда я бронирую билет? В другое время я совершенно здоров — ни температуры, ничего. И накануне отправления, я всю ночь не могу заснуть, а на утро я весь горю. Все это просто оправдание, чтобы никто не мог меня обвинить, в том что я откладываю поездку».

Он понимал, что проблема в нем самом, и поэтому на десятый раз он твердо сказал себе: «Я еду, несмотря ни на что». Он отправился в аэропорт, а по дороге с ним случился нервный срыв, и его привезли обратно домой. После этого он расстался с идеей поехать в Египет.

Неужели же такие люди могут вам чем-то помочь? И это только самые громкие имена.

Я утверждаю, что мои терапевты лучше Фрейда, Юнга и Адлера вместе взятых, потому что они знакомы не только с терапией — они знакомы с медитацией. У них никаких заскоков, в их умах нет никаких идиотских фантазий. Медитации, которые я разработал, способны избавить вас ото всех ваших заскоков. Я уверен, что если бы Фрейд попробовал динамическую медитацию, то его привидения потеряли бы над ним всякую власть.

Когда я жил в пригородах Джабалпура, рядом с моим домом находилось мусульманское кладбище. Мусульмане верят, что душа умершего лежит в могиле до самого судного дня. В судный день придет Бог, вызовет все души, томящиеся в могилах, и решит, кто хороший, кто плохой.

Я выбрал себе дом прямо по соседству с кладбищем просто потому, что дом этот был очень красив, но из-за страха перед кладбищем никто не желал ни покупать его, ни снимать. Столько умерших душ, столько духов! Это дом так и называли — «духов дом».

Я связался с его владельцем, и он сказал:

— Живи сколько хочешь, можешь ничего не платить. Просто

поухаживай там за домом — он уже совсем заброшен. Я вложил в него уйму денег, но я и подумать не мог, что это дурацкое кладбище кому-то помешает.

Так что я поселился там бесплатно. Я начал практиковать динамическую медитацию, и это было самое подходящее для нее место: никаких соседей — одни только духи! Я никому не мешал. Но через два-три дня ко мне явилась компания мусульман во главе с маулви — мусульманским священником. Они заявили:

— Ты не можешь заниматься здесь своей динамической медитацией.

Я спросил:

— А в чем дело? Рядом ведь никого нет, я не мешаю соседям. Вы здесь не живете.

Они сказали:

— Дело не в соседях — ты нарушаешь покой нашего кладбища! От твоей динамической медитации духи могут сбежать из могил. И где тогда Аллаху искать их в судный день?

Я сказал:

— Да, это и в самом деле неприятно! Никогда бы не подумал, что динамическая медитация так сильно напугает духов, что они посбегают из своих могил, и что Аллаху будет сложно их потом отыскать...

Мне пришлось прекратить заниматься динамической медитацией, потому что эти люди были очень рассержены. Они возмущались:

— Это вопрос религии. К тому же, здесь не одна душа — здесь много душ! И откуда ты вообще взял эту свою динамическую медитацию? Что-то мы о ней никогда не слышали. Она может разбудить любую спящую душу!

Я сказал:

— Что верно — то верно! Еще как может!

Если бы Фрейд и Юнг практиковали динамическую медитацию, то они бы избавились от своих болезненных страхов. Они были неплохими людьми, но делали лишь половину всей работы — в то время как другая ее половина куда более важна. Они же, всего лишь обработав почву, уже ждали, когда появится сад. Но так не бывает, и отсюда их разочарование.

Забавно, что Фрейд сам так никогда и не прошел психоанализ — не опробовал на себе свое же собственное изобретение. Его ученики настаивали: «Вы должны, непременно должны. Мы обучены — вы сами нас обучили. Пусть вас проанализирует любой из нас по вашему выбору».

Но Фрейд наотрез отказывался. Чего он так боялся? Если основатель психоанализа сам боится через него пройти, то это о мно-

гом говорит. Это говорит о том, что он знал: его сны обнаружат все то, что он осуждал. Его сны покажут, что он носит в своем сердце все то же самое, что и его пациенты — подавленную сексуальность. Его сны покажут, что он сам подавлял в себе секс.

Он так никогда и не решился: основатель психоанализа никогда не проходил через психоанализ. Странно. Это как если бы Будда, который подарил миру випассану, сам бы никогда ее не практиковал. И если бы он не практиковал випассану, то какое бы у него было право говорить ученикам: «Практикуйте випассану, это полезно».

Сперва человек должен опробовать свое изобретение на себе, и до тех пор пока он не удостоверится, что оно работает как надо и только во благо, он не имеет никакого права навязывать свое изобретение другим.

Поэтому я повторяю: мои терапевты — самые лучшие в мире. И любой терапевт на Западе, если он хочет стать настоящим терапевтом, должен прийти ко мне. Он должен прийти к медитации, он должен объединить терапию и медитацию. И только в таком случае он будет называться настоящим терапевтом, потому что иначе он будет делать лишь полдела — и это очень опасно.

Это как если бы хирург, выполнив часть операции, оставил бы пациента с открытым разрезом. Лучше было бы, если бы он вообще не начинал. Если уж ты сделал разрез, то в результате нужно его зашить. Но именно об этом и забывают на Западе: психотерапевты и сотоварищи режут людские души и оставляют раны открытыми. Из-за них человек оказывается в большой опасности. Его страдания только увеличатся.

Пришло время, когда психоанализ должен слиться с медитационными техниками. До тех пор пока Восток и Запад не объединятся в единое целое, они будут оставаться двумя отдельными половинками. Сами по себе они не полноценны. Лишь вместе они будут законченными — и завершение чего бы то ни было всегда в чем-то красиво.

Глава 17

Не-ум — пустота и наполненность

Вопрос первый:

Возлюбленный Ошо,

Как-то раз ты описал свою работу как поиск психологии будд. Ты тогда объяснил, что Фрейд лишь основал патологическую психологию. Затем были Маслоу, Янов, Ассагьоли, Перлс и прочие люди, разработавшие психологию здоровья. Ты же сказал, что твоя работа простирается дальше: ты пытаешься создать психологию пробужденного, психологию будд. Ты сказал, что наблюдаешь за нами, чтобы понять, с какими сложностями встречается искатель на пути к реализации себя, на пути к собственному пробуждению.

И вот ты наблюдаешь за нами уже пятнадцать лет, и мне бы хотелось, чтобы ты дал нам какие-то общие черты того, что ты вынес для себя из этого твоего эксперимента.

Прежде всего: любая психология происходит от ума. Психология будд будет психологией не-ума. Она будет кардинально отличаться от всех типов обычной психологии во всех деталях, во всех измерениях, потому что психология будд затронет совершенно новое направление, к которому еще никто никогда не подступался и о котором еще никто никогда даже не задумывался.

Ум изучать очень просто. Гораздо сложнее и даже почти невозможно изучать не-ум. Не-ум можно сравнить с одной картиной современного художника...

Один модный художник выставлялся в арт-галерее. Он сам ходил по выставке, отвечая на вопросы посетителей. И он заметил, что кто-то из посетителей стоит возле одной картины уже с полчаса. Он был совершенно захвачен этим полотном, и художник уже несколько раз проходил мимо, но все никак не решался его потревожить. В конце концов, художник не сдержался — ведь та картина была просто чистым холстом. Он спросил посетителя:

— Вас так заинтересовала эта картина?

Тот ответил:

— Вне всяких сомнений, очень заинтересовала, потому что я все

смотрю и никак не могу понять: а где же сама картина? Картина похожа на чистый холст, но ведь раз она выставляется, то ведь что-то на ней должно же быть, хоть каким-то образом. Вы ее автор?

Художник ответил:

— Да, я — автор и я готов дать вам ответ. Дело в том, что на этой картине изображена корова, жующая траву.

На холсте не было никакой коровы и никакой травы. Посетитель воскликнул:

— Но я не вижу никакой коровы!

Художник сказал:

— Она уже все сжевала и ушла в стойло.

Посетитель не унимался:

— Но я и травы никакой не вижу!

Художник сказал:

— Повторяю, корова съела всю траву и ушла к себе в стойло.

Поэтому вы не видите ни коровы, ни травы. И именно поэтому я оставил холст чистым.

Изучение не-ума — это изучение чистого холста. Мысли ушли, эмоции ушли, чувства ушли, настроения ушли. Не осталось ничего, кроме чистого и пустого пространства.

И естественно пустое пространство нужно изучать не так, как мы изучаем обычный ум, потому что обычный ум имеет содержание, а пустое пространство никакого содержания не имеет. В нем есть определенное какое-то качество, но нет содержания. Пустое пространство имеет свой аромат, но не имеет содержания. В нем нет ничего объективного — в нем есть лишь чистейшая субъективность.

Любое научное исследование объективно — наука требует предмет изучения. Но в нашем пустом пространстве нет никаких предметов, нет объектов, и поэтому изучать нам нечего. И поэтому к исследованию нового направления нам придется приступать с совершенно иным подходом.

Итак, прежде всего, позвольте мне сказать несколько слов об обычной психологии — о ее открытиях, о ее положении, — потому что так вам будет проще понять пустоту, пространство не-ума.

Зигмунд Фрейд был первым человеком на Западе, открывшим подсознание. На Востоке подсознание было известно испокон веков, поэтому для Востока это не было открытием. Фрейд просто не догадывался, что подсознание уже давным-давно открыто. Неправильно называть его автором понятия подсознания. Подсознание было найдено настолько давно, что имя открывшего его человека затерялось в веках.

Фрейд пришел к идее подсознания через сны. Он заметил, что,

бодрствуя, люди говорят неправду — они говорят только то, что полагается; они ведут себя только так, как это подобает в обществе. Они не искренни, они не подлинны. Человеческое сознание утопает в лицемерии, потому что людям всегда указывали, какими они должны быть, что они должны говорить, что они должны делать, что достойно, а что нет; человеческое сознание обуславливалось на протяжении долгих столетий.

Поэтому, просто выслушивая людей, вы не можете увидеть истинное содержимое их душ. Пытаясь найти настоящее лицо человека, вы неизбежно упираетесь в маску. И поскольку человек говорит одно, а поступает иначе, то он вынужден постоянно лгать, и каждая ложь требует новую ложь, покрывающую первую.

Отсюда Фрейд пришла в голову мысль, что, может быть, было бы лучше... Человек не способен обманывать во сне, потому что над снами у него нет контроля и обусловленность общества не простирает свое влияние так далеко.

Вы видите красивую женщину, с которой вы поступите как настоящий джентльмен, но это не будет правдиво. Во сне вы потом можете изнасиловать эту женщину, вы можете заниматься с ней любовью. Во сне вас не будет волновать, что эта женщина не ваша жена, потому что сны не подчиняются вашим социальным нормам, нравам и образцам поведения. Сны не имеют никакого понятия о браке. Сны не знают, что эта женщина не ваша, что она чья-то жена. Во сне вы просто делаете то, что вам хочется. Вот почему Фрейд занялся изучением людских снов.

И к своему удивлению, он обнаружил, что содержание снов бесценно для понимания подлинной сущности человека, и что при помощи снов можно снять с человека маску и увидеть за ней действительность.

Но в снах есть один минус: сны образны, в то время как сознательный ум формирует слова. Сознательный ум образован, культурен, цивилизован. Подсознание же примитивно, оно спит. Цивилизация никак его не затронула.

И кому вообще есть дело до того, что вам приснилось? Убивайте во сне кого угодно — вас не укут за это в тюрьму...

Только в одном небольшом племени в Таиланде... о котором Фрейд не знал, потому что иначе все его теории о снах были бы совершенно иными. В этом племени сон всегда считался частью реальности. Если вы плохо поступили с кем-то во сне, то на утро вы идете к этому человеку просить прощения. Вы подносите ему фрукты и сладости, рассказываете ему, как нехорошо вы поступили с ним в своем сне и просите его простить вас: «Прости меня. Я не успокоюсь, пока ты не простишь меня». Естественно, «обидчик» прощается, потому что ведь он никому по-настоящему ничего не

сделал — это же был всего лишь сон.

Это единственная в своем роде культура в мире, которая всерьез относится к снам, принимая их за реальность. О любом происшествии во сне на утро необходимо докладывать старейшинам племени. Если вы изнасиловали женщину — вы докладываете и об этом. Вы говорите, кто была эта женщина, и идете к ней и просите прощения у нее, у ее мужа, у ее родственников.

И самое забавное, что эти туземцы видят сны чрезвычайно редко — потому что они их не подавляют. Наоборот, они рассказывают всем о своих снах и решают проблемы наяву, чтобы не оставалось никакого напряжения. Они делают все что в их силах: они просят прощения, они преподносят дары по мере возможностей и получают прощение. Проблема, возникшая во сне, улажена, и сон больше не повторится. Поэтому в этом племени люди очень редко видят сны.

Но в западном обществе, с которым и имел дело Фрейд, из восьми часов сна человек в течение шести часов видит сновидения. И лишь два часа — не подряд, а отрывочно, — вы спите спокойно.

Шесть часов — это много времени, и к тому же, у снов свое времяисчисление: за эти шесть часов во сне могут пролететь добрых шестьдесят лет. За шесть часов вы можете увидеть что угодно. Сон не подчиняется реальному времени. Поэтому когда, едва заснув всего на несколько минут, вас вдруг будит какой-то шум, вы поражаетесь: стрелки на часах лишь передвинулись лишь на пару минут, а вы успели увидеть такой длинный сон — как же он уместился в такое короткое время? Так случается, потому что сон не подчиняется вашим часам. И поэтому за шесть часов вы можете пройти через склад всевозможного хлама, накопившегося в вас из-за постоянного подавления.

Но эти туземцы в Таиланде ничего никогда не подавляют. У них даже приснившееся событие должно найти себе выражение в реальности, чтобы вы могли от него освободиться. Это здоровое поведение с точки зрения психологии. В этом племени никто никогда не сходит с ума, никто никого не убивает, никто не кончает жизнь самоубийством. И самый последний и самый важный момент, на который я сделаю упор, заключается в том, что это единственная культура в мире, никогда ни с кем не воевавшая. Эти люди даже не знают, что на свете вообще бывают войны.

Вполне вероятно, что причины всех войн кроются в подавлении. Каждые десять-двадцать лет человечество накапливает в своем подсознании столько подавленного хлама, что теперь просто необходимо выразить его через войну, потому что иначе весь мир просто сойдет с ума. Война — это цивилизованный вариант сумасшествия, когда в вас сохраняется представление о вашей разумности.

Послушав рассказы людей о своих снах, Фрейд пришел к выводу что человек живет во лжи. И повинны в этом ваши религии, ваша мораль, ваша образовательная система. Вас никто никогда не учил преобращению — вам просто выдали фальшивую гримасу, чтобы вы прикрыли ею ваше подлинное лицо.

Чего только люди не творят во сне. Потом, когда они просыпаются, им становится стыдно, им сложно поверить в то, что они вытворили во сне. И вот таким образом Фрейд и обнаружил этот слой ума, лежащий в глубине сознательного ума — он назвал его «подсознанием», потому что вы не осознаете то, что лежит в глубине. И с тех пор он только тем и занимался, что выделял сны и выводил их в сознание.

В этом и состоит одно из главных открытий Фрейда: попадая в сознание, сон теряет над вами власть, и посему психоанализ стал настолько значительным явлением. Никаких усилий — достаточно лишь полностью вынести сон на свет сознательного ума. Нужно разобрать его во всех мельчайших подробностях; нужно смириться, что это ваш сон, и что все эти мысли вы носите в себе. Нельзя его отрицать, потому что если отрицать, то он будет повторяться. Зато приняв его, вы заставляете его исчезнуть.

Вся идея состоит в том, что если все ваши сны исчезнут, то ваше подсознание таким образом очистится от всего мусора, и вы почувствуете себя просто великолепно. Вы больше не будете носить в себе ничего, что разрушало бы вас. Исчезнет различие между сознательным умом и подсознанием — вы будете едины.

Когда вы больше не будете видеть снов — и Фрейд так и не добился этого на практике... Он сумел помочь многим снизить объем снов, но он так и не сумел полностью излечить от сновидений ни одного своего пациента. То есть, в мире нет ни одного человека, который бы прошел психоанализ до самого конца. Найдется немало таких, кто ходит к психоаналитику по пятнадцать-двадцать лет подряд, но они все так и продолжают разгребать свои горы мусора, который все прибывает и прибывает.

Все это заставило Карла Густава Юнга предположить, что под подсознанием есть еще один слой ума, который и отвечает за новые сновидения. Вы изо всех сил анализируете, рассеиваете сны, но какой-то источник снова все равно бьет в вас ключом, и поэтому подсознание никогда не очищается. И вот так он пришел к мысли о коллективном подсознании.

Идея коллективного сознания очень важна. Ее суть состоит в том, что где-то в глубинах вашего ума вы соединены с окружающими вас умами. Это и есть коллективный ум — то есть, он не принадлежит отдельному человеку. И этот коллективный ум находится в постоянном движении, и таким образом даже если вы и выг-

ребете все сны из собственного подсознания, коллективный ум подкинет вам еще больше всякого хлама.

Коллективный ум — это как целый континент. Он включает в себя всех — не только живущих сегодня, но и целые поколения предков; каждый человек оставляет свой отпечаток на коллективном подсознании.

Тут есть один момент, который Юнг никогда не разбирал: возможно, что коллективное подсознание каким-то образом связано с теорией эволюции Чарльза Дарвина. Возможно, что вы носите в себе коллективное подсознание на протяжении многих жизней... еще с того времени, когда вы были рыбой в океане, потом обезьяной, а потом и человеком. Память обо всех этих жизнях никуда не исчезла.

Кто-то непременно должен поработать с коллективным умом, основываясь на подходе Чарльза Дарвина. Кроме всего прочего, это даст Западу понимание восточных религий и их представления о перерождении — о том, что вы уже не раз рождались раньше и вовсе не обязательно в образе человека. Вы побывали в различных формах жизни.

Будда говорит, что в одной из своих прежних жизней он был слонком, и вообще он оставил немало историй о своих прошлых жизнях, в которых он принимал облик самых разных животных. Так что, для более полного понимания коллективного ума, коллективного подсознания стоит принять во внимание и идеи Юнга, и теорию Дарвина, и восточные представления о перерождении.

Коллективное подсознание всеобъемлюще: в него стекаются миллионы рек со всех сторон; оно подобно океану. И до тех пор пока оно не будет очищено, вы никогда не сможете полностью очистить ваше собственное подсознание, потому что коллективный ум все время будет питать ваши сны.

Юнг остановился на идее коллективного подсознания. Восток же пошел дальше. Восток соглашается с этими двумя понятиями — с подсознанием и коллективным подсознанием, — но так же предлагает и еще одно понятие о более глубоком слое ума, о самом основании, которое можно назвать космическим коллективным подсознанием.

Оно имеет отношение не только к жизни, но и к существованию в целом. В нем вас поддерживает сразу все существование. Существование питает энергией коллективное подсознание, которое гораздо меньше самого существования; коллективное подсознание в свою очередь питает энергией подсознание индивида, которое еще меньше по объему.

Однако любое подсознание пребывает во тьме. Западная психология углубилась лишь в темную область ума, но и в этом ей пока

не удалось добраться до космического подсознания.

Все это погружение вниз, к основанию. Восточная же психология имеет дело со схожей моделью, восходящей вверх над сознательным умом. Точно так же, как под сознательным умом находится подсознание, над ним имеется сверхсознание. Западная психология понятия не имеет о его существовании. Еще выше сверхсознания находится коллективное сверхсознание, и над всеми возвышается космическое сверхсознание.

Это вполне логично, это чистая математика, что раз есть основание, фундамент, скрытый во тьме, то что-то должно быть и выше него. В природе все уравновешено.

Всякое дерево имеет корни, но если вы возьметесь изучать одни корни и забудете о его стволе, то вы будете не правы. Корни идут вниз, вглубь, во тьму; дерево растет вверх. Забавно, что корни идут вглубь, а ствол растет вверх — одно дерево движется в двух противоположных направлениях. Место встречи корней и ствола — это также и место расставания. Изучать нужно все дерево целиком — и его листву, и его цветы, и его плоды, потому что одни корни — это еще не все дерево. Пока вы не узнаете ствол дерева, вы не сможете понять значение корней. Значение корней скрывается в цветах, а не в самих корнях.

Точно так же, как через сны Фрейд видел подсознание, через медитацию человек способен попасть в сверхсознание. Более глубокая медитация приведет вас в коллективное сверхсознание, которое опять же объединяет нас всех, но только в этом случае на сознательном уровне. И в самой высшей точке медитации вы попадаете в космическое сверхсознание, которое объединяет вас со всей вселенной.

Но по мере продвижения вверх, вы теряете свое эго. В космическом сверхсознании вы есть, но вы больше не являетесь эго. Ничто больше не отделяет вас от целого. Именно об этом говорил Мансур: «Аналь хак» — «Я — сам себе Бог». Об этом говорят Упанишады: «Ахам брахмасми» — «Я — целое. Я — высшее. Я — абсолют». Ударение здесь делается не на «я», а на высшее, на абсолют. «Я» приходится использовать просто потому, что того требуют правила речи.

Это все семь уровней ума: три находятся ниже сознательного ума, и еще три — выше него. И только одно состояние лежит за пределами всех семи — состояние не-ума. Оно приходит только тогда, когда вы способны наблюдать и за сверхсознанием, и за коллективным сверхсознанием, и за космическим сверхсознанием. Когда вы просто свидетель.

Вам все может начать казаться более прекрасным, более волшебным, чудесным, и поэтому существует опасность, что вы можете заб-

лудиться. Вы можете слишком привязаться к тем красотам, с которыми вы будете сталкиваться на пути.

Здесь я снова хочу вам напомнить, что присутствие мастера просто необходимо: мастер будет толкать вас, он будет убеждать вас, что все эти красоты — побрякушки, и что впереди вас ждет большее.

Когда вы наблюдаете за космическим сверхсознанием, ум исчезает во всех его семи проявлениях. Исчезает все дерево целиком, как будто его никогда и не было, и на его месте остается лишь чистое пространство. Но чистое пространство не пусто. Оно полно, оно переполнено потенциалом. Это пространство и есть источник всего творения. Все сущее вышло из него и однажды в него же и вернется.

Будда называл его «ничто». Но слово «ничто» имеет отрицательный оттенок. Лучше называть его «чистым пространством» — так естественнее. Так у вас не появятся мысли ни об отрицательном, ни о положительном — просто пространство.

Я расскажу вам две притчи. В первой говорится об одном суфийском мистике, который изо дня в день наблюдал за лесорубом, идущим по дрова. Лесоруб был стар, очень стар, но ему не оставалось ничего другого — у него не было ни сына, ни семьи — все его близкие уже умерли. Он прожил дольше, чем следовало. Поэтому ему приходилось ходить в лес по дрова и продавать их, чтобы иметь себе пропитание.

По пути в лес, он всегда подходил к мистiku и касался его ног. Вечером он возвращался домой со связкой дров на спине. Ноша была слишком тяжела для него и с каждым днем становилась все тяжелее. И вот однажды мистик окликнул старого лесоруба:

— Постой! Ты уже слишком стар для этой работы. Я скажу тебе, как можно заработать проще. Сегодня не руби лес, а пройди чуть дальше и там ты найдешь медный рудник. Набери себе немного меди и этого тебе будет достаточно, чтобы жить целую неделю; тебе не надо будет возвращаться туда каждый день. Достаточно лишь раз в неделю сходить к руднику.

Старик послушался, прошел дальше, нашел рудник и поблагодарил мистика. Он был несказанно рад, потому что носить дрова было ему уже не под силу — он с каждым днем все дряхлел, слабел; его глаза уже почти ничего не видели.

Когда старик пришел через неделю, мистик сказал:

— Ты странный старик! Я думал, что, обнаружив медный рудник, ты из любопытства решишь пройти чуть дальше... а вдруг там есть что-то еще? Но ты, похоже, уже утратил всякое любопытство. Тем не менее, я скажу тебе, что если ты пройдешь еще чуть дальше, то ты найдешь серебряные копи. Набери немного серебра, и

этого тебе хватит на целый месяц. Тебе не надо будет ходить туда даже раз в неделю — ты и для этого слишком стар. Достаточно одного раза в месяц.

Старик послушался, нашел серебряные копи и поблагодарил мистика:

— Твое сострадание не знает границ. Но мне нечем тебе отплатить. Я нищий старик.

Мистик сказал:

— Пусть это тебя не тревожит. Просто не останавливайся, будь любопытным.

Старик удивился:

— Как? Разве там есть что-то еще? Но мне вполне хватит и этого — хватит на целый месяц.

Мистик сказал:

— Да, но еще дальше ты найдешь золотую жилу. Немного золота — и ты обеспечен на целый год!

На следующий день старик нашел золотую жилу. Но мистик сказал ему:

— Моя жизнь подходит к концу. Я не буду сидеть здесь вечно и подстегивать тебя идти дальше. Так что, я лучше сразу тебе скажу, чтобы ты не останавливался на золотой жиле, потому что еще чуть дальше есть алмазный рудник. Алмазов хватит не только тебе одному, но и всем твоим друзьям и близким. Ты сможешь прокормить всю свою деревню. Но сам не останавливайся.

Лесоруб удивился:

— Но разве в мире есть что-то еще более ценное, нежели алмазы?

Мистик сказал:

— Посмотри на меня! Конечно же в мире есть нечто более ценное, нежели алмазы, потому что в противном случае разве я сидел бы здесь и разговаривал бы с тобой? Я бы сам таскал алмазы на продажу! Неужели тебе ни капельки не хочется найти то, что нашел я? Это нечто находится прямо за алмазным рудником.

Но лесоруб не понимал: что может стоить дороже, чем алмазы? Но все же он пошел чуть дальше и к своему удивлению увидел того же самого мистика, сидящего под деревом! Мистик сказал:

— Значит ты все-таки пришел! Теперь тебе не надо идти обратно. Садись рядом со мной.

В восточной мифологии есть дерево, которое называется калпаврикша. Если вы сядете под это дерево, любое ваше желание немедленно исполнится. Это символ. Символ успокоившегося ума, который ничего не желает, поэтому не ведает неудовлетворенности.

И вот старик сел возле мастера и к своему удивлению почувствовал, что все его желания испарились, что ему больше ничего не

нужно — ни алмазов, ни золота, ни серебра — ничего; он только получил эти богатства, как вдруг тут же оказался в таком месте, где все это потеряло значение.

Мистик спросил:

— Ну как?

Лесоруб засмеялся:

— Ах ты хитрый лис! Почему же ты мне сразу все не сказал? Зачем заставил меня бегать с одного места на другое, от одного рудника к другому руднику?

На это мистик ответил:

— Если бы я все сказал тебе с самого начала, то ты бы мне не поверил. Нужно было вселить в тебе доверие. И найдя медь, серебро, золото, алмазы, ты понял, что мне можно доверять. И именно поэтому ты смог прислушаться к моему совету не останавливаться. Другой бы начал спорить: «Не бывает ничего более ценного, чем алмазы!» Но ты поверил: «Раз этот парень не соврал про алмазы, то наверняка он знает что-то большее. И раз он советует идти дальше, я пойду». Я все время сижу под этим деревом. Я мог бы сразу тебе рассказать о нем, но ты бы не стал меня слушать.

Это первая притча. Она напоминает вам, что человек через медитацию должен идти от сознания к сверхсознанию, от сверхсознания к коллективному сверхсознанию и от коллективного сверхсознания к космическому сверхсознанию. И только когда все уровни будут пройдены, мастер сможет убедить его прыгнуть. Мастер и раньше не врал — просто сейчас ваше недоверие растаяло. И если теперь мастер скажет: «Иди дальше!», вы пойдете дальше навстречу опасности. Теперь вы доверяете настолько глубоко, что готовы прыгнуть даже в чистое пространство.

Это и есть не-ум. Обрести не-ум означает обрести все. Ничего большего нет, потому что не-ум — это покой, тишина и блаженство. Это божественность, бессмертие и вечность. Не-ум это все, что только возможно.

Другая притча, которую я хочу вам рассказать, повествует об одном очень богатом человеке, который имел трех сыновей и никак не мог решить, кого из них сделать своим преемником. Все трое были весьма умны, и это лишь осложняло задачу их отцу. Каждый в чем-то превосходил другого.

Как-то раз этот человек спросил совета у бродячего мистика:

— Как мне быть?

И мистик сказал ему поступить следующим образом:

— Выдай каждому из сыновей по мешку золотых монет и скажи им: «У вас есть семь дней, чтобы полностью заполнить свои дома вещами, купленными на эти деньги. Но заполнить дом надо

буквально полностью. Преемником станет тот, кто справится с задачей лучше других, так что подумайте хорошенько!»

Жили его сыновья в трех дворцах, поэтому они боялись, что всего с одним мешком золотых... Дворцы их были огромны — как же их заполнить?

Старший сын решил, что дешевле всего обратиться в муниципалитет и сделать заказ: «Пусть все ваши грузовики, которые вывозят мусор, привезут мусор ко мне и вывалят прямо в мой дом. Я вам за это заплачу». Обошлось это ему в сущие пустяки — ведь им все равно надо было куда-то вывезти весь мусор, — так что, старший забил свой дворец сверху до низу помоями и отходами. Но вокруг его дворца стоял такой страшный смрад, что все движение поблизости прекратилось: из-за отвратительного запаха люди не решались даже проехать мимо.

Средний сын сказал себе: «Что за глупость! Отцу не понравится, что натворил мой братец». Он решил придумать что-нибудь получше, но что можно придумать всего с одним мешком золотых? Но тут его осенило: он купил тысячи прекрасных свечей и ко дню прихода отца он зажег их все, и дом наполнился светом.

Младший сын внимательно следил за своими братьями: старший явно сделал глупость, средний проявил смекалку. Однако у свечей или ламп есть одно интересное свойство: как ни крути... конечно, они осветят все вокруг, но под самими свечами всегда будет темно. И эта темнота остается неосвещенной — она пуста. Поэтому нужно подумать получше...

И вот настал решающий день. Отец вместе с мистиком пришел проверять. В первый дом они даже и войти не смогли. Отец кричал на старшего сына:

— Ты обезумел! Ты — самый страшный идиот на свете! Если таким образом работает твоя голова, то и в дальнейшем всю жизнь ты будешь собирать одни помои, и от тебя будет нести, как от твоего дворца! Это же надо додуматься — завалить мраморный дворец протухшими отходами! Подальше отсюда! Ты проиграл.

Отец пришел к среднему сыну. Сначала он ничего не понял — дворец казался пустым. Он был залит ярким светом, но все же был пустым. Отец спросил мистика:

— Что такое с моим средним сыном? Он ведь ничем вообще его не наполнил.

Но мистик сказал:

— Напротив, он наполнил. Подумай получше и пойми: он наполнил его светом — весь дворец полон. Однако твой средний сын тоже не станет твоим преемником, потому что под каждой свечкой все равно есть темное пятно. Условие не выполнено до конца. И хоть он и проявил больше сообразительности, нежели твой старший

сын, все же он просчитался — буквально на чуть-чуть. Он забыл заглянуть под свечи, потому что тогда бы он увидел, что под ними темно. Так что, дом заполнен светом не полностью.

Тогда отец все объяснил среднему сыну, и тот все понял — это была правда.

Наконец они добрались до дома младшего сына. В доме было темно хоть глаз выколи. Когда они вошли, младший сын вернул отцу его деньги и сказал:

— Я могу заполнить дом и без лишних затрат. Я наполнил его темнотой. Темнота эта абсолютная — ни один уголок не остался пуст. Я наполнил свой дворец вечностью. — Ведь свет как приходит, так и уходит, но тьма остается что бы ни случилось. Свет требует топлива, и если топливо закончилось, то свет исчезает. Но тьма — это единственное явление, которому не нужна причина для существования. Это не результат какого бы то ни было следствия, и поэтому уничтожить ее невозможно. Она есть всегда: когда солнце встает и заливают все своим светом, тьма все равно на месте. Просто из-за солнца вы ее не видите — солнечный свет захватывает ваше зрение. Но солнце не уничтожает тьму. И как только солнце заходит, вы вдруг оказываетесь во тьме. Она никуда не уходит и никогда не приходит — она просто есть всегда. Так что средний сын сказал: — Возьми свои деньги — мне они не нужны. Я справился и без них.

Дворец был полон тишины, полон пространства, полон темноты, полон глубины и загадки — и в каком-то смысле совершенно пуст. Младший сын все вынес из помещений — мебель, все-все. Дворец был совершенно пуст, но при этом заполнен.

Мне хотелось рассказать эту притчу, чтобы показать вам, что наивысшее состояние не-ума — это и пустота, и наполненность одновременно. Из-за его пустоты Будда называл его «ничто». Из-за его наполненности Упанишады называют его «наивысшим», «абсолютом». Но и то и другое определение дают вам лишь половинчатое представление.

Мне же хочется говорить как можно полнее.

Не-ум — это и пустота и наполненность одновременно. Он превосходит любую логику. Не-ум по-настоящему превосходит любую двойственность.

Состояние не-ума — это и есть психология будд. И только тот человек, кто познал это состояние, может действительно находиться в здравом уме, только такой человек здоров и целостен. Остальные же находятся от сумасшествия лишь в нескольких минутах; качественной разницы между нормальным человеком и безумным не существует. Нормальный человек сегодня запросто может стать не-

нормальным уже завтра.

На самом деле, большинство психологов хотя бы пару раз в жизни, но теряли рассудок. Большинство творческих людей на Западе хотя бы изредка, но сходят с ума. Во всех великих музыкантах, скульпторах, танцорах — независимо от их гения — каким-то образом проявляется безумие. Странно вот что: на Востоке никогда не было ничего подобного, но на Западе это повседневное явление.

Нижинский, один из наиболее выдающихся танцовщиков своего времени, умер в сумасшедшем доме. Последний год своей жизни Винсент ван Гог провел в сумасшедшем доме и после выхода оттуда он покончил жизнь самоубийством. Та же самая история повторяется и с великими мыслителями.

Похоже, что слава и гений лишают их равновесия. Часть человека возвеличивается, в то время как весь остальной ум тащится далеко позади. Они растянуты между умом, который тянет их в обратную сторону, и крохотной частью их сущности, которая влечет их вперед. Такое напряжение способствует сумасшествию.

Ничего подобного никогда не было на Востоке. Еще не было ни одного случая, чтобы танцор или музыкант на Востоке сошел с ума. Наоборот, всем доподлинно известно, что если привести обезумевшего человека к хорошему музыканту, то просто от звуков музыки все его безумие исчезнет. Музыка сама по себе настолько утешительна, настолько гармонична, что, всего лишь слушая ее, сумасшедший уже начинает успокаиваться.

Еще ни один медитирующий человек не кончал жизнь самоубийством и не терял рассудок, потому что, медитируя, он приближается к большему равновесию, к большей внутренней гармонии, пока в результате не приходит к абсолютной гармонии — гармонии не-ума.

Мы должны принести в этот мир психологию будд. Это психология единства. Семиэтажный дом ума нужно превзойти. Западная психология все еще копается в корнях. К листве, цветам и плодам она еще и не притрагивалась. О том чтобы войти в не-ум вопрос даже не стоит — западная психология пока еще не познала целиком обычный ум. И без этого о скачке в не-ум нечего и помышлять.

Не-ум — это реализация.

Не-ум — это просветление.

Не-ум — это освобождение.

В синем небе нет следов

Комментарии к притчам Исана

ПРИМЕЧАНИЕ ДЛЯ ЧИТАТЕЛЕЙ

Конец каждой беседы в этой серии следует определенному распорядку, который может озадачить читателя, если он не был там сам.

Во-первых, это время Сардара Гурудаяла Сингха. «Сардарджи» давний ученик, чей сердечный и заразительный хохот разносится во время рассказывания шуток, названного в его честь.

За шутками следует медитация, состоящая из следующих частей.

Каждая стадия медитации предваряется сигналом Ошо барабанщику Ниведано. Этот удар гонга представлен в тексте следующим образом:

После этого наступает период молчаливого сидения, фокусировки сознания на центре, точке свидетельствования.

Затем следует «разрешение» (let go: отпускание) — каждый человек ложится на спину, давая всему раствориться.

Следующий сигнал гонга возвращает собравшихся к положению сидя.

Участников сопровождают слова мастера.

Полный текст каждой вечерней медитации приводится здесь.

Глава 1

Копните глубже

1 ноября 1988 г.

Наш возлюбленный Мастер,

Однажды Исан до поздней ночи просидел с Якудзю в тиши горного храма.

— Кто ты? — спросил Якудзю.

— Рейю, — ответил Исан.

— Поройся в очаге, — посоветовал Якудзю.

Исан сделал то, что ему велели, и сказал:

— Я не нашел ни одного уголька.

Якудзю взял щипцы и, порывшись глубже, вытащил крохотный тлеющий уголь. Он показал его Исану и сказал:

— Вот, смотри!

Исан внезапно стал просветленным. Он поклонился Якудзю, который сказал:

— Ты пришел к перекрестку природы будды; ты должен наблюдать за временем и причинностью. Когда придет время, ты осознаешь это — подобно тому, как вспоминаешь нечто забытое. Это нельзя взять у других. Следовательно, когда ты просветленный, проявляется твоя изначальная природа. Теперь ты достиг ее — заботливо ее культивируй.

Маниша, сегодня мы начинаем новую серию бесед о дзен — на этот раз о мастере Исане. Название этой серии укажет вам, каким человеком был Исан. Серия называется: «Исан: в синем небе нет следов». Он был настолько великим мастером, насколько это возможно, но не оставил после себя ни значительных писаний, ни пространственных комментариев. Исан сделал в точности то, что говорил Будда о подлинном мастере — он исчез в синем небе, как птица, не оставив следов.

Откуда эта идея об отсутствии следов? В ней есть очень важный подтекст. Это значит, что великий мастер не создает движение;

он не создает путь, по которому может следовать каждый. Он летает в небе, он рождает в вас жажду полета и исчезает в синеве небес, создавая в вас страстное желание узнать, что это такое — исчезнуть в предельном.

Исан точно следовал указаниям Будды. Он — великий мастер, но почти забытый. Кто помнит людей, которые не оставили за собой великого движения, не создали организованной религии, не выбрали себе преемников, не сделали свою религию политикой, силой в материальном мире? Исан ничего этого не делал. Он просто жил в безмолвии. Конечно, к нему тянулись тысячи учеников, но это не его вина. Вы не можете осуждать его за это — это была просто магнетическая сила, которой он стал, исчезнув в просветлении. Свет пролился в далекие земли, и те, у кого были глаза, пошли в укромное место, спрятанное в лесу, где жил Исан. Постепенно тысячи учеников стали жить в этом лесу — а Исан не звал никого. Они пришли сами.

И помните разницу: когда вы приходите сами, вы приходите тотально. Когда вас зовут, есть неохота, страх: возможно, вами будут управлять. Но когда вы приходите сами — вы прожили свою жизнь, вы познали ее бессмысленность. Вы приходите из великого понимания, что жизни нечего предложить вам. Вы приходите целостно и тотально — и безотлагательно, потому что никто не знает: будете ли вы завтра на земле, или нет. Смерть в любой момент может постучать в ваши двери, она непредсказуема. Она редко приходит к человеку предупредить: «Я иду». Изредка это бывало, в сказках...

В следующем моменте нет определенности. Все, что у вас есть — этот момент. Так что не рассеивайте свое сознание; концентрируйте его на этом мгновении. Если вы действительно хотите узнать высший источник бытия и его безмерное блаженство, этого единственного момента достаточно.

Не идите по чужим следам. Истину нельзя заимствовать — так же, как и путь, по которому прошел кто-то другой. Вы должны войти в девственную землю своего внутреннего пространства, куда не может войти никто другой.

Чем глубже вы идете, тем более вы одиноки. Друзья и враги, родственники и общество — все они отбрасываются по мере того, как вы отбрасываете свой ум. Когда с умом покончено, вы остаетесь в полном одиночестве. И это одиночество — такая великая радость... Помните, это не одиночество. Одиночество — это желание другого. Одиночество — это наполненность в самом себе. Одного достаточно, это целая вселенная. То, что говорят словари — абсолютно неверно. Они делают одиночество и одиночество синонимами — это неправда.

Что касается экзистенциального опыта, Исан жил один. Но его одиночество стало таким сияющим великолепием, что люди сами приходили к нему — к этой великой тишине, безмерной красоте истины.

Этот человек пришел домой; просто пребывая в его присутствии, вы, возможно, тоже найдете свой путь. Он не собирается давать вам путь, но в его присутствии возможно многое. Например, то, что вы убедитесь: опыт просветления — не выдумка поэтов и не философская система, изобретенная философами. Это подлинная реализация. Вы можете почувствовать это, вы можете почти коснуться этого; и, если ваше сердце открыто, вы можете увидеть, что оно танцует от радости. Рядом с таким человеком, как Исан, вся ваша жизнь обретет крылья.

Итак, пришли тысячи. Но Исан не давал никаких руководств; поэтому я выбрал для названия слова Будды: «Исан: в синем небе нет следов». Он просто бил крылами в небесах, привлекая тех, кто забыл о своих крыльях; провоцируя, бросая вызов тем, кто забыл о своем небе, о своей свободе. Затем он исчез в далеких небесах, в синеве, без всяких следов — но оставив непреодолимую потребность пойти в измерения, где вас больше нет.

Когда вас больше нет — это высшая реализация истины.

Вы — барьер, вы — проблема. Вы — единственная проблема. Когда вы растворяетесь, в вас начинает появляться то, что вечно, то, что вы не можете назвать самостью, то, что принадлежит всему космосу. То, что вы называли «собой» — только пыль.

Прежде, чем я перейду к сутрам, несколько вступительных замечаний о жизни Исана:

Исан Рейю, также известный как Куэй-шан Линь-ю, жил с 771 г. по 853 г. В пятнадцать лет он покинул дом, чтобы стать монахом, занимаясь под руководством местного мастера Винайи на территории современной провинции Фукиен.

Это может показаться несущественным, но я чувствую в этом важный смысл, который нужно понять. Он ушел из дома в пятнадцать лет... Это был совершенно другой мир, у человечества были совершенно другие побуждения. Что такое пятнадцатилетний мальчик?.. Но это побуждение, вероятно, было настолько распространенным и сильным в атмосфере тех дней, что даже пятнадцатилетнему мальчику хватало разума; он загорелся.

Говорят, есть люди, которые вновь и вновь повторяют одну и ту же глупость и никогда ничему не учатся. Вот почему история повторяется. Это происходит из-за идиотов; иначе истории незачем повторяться. Она всегда будет приносить новый рассвет — не старый, гнилой, прожитый, полностью законченный. Но истории при-

ходится повторяться, потому что идиоты все повторяются и повторяются, а они делают историю. Именно неразумность дает истории возможность повторяться.

Пословица говорит, что глупый не учится на своих ошибках, а разумный может учиться даже на чужих. И человек, который может учиться на чужих ошибках, обладает великими возможностями. В пятнадцать лет Исан, должно быть, был научен ошибками других. Должно быть, он внимательно наблюдал своих родителей, соседей, учителей — их безжизненную жизнь, бессмысленные блуждания безо всякого ощущения направления — ничего, кроме несчастья и страданий. Все, что у них было — это некая обещанная надежда, которая может исполниться где-то в будущем — может быть, в следующей жизни, а может быть, в раю. Но эта жизнь будет страданием, иначе быть не может. Такова природа жизни, и они с этим смирились. Он не собирался совершать ту же ошибку, что и все остальные.

В пятнадцать лет он покинул дом, чтобы стать монахом, занимаясь под руководством местного мастера Винайи.

Мастер Винайи — всего лишь раввин, пандит, ученый. «Винайя» — название буддийских писаний. Слово «винайя» означает смирение; Будда учил, что смирение — это близость к природе. Все его писания — а их много — были названы «Винайя» потому что они с разных сторон раскрывают одно и то же основополагающее учение: быть никем, быть готовым исчезнуть в синеве небес, не оставляя никаких следов.

Очевидно, он отправился на поиски; он пошел учиться к местному мастеру Винайи. Пятнадцатилетний мальчик не знает, куда идти. Тот, кто был поблизости, самый известный и ученый книжник... он отправился к нему.

В двадцать три года он принял посвящение в Хэньчжоу.

То, что он принял посвящение, означает, что теперь он принял абсолютное решение найти себя. Он говорит миру: «Помогите мне не сбиться с пути». С его стороны это — объявление своего сокровеннейшего желания. Теперь обществу становится известно, что он — ищущий; а в те дни общество всеми возможными способами помогало ищущим — оно давало пищу, одежду, прибежище. Все общество, казалось, направлялось одним центральным стремлением — стать буддой. Если обстоятельства не позволяли людям сделать это сейчас, они ждали благоприятного момента, чтобы исчезнуть в синем небе.

Сейчас мы очень ничтожны в этом смысле. Наши желания вертятся вокруг денег, красивых домов, успеха в мире — славы, имени,

политической власти. Что касается духовного мастерства, мы, несомненно, пали. В те далекие дни люди были бедными, не было ни науки, ни технологии — и все же они были выше нас в том смысле, что все их стремления сосредоточивались на поиске смысла жизни. И тот, кто искал смысл жизни... если вы не могли пойти так далеко, вы могли хотя бы помочь. Помощь тому, кто ищет истину, сама по себе считалась великой добродетелью.

И я согласен с этой идеей. Общество должно жить... конечно, каждый не может быть монахом, если не следовать моей стратегии. И несколько сложно оставаться свидетелем в вашей обычной жизни. Легче быть свидетелем, если вы живете в монастыре, или если вы — монах и не имеете дела с обычной жизнью. Вы не зарабатываете никаких денег, у вас нет власти, вы живете только на подаяние — вы едите только раз в день. Поскольку общество было очень бедным, Будда говорил своим посвященным монахам: «Вы должны собирать себе еду, — было разрешено есть только один раз в день, — в семи домах, по кусочку — чтобы никого не обременять».

Если один монах просит подаяние в семи домах, это не обуза, потому что в каждом доме ему дают понемногу. Поэтому ищущие могли не заниматься делами и не тратить свое время. Вся их энергия должна направляться в одну точку — их существо. Общество должно помогать им, потому что их возвысившееся сознание впоследствии будет помогать обществу.

Возможно, вы знаете это, а возможно, нет: немногие будды, случившиеся в истории, без вашего ведома возвысили ваше сознание. Без них вы до сих пор жили бы в джунглях. Вы ничего не делали, но атмосфера менялась с каждым буддой. Он давал так много от своего изобилия... не думайте, что кусок хлеба — достаточная плата. Мы ничем не можем отплатить ему; его вклад в человеческое сознание так велик, а его забота...

Будда говорил своим монахам: «Собирайте свою еду в семи домах и никогда не оставайтесь в одной деревне больше, чем на три дня. Все время двигайтесь, потому что, оставаясь в одной деревне, вы можете стать для людей обузой. Каждый день они должны давать вам что-нибудь. Уходите прежде, чем каким-нибудь образом начнете досаждать им».

И это — великое психологическое прозрение, потому что человеку нужно четыре дня, чтобы привыкнуть к людям или месту. Если вы переезжаете, вам понадобится четыре дня, чтобы чувствовать себя спокойно в новом доме. Вы должны уйти, пока не привыкли к деревне. Вы — чужой, вам не разрешается привыкать, знакомиться, заводить друзей. Вы должны оставаться посторонним. Вы выбрали путь постороннего.

Приняв посвящение в Хэньчжоу в двадцать три года, он отправился в Чань-си и стал учеником Якудзю.

Он нашел мастера. Учителя-книжники, с которыми он наверняка встречался, не могли удовлетворить его аппетита. Они не могли дать ему то, что он просил. Он не просил знаний; он искал того, кто знает. Его интересовало исследование самой структуры знающего, свидетеля.

Естественно, ученые не могут этого сделать. Они могут цитировать великие слова, но не могут излучать буддовость. Они не подтверждают своих цитат, они ничем не подкрепляют собственную ученость. Вся их жизнь так обыкновенна; в ней нет и следа того изящества, красоты и блаженства, о которых они говорят. Поэтому любой разумный искатель скоро поймет, что у этого человека нет ничего, кроме слов; он не знает смысла. Он носит мертвый труп и не осознает, что он мертв.

Все ученые мира — гробокопатели. Они копаются глубоко в могилах и находят кости всевозможных людей, но никогда не копают глубоко в себя. Они могут найти кости Будды... они даже поклоняются этим костям, когда находят их.

В Шри Ланке, в Канди, есть огромный храм, посвященный зубу Будды. Все научные тесты доказали, что это не человеческий зуб, он слишком велик; он может принадлежать только животному. Но кого это интересует? Канди привлекает больше туристов, чем любой другой храм в Шри Ланке, потому что там находится зуб Гаутамы Будды.

Книжники подчас кажутся такими глупыми. В Кашмире, в Шринагаре, есть волос, который считается волосом Хазрата Мухаммеда. Мусульмане поклоняются ему, потому что это единственная реликвия, оставшаяся от тела Мухаммеда. Никто не знает, чей это волос, и нет способа доказать, что это — волос Мухаммеда. Но несколько лет назад он был украден.

Среди мусульман всего мира был большой шум. Эта мечеть, Хазрат Бал... «бал» означает «волос»; даже бал нужно называть «Хазрат», «Ошо» — «почтенный волос». И это была очень сложная ситуация. Начались беспорядки, потому что мусульмане были уверены, что это — дело рук индуистов. А индуистов в Кашмире — ничтожное меньшинство. И хотя индуистские лидеры в Кашмире неоднократно заявляли: «Нас совершенно не интересует ваша религия», это было бесполезно.

В конце концов, премьер-министру Индии, Джавахарлалу Неру, пришлось послать генерала и войска, чтобы окружить мечеть и каким-то образом вернуть этот волос.

Как вы себе это представляете? Но это как-то устроили: чей-то

волос положили в пустую трубку. И вот, все счастливы, что волос нашелся. Что это за глупость?.. Что вы будете делать с волосом? Даже если вы найдете всю голову Мухаммеда, это тоже не поможет. Но люди беспокоятся об абсолютно абсурдных вещах — они так сильно этим увлечены; и все это из-за книжников, так называемых ученых, которые провоцируют массы.

Исан, должно быть, ходил от одного учителя к другому. Он продолжал искать человека, в котором была сущность — не буддиста, но будду; который не верит ни в какие гипотезы — который знает. И когда он пришел к Якудзю, что-то немедленно проявилось. Он нашел мастера.

Таков путь студентов, учеников, преданных: продолжать поиски — от одного монастыря к другому, от одного монаха к другому. Нет никаких видимых знаков, никаких сертификатов, чтобы сказать: этот человек — просветленный. Вы сердцем должны искать того человека, в присутствии которого ваше сердце начинает танцевать. Это внутреннее обретение — человек, в присутствии которого вся ваша жизнь становится светом, в присутствии которого ваш ум уходит, словно он был тенью, и на вас нисходит полная тишина.

Когда он пришел к Якудзю, он немедленно стал учеником.

Позже Якудзю послал Исана настоятелем на гору И. Сначала Исан жил отшельником, но постепенно вокруг него стали собираться ученики; наконец, их число выросло до тысячи. Исан учил на горе И больше сорока лет.

Это была небольшая биографическая справка. Теперь — сутры:

Однажды Исан до поздней ночи просидел с Якудзю в тиши горного храма.

— Кто ты? — спросил Якудзю.

— Рейю, — ответил Исан.

— Поройся в очаге, — посоветовал Якудзю.

Исан сделал то, что ему велели, и сказал:

— Я не нашел ни одного уголька.

Огонь совсем угас, не осталось даже углей.

Якудзю взял щипцы и, порывшись глубже, вытащил крохотный тлеющий уголек. Он показал его Исану и сказал:

— Вот, смотри!

— ты искал недостаточно глубоко.

Тихой ночью в горном храме... все, что делает мастер, имеет цель. Он попросил Исана выяснить, остался ли огонь в дровах. Ночь становится все холоднее; посмотри. В обычной жизни это —

незначительное действие. Исан сделал то, что его просили, и сказал: «Я не нашел углей. Огонь совсем погас».

Якудзю взял щипцы... Таков путь дзен: прямое обучение, без слов. Якудзю взял щипцы и, порывшись глубже, вытащил крохотный тлеющий уголек. Он показал его Исану и сказал:

— Вот, смотри! Ты искал недостаточно глубоко.

Исан внезапно стал просветленным... потому что это была точная ситуация его медитаций. Он шел, но недостаточно глубоко, чтобы найти огонь жизни. Внезапно, без всяких слов — о просветлении не говорят... увидев это действие Якудзю — он пошел глубже и нашел тлеющий уголь, — Исан, должно быть, глубже вошел в себя. Он медитировал, но, должно быть, проникал недостаточно глубоко, чтобы найти живой огонь.

Исан внезапно стал просветленным.

Рациональным людям очень трудно понять, как просветление может быть внезапным. Оно внезапно, если вы понимаете, как дзенские мастера из каждой ситуации создают некий знак, который нельзя пересказать словами. В словах он вновь и вновь говорит: «Иди глубже!» Но это все, что можно сказать; все остальное зависит только от того, пойдете вы глубже, или нет.

Якудзю должен создать очень ясную экзистенциальную ситуацию, чтобы показать Исану, что он идет недостаточно глубоко. И простая вещь — то, что он нашел уголь — заставила Исана пройти внутрь настолько глубоко, насколько это возможно. Этой тихой ночью он нашел свой внутренний огонь; он стал просветленным. Это кажется неожиданным. Это не неожиданно — годы учения, годы медитации. Но в нужный момент мастер дает вам ситуацию, которая показывает, что упущено.

Ему не хватало мужества пойти в самый центр; иначе — как вы можете упустить живой огонь? Вы живы! Как вы можете упустить свою божественность, как вы можете упустить своего будду?

Исан внезапно стал просветленным. Он поклонился Якудзю, который сказал:

— Ты пришел к перекрестку природы будды; ты должен наблюдать за временем и причинностью.

Хотя он и стал просветленным, он должен пустить корни в свое просветление. Иначе оно останется только далеким проблеском, который быстро забудется или будет вспоминаться только как эхо, удаленное на тысячи миль. Теперь ты должен заботливо поливать этот внезапный цветок внутри тебя. Теперь ты должен все время следить, чтобы твое сокровище возматало, чтобы твое внутреннее небо становилось все шире и шире, чтобы приближалось время

окончательного полета капли росы в океан.

Якудзю сказал ему: «Ты пришел к перекрестку природы будды; ты должен наблюдать за временем и причинностью».

Теперь будь внимателен. Причиной твоего просветления была обыденная, земная вещь. Теперь ты должен помнить, что, войдя глубже, ты внезапно стал просветленным; и ты можешь пойти еще глубже. На самом деле, пограничной черты, где ты должен остановиться, нет. Ты можешь пойти так глубоко, что станешь самой глубиной. Лишь тогда у твоего просветления вырастут корни. Теперь его нельзя уничтожить, это уже не однолетний цветок.

Когда придет время, ты осознаешь это — подобно тому, как вспоминаешь нечто забытое.

То, что ты увидел сегодня — только первый проблеск, который привел тебя на распутье. Ты все еще можешь заблудиться, другие дороги по-прежнему открыты. Теперь будь внимателен. Причина была в том, чтобы пойти глубже — так что продолжай, иди все глубже, глубже и глубже. Не останавливайся, пока ты сам не станешь глубиной, пустой бездной.

Это время, когда весна приходит в твое существо. Потом ты осознаешь, что не приобрел ничего; ты словно вспоминаешь нечто забытое. Оно всегда было здесь, так что это не нечто новое, что ты приобрел. Это нечто, что ты забыл так давно, что не имеешь представления, когда это случилось. Теперь ты вспомнил.

В тот момент, когда просветление становится просто воспоминанием, оно становится самым вашим дыханием, самым вашим пульсом. Тогда вам не нужна никакая медитация. Тогда вся ваша жизнь — медитация. Без всяких усилий, безуспешно, вы — будда. Если есть какое-то усилие, это означает, что нечто упущено. Когда будда естественен, вы даже во сне — будда. Когда вы бодрствуете, работаете, что бы вы ни делали — аромат вашей буддовости будет окружать вас.

Но это случится лишь тогда, когда вы достигнете предельной глубины, и осознание будет восприниматься не как достижение, а как простое воспоминание. Так что не начинайте хвастать им, потому что это не достижение — чем же тут хвастать? Вы просто тонете в этом новом, покинутом, забытом месте, которое и есть ваше существо.

И произойдут миллионы вещей, но вы не будете деятелем. Они будут просто случаться, потому что ваше присутствие достигло таких глубин. Когда ваше свидетельство достигнет предельной глубины, начнут расцветать цветы, распускаться лотосы — к вам пришел рассвет, вы родились заново. Вы были мертвы, теперь вы живы. Новая жизнь целиком заполнила вас и принесла великую

красоту, истину и изящество.

Это нельзя взять у других. Следовательно, когда ты просветленный, проявляется твоя изначальная природа. Теперь ты достиг ее — заботливо ее культивируй.

Это очень важное утверждение Якудзю. Вы не можете культивировать просветление, это будет фальшью. Вы можете ходить как будда, вы можете ухитриться сидеть в позе лотоса... это будет особенно трудно людям, приехавшим с Запада. В холодных странах придумали стулья; в жарких странах не составляет проблемы сидеть на полу. Но в холодных странах сидеть на полу трудно. Поэтому, если Будда сидит в позе лотоса, это не значит, что вы должны сидеть в позе лотоса, и только тогда вы станете буддой. Вы можете практиковать это — многие идиоты это делают, без необходимости мучая себя.

Буддовость — это ваша природа, вы не можете культивировать ее. Но Якудзю имеет в виду совсем другое. Он говорит: «Теперь ты достиг ее — заботливо ее культивируй. Твое достижение так ново, можно упасть обратно во тьму. Можно снова начать думать, что это могло быть просто воображение. Возможно все. Проблеск, который ты получил, очень свеж и молод, а твое невежественное прошлое очень длинно — оно длилось четыре миллиона лет; оно очень тяжело. Под его весом это новое озарение может быть уничтожено. Этот новый цветок, что расцвел в тебе, может быть раздавлен горами прошлого».

Вы не можете культивировать просветление, если не достигли его. Поэтому сначала достигните его — это кажется странным, — сначала получите этот проблеск, а потом защищайте, культивируйте его; затем устройте так, чтобы старое не могло одержать над вами верх, потому что прошлое очень тяжело, а новое всегда хрупко.

Так что помните, Якудзю не учит вас культивировать просветление. Он говорит: сначала получите, а потом будьте как можно внимательнее — защищайте его, очищайте, идите в него глубже, ищите больше корней. Реальная работа начинается, когда вы стали просветленным. Все, что вы делали до просветления, кажется крошечным усилием.

Настоящие усилия начинаются с первым проблеском просветления. Вы можете пасть — все ваше прошлое будет тянуть вас назад, все прошлое будет говорить вам, что все это — одно воображение.

Вы должны быть очень бдительны. Прошлое — ваш враг; а этот свежий росток, этот новый цветок — такой маленький и хрупкий, но такой прекрасный... если вам удастся защитить его, вскоре он станет вашей вечностью. Вскоре он станет вашей природой. Тогда никаких усилий нет.

Когда дзенские мастера говорят «безусильность», они имеют в виду состояние, когда ваше просветление обрело хорошие корни. Теперь никакие усилия не нужны; теперь вы можете расслабиться и успокоиться: оно будет расти само. Оно обретет роскошную крону, расцветет множеством цветов и множеством благословений.

Секисо написал:

Источник дхармы

Не иссякает;

Он течет даже сейчас.

Одна капля упала и разлилась

вширь и вглубь.

Не обманывайтесь

украшениями на краю

и окружающей его стеной.

В глухой ночи луна сияет

в середине пруда.

То, что говорит Секисо, очень символично. Источник дхармы — весна, когда тот, кто созрел, внезапно наполняется цветами, когда темная ночь кончается и приходит утро, — Весна дхармы не иссякает. Он говорит: «Помните, весна дхармы никогда не иссякает; она всегда приходит — так же, как она приходила во времена Гаутамы Будды или раньше». Это часть вечной природы. Просто вы должны быть готовы успеть на поезд. Поезд всегда приходит, но вы чаще всего приходите на станцию либо до того, как он пришел, либо после того, как он ушел — вы всегда застаете пустую платформу. Печальный и разочарованный, вы идете домой.

Я слышал:

Три профессора на железнодорожной станции вели горячий спор на какую-то философскую тему. Они так увлеклись дискуссией, что забыли о том, что поезд стоит всего три минуты. Даже когда поезд тронулся, они не поняли, что происходит. Вдруг один профессор увидел отъезжающий поезд, и все трое бросились его догонять. Двоим удалось вскочить в последний вагон; третий остался на платформе. Он стоял там, такой грустный, что носильщик, который все видел, сказал:

— Что вы так расстраиваетесь? Скоро придет другой поезд, и через несколько часов вы встретитесь со своими друзьями.

Он ответил:

— Дело не в этом. Это я должен был уехать! Они пришли проводить меня. Теперь все перепуталось...

Но, когда вы спешите, это возможно.

Источник дхармы не иссякает. Он всегда доступен; просто вы не готовы. Вы должны взять всю ответственность на свои плечи.

Существование так же благоволил буддам, как и всегда, но вы никогда не обращаете на это внимания. Вы не готовитесь, вы даже не свидетельствуете, чтобы, когда это придет...

В действительности, это никогда не приходит, оно всегда здесь — вы приходите к нему. Чем глубже ваше свидетельствование... и внезапно вы обнаруживаете потрясающую реальность, затопляющую вас. Она по-прежнему ждет в вашем сокровеннейшем центре.

Источник дхармы

Не иссякает;

Он течет даже сейчас.

Одна капля упала и разлилась
вширь и вглубь.

Океан источника дхармы всегда готов поглотить вас; в нем всегда есть для вас место, вы всегда желанны. Никто никогда не был отвергнут природой дхармы. Даже если упала всего одна капля, она разливается по всему океану — вширь и вглубь.

Не обманывайтесь

украшениями на его краях
и окружающей его стеной.

В глухой ночи луна сияет
в середине пруда.

Всех нас привлекают украшения, несущественное. Озеро может быть окружено стеной с прекрасными статуями, скульптурными, архитектурными украшениями. И вы можете так увлечься этими украшениями, что не увидите, как в пруду отражается луна — в самом центре.

Это просто символ. Здесь говорится, что посреди всего этого мира украшений всегда сияет экзистенциальная истина. Власть, всевозможные желания, побуждения, стремления — но среди всей этой толпы, точно в середине, в самом в центре вашего существа отражается полная луна. Не обманывайтесь украшениями.

Маниша спросила:

Наш возлюбленный Мастер,

Я слышала, как Ты говоришь, что просветленные, как птицы, не оставляют за собой следов. И все же люди, подобные Исану, трогают наше сознание спустя сотни лет после своей смерти. Не мог бы Ты прокомментировать?

Маниша, то, что твое сознание затронута — это другой вопрос. Для открытого сознания все будды доступны в этот самый момент — чтобы праздновать вас, чтобы взять вас в новое пространство, которого вы избегали многие века. Но это не значит оставлять сле-

ды. Это за пределами способностей птицы — оставлять следы в небе.

Внутренний мир почти такой же, как небо — это внутреннее небо. И люди, вошедшие во внутренний мир, не могут оставлять следов. И вы не можете идти за ними внешне — через их слова, через их писания. Вы должны идти внутрь себя, и вы будете неожиданно удивлены: вы исчезли, и появился будда. Вы не шли по следам Будды — он не может их оставить. В небе вы ничего не можете написать.

Все писания и все великие религии обманывают и эксплуатируют массы. Нужно идти внутрь, а все религии предлагают вам идти наружу: к Иисусу, Моисею, Мухаммеду, Будде, — но идти вовне. Следуйте их учениям, выполняйте их заповеди. Именно это Будда называет «сбиться с пути».

Ни один будда не может оставить следов; как же вы можете следовать ему? Следование просто невозможно. Вы можете только идти внутрь себя. Вы можете понять живого будду, можете впитать его энергию; вы можете слышать его песню, можете понять его безмолвие; вы можете наполниться его присутствием — но это не следование. Это просто алхимия пребывания с мастером. Вы можете просто исчезнуть в безмолвии мастера. Но вы не идете по следам; вы идете внутрь себя, у вас свой путь от периферии к центру.

Пришло время Сардара Гурудаяла Сингха. Бедняге пришлось ждать так долго, и он так бережно носит свой радужный тюрбан... Раньше он просто был старым хиппи. И вдруг он стал мини-гуру! И он так наслаждается этим, он направляет много... Это называется трансформацией.

Рональд Рейган и Джордж Буш путешествуют по горам Монтаны. Они ходят весь день, обсуждая предстоящие президентские выборы, и Рональд дает Джорджу массу советов относительно того, как хорошо выглядеть по телевизору.

Внезапно они поднимают глаза и видят огромного медведя гризли, который спускается с горы прямо к ним. Буш тут же достает из рюкзака кроссовки и начинает переобуваться.

— Эй, — нервно говорит Рональд. — Ты что, надеешься убежать от гризли?

— Совсем нет, — усмехается Буш. — Я просто надеюсь убежать от тебя!

Ковальский возвращается домой с утренней охоты. В руке у него ружье, на плече висит охотничья сумка.

Его друг Слобовский видит, как он идет по дороге, и кричит:

— Привет, Ковальский! С охоты?

- Точно! — отвечает Ковальский. — Охотился на уток.
- Вот это да! — говорит Слобовский. — И сколько убил?
- Ну, — отвечает Ковальский, — если ты угадаешь, сколько уток в моей сумке, я отдам тебе обеих!
- Ух ты, — говорит Слобовский, качая головой. — Три?

Гарри и Гарриет — очень благочестивые супруги. Они тщательно выполняют все правила христианского благочестия, строго соблюдая целибат, когда это предписано.

Великим постом, который длится целый месяц, они решают воздерживаться от секса. Они очень осторожны — даже спят в разных комнатах, чтобы удержаться от искушения.

Пост заканчивается в воскресенье, в шесть часов утра — и, естественно, ровно в шесть Гарриет слышит тяжелые удары в дверь своей спальни.

- Это ты, Гарри? — спрашивает она.
- Да! — кричит Гарри. — Это твой верный любящий муж!
- Ах, Гарри! — хихикает Гарриет. — Я знаю, почему ты стучишь!
- Ты знаешь, почему я стучу, — кричит Гарри, — но видела бы ты, чем!

... Этот анекдот принесли мне; кто-то, должно быть, переделал его. И когда Нирвано рассказала мне его, он был переделан в анекдот о чете джайнов. Мужа звали Хальвабхай, а жену — Мевабхай. У джайнов есть религиозный праздник — Парюшан, так что пост в анекдоте был назван Парюшаном. В остальном анекдот был тот же.

Но, как я сказал Нирвано, анекдоты имеют корни. Нельзя изменить их контекст. Так вот, пара джайнов не подойдет. Вы можете рассказывать какие угодно анекдоты про евреев: их аппетиты достаточно велики, так что подойдет все. Но что касается индуистов, джайнов, буддистов — нельзя просто изменить имена. Они абсолютно не подходят для этого, потому что у них не будет естественного контекста.

В Индии нет своих анекдотов. Все анекдоты — импортные; к счастью, ввоз анекдотов не облагается пошлиной! Вы можете просто изменить имена на индийские, но это будет неправильно; это не будет звучать правильно. Даже анекдот имеет определенный контекст, намек на определенный стереотип. Это не просто шутка. Нельзя вставить в него все, что вы хотите; в шутке есть своя атмосфера. Например, еврейский анекдот нельзя «пересадить» ни на одну другую национальную почву, потому что этот анекдот имеет свою историю.

Никто не пишет анекдотов, это известно. Писателей, сочиняющих

анекдоты, нет. Откуда берется анекдот? — из народной мудрости; сотни лет... они проходят через множество рук, множество ситуаций, и затем приобретают отточенность. Никто не может заявить: я — автор. И никогда не пытайтесь изменить имена, потому что они будут абсолютно выбиваться из контекста.

Если вы не можете выяснить, кому должен принадлежать анекдот, просто вставьте в него еврейские имена. Они — единственный достаточно богатый народ, и по этой причине они могут принять любую шутку. Они так много страдали с тех пор, как Моисей вывел их из Египта в поисках Израиля. Вся их жизнь в течение этих четырех тысяч лет была жизнью страданий, страданий и страданий.

Я слышал:

Старый еврей, умирая, молился Богу. Вся семья была удивлена тем, что он говорит. Он говорил Богу: «Знаешь, Боже, хорошего понемножку! Теперь ты должен выбрать своим избранным народом кого-нибудь другого!»

Эта глупая идея, что евреи — избранный народ, была причиной их страданий. Но в страдании надо как-то утешаться — нужна какая-то мазь для всех этих ран. Анекдоты выросли в среде евреев. Им приходилось смеяться; иначе, как забыть о муках? Как забыть обо всех страданиях, через которые они прошли? Они потеряли свою землю...

Они получили ее обратно только недавно, сорок лет назад; теперь идет борьба за то, чтобы сохранить ее. Они со всех сторон окружены мусульманами. И нет никакого способа — я не вижу для них никакой возможности выжить там. Это самый безобразный и преступный акт американских политиков — вернуть им Израиль, который находился в руках мусульман. Но это была хитрая стратегия. Таким способом они смогли избавиться от множества евреев, не убивая их. Они сделали в точности то, что сделал Адольф Гитлер. Он убил шесть миллионов евреев из-за проблемы: если евреи — избранный народ, кто же тогда немцы? Вот в чем суть конфликта. Адольф Гитлер считал свой народ, нордических немцев, богоизбранным народом, а евреи могли с этим не согласиться. Он прикончил шесть миллионов евреев.

Америка сделала то же самое, но более дипломатично. После второй мировой войны они отдали евреям Палестину, которая когда-то была Израилем, а затем попала в руки мусульман. Многие века у евреев не было своей страны — и я не думаю, что в этом есть какая-то необходимость. «Страны» должны исчезнуть, границы должны исчезнуть; каждый человек должен жить на планете. Но, поскольку после второй мировой войны Палестина оказалась у американцев, Америка сыграла очень уродливую шутку. Они вернули ее не мусульманам, а евреям. Это правда: несколько веков назад

она принадлежала евреям. Но после этого страна так долго была в руках мусульман, что даже ее название изменилось. Эта земля больше не называлась Израилем, она стала Палестиной. Под давлением американцев, которые ею владели, ее сделали Израилем.

Нации так не создаются. Теперь тысячи евреев из всех стран, особенно из Америки, уехали в Израиль. И со всех сторон они окружены мусульманами. Сорок лет они непрерывно воюют, их все время убивают.

Фундаменталистский христианский ум сыграл эту очень хитрую шутку. И я не вижу для Израиля никакого будущего. В любой день Америка может перестать снабжать их оружием. Они — маленький остров, окруженный миллионами мусульман; все они будут убиты. Но Америка действовала наверняка, принуждая евреев; а евреи считают, что Америка облагодетельствовала их. Они жили великой надеждой, что когда-нибудь у них будет своя земля — поэтому они бросились туда со всеми своими деньгами. И они до сих пор посылают туда деньги — те евреи, что остались, — так что все их деньги уничтожались в Израиле.

Теперь они в очень сложном положении: с одной стороны, они не могут вернуться назад — они вывезли все, что имели, — а с другой стороны, они не видят в будущем никакой возможности жить в мире. Каждый день — война, всевозможные террористы; никто не застрахован.

Эта ситуация — очень редкая. Четыре тысячи лет назад, в один несчастный день, Моисей повел евреев в Израиль. Ему потребовалось сорок лет, чтобы найти эту бесплодную землю, которую он называл «святой землей». Ему пришлось назвать ее святой, иначе его последователи убили бы его! За сорок лет блуждания в пустыне две трети из тех, кто пошел с ним, умерли. И он прошел мимо Саудовской Аравии и Ирана — евреи никогда не смогут простить его. Если бы он остановился в Саудовской Аравии, сегодня они были бы самыми богатыми людьми в мире. Но в то время никто не знал о бензине и нефти — так что это не его вина. Но одно определено: он — не великий пророк. Он не смог разглядеть там, под землей, так много бензина и нефти... Что это за пророк?

Затем, обнаружив, что становится поздно — ему было уже семьдесят лет, а святой земли нигде не было, — в предельном разочаровании, Моисей просто объявил Израиль, абсолютно бесплодную землю, святым местом Бога, святой землей. Просто чтобы успокоить тех, кто пошел за ним... хотя они были не слишком довольны. Увидев святую землю, они сказали: «Боже мой! И мы — богоизбранный народ, а это — святая земля?»

Моисей сбежал — под предлогом, что небольшое племя евреев потерялось в пустыне: «Я ухожу, чтобы найти их и привести сюда». Но он не вернулся. Он нашел их — они были в Кашмире. И

Кашмир действительно был похож на святую землю: он так прекрасен, его нельзя сравнить ни с каким другим местом на Земле; он прекрасен. Если бы Моисей привел всех евреев в Кашмир, они были бы удовлетворены: «Несомненно, мы — богоизбранный народ, а это — действительно святая земля».

Это небольшое племя, отбившееся от каравана евреев, оказалось в Кашмире, и они думали, что прибыли! Они остались в Кашмире, и, когда пришел Моисей — его могила находится в Кашмире, — он жил с ними. Странное совпадение: Иисус тоже умер в Кашмире, и их могилы находятся рядом.

Иисус никогда не знал, что он — христианин. Он родился евреем, он жил как еврей, он объявил себя последним еврейским пророком. И именно по этой причине евреи распяли его — потому что они не могли смириться, что какой-то сын плотника, приехавший верхом на осле — их последний пророк. Это их раздражало.

Так что воскресение — просто сказка. Иисуса сняли с креста через шесть часов, потому что евреи считают субботу святым днем; в субботу ничего нельзя делать. Поэтому в пятницу вечером — Иисус был на кресте всего шесть часов — они должны были снять его, до заката.

А иудейский крест — очень примитивное, древнее орудие. Если вы хотите умереть, вам нужно повисеть на нем, по крайней мере, сорок восемь часов. За сорок восемь часов вы можете передумать; вот почему на еврейском кресте никто никогда не совершал самоубийства — кто сможет сорок восемь часов думать только о самоубийстве? Через одну-две минуты вы скажете: «Давай-ка еще подумаем. Куда спешить? И вообще, я хочу есть».

Так что через шесть часов — Иисус был молод, ему было всего тридцать три года, он был крепким и сильным человеком — он сбежал. Это был явный заговор с Римом. Рим не интересовали проблемы евреев — был Иисус пророком или нет. Для них это было совершенно неважно. Понтий Пилат, правитель, беседовал с Иисусом перед распятием, чтобы убедиться, нужно ли распинать этого человека. Он нашел его абсолютно невинным — может быть, слегка ненормальным, потому что он приехал верхом на осле в сопровождении двадцати идиотов, которые верили, что он — единственный рожденный сын Божий, и он обещал этим идиотам: «Вам уготовано особое место в царствии Божием».

Естественно, остальных евреев это очень раздражало. Все смеялись: «И это — ваш последний пророк?» Подозревали даже, что его отец не был его отцом.

Через шесть часов Иисуса сняли, и римский прокуратор и его солдаты охраняли пещеру, куда его положили, сняв с креста. Он разрешил последователям Иисуса увезти его из Иудеи. Никакого воскресения не было, потому что не было никакой смерти. Он был жив-здоров; потребовалось всего несколько дней, чтобы его руки и ноги, пробитые гвоздями, зажили.

В этой ситуации ни один разумный человек не вернулся бы в

Иудею. Он тоже отправился на поиски того заблудившегося племени и пришел в Кашмир. Моисей умер в Кашмире, и спустя две тысячи лет там умер Иисус. Их могилы находятся рядом. Ни евреи, ни христиане не хотят этого признавать, но это совершенно очевидно: надписи на обеих могилах сделаны на иврите, и на могильных камнях выгравированы имена этих людей — Моисея и Иисуса. Эти могилы до сих пор охраняет еврейская семья; это единственная семья во всем Кашмире, которую мусульмане не обратили в свою веру. Всех остальных евреев заставили стать мусульманами, но эту семью они оставили в покое, потому что эта семья присматривала за могилами Моисея и Иисуса, а также потому, что мусульмане тоже считают Моисея и Иисуса пророками. Так что эта семья единственная. Но ни один папа не приезжал посмотреть на могилу бедного Иисуса; христиане об этом не говорят, и иудеи не интересуются, что случилось с Моисеем.

У христиан нет ответа: если даже Иисус воскрес, он должен был что-то делать после этого. Куда он делся? Или они считают, что он продолжает воскресать? Тогда он должен быть где-то!

Из-за всех этих страданий евреи научились смеяться — даже в несчастье — и придумали анекдот. Анекдот — чисто еврейское изобретение.

И никогда не следует изменять имена, потому что это не поможет. Супруги-джайны... они не могут сказать то, что говорят в анекдоте. «Ты знаешь, почему я стучу, — кричит Гарри, — но видела бы ты, чем!» Ни один индеец не скажет это. Это просто невозможно.

Итак, я сказал Нирвано: «Измени имена. Подставь какие-нибудь христианские имена»... потому что евреев слишком много было. И я люблю их. Половина моих саньясинов — евреи, и большинство из них — потому, что я единственный человек, который любит еврейские анекдоты. В них есть неповторимый аромат. Такие страны, как Индия, очень серьезные. Рассказывать анекдоты... индусы очень обидятся, они слишком подавленные люди. Здесь есть несколько моих старых друзей-джайнов. Я сказал Нирвано: «Ты хочешь, чтобы и они ушли?» Услышав анекдот про Хальвабхай и Мевабхай, они не стали бы здесь оставаться!

Люди, которые переводят мои книги с английского на хинди, постоянно присылают мне вопросы: «Что делать с анекдотами?» А люди, которые переводят мои книги с хинди на английский, вновь и вновь спрашивают: «Что делать со стихами?»

Я говорю им: «Если можете, переводите стихи прозой. Если не можете, просто пропускайте их». А тем, кто переводит с английского на хинди, я просто говорю: «Ничего не поделаешь — пропускайте эти анекдоты». Индусы просто сойдут с ума — они и так сходят от меня с ума. Эта серьезность была такой длительной болезнью, неисцелимой раной.

Евреи, несомненно, доказали свой характер. Среди всех своих мучений они сохранили свой смех, они не потеряли его. Но

странная психология: люди, которые страдают, всегда любят смех. Он дает возможность хотя бы ненадолго забыть о мучениях. Люди, которые живут спокойно, без страданий, не знают, что такое смех.

Я много раз думал, что нужно поговорить о психологии анекдотов. Здесь так много оттенков: почему определенная шутка является шуткой и откуда она возникла; кто были люди, придумавшие и хранившие ее? На какой почве она расцвела и приобрела отточенность? — потому что это многовековая работа. Следы одной шутки могут уходить назад на многие века; вы найдете небольшие отличия — и, в конце концов, она приобретает совершенство. Это произведение искусства. Но для этого нужна определенная атмосфера, понимание и открытость, определенный неподдавленный юмор; иначе анекдот может неожиданно вызвать обратную реакцию.

Это отличный анекдот; но Нирвано — не еврейка. Она посчитала, что лучше сделать этот анекдот христианским, потому что хорошо знает христианские имена и ей известно название Великий Пост. В еврейском контексте анекдот был бы еще лучше, потому что они — самые подавленные люди в мире. Не случайно именно Зигмунд Фрейд — еврей — основал новую науку, психоанализ. Она полностью против подавления.

У каждого анекдота есть долгая история и основа. Будет хорошо как-нибудь посвятить Сардару Гурудаялу Сингху целую серию и найти корни этих шуток — их психологию, принадлежность к какому-то народу, потому что народов много. Например, евреи рассказывают анекдоты о самих себе; они — очень разумный народ. Другие люди рассказывают анекдоты про поляков; поляки — очень неразумный народ. Они не могут сами придумывать анекдоты, это невозможно. Но по-своему они хороши; они позволяют всему миру рассказывать о себе анекдоты. Отличные ребята!

Ниведано...

Ниведано...

Будьте безмолвны. Закройте глаза и почувствуйте, что ваше тело совершенно замерзло.

Теперь смотрите внутрь.

Соберите все свое сознание как копьё, проникающее в самый центр вашего существа. Глубже и глубже; и вы неизбежно найдете огонь жизни.

Этот огонь не обжигает, этот огонь прохладен. Этот огонь подобен цветам. Эти языки пламени — ваш вечный, божественный источник.

В этот момент вы — будда.

Заботьтесь о будде двадцать четыре часа в сутки; культивируйте будду двадцать четыре часа в сутки. Ни на единый миг не забывайте о своей буддовости.

Когда ваша память углубляется, когда ваше осознание становится ясным, когда вы растворяетесь в своем свидетельствовании, спон-

танно возникает будда — в ваших действиях, в ваших словах, в вашем безмолвии.

Он становится всей вашей жизнью — и это жизнь великой радости, благословения, эта жизнь — чистая поэзия, бесценная музыка, вечный танец.

Но сохраняйте ясность свидетельствования, потому что во всем вашем теле только свидетель вечен; все остальное смертно.

Рано или поздно все это окажется в могиле. Оно пришло из земли и вернется в землю.

Только свидетель полетит, не оставляя следов в синем небе, чтобы стать частью космоса.

Будда — просто название вашего свидетельствования.

Сделай это яснее, Ниведано...

Расслабьтесь. Свидетельствуйте тело, которое лежит здесь, почти мертвое.

Ум здесь — возможно, бормочет что-то; но вы — не это. Вы — просто наблюдатель.

В этот миг вы находитесь на высочайшем пике вашего сознания, а также в глубочайшей глубине.

Тысячи цветов осыпают вас.

В этом безмолвии, в этой тишине вечер стал безмерно прекрасным.

Прежде, чем Ниведано позовет вас назад, соберите как можно больше цветов, как можно больше аромата, сока своей жизни.

И убедите будду пойти с вами. Он веками прятался в центре — приведите его на периферию, мир нуждается в нем.

Пришел момент, когда каждый будда должен выйти наружу.

Это — единственная надежда для всей планеты. Если будды смогут выйти на периферию, своей ежедневной деятельностью мы сумеем изменить самую основу человеческой жизни на земле. Она может стать благословением.

Человек жил не цивилизованно по простой причине: он никогда не шел вглубь себя.

Я называю цивилизованными только тех людей, кто достиг своего центра и увидел себя буддой.

Ниведано...

Вернитесь; но даже в своем возвращении покажите изящество, тишину, радость, блаженство этого момента.

Посидите несколько мгновений, чтобы вспомнить тот золотой путь, по которому вы прошли, и этого незнакомца — будду, которого вы нашли: не как отдельную от вас сущность, но как ваше сокровеннейшее существо, самую душу.

— О'кей, Маниша?

— Да, возлюбленный Мастер.

Глава 2

Инерция привычки

2 ноября 1988 года

Наш возлюбленный Мастер,

Как-то раз монах спросил Исана о необходимости культивирования духовной жизни после просветления. Исан ответил, что это необходимо из-за «инерции привычки». Затем он сказал:

«То, что вы слышите, сначала должно быть воспринято вашим рассудком; а когда ваше рациональное понимание невыразимым образом углубится и обострится, ваш ум, благодаря собственной спонтанности, станет легко схватывающим и ясным, никогда не впадая обратно в состояние сомнения и заблуждения. Как бы многочисленны и разнообразны ни были тонкие учения, вы интуитивно знаете, как применить их — в соответствии со случаем.

Лишь таким образом получите вы право сидеть в кресле и носить одеяние мастера истинного искусства жизни. Подводя итог: чрезвычайно важно знать, что высшая реальность, или основной принцип разума, не допускает ни единой пылинки, тогда как среди бесчисленных дверей и способов действия не следует избегать ни единого закона или вещи».

Маниша, самая важная проблема для каждого ищущего — понять ясное различие между культивированием и просветлением. Вы можете культивировать просветление, но это будет только фальшью. Вы можете верить в эту фальшь, но ваша вера не сделает ее правдой. Даже если все общество поддерживает ее, это не имеет значения.

Истина не нуждается в поддержке; она должна быть самоочевидной. А как вы можете культивировать просветление, если не знаете его? Вы будете просто подражать другим просветленным. Но у каждого просветленного человека есть свой уникальный ха-

рактически. Никто не может быть вторым Исаном. Как бы старательно он ни пытался культивировать, имитировать каждое действие Исана, подражать каждому его слову, все-таки он не может быть Исаном. Он останется собой — только его ум будет окружен выращенным, культивированным слоем. Это останется действием ума, а просветление, безусловно, не есть действие ума. Так что никто не может культивировать просветление.

Но после просветления...

Просветление случается неожиданно. Вы можете использовать какой-то метод — без гарантии, что он приведет к просветлению. Но если рядом с вами живой мастер, наблюдающий, куда вы движетесь шаг за шагом, одной рукой поддерживая вас, как говорил один индийский мистик, Гора... Гора был горшечник, очень бедный человек, но он пришел к той же высоте, что и Гаутама Будда. Его язык, конечно, — язык горшечника. Но порой грубый язык крестьян может выразить то, что не может выразить самый изощренный язык.

Гора говорит, что мастер должен пользоваться обеими руками, как горшечник. Горшечник одной рукой давит на глину изнутри вращающегося горшка, а второй — поддерживает ее снаружи. Это давление и поддержка мало-помалу создают горшок.

Мастер должен использовать любой возможный способ, чтобы привести вас в точку, где возможно просветление. Всего лишь небольшой толчок — со стороны обстоятельств, мастера или самого ученика, — небольшой поворот. Один шаг — и старый мир ушел, и вы вошли в новое небо.

Это очень внезапно, потому что вы не готовы к этому — хотя для мастера это не неожиданность. Он готовил это со всех возможных сторон. Когда он бьет вас, кричит на вас, бывает с вами почти-тительным — любым возможным образом мастер ведет вас к тому краю, откуда вам нужно сделать только один шаг. Этот шаг можете сделать только вы; мастер может привести вас к этому краю.

Для этого нужен искусный мастер. Ни один обычный мастер не может это сделать; поэтому мистиков много, а мастера очень редки. Быть мистиком — само по себе трудно, но, чтобы донести весть кому-то еще или обратить сознание кого-то другого в сторону мистических переживаний, необходимо множество качеств: нужен искусный способ, чтобы дать стимул вашему стремлению, разумный подход, делающий даже иррациональное похожим на рациональное, дающий красивое объяснение даже абсурду. И нужно изобретать средства, медитации, действующие на разные стороны вашего существа: никто не знает, с какой стороны вы более всего уязвимы — с запада или востока, севера или юга. Но мастер постепенно, легко осознает, с какой стороны вы уязвимее. И тогда в это место нужно

бить как можно сильнее, потому что самое слабое звено в ваших цепях прорвется первым.

Ваше освобождение, ваше просветление — это огромное искусство мастера. Найти самое слабое звено в ваших цепях и ударить так, чтобы вы вместо гнева почувствовали благодарность — это почти чудесная алхимия. Но, что касается вас, просветление случается внезапно. Мастер готовил его шаг за шагом; но это было в его сознании, это не часть вашего сознания. Для вас дверь открывается внезапно.

Мастер никогда не говорит, что вы подошли к двери. Он ждет нужного момента: когда вы будете абсолютно безмолвны, предельно пусты, весна придет сама по себе. По мере вашего развития, созревания дверь становится готовой открыться для вас. Но это всегда сюрприз для вас, а не для мастера, который многие годы готовил это самыми различными способами, приводя вас к точке, где вы можете исчезнуть и раствориться.

После внезапного просветления требуется определенное культивирование, потому что эта внезапность может стать проблеском. Вы спите так глубоко, ваша бессознательность так велика, что внезапный проблеск, вспышка молнии... и снова все затягивают темные тучи. Этот прекрасный момент будет вспоминаться вам; вы даже начнете сомневаться: «Был ли он на самом деле, или я все это вообразил? Сон это или явь?» Но его сладость останется с вами. Его аромат останется с вами.

Культивирование после просветления просто означает избегать любых ситуаций, которые могут разрушить ваш проблеск. Вы должны вложить в него всю свою энергию, чтобы делать его все более и более подлинным, все более и более глубоко укорененным в вас — чтобы он стал несомненной истиной. Никакие тучи не могут уничтожить его, никакая инерция не способна отнять его у вас. Слова Исана следует понимать в этом смысле.

Как-то раз монах спросил Исана о необходимости культивирования духовной жизни после просветления. Исан ответил, что это необходимо из-за «инерции привычки».

В этих словах заключено все: инерция привычки. У Георгия Гурджиева, одного из самых выдающихся людей этого века, была одна идея относительно мозга, которую не отвергает ни один ученый...

Любой ученый знает, что ум делится, почти крестообразно, на четыре части. Правое полушарие разделено на две доли — переднюю и заднюю, и точно так же — левое. Что бы мы ни делали, изучая мозг, мы не нашли никакого способа определить, в чем назначение задних долей. Они кажутся абсолютно бесполезными. Но

природа никогда не создает ничего бесполезного. А мозг — вообще высочайшее творение существования; в нем не может быть ненужных частей. Более вероятно, что мы просто еще не открыли, в чем их функция.

Когда исследователи заглянули в мозг, они обнаружили странную вещь: правая рука соединена с левым полушарием мозга, а левая — с правым полушарием. Таким образом, когда я двигаю правой рукой, это движение управляется левым полушарием мозга.

Людьми, родившимся левшами — и их не так уж мало, это десять процентов всего населения земли, — всю жизнь приходится трудно, потому что они родились левшами в правостороннем обществе. И никто не осознает более глубоких проблем — ни родители, ни учителя. Они заставляют левосторонних детей писать правой рукой, как все остальные, а не левой. Они не знают, что говорят ребенку; и ребенок ничего не может им возразить. Он видит, что все вокруг пишут правой рукой, и то, что он пишет левой — странно. И из-за постоянного давления он пытается делать это правой рукой. Это не так легко, но непрерывная практика дает ему способность писать правой рукой. Только очень немногие люди продолжают писать левой. Люди, которые родились левшами и пишут правой рукой, создают большую путаницу в уме.

Обе задние доли мозга, насколько нам известно, представляются совершенно бесполезными. Но это не так. По мнению Георгия Гурджиева — он один указывал на этот факт, — эти задние доли выполняют функцию некоего робота. Вы учитесь делать что-то правой рукой; сначала активизируется передняя доля левого полушария, но только в процессе обучения. Как только вы научились, передняя доля передает это умение в заднюю. Задняя доля подобна роботу, компьютеру. Мы не видим никаких функций, но она продолжает работать без нашего ведома.

Например, в Африке нашли одно племя, где люди едят только один раз в сутки — и они совершенно здоровы. Когда они увидели христианских миссионеров, они не могли в это поверить: «Что это за идиоты? Они все едят, едят и едят — это их единственная забота. Сначала завтрак, потом обед, потом полуденный чай, потом кофе. И так все время!» Эти простые люди не могли понять — какой в этом смысл?

Люди этого племени живут дольше, они здоровее; они живут в два раза дольше. Если здесь человек в среднем живет семьдесят лет, то в этом маленьком племени очень легко доживают до ста сорока — ста пятидесяти лет. И даже в сто пятьдесят лет человек не стар; в этом племени умирают только молодыми. В сто пятьдесят лет человек функционально так же молод, как молодой человек тридцати пяти лет. Но за миллионы лет они привыкли есть толь-

ко раз в день.

Если вы привыкли есть по-американски, один прием пищи в день убьет вас! Что вы будете делать остальные двадцать четыре часа? Американцы едят пять раз в день, а в промежутках им нужны сигареты, жевательная резинка: рот все время должен что-то жевать. Они настолько привыкли к этому, что, если отобрать у человека жевательную резинку, его придется госпитализировать, чтобы снять зависимость! Такая простая вещь — жевательная резинка. Сначала вы делали какую-то глупость, а теперь говорите о зависимости! Вместо жевательной резинки нужно дать что-то другое — заменить ее чем-нибудь, что вызывает меньшую зависимость; и нужно несколько недель, чтобы избавиться от этой привычки.

Проблема в том, что привычка проникает в заднюю долю вашего мозга, а у нас пока нет прямого доступа к ней. Задняя доля мозга до сих пор остается неизвестным континентом, а она контролирует все. Если вы бросаете какую-то привычку, вы нарушаете естественный процесс ее работы. Она заставляет вас снова вернуться к привычке.

Я был в Калькутте с другом, мы жили в доме одного из богатейших людей Индии, Соханлала Дугара. Сейчас он уже умер. Тогда ему было, наверное, семьдесят или семьдесят пять лет, и он сказал мне:

— Я четыре раза отказывался от секса.

На глупого человека, который был со мной, это произвело огромное впечатление. Когда мы остались одни, он сказал:

— Вот это да — четыре раза!

Я ответил:

— Идиот, ты не понимаешь: отказаться от секса можно только один раз. Как можно отказываться от него четырежды?

Он подумал и согласился:

— Да, правильно. Если ты оказался один раз, ты уже отказался.

Я сказал:

— Давай подождем, когда Соханлал вернется, и я спрошу, что случилось в пятый раз.

Когда он пришел, я спросил:

— Ты рассказывал нам о своем целибате — что ты пробовал четыре раза; на моего друга это произвело огромное впечатление. Поэтому я спрашиваю: а что случилось на пятый раз?

Он сказал:

— Это несчастье. Я не стал отказываться от секса в пятый раз, потому что четыре раза у меня ничего не получалось, и я усвоил, что в отказе нет никакого смысла; лучше об этом помалкивать.

Вот почему все в мире молчат о сексе. Особенно целибаты — они хранят абсолютное молчание, потому что знают эту проблему:

сколько раз они отказывались от секса, а он возвращается снова. Это не в вашей власти, и это не ваша личная особенность. Секс приходит вместе с самим вашим рождением, это биологическое свойство.

Итак, существует много разных привычек. Некоторые вы можете бросить, а некоторые имеют очень глубокие корни. Оставаться в невежестве и бессознательности — очень длительная привычка, ей миллионы лет. Если вы допустите ее на один-единственный миг, она возьмет над вами верх.

Просветление — совсем новое явление, и все против него: весь ваш старый ум, ваше бессознательное, ваша тенденция забывать. Английское слово «sin» (грех) первоначально означало забывчивость, но священники уничтожили красоту этого слова. Забывчивость, несомненно, грех — не против кого-то, против самого себя. А вы были в забвении так долго — это не жевательная резинка, которую можно бросить за несколько недель. И это такое утешение — оставаться в забвении: это так уютно, это не создает вечный вопрос, не толкает на поиски истины. Это не уводит вас на опасные пути. Вы можете быть обычным земным человеком, частью толпы, очень счастливым в своих глупостях.

Только посмотрите, как люди празднуют свадьбы — а ведь всем известно, какой будет результат! Повсюду вокруг — обломки и развалины браков; и, тем не менее, идиоты будут восседать на конях, надев тюрбаны. Когда-то они держали меч, но сейчас его заменили предметом поменьше — коротким ножом. К чему весь этот шум? — оркестры, поющие люди; торжество, праздник. Двух человек, мужчину и женщину, приговорили к виселице, а все эти дураки празднуют. И сами они тоже наслаждаются: в первый — и, возможно, последний — раз в жизни они сидят на коне, как короли, с короной на голове и, если и не при настоящем мече, то хотя бы с кухонным ножом.

Такой спектакль — и каков результат? Больше вами никто не интересуется. Все те, кто собрался отпраздновать ваше распятие... никто не придет на воскресение. Дальше будете это расхлебывать вы, это ваша проблема. И все люди наверняка замечали: все старые истории заканчиваются свадьбой; дальше они не идут. Во всех старых сказках говорится: «Они поженились, и с тех пор жили счастливо». Это последний штрих, как будто они оба умерли — потому что вдаваться в то, что произошло после свадьбы, в эти запутанные и сложные проблемы, опасно.

В Индии, как и везде, трагедию в кино и романах любят больше, чем комедию. Комедия кажется совершенно не связанной с жизнью; но трагедия — это опыт каждого. Каждый человек знает ее вкус.

Просветление, сначала как проблеск, нужно защищать от всех ваших жалких привычек, старых моделей поведения, бессознательности, с которой вы делаете вещи как робот. Вот что такое культивирование. Вы боретесь с очень долгим прошлым, которое знает только темную ночь, без единой звезды. И внезапно вы пришли к проблеску рассвета и услышали песни птиц, почувствовали аромат распускающихся цветов. Во-первых, вы не верите, что это может быть правдой — возможно, вам это снится. Весь ваш опыт — это темная ночь; вы никогда не думали, что эта темная ночь когда-нибудь кончится. Кажется, что она становится все темнее, темнее и темнее. Вы никогда не понимали этой логики: чем темнее становится ночь, тем ближе рассвет. И, когда рассвет приходит в первый раз, в это невозможно поверить.

Рассвет, о котором я говорю и о котором говорит Исан, не есть что-то внешнее. Все ваши модели, старые привычки — тоже внутри вас. Они будут стараться разрушить новое хрупкое озарение, которое растет в вас; а ваши старые привычки подобны камням — они твердые и тяжелые. Битва между розой и камнем. Защитить розу от всех скал, которые вы вырастили в прошлом — трудная задача.

Испытать первый проблеск не так трудно. Настоящие трудности начинаются после этого проблеска: как его сохранить? Как сделать его таким правильным, так глубоко укорененным и сильным, чтобы ничто не могло уничтожить его, чтобы не возникало ни одно сомнение в отношении него, чтобы его истина стала самоочевидной? Вы должны жить им; это — единственный способ культивировать его.

Как вы культивировали свои привычки? Вы просто жили ими. Если вы не жили какой-то привычкой, вы не можете понять, почему кто-то другой не может оставить ее. Вы смеетесь над жевательной резинкой потому, что не привыкли к ней; вы смеетесь над курением потому, что не привыкли к нему; или алкоголь... каждая из этих привычек проникает глубже, трансформирует вашу химию и биологию, становится глубоким голодом. Вам приходится пить алкоголь вопреки самому себе: вы не хотите, но что делать? Когда приходит время, побуждение так сильно — каждая клеточка вашего тела требует спиртного. И вы думаете: «Может быть, еще один разок — большого вреда не будет».

Но это длится годами — «еще разок». И в следующий раз возникнет та же ситуация. Нужно иметь мужество отсечь любую привычку мечом, одним ударом. А что касается зависимости — лучше помучиться две-три недели, чем дать привычке победить вас.

Человек, не властвующий над своими собственными привычками, не может оставаться просветленным. Даже если ему посчастливится получить проблеск, этот проблеск сделает его еще более нес-

частным, потому что теперь он знает, что возможно. Теперь он знает, чего он может достичь, он знает свой потенциал. Но он вынужден жить во тьме своих старых привычек и не может вырваться из этого стереотипа.

Культивирование — единственный путь. Не думайте, что просветление — только внутренний опыт. В начале это внутренний опыт; затем постепенно несите его в свою внешнюю жизнь. Именно это я говорю вам каждый день: что бы вы ни испытали, не думайте, что работа закончена. Опыт, который случается в медитации, должен присутствовать в ваших повседневных занятиях.

Работаете ли вы в офисе, в магазине, или вы домохозяйка — какой бы жизнью вы ни жили, ваша медитация должна оставаться алертной в любой деятельности. Вот что такое культивирование. Чем больше вы живете ею, тем больше она становится нормальным явлением; чем больше вы живете ею, тем меньше возможность, что старые привычки вытеснят ее. Они будут заливать вас, как наводнение, но вы должны помнить одну вещь: маленького огонька свечи достаточно, чтобы уничтожить тьму миллионов лет. Тьма не может сказать свече: «Ты слишком мала, не глупи; ты пытаешься бороться с тьмой, которой миллионы лет? Это несколько нагло!»

Таких разговоров никогда не было. Маленький огонек... и тьма исчезает, какой бы древней она ни была. Ваш первый проблеск просветления — в Японии его называют сатори — силен. Быть может, он еще хрупкий, новый. Защищать его будет трудно, но в нем есть собственная сила. Если вы поддерживаете его тотально, он охватит все ваше существо. Сатори перерастет в самадхи.

Сатори — это первый проблеск самадхи, а самадхи — это состояние, когда все ваше существо в огне. Вы не должны помнить, вы — это. Но это возможно, только если вы культивируете это во всех своих повседневных занятиях.

Исан ответил, что это необходимо из-за «инерции привычки».

Культивирование в вашей повседневной жизни необходимо из-за инерции привычки.

Затем он сказал:

«То, что вы слышите, сначала должно быть воспринято вашим рассудком».

То, что вы увидели внутри, сначала нужно сделать частью вашего рассудка. Это нельзя оставлять в стороне как иррациональный, абсурдный эпизод. Исан говорит: если вы считаете это иррациональным, неизбежно возникнут сомнения. Поэтому первым делом вы должны привести это в гармонию, синхронность со своей рациональностью. Вы не сможете защитить нечто абсурдное — факти-

чески, это и есть абсурд. Сам этот опыт выходит за пределы разума; он случается, когда нет ума.

Так что первый шаг в культивировании — приблизить этот опыт к уму. Сначала вы делали все возможное, чтобы выйти из ума; теперь сделайте свое просветление ближе к уму. Сделайте его приемлемым для ума, чтобы ум в долгой борьбе между вашей инерцией и просветлением был не врагом, а другом. Да, сделайте ум своим союзником.

То, что вы слышите, сначала должно быть воспринято вашим рассудком; а когда ваше рациональное понимание невыразимым образом углубится и обострится, ваш ум, благодаря собственной спонтанности, станет легко схватывающим и ясным, никогда не впадая обратно в состояние сомнения и заблуждения.

Очень практичный и научный человек — никто другой не говорил это так ясно. Первый опыт — за пределами ума. Теперь проблема в том, что ум постарается создать всевозможные сомнения. Ум наполнен вашими привычками, а ваше новое просветление подобно незнакомцу, который появился внезапно — с новыми привычками, новыми направлениями, новым стилем жизни; он хочет изменить в вас все. Определенно, ваша старая личность и старый ум приготовятся к жаркой битве.

Исан демонстрирует необычайную прагматическую пронизательность. Он говорит: лучший способ избежать борьбы — это приблизить просветление к вашему рассудку. Как вы можете сделать его ближе для ума? Если вы начнете жить согласно своему просветлению, ум в начале воспримет это неохотно, он будет сопротивляться, не поддаваться. Но вскоре он увидит, что путь просветления гораздо лучше старого, бессознательного образа жизни. Ум достаточно интеллигентен, чтобы признать это. Но это признание станет возможным, только если ум сможет увидеть, как действует просветление — что оно лучше работает в любви, в дружбе, в жизни; что повсюду оно приводит к лучшим результатам. Вскоре ум охотно примет его как лучший образ жизни.

Как только ум принимает просветление как лучший образ жизни, вы уничтожаете величайшего врага. Тогда ум тоже начинает использовать откровение, полученное в просветлении, и желает измениться. Когда ум убежден, что просветление делает вашу жизнь лучше — она становится более изящной и изысканной, более блаженной... что оно меняет все: оно делает ваше прикосновение золотым, и все, до чего вы дотрагиваетесь, превращается в золото... Ум достаточно интеллигентен, чтоб понять и выбрать. Что лучше: старая бессознательная или новая сознательная жизнь?

Это — единственный способ сделать так, что рациональное по-

нимание невыразимым образом углубится и обострится, — чтобы ваш ум, благодаря собственной спонтанности, стал легко схватывающим и ясным.

Если ум, вместо того, чтобы бороться, принимает — если он примет дружбу с просветлением, он будет наполняться светом, большей радостью, блаженством, экстазом. Он будет наводнен столькими сокровищами, что не сможет бороться против просветления.

Внутри вас будет борьба, окончательная: выбрать путь света или остаться на пути тьмы. Это отправной пункт. Уму нужно дать шанс увидеть, как действует просветление, как оно преобразует ваши поступки, ваше существо, как оно приносит в жизнь больше радости, больше песен, цветов, танцев. Это единственный аргумент, который может убедить ум согласиться, что просветление имеет безмерную ценность. В борьбе нет никакой необходимости; ценна дружба. Как только ум становится этому незнакомцу другом, вы можете спокойно отдыхать. Больше никакой борьбы не будет. Ум сам будет все больше и больше приводить просветление в действие; это станет его работой.

Как бы многочисленны и разнообразны ни были тонкие учения, вы интуитивно знаете, как применить их — в соответствии со случаем.

Когда ум подружится с вашим просветлением, когда он увидит все великолепие и славу этой дружбы — потому что тогда эта слава и великолепие будут отражаться также и в уме, — ваша интеллигентность вырастет. Все в вас устремится к высшей точке. Когда эта синхронность произошла, ум интуитивно чувствует, как отвечать на ту или иную ситуацию в соответствии с просветлением. Всегда помните: нужно выбирать лучшее.

Я слышал об одном нищем, который был посмешищем всей деревни. Эта деревня была центром туризма: в ней были очень древние руины, дворцы, форты. И этот нищий тоже был своего рода достопримечательностью: гиды, которые сопровождали туристов, всегда приводили их посмотреть на него. Они говорили:

— Посмотрите на это странное явление. Возьмите в одну руку рупию, в другую — пайс, покажите ему и скажите: «Выбирай».

Туристы недоумевали:

— Но мы не понимаем... что в этом особенного?

Гид говорил:

— Попробуйте! Вы увидите чудо.

Люди пробовали; нищий всегда выбирал пайс. И тогда все начинали смеяться и говорили:

— Странно! Неужели этот нищий не понимает, что он выбрал

вместо рупии пайс?

После этого другие пробовали то же самое; нищий весь день занимался тем, что выбирал пайс вместо рупии.

Однажды какой-то очень любопытный человек увидел это. Все туристы уже ушли, но он остался; он подошел к нищему и сказал:

— Я вижу, что ты — не дурак. Ты очень умен. Почему же ты выбираешь пайс?

Тот ответил:

— Потому, что я умный! Как только я выберу рупию, игра остановится. Эта игра продолжается каждый день, уже многие годы...

Этот человек понял размеры его разумности: «Он прав: если он выберет рупию, игра закончится. Тогда гид больше не приведет к нему туристов, и никто не будет испытывать его. Они наслаждаются...»

А нищий сказал:

— Я тоже наслаждаюсь их глупостью! Каждый день я получаю в среднем от десяти до двадцати рупий. Но все потому, что я выбираю то, чего не ждет никто. Даже умственно отсталый человек выберет рупию; но, поскольку я делаю нечто абсурдное, они смеются и наслаждаются. Я тоже смеюсь, но не показываю это. Я смеюсь тогда, когда все уходит.

Каким бы ни был ваш ум, он в состоянии увидеть тот факт, что просветление вносит бесценное сокровище во все ваши действия, приносит красоту во все, что вы делаете, создает радость, которая постоянно окружает вас, подобно аромату. Ум абсолютно точно способен это понять. И как только ум понимает это, он перестает быть врагом; он растворяется в невероятном событии просветления. Это верное действие со стороны ума, но это может произойти только определенным образом: вы должны дать уму шанс увидеть действие просветления.

Лишь таким образом получите вы право сидеть в кресле и носить одеяние мастера истинного искусства жизни. Подводя итог: чрезвычайно важно знать, что высшая реальность, или основной принцип разума, не допускает ни единой пылинки, тогда как среди бесчисленных дверей и способов действия не следует избегать ни единого закона или вещи.

Человек просветления, который не пришел в согласие с умом и телом... что происходит почти одновременно, потому что тело следует за умом. Как только ум принимает просветление, тело тоже принимает его — это происходит одновременно. Когда это случается — Исан говорит: «Нет ни одной вещи в мире, которую нужно отвергать».

Вы можете преобразить все, что хотите; но мысль об отрицании — это идея старого ума, ума эскаписта, так называемого религиозного человека: «Избегай того, избегай этого; избегай жизни как таковой...» Это не такой уж смелый путь; это — путь труса. И все религии преподавали вам путь трусости.

Я учу вас пути мужества, пути льва. Оставайтесь в мире. Не избегайте ничего: трансформируйте. Если что-то ядовито, вы не должны отбрасывать это; как только вы поймете, что это яд, оно отпадет. Вы не должны совершать никаких усилий. Вы не будете избегать; это просто отпадет без всяких усилий, и ваша жизнь будет становиться все проще и проще.

Секисо написал:

Горная цепь,
вода и камни -
все странно и необычно.

Этот прекрасный пейзаж, как известно,
принадлежит тому, кто ему подобен.

Я должен повторить это:

Этот прекрасный пейзаж, как известно,
принадлежит тому, кто ему подобен.

Вышний мир, нижний мир
изначально — одно.

Нет ни одной пылинки;
лишь это тихое и полное,
совершенное просветление.

Если вы — просветленный, нет никакой дуальности этого мира и того, высшего и низшего, материального мира и священного, духовного. В миг совершенного и полного просветления нет ни одной пылинки. Зеркало так ясно, что отражает целое во всей его полноте. Вы стали истиной, вы стали красотой, вы стали божественным. Нет ничего, кроме вашего необъятного существа. Вы потеряли свое маленькое «я» в океане, в космосе. Кто будет избегать, и чего? Вы просто входите в этот танец и исчезаете.

Я вспомнил древнюю китайскую историю. Я так люблю ее, что каждый раз, когда вспоминаю, необыкновенно радуюсь.

Этот китайский император был великим художником; он любил рисовать и каждый год приглашал других художников во дворец, чтобы устроить выставку. Состарившись, он объявил на ежегодной выставке: «Я стал совсем старым и хочу увидеть самую совершенную картину в мире. Я дам художнику место во дворце и обеспечу его всем необходимым...»

Несколько художников, считающих, что они могут создать такую картину, пришли во дворец. Кто-то из них закончил картину через месяц и принес ее императору. Она была сделана хорошо, но далека от совершенства.

Прошло три года, и остался всего один художник. Он рисовал три года; и он писал не на холсте: он расписывал стену дворца, которая находилась в отведенной ему комнате.

Он нарисовал прекрасный лес... лунную ночь, небольшой ручей и едва заметную тропинку, которая петляла между деревьями и исчезала в лесу.

Через три года он пришел к императору и сказал:

— Теперь можете посмотреть. Я сделал все, что мог. Я думаю, это — самая совершенная картина в мире. Поэтому я приглашаю Вашу Честь посмотреть на нее, и мне не нужно никакой награды: эти три года были самыми прекрасными в моей жизни. Довольно будет того, что вы ее увидите.

Все остальные художники рисовали ради награды; а когда вы рисуете с каким-то намерением, ради вознаграждения, ваша картина не может быть совершенной. Ваша заинтересованность будет пылью.

Этот художник сказал:

— Меня совершенно не интересует награда; вы уже наградили меня. Эти три года были такими прекрасными — и дни, и ночи; нельзя дать больше, чем вы дали мне. Теперь посмотрите на эту картину, чтобы я мог вернуться домой. Наверное, моя жена и дети ждут меня.

Император пошел с ним. Несомненно, этот художник создал нечто чудесное. Императору стало так интересно, что он спросил:

— Куда же уходит эта тропинка?

Художник ответил:

— Я не ходил по ней; но, если вы хотите пойти со мной, мы можем пойти и посмотреть, куда она ведет. Я тоже много раз спрашивал себя: «Куда ведет эта маленькая тропка?»

Итак, художник и император вместе шагнули на тропу и исчезли среди деревьев, и с тех пор о них ничего не слышали.

Эта история всегда делает меня необычайно счастливым. Из совершенства нет возврата, пути назад нет. Совершенство охватывает вас, и вы исчезаете.

Маниша спросила:

Наш возлюбленный Мастер,

Существует ли какая-то связь между осознанностью и инстинктивной alertностью человека, которому однажды пришлось бороться за жизнь?

Существует определенная связь. Есть физическая, биологическая, инстинктивная мудрость. Вы не осознаете, что ваше тело каждый миг совершает чудеса...

Если в мозг каждые шесть минут не будет поступать определенное количество кислорода, ум просто растворится. Его клетки завянут от кислорода. Тело — спит оно или бодрствует — постоянно обеспечивает мозг необходимым количеством кислорода: ни больше, ни меньше. Где нужна кровь, сколько ее требуется — тело вырабатывает ее, это не зависит от вас. Как трансформировать пищу в кровь, в плоть, кости, нервы — телу известны все эти тайны.

Даже наши ученые все еще далеко позади. Превратить хлеб в кровь — это величайшее чудо! Иисус всего лишь превратил воду в вино, и это стало великим чудом; а ваше тело изменяет тысячи вещей. Какие витамины должны попасть в определенные части тела... тело не спрашивает вас, оно совершенно вас не беспокоит. Оно обладает собственной мудростью, и вы должны уважать эту великую мудрость.

Точно так же, как в теле есть своя мудрость — она называется инстинктом, — ваша душа тоже обладает своей мудростью. Она называется интуицией. Ваш ум — заимствованная вещь; в нем нет ничего, похожего на инстинкт или интуицию. Это просто компьютер, который собирает всевозможную информацию. Но он имеет над вами огромную власть, потому что в нем содержится все, что вы знаете. Если его стереть, вы будете просто тупицей, который не знает, кто вы, куда вы идете — зачем? В чем дело?

Ум функционирует согласно знанию, которое он собрал; это — заимствованная часть в вас. Тело функционирует согласно природе, ваше сознание тоже действует согласно природе. В середине между ними находится ум, который работает, как компьютер. Он удовлетворяет самые необходимые потребности. Как слуга он хорош; как хозяин он опасен.

Когда начинает действовать интуиция вашего сознания, ум тут же понимает, кто хозяин. Как только он признает хозяина, он будет очень хорошим слугой, очень эффективным. Поскольку ум — всего лишь механизм, он может творить чудеса; но нужен хозяин, который будет им руководить. Без хозяина ум начинает считать хозяином самого себя, и это создает проблемы. Ум — не хозяин. У него нет никакой собственной природной мудрости. Даже тело находится в гораздо более выгодном положении.

Вы должны донести просветление до своего сознания и ясно показать уму, что это — гораздо лучший способ жизни. Тело всегда функционирует естественно; а ум иногда пытается хозяйничать в теле. Именно это говорили вам все религии. Все писания полны поучений о том, как подчинить тело определенной дисциплине. Це-

либат — это идея ума, тело ничего не знает о нем. А ум не может его обеспечить; поэтому тело подавляется, функционирует ненормально, становится извращенным. Тело очень невинно. Это ум — священник, философ, преподаватель — пытается вмешаться во все.

Просветленный человек не вмешивается, не позволяет уму вмешиваться в тело. Вы становитесь прочной колонной мудрости. Ваше тело уже в гармонии с природой; а ум перестает вмешиваться. Он тоже приходит в гармонию с вашим высшим сознанием, с вашим просветлением. Все ваше существо становится колонной чистого света.

В этом вся суть дзенского эксперимента над человеком: превратить его в единое целое, сделать его колонной мудрости.

Прежде, чем вы станете колоннами мудрости, немного глупости для бедного Сардара Гурудаяла Сингха — только ради него. Он снова сидит здесь в своем радужном тюрбане. Где он его взял? (Мастер поворачивается к Сардару и довольно хихикает...) Да, это великолепно. Великолепно.

Маурин и Пегги, жены Пэдди и Сина, сидят в клубе, потягивая прохладительные напитки. Маурин качает головой и вздыхает:

— Мой муж так уродлив, что, когда я хочу заняться с ним любовью, мне приходится надевать ему на голову мешок!

— Это еще что, — говорит Пегги. — Мой муж так безобразен, что, когда он родился, врач избил его мать!

Хиппи Гарольд сидит на мягких подушках, затягиваясь марихуаной, и смотрит по телевизору передачу «Сумасшедшая утка». Звонит телефон.

— Алло, — говорит совершенно окаменевший Гарольд.

— Междугородняя связь, — говорит голос на другом конце провода. — Вам звонит Мэйбл Бикс — вы заказывали?

— Алло! — отвечает Гарольд, выдыхая клубы дыма. — Очень плохо слышно. Какая Мэйбл?

— Мэйбл Бикс! Мэйбл Бикс! — кричит оператор.

— Ах, нет, — отвечает Гарольд, выпучив глаза. — Мэйбл здесь нет.

— Нет! Нет! — кричит оператор. — Мэйбл Бикс здесь! Это междугородний звонок от Мэйбл Бикс!..

— В самом деле? — говорит вконец запутавшийся Гарольд. — Где, черт возьми, эта Мэйбл Бикс?

— Алло! — кричит голос. — Это Мэйбл Бикс!

— Эй, мне жаль, — говорит Гарольд, — но Мэйбл нет.

— Нет, идиот! Это Мэйбл Бикс! — кричит оператор.

Здесь вмешивается сама Мэйбл. Она говорит:

— Не обращайтесь внимания, оператор. Давайте я попробую. Алло, это Мэйбл Бикс. Джун дома? (англ. Is June there? — также переводится «Сейчас июнь?» — Прим. пер.)

— Июнь? — кричит Гарольд, качая головой и выглядывая в окно. — Я не знаю, где ты, но здесь еще ноябрь!

Большой Лерой и Руби после свадьбы отправились в отель для новобрачных. Руби — девственница, и ее очень волнует необычный размер Лероева приспособления.

— Не беспокойся, детка, — успокаивает ее Лерой. — Я буду показывать тебе его по частям, чтобы тебе было не так страшно.

— Хорошо, дорогой, — просияв, говорит Руби. — Теперь выйди и жди в коридоре, а я разденусь и лягу в постель.

Через несколько минут Руби лежит на брачном ложе, завернувшись в простыни.

— Входи, дорогой! — нервно кричит она. — Я готова!

— Сейчас, моя радость! — отвечает Большой Лерой из коридора. — Я буду потихонечку просовывать член в дверь спальни, чтобы ты могла к нему привыкнуть.

Лерой просовывает в дверь головку и спрашивает:

— Тебе страшно, милая?

— Нет, детка, — отвечает Руби, — я не боюсь.

Лерой просовывает следующие два дюйма.

— А теперь?

— Нет, милый, совсем не страшно.

Лерой проталкивает в открытую дверь очередные шесть дюймов.

— А теперь ты испугалась, моя сладкая?

— Нет, — отвечает Руби, широко раскрывая глаза. — Я не боюсь. Можешь идти в постель!

— Хорошо! — кричит Лерой. — Тогда я поднимаюсь вверх!

Ниведано...

Ниведано...

Будьте безмолвны. Закройте глаза, почувствуйте, что ваше тело совершенно замерзло.

Теперь посмотрите внутрь. Вы должны достичь центра своего существа. Соберите все свое сознание, всю свою жизненную энергию как копье, летящее к центру вашего существа.

В самом центре вы — будда. В центре ваше единственное качество — свидетельство, наблюдение, осознанность.

Когда ваше проникновение становится глубже, вся вселенная внезапно начинает радоваться вместе с вами, потому что ваш центр — также и центр всего космоса. В самом центре вы — будда. И с этого момента вы должны убеждать будду пойти в ваши ежеднев-

ные занятия — не прятаться внутри, но выйти на поверхность, на периферию, в действия, слова, безмолвие...

Узнать будду — значит узнать свое вечное существо; узнать будду — значит узнать свое исчезновение. Вы исчезаете — и внезапно появляется будда.

Каждый человек беременен буддой.

Эта тишина, это безмерно прекрасное спокойствие... вам выпало счастье быть здесь. Только здесь, и больше нигде в мире, тысячи людей пытаются открыть это скрытое величие.

Сделай это золотое пространство яснее,

Ниведано...

Расслабьтесь. Но оставайтесь свидетелем. Тело лежит здесь, — как объект, ум находится здесь как объект. Вы — свидетель. Вы — ни тело, ни ум. Вы — чистое сознание. Это чистое сознание мы называем буддой. Будда — только символ.

Расцвело так много цветов, так много аромата... все границы исчезли, и Аудитория Будды стала озером сознания без всякой ряби. Вы должны взять с собой все это благоухание, все эти цветы.

Я принес статуя Будды — прямо напротив Аудитории Будды. Он ждет там. Когда вы будете проходить мимо, помните: однажды он тоже был просто человеком, как и вы.

Отдайте ему дань уважения, почтения; поблагодарите его, потому что этот человек открыл миру новое измерение — измерение красоты, истины, достоинства.

Он объявил, что человек — Бог, и нет никакого другого бога, кроме человека.

Это было величайшее революционное заявление, когда-либо звучавшее на земле.

Ниведано...

Вернитесь, но с теми же движениями покоя, безмолвия и изящества. Приведите будду с собой. Посидите несколько мгновений тихо, вспоминая себя в своем потенциале, этот проблеск, центр и безмолвие. Запомните красоту вечности и встречу со своим буддой.

Вы принесли новые невидимые цветы; выходя из Аудитории Будды, вы можете с благодарностью осыпать Будду этими цветами.

В этот момент вы стали его современниками. Я хочу всех в мире сделать современниками Будды. Это единственная возможность для человечества выжить на высшем плане.

Вы работаете не только для себя, вы работаете также ради того, чтобы выжила эта прекрасная планета.

— О'кей, Маниша?

— Да, возлюбленный Мастер.

Начните свидетельствовать

3 ноября 1988 г.

Наш возлюбленный Мастер,

Как-то раз в монастырь Исана пришел монах, чтобы учиться. Увидев его, Исан сделал вид, что поднимается.

— Пожалуйста, не вставляйте! — воскликнул монах.

— Я еще не сел! — ответил Исан.

— Я еще не поклонился, — сказал монах.

— Грубое создание! — прокомментировал Исан.

В другой раз Исан смотрел на языки пламени и спросил своего ученика Дого:

— Ты видишь огонь?

— Вижу, — ответил Дого.

Мастер спросил Дого:

— Откуда берется огонь?

Дого сказал:

— Лучше бы ты спросил меня о чем-нибудь, что не имеет отношения к ходьбе, задзену или лежанию.

Исан оборвал разговор и ушел.

Однажды Ишу попросил Исана сочинить для него гату. Исан ответил:

— Глупо сочинять, когда стоишь лицом к лицу, и, в любом случае — писать на бумаге!..

Поэтому Ишу пошел к Кёдзану, ученику Исана, и повторил свою просьбу. В ответ Кёдзан нарисовал на бумаге круг, а рядом написал примечание, в котором говорилось: «Думать, затем знать — это второй сорт.

Не думать и знать — это третий сорт».

Маниша, прежде чем обсуждать твои сутры, необходима небольшая биографическая справка об Исане. Я говорю «необходима» потому, что, пока вы не поймете этого человека, его суть, его воспитание, качества, вы не сможете осознать эти сутры в чистом виде. Они — почти как надписи на воздухе, или, если вам больше нравится, на воде. Необходимо понять человека, который

написал эти сутры — или рассказал их, или был основой этих историй, — чтобы понять то, что с ним связано, поскольку все, что он говорит, пропитано и расцвечено его собственным существом. Эти сутры нельзя вырывать из контекста.

Исан — совершенно другая личность, нежели Бодхидхарма. Бодхидхарма был жестким мастером; Исан очень вежлив. Естественно, что его вежливость накладывала отпечаток на все, что происходило вокруг него. Он был очень смиренным человеком, он никогда никого не пытался обратить, наоборот: он ускользнул в глухой лес, чтобы никто не приходил к нему. Быть мастером и низводить кого-то на уровень последователя — это несколько смущало его... Очень тонкая, деликатная личность — личность поэта, певца, танцора.

Наставляя учеников в достижении просветления, Исан был мягким и терпеливым мастером.

Он никогда не кричал, не бил и не колотил учеников; для него это было невозможно. Он был таким любящим и сострадательным, что представить, как он бьет кого-то, что было в обычае дзенских мастеров, невозможно. Он был очень смиренным; поэтому ему приходилось создавать абсолютно другие средства, чем у Бодхидхармы или Нансена.

Наставляя учеников в достижении просветления, Исан был мягким и терпеливым мастером. В отличие от мастеров дзен, предшествовавших ему, он не использовал палку или крик.

Однако мягкость его обращения была только внешним слоем, покрывающим бунтаря, боровшегося с предрассудками.

Не следует понимать, что его смирение не было революционным качеством. Вы не должны думать, что смиренность заставила его пойти на компромисс с прошлым и традициями. Он остался великим бунтарем против всего того, что может помешать просветлению.

Поэтому мягкость его манер была только внешним слоем, покровом, скрывающим внутри бунтовщика и борца с предрассудками. В глубине он был огнем. На поверхности он был очень вежлив. Люди, приходившие к нему из-за его вежливости... многие побаивались дзенских мастеров, которые могли вас ударить, поколотить, неожиданно прыгнуть на вас; их поведение выглядело так иррационально. Исан по сравнению со своими предшественниками казался очень добрым. Несмотря на то, что он никогда не был заинтересован в учениках, в глухом лесу собралась тысяча человек; они приходили из самых далеких мест только потому, что слышали, что Исан не тот человек, который будет бить или шлепать. Он был таким обходительным и скромным, и таким любящим...

Но это был только внешний слой. Внутри был пылающий

огонь. Стоило вам подойти поближе — благодаря его скромности, дружелюбному поведению, — и вы попадали в сеть. Когда вы подходили ближе, вы узнавали огненную природу его существа — но отступить было уже поздно. Вы влюблялись в этого человека. Теперь, что бы ни случилось... если вы должны пройти через этот огонь, вы пройдете через него.

Маниша принесла одну историю:

*Наш возлюбленный Мастер,
Как-то раз в монастырь Исана пришел монах, чтобы учиться.
Увидев его, Исан сделал вид, что поднимается.*

— Пожалуйста, не вставайте! — воскликнул монах.

— Я еще не сел! — ответил Исан.

Когда вы на полпути, очень трудно сказать, садитесь вы или встаете.

Мулла Насреддин советовал своим последователям: если вы не хотите, чтобы вам надоедали, возьмите зонтик и встаньте в дверях.

Если к вам пришел хороший человек и вы ему рады, вы можете сказать: «Ты пришел вовремя, я только что вошел». А если гость надоедлив, вы можете сказать: «Прости, ты пришел не вовремя. Я ухожу». Если человек стоит в дверях с зонтиком, очень трудно решить, куда он идет — домой или из дома. Он стоит в дверях, в середине.

Там была такая же ситуация: этот человек пришел, чтобы учиться. Увидев его, Исан сделал вид, что поднимается. Это был стратегический ход, чтобы посмотреть на его реакцию — как этот человек поведет себя. Исан не вставал; он просто сделал вид, что собирается встать.

— Пожалуйста, не вставайте!

Потому что, вставая, вы делаете кому-то честь; этот человек, естественно, подумал, что Исан собирается почтить его вставанием. «Пожалуйста, не вставайте!» — воскликнул монах.

Но Исан с помощью этого тонкого способа хотел узнать внутренний ум этого человека. Кажется, то, что он сказал, совершенно правильно: «Пожалуйста, не вставайте!» Но на каком основании он решил, что Исан встает, чтобы приветствовать его?

— Я еще не сел! — ответил Исан.

«Что значит — не вставайте? Я только собираюсь сесть. Почему ты решил...»

Возможно, это предположение — результат скрытого в глубине ожидания почетного приема. Возможно, оно было бессознательным, но Исан вынес его на поверхность. Этот человек мог бы подумать,

что Исан садится. Он был на полпути — обе возможности были открыты; но этот человек выбрал то, что Исан собирается встать. Это показывает его ум: страстное желание, глубокое стремление к почитанию — хотя он и пришел как студент, чтобы учиться.

Исан сказал: «Я еще не сел!» — о том, чтобы встать, не было и речи.

Но бедный монах не понял этого тонкого способа:

— Я еще не поклонился, — сказал монах.

— Грубое создание! — прокомментировал Исан.

Очень странная схватка! Когда Исан сказал: «Я еще не сел», это был подходящий момент, чтобы поклониться и коснуться его ног, чтобы предложить себя в качестве ученика — для медитации, для всех его поучений.

Вместо этого он резко возразил — он счел, что Исан делает из него дурака:

— Я еще не поклонился, — сказал монах.

— Грубое создание! — прокомментировал Исан.

«Это не способ быть со мной. Ты должен быть благодарен, что тебе разрешили увидеться со мной. Вместо этого ты показываешь свое эго».

«Я еще не поклонился, — говорит он. — Не считай меня своим учеником или студентом: я еще не поклонился.» Он пришел учиться, но эго — такое тонкое явление, что оно тут же, без вашего ведома, отстаивает себя. Эго просто парирует: «Я еще не поклонился».

Это необходимо понять. Есть вещи, которые не следует говорить; как только вы говорите их, они теряют все свое величие, благородство. Ваша благодарность должна выражаться не в словах, а в вашем поведении.

Поклон — это способ сказать: «Я готов. Можешь поверить, что я не потрачу даром время, которое ты уделишь мне; я правильно использую медитацию или любую дисциплину. Я пришел к тебе от всей души». Это просто способ сказать без слов: «Я доступен».

Но вместо этого монах говорит: «Я еще не поклонился».

Как будто человек, подобный Исану, нуждается в вашей признательности! Испытывая благодарность к такому человеку, как Исан, вы не делаете его богаче ни в каком отношении; напротив, вы становитесь богаче. Вы узнали новый способ, выучили новый жест и поняли его значение.

На Западе никогда не было принято, чтобы ученик касался ног учителя; даже сейчас западный ум считает это странным: один человек касается ног другого человека. Но они не знают смысла это-

го жеста, они не знают его эзотерического значения.

Когда ученик касается ног мастера, это не только то, что вы видите; случается нечто большее. Когда ученик касается ног мастера, мастер касается его головы. Создается энергетический круг, невидимый глазу — потому что энергия всегда невидима для вас. Вы можете видеть только жест: один человек касается ног другого, а тот прикасается к его голове.

Но Восток уже, по меньшей мере, десять тысяч лет назад пришел к пониманию этого тайного подхода мастера. Мастер возложит руки вам на голову, только если почувствует, что ваша энергия того достойна. Прикасаясь к его ногам... Следует помнить, что энергия движется только из пальцев рук или ног: энергия идет из точек, где заканчивается мертвое. Когда кто-то касается ног мастера, он немедленно определяет тип энергии. Если он чувствует, что этого человека нужно принять, что он заслуживает работы, мастер касается его головы — своими руками он дает ученику вкус своей энергии, и затем обе энергии образуют круг. И если этот круг становится ровным и плавным, это сулит огромные возможности.

Но для постороннего это выглядит так, что один человек касается ног другого. Запад даже сегодня не в состоянии этого понять. Жизнь — не то, что видно снаружи; внутри она гораздо больше, неизмеримо больше.

Этот человек продемонстрировал эгоистический склад ума. Вот почему Исану пришлось прокомментировать: «Грубое создание!» Он не был принят в ученики.

Быть принятым в ученики великого мастера — не мелочь. В самом этомприятии ваше просветление приблизилось на многие мили, ваше освобождение совершило квантовый скачок. Вы на грани, вы готовы — уже потому, что мастер принял вас. Он принимает только тогда, когда видит возможность, уязвимость, открытость. Это внутренняя мистерия, невидимая для глаз.

В другой раз Исан смотрел на языки пламени и спросил своего ученика Дого:

— Ты видишь огонь?

Это кажется странным: пламя здесь, Дого, его ученик здесь, Исан тоже сидит здесь. Нет никаких причин спрашивать Дого: «Ты видишь огонь?»

— Вижу, — ответил Дого.

Мастер спросил Дого:

— Откуда берется огонь?

Дого сказал:

— Лучше бы ты спросил меня о чем-нибудь, что не имеет отно-

шения к ходьбе, задзёну или лежанию.

Исан оборвал разговор и ушел.

Дого закрыл все двери. Когда Исан спрашивал: «Ты видишь огонь?», ему следовало быть бдительным. Когда вы с мастером, вы должны быть бдительны каждый миг. То, что он говорит, может подразумевать некое более важное значение, которое не ясно из слов.

Да, это странный вопрос. Оба видят огонь; но если мастер спрашивает: «Ты видишь огонь?», он имеет в виду многое, что упускает Дого. Он подразумевает: «Ты здесь?» Вы можете видеть огонь и, тем не менее, быть где-то еще; а огонь будет далекой, блеклой тенью. Он может не быть живым переживанием. Если ваш ум полон мыслей, вы можете даже упустить огонь, потому что кто будет на него смотреть? Вы должны быть здесь — вот смысл, скрытый за этим вопросом.

Если бы Дого обладал пониманием, он бы немедленно подумал: этот вопрос означает, что его ум куда-то ушел. Должно быть, он думал о других вещах, других словах, других предметах.

Я рассказывал вам анекдот о двух приятелях.

Как-то утром они встретились. Первый сказал:

— Ты не поверишь: ночью мне приснилось, что я пошел на рыбалку и поймал такую большую рыбу, что еле донес ее до дома! И это продолжалось всю ночь. Это было так необычно... Я много лет ловлю рыбу, но такая огромная мне никогда не попадалась. Видел бы ты, какая это была радость!

Второй приятель сказал:

— Это еще что! Прошлой ночью мне приснилось, что я лежу в спальне, в своей постели, и с одной стороны от меня — Мерилин Монро, совершенно голая, а с другой — Софи Лорен, тоже голая. Я был просто потрясен. Никогда не думал, что в моей жизни может такое случиться!

— Идиот! — не выдержал первый. — Почему же ты не позвал меня?

— Я тебя звал, но твоя жена сказала, что ты ушел на рыбалку!

Кажется, что люди находятся в каком-то месте, но их ум может быть где угодно. Быть в этом моменте — вот ясное послание дзен.

То, что Исан спросил Дого: «Ты видишь огонь?», несомненно означает, что Дого не был там. Он просто сидел там, но его ум блуждал далеко. Было бы правильнее, если бы он ответил: «Я не вижу его, потому что ушел куда-то в свои мысли». Но, вместо того, чтобы сказать правду, он ответил: «Вижу».

Мастер спросил Дого: «Если ты видишь, скажи мне, откуда бе-

рется огонь?» Он спрашивает, откуда берутся все вещи, ведь огонь — только символ; и куда они, в конце концов, уходят? Где источник, из которого они возникают, и где точка, в которой они исчезают?

Медитирующему постепенно становится ясно, что этот источник и цель — одно. Цель является источником: энергия движется по кругу и возвращается в ту же точку. Когда вы рождаетесь и когда умираете — в обоих случаях вы находитесь в одной точке. За это время вы могли сильно измениться — множество переживаний, множество знаний, — вот почему вы упускаете чистую невинность смерти. Вы упустили невинность рождения из-за невежества, и упускаете невинность смерти — из-за знаний.

Конечно, нельзя ожидать, чтобы вы узнали невинность в своем рождении — это простительно; вам об этом не говорили и не учили. Это переживание было таким новым — вы не могли даже дать ему название. Но человек, который умирает, наполненный знаниями, снова упускает эту невинность — из-за знаний.

В кругах мистиков во всем мире давным-давно существует понимание, что, если человек не умирает таким же невинным, каким он родился, он упустил все значение и весь танец жизни, он упустил весь смысл жизни. Он проделал путь длиной в семьдесят или восемьдесят лет и вернулся к источнику, но вновь упустил его.

В Индии слово, означающее опыт этого круга — сансара. «Сансара» означает и этот мир, и этот круг. Весь мир — это круг. В начале вы невинны, и вы должны быть невинны в конце. Тогда ваша жизнь была великой жизнью любви, понимания, в ней было множество цветов и благословений. Вы не жили как ненормальный, вы жили разумно, медитативно; вы жили, исходя из безмолвия, а не из беспокойства, тревоги и мыслей.

Человек становится полным, только если в момент смерти он такой же, каким родился, если он снова ребенок — второе детство.

Итак, когда мастер спросил Дого: «Откуда берется огонь?», этот огонь был просто предлогом. Он спрашивал: «Откуда приходят все вещи, и куда они уходят?»

Но Дого снова упустил. Вместо того чтобы ответить на вопрос, Дого сказал:

— Лучше бы ты спросил меня о чем-нибудь, что не имеет отношения к ходьбе, задзену или лежанию.

Исан оборвал разговор и ушел.

Дого закрыл все двери. Он говорит: «Ты должен спросить меня о чем-нибудь, не связанном с задзен, — это интенсивная медитация, — с ходячей медитацией или лежачей медитацией».

Будда использовал все действия в жизни как возможность для

медитации. Когда вы ходите, вы должны ходить медитативно, полностью осознавая каждый шаг. Когда вы лежите, вы должны лежать осознанно, а не просто по старой привычке. А задзен — это интенсивное и настойчивое качество медитативности.

Дого говорит своему мастеру, который спросил: «Откуда берется огонь?»... Он не ответил на вопрос, потому что этот вопрос подразумевает медитацию. Только в медитации вы можете узнать, что все приходит из одного источника и возвращается в ту же вечность. Ничто не умирает, ничто не рождается; все есть, только формы продолжают меняться. То, что когда-то было деревом, теперь — огонь; то, что сейчас является огнем, скоро будет дымом.

Таковы пути исчезновения в окончательной реальности. Огонь был скрытым — он так долго скрывался в дереве. Теперь он расцвел — так же, как расцветают цветы; он вышел из тюрьмы. Короткий танец, немного радостной жизни — и огонь превратится в дым. У дыма тоже будет короткая радостная жизнь, и постепенно он исчезнет в вечности. Подразумевается медитативный опыт.

Вместо того чтобы ответить — потому что только медитирующий может ответить, откуда берется огонь... Если вы не знаете собственного центра, как вы можете ответить, откуда берется огонь? Ваша жизнь — огонь; и куда она, в конце концов, уходит? Исчезает ли она во внешнем мире, или вновь возвращается в изначальное состояние? Только медитирующий познал тайны внутренней жизни. Она то дремлет в центре, то выходит на периферию — а, устав, снова возвращается в центр.

Одним из величайших людей в истории был Патанджали: он один создал целую науку йоги. Очень трудно создать целую науку в одиночку. Прошло пять тысяч лет, но в ней не прибавилось ни единого слова — настолько она полна — и также не убавилось ни единого слова. Эта система настолько закончена сама по себе — в том, что касается йоги, превзойти Патанджали совершенно невозможно.

Но только люди, которые пойдут глубоко в себя, узнают, что и источник, и цель содержатся в одном и том же центре внутри них. Все приходит из одного центра вселенной и, в конце концов, возвращается в тот же центр.

Но вместо того, чтобы ответить на вопрос — возможно, он не мог на него ответить, — он, напротив, закрывает все двери. Он говорит: «Лучше бы ты спросил меня о чем-нибудь, что не имеет отношения к ходьбе, — потому что в дзенских монастырях есть специальное место для ходячей медитации, — задзену, — сидячей медитации, — или лежанию».

Это три медитации, которые выполняют все медитирующие на пути дзен. Он говорит: «Оставь их и спроси что-нибудь другое».

Дзен не интересуется ничто другое. На самом деле, бывали случаи, когда к мастеру приходил новый ученик... мастер почти всегда спрашивает: «Откуда ты идешь?»

Подлинный искатель скажет: «Не знаю. Я пришел к тебе, чтобы выяснить, откуда я иду». Такой ученик будет немедленно принят.

Но если вместо этого он говорит: «Из такого-то города, из такой-то деревни...» — тогда мастер спрашивает: «Сколько стоит рис в этой деревне?»

И этот человек начинает рассказывать о ценах, не зная, что мастер пытается выяснить, есть ли у него способность медитировать, из той ли материи он сделан, чтобы стать медитирующим.

Один суфийский мистик, Баязид, в первый раз пришел к своему мастеру. Мастер был в мечети. Баязид вошел туда — он был совсем один; но мастер тут же сказал:

— Оставь толпу снаружи! Заходи один, здесь не место толпе.

Баязид посмотрел по сторонам и спросил:

— Какая толпа? Здесь никого нет, кроме меня.

Мастер сказал:

— Не смотри по сторонам, смотри внутрь. Ты привел целую толпу — всех друзей, которых ты оставил, свою жену, детей, родителей. Все они попрощались с тобой на границе деревни — но они по-прежнему в твоём уме. Я говорю об этой толпе. Выйди и не входи сюда, пока эта толпа не уйдет.

Баязиду потребовался год. Он сидел снаружи, наблюдая свой ум, в ожидании момента, когда ум станет пустым. Как только он обнаружил: «Теперь толпа ушла», он вошел в мечеть.

Мастер обнял его и сказал:

— Мои руки слишком малы, я не могу обнять целую толпу. Теперь ты пришел один, и что-то возможно.

Однажды Ишу попросил Исана сочинить для него гату.

«Гата» — это стихотворение. Вообще-то, это неправильная просьба; сочинить гату просят, когда мастер умирает. Ученики просят, на память: «Напиши маленькое стихотворение. Твое последнее слово, написанное твоей рукой, будет для нас величайшим сокровищем». Это последнее слово называется «гата».

Однажды Ишу попросил Исана сочинить для него гату. Это глупая просьба, потому что Исан не собирался умирать.

Исан ответил: «Глупо сочинять, когда стоишь лицом к лицу. Я стою перед тобой — читай меня, читай мое сердце. Гата пишется, когда мастер умирает, потому что больше он не будет доступен. Как глупо просить о такой вещи, когда мы стоим лицом к лицу. Чувствуй мое присутствие. И, в любом случае — писать на бума-

ге!..»

Исан говорит: «Во-первых, когда я здесь, глупо не радоваться моему присутствию, не быть экстаичным и не опьянеть от моего присутствия. А во-вторых, в любом случае, — писать на бумаге!.. Какая в этом может быть ценность? Если ты не можешь понять живого мастера и его слова — что ты будешь делать с этой мертвой бумагой и мертвыми чернилами?»

Поэтому Ишу пошел к Кёдзану, ученику Исана, и повторил свою просьбу. В ответ Кёдзан нарисовал на бумаге круг, а рядом написал примечание...

Это примечание прекрасно. Он не составил гату, он ответил другим, уникальным способом, в своей собственной манере.

Он не сочинил стихотворение; напротив, он нарисовал на бумаге круг, а рядом написал примечание, в котором говорилось: «Думать, затем знать — это второй сорт. Не думать и знать — это третий сорт».

Но Ишу не спросил его: «А что такое первый сорт?»

Первый сорт — это просто знать; вопрос не в том, думать или не думать... просто знать.

В тот момент, когда вы входите в глубокую медитацию, вы проходите через много вещей: думающий ум, чувствующее сердце. Вы вступаете в пространство, где все пусто, где остался только свидетель. Это свидетельство — единственное подлинное знание; это — первый сорт.

Но Ишу продолжает упускать. Во всех этих сутрах он не сделал ни одного шага в глубину тайны жизни, хотя ему были открыты все возможности.

Сосеки написал:

Не спрашивай, почему сосны

На краю сада

Согнулись и искривились.

Прямизна,

С которой они родились,

Как раз внутри них.

Очень важное утверждение. Вы видите дерево — сосну или любое другое дерево, которое по какой-то причине не растет прямо. Быть может, обстоятельства не позволили ему быть прямым; быть может, садовник не хотел, чтобы оно было прямым; но в сокровеннейшем существе дерева по-прежнему остается возможность прямизны.

Все эти стихи — о вас. Каким бы ни был символ — огонь, или сосна... эти символы не важны; они просто дают вам указание.

Не спрашивай, почему сосны
 На краю сада
 Согнулись и искривились.
 Пряמיзна,
 С которой они родились,
 Как раз внутри них.

Точно так же в случае с каждым из вас. Чем бы вы ни стали, как бы далеко ни ушли от своего естественного потенциала, это не имеет значения. Ваш будда остается внутри вас. Ваша прямизна остается внутри вас. Вы можете вернуться домой в любой момент, когда решите — тотально и предельно настойчиво. Ничто не может вам помешать.

Маниша спросила:

Наш возлюбленный Мастер,

Вчера вечером я впервые поняла, что ум не обязательно враждебен медитации. Приложимо ли то, что Ты говорил о приятии умом просветления, также к его приятию до просветления, к примеру, свидетелствованию? Может ли ум допустить, что свидетелствование часто гораздо полезнее мышления, и просто устраниваться в такие моменты, не раздражаясь?

Маниша, это невозможно. Сначала должно быть просветление. Как опыт, ум может понять это, и, увидев его изящество в действии, может с ним подружиться. Но до просветления ум может только верить, он не может стать другом.

Ум может только верить, что просветление существует. Возможно, самое большее, вера — но вера бесполезна. Ум должен испытать просветление в действии — не как веру, а как деятельность. И то же самое со свидетелствованием: ум будет всегда против свидетелствования, потому что оно прекращает долгое наследие мышления. Ум знаком с мышлением; свидетелствование может стать, самое большее, мыслью, но не действительностью.

Чтобы стать свидетелем, вы должны отстранить ум; и он, несомненно, будет сопротивляться. Кому хочется, чтобы его отстраняли? — и особенно там, где ум многие века был хозяином. А вы хотите отодвинуть его в сторону ради чего-то, чего вы не знаете? Ум не позволит вам долго оставаться свидетелем.

Вы можете провести небольшой эксперимент. Поставьте перед собой часы и начните смотреть на секундную стрелку, наблюдая и свидетелствуя. Вы будете удивлены: не прошло и пятнадцати секунд, а вы забыли, что свидетелствуете. Пришли какие-то другие мысли. Через несколько секунд вы проснетесь: «Боже мой, прошло всего пятнадцать секунд!» Даже шестьдесят секунд — минуту —

вы не можете устоять в свидетелствовании. Сила и поток ума слишком велики.

Вот почему искусный мастер создает необычные средства, чтобы устранить ум, не делая его врагом — потому что рано или поздно, когда вы станете просветленным, тот же самый ум будет нужен в качестве друга. Это очень полезный механизм. Но в начале ум будет сопротивляться любой попытке устранить его.

Медитация есть не что иное, как отстранение ума — ум отодвигается с дороги — и принесение свидетелствования, которое всегда было здесь, но закрывалось умом. Это свидетелствование достигнет вашего центра — и, когда вы стали просветленным, проблемы нет. Тогда приведите ум в гармонию с собой. Это — великое искусство. Сначала вы должны отстранить ум, затем — снова вернуть его, но теперь он приходит как раб. Прежде он был хозяином — поэтому, если вы пытаетесь сделать это до просветления, он будет всячески раздражаться. Это не нужно, потому что вспышки раздражения будут мешать вашему прогрессу в свидетелствовании. Не создавайте себе врага.

Начните тихо свидетелствовать, без прямой атаки ума. Вы должны быть очень внимательны, чтобы достичь центра. Ум будет всячески пытаться заманить вас во всемирный тур. Он будет завлекать, убеждать вас, давать красивые обещания: «Куда ты идешь? Что там, внутри? Друг ждет тебя снаружи, у ворот, а ты идешь внутрь. В «Голубом алмазе» вечеринка — а кто когда-нибудь слышал о вечеринке внутри?»

Ум будет создавать множество разных вещей, но вы должны очень любовно и бережно отодвинуть его в сторону. Запомните мои слова: любовно и бережно. Не обижайте ум, потому что после просветления он будет очень полезен. До просветления это — ваше препятствие; после просветления это чрезвычайно сложный механизм, который можно использовать во всем. Теперь он больше не враг. Просто нужно разбудить хозяина; и когда ум видит невероятный свет внутри вас, он спонтанно настраивается. Нет никакого вопроса о борьбе. Но до просветления ум будет сражаться как угодно, если вы захотите отодвинуть его в сторону. Это простая психология.

Гурджиев говорил, что в классе, откуда вышел учитель, начинается разруха. Дети кричат, прыгают, дерутся, делают все то, что хотят делать всегда, но из-за учителя... А когда входит учитель, все сидят на своих местах, уткнувшись в книжки. Это не значит, что они читают; они просто делают вид, что заняты делом. Стоит тишина.

Гурджиев обычно говорил, что нечто подобное происходит, когда вы становитесь просветленным. Входит учитель; и ум, видя хозяина, внезапно осознает свое место. Он побежден этим великолепием.

В этот момент вы можете подружиться с умом; он будет безмерно счастлив сослужить любую службу для вечности, которую вы принесли с собой. Но не пытайтесь сделать это до просветления — тогда ум будет создавать вам ненужные проблемы. Чем больше вы будете бороться с умом, тем больше будете заняты им — вместо того, чтобы становиться свидетелем.

Свидетельствование — это просто выскальзывание из ума: очень изящный путь, потому что в тот момент, когда вы начинаете свидетельствовать сам процесс мышления, вы ускользаете из него без всякой борьбы. Вы просто наблюдаете караван мыслей внутри себя. Вы — больше не его часть; вы стоите в стороне, на обочине, а движение продолжается. Вы не в воинственном настроении; вы даже не судите. Вы не говорите: «Это хорошо, а это плохо». Что бы ни проходило мимо, вся ваша работа — просто смотреть. Вскоре это безмолвное смотрение... и ум — в стороне.

Именно свидетельствование приведет вас к просветлению. После просветления умом можно пользоваться, он может быть необычайно полезен и важен. Это — величайшая биологическая эволюция. Его нельзя выбрасывать в мусорную корзину; его нужно использовать. Но сначала найдите хозяина, который может его использовать. Сейчас ум использует вас. Каждый человек — раб ума, пока он не стал просветленным. Потом просветление — это вы, а ум становится вашим рабом.

Время Сардара Гурудаяла Сингха. Я раскрыл секрет его радужного тюрбана: Сардар туго обматывает им голову, иначе было бы очень трудно терпеть так долго. И, к тому же, он очень умен: когда все начинают выбрасывать всевозможный джиббериш, этот тюрбан защищает от него.

В полночь у фермера Маффина загорелся сарай; к утру он сгорел дотла. На следующий день приезжает страховая агент, чтобы оценить ущерб.

— Политика нашей компании, — объясняет он, — такова: лучше построить новый сарай — такого же размера и из тех же материалов, — чем возмещать убытки.

— Ну, если ваша компания так ведет свои дела, — фыркает фермер, — можете расторгнуть договор о страховании моей жены!

Герман Хампский собирается жениться на Хильде, подруге детства, но очень волнуется, потому что представления не имеет, что делать в первую брачную ночь.

Он признается в этом своему опытному другу Ковальскому. Ковальский задумывается на минуту, затем ему в голову приходит идея.

— Слушай, — говорит Ковальский, — все в порядке. Я сниму в отеле номер рядом с твоим, и, когда придет время идти в постель, ты незаметно проберешься в ванную, а я через стену все тебе расскажу.

— Прекрасная мысль! — с облегчением говорит Герман, и два приятеля идут в отель заказывать номера.

Свадьба проходит великолепно. Хильда, невеста, сама подает свадебный торт, умудрившись при этом съесть огромный кусок.

Позже, когда молодая чета готовится идти в постель, Герман крадется в ванную, запирает дверь и стучит в стену. Кричать через стену очень трудно, поэтому инструктаж длится очень долго.

Тем временем, Хильда в спальне умирает от желания освободиться от невероятной порции торта, которую она съела. Она ломится в ванную, но Герман ее не пускает. В конце концов, отчаявшись, она облегчается в обувную коробку и оставляет ее под дверью ванной.

Получив от Ковальского все инструкции, Герман распахивает дверь и, естественно, шагает прямо в коробку.

— Черт! — кричит он. — Здесь полно дерьма!

За стеной раздается голос Ковальского:

— Идиот! Поверни ее!

Папа-поляк приходит в ужас, когда узнает, какое огромное количество римских католических священников заразилось СПИДом. Понимая всю безнадежность попытки спасти и сохранить христианство, он все же издает эдикт. В нем говорится, что все его кардиналы, епископы и священники немедленно должны жениться — на женщинах.

Все идет прекрасно, повсюду готовятся необычные и торжественные свадьбы. Конечно, самая грандиозная из них — это свадьба Папы-поляка и сестры Сьюзи в Риме.

Ватикан забит священниками и политиками, которые готовятся к этому великому событию. Папа-поляк в своих апартаментах облачается в лучшее папское одеяние. Ему помогает его лучший друг, Рональд Рейган.

— Вы уверены, что справитесь с семейной жизнью? — спрашивает Рейган.

— Это должно быть просто, Ронни, — отвечает Папа-поляк, любясь на себя в зеркале.

— Да, но вы всю жизнь прожили монахом, не так ли? — говорит Рейган. — Вы уверены, что ваш механизм будет работать?

— Ах, не волнуйтесь! — доверительно отвечает папа. — Пройлой ночью я испытывал его своими руками. А теперь, — добавляет он, перекрестившись, — он в руках Божиих!

Ниведано...

Ниведано...

Будьте безмолвны.

Закройте глаза и почувствуйте, что ваше тело совершенно замерзло.

Теперь вы готовы пойти внутрь во всем своем сознании, со всей своей жизненной энергией. Двигайтесь к центру своего существа. Оттуда вы пришли, и туда все возвращается.

Глубже и глубже... чем глубже вы идете, тем более благоухающим становится воздух. Чем глубже вы идете... внезапно цветы начинают осыпать вас дождем.

В глубочайшей точке вы — будда.

Будда просто означает свидетельство, чистое свидетельство.

Просто свидетельствуйте: вот тело, вот ум, но вы — ни то, ни другое.

Вы — особая сила, которая исходит из центра, а этот центр соединен с вечностью. Он не знает ни рождения, ни смерти. Этот будда — ваш высший потенциал, Эверест сознания.

Безмерно великолепие этого мгновения.

Сделай это яснее, Ниведано...

Расслабьтесь и продолжайте свидетельствовать.

Свидетельствование — единственное в вас, чтоечно.

Все остальное — временно; только свидетельство — ваша реальность, самая ваша душа.

Я называю это буддой, потому что это — великое пробуждение.

В этот момент Аудитория Будды стала озером сознания без всякой ряби. Какая радость — соединиться с космосом; какая радость для капли росы — исчезнуть в океане.

Этот вечер сам по себе был красив, но ваше присутствие и ваш невероятный эксперимент сделали его в тысячу раз красивее, изящнее. Все существование радуется, потому что вы достигли центра своего существа.

Соберите весь аромат, который можете собрать.

Помните: в любой момент, когда вы становитесь свидетелем, вы — будда. Возьмите будду с собой.

Скоро Ниведано позовет вас назад. Пока этого не случилось, соберите как можно больше сокровищ и убедите будду пойти с вами. Это ваше сокровеннейшее ядро, это не нечто отдельное. Это было скрыто внутри. Теперь вы должны вынести это на периферию, в свою обычную жизнь.

Если мы сможем создать в мире большое число будд, мы сумеем совершить великую трансформацию.

Больше любви, больше песен, больше праздников...

Ниведано...

Вернитесь, но с изяществом будды — тихо, безмятежно. Посидите несколько мгновений, собирая этот опыт.

С каждым днем вы становитесь все богаче и богаче. Каждый день ваша периферия приближается к вашему центру. Каждый день вы все больше и больше приводите будду в свою повседневную жизнь.

Я против отречения. Я хочу, чтобы будды были здесь, в мире, делая всевозможные вещи. К несчастью, в прошлом будды уходили от мира. Если бы они оставались в мире, мы бы не были такими варварами. Нам были бы доступны большая человечность, большая культура и большее сознание.

Вот почему я говорю, что никто не должен оставлять мир. Мы должны преобразить его. Мы несем новый религиозный подход. Вы не должны уходить из мира; лучше идите в него глубже и изменяйте его. В это больше смелости, больше бунта, больше смысла.

— О'кей, Маниша?

— Да, возлюбленный Мастер.

Как насчет тебя?

4 ноября 1988 г.

Наш возлюбленный Мастер,

Однажды Исан заметил Кёдзану:

— Все будды в самадхи входят в пылинку и поворачивают великое колесо закона.

Кёдзан спросил его:

— Как насчет тебя?

Исан ответил:

— Есть один человек; сделав его примером, мы можем получить от него нагоняй.

Кёдзан показал на бутылку с водой и сказал:

— Пожалуйста, влезь в нее.

На что Исан ответил:

— Все будды, благодаря своим оккультным силам, находятся в горлышке этой бутылки, поворачивая великое колесо закона. Ты видишь, как они делают это?

Тогда Кёдзан сказал:

— Так поворачивают его все будды. Как будешь поворачивать его ты?

Исан заметил:

— Это нельзя сделать, если мы отделены от самой вещи. — На это Кёдзан поклонился.

Маниша, прежде чем я буду обсуждать сутры, нужно понять нечто чрезвычайно важное. Дзен — это ни буддизм, ни даосизм: это гибрид. Когда великий Бодхидхарма встретил в Китае мастеров дао, из их встреч и разговоров родилось нечто новое. В нем есть аромат буддизма, но он не зависит от буддийской литературы. В нем есть также аромат дао, но он не зависит от традиции даосизма. Он независим от обоих родителей.

Поскольку все гибриды лучше своих родителей — даже философские системы, теологические направления, медитация ведут себя точно так же, как фрукты, животные, люди, — гибрид по своей при-

роде берет от обоих родителей лучшее и оставляет все несущественное.

Дзен велик и высок потому, что он оставил все несущественное в буддизме и в даосизме, и два великих пика слились в один, еще более высокий пик, в котором от обоих остался только аромат. Однако синтез этих ароматов делает его совершенно новым явлением.

Поэтому традиционный буддист отнесется к дзен без всякого уважения. Он рассмеется и скажет: «Это просто безумие». Традиционный даос скажет то же самое: «Это безумие. Это не относится к нашей системе». Но это стало великой возможностью — восстать против всех традиций. Дзен — это чистое восстание.

Но, к несчастью, пути истории таковы, что даже самые мятежные люди... Гаутама Будда был великим мятежным умом; он восстал против индуизма, он восстал против джайнизма, против всего прошлого Индии. В нем было мужество и гений, чтобы сделать это.

Но есть и печальная сторона: рано или поздно Будда должен был умереть. Его слова могли попасть в руки книжников. Он не мог этому помешать — хотя его последним предупреждением было: «Не делайте из меня общественный институт. Не делайте меня традицией! Я был против традиционного пути; я не хочу сам становиться традицией, но меня не будет здесь, чтобы помешать вам. Так что вот мое последнее слово: не делайте моих статуй, не стройте храмов, не пишите писаний — чтобы я мог исчезнуть, как птичий след в синем небе. Не волнуйтесь о том, что мое исчезновение каким-то образом нарушит эволюцию человечества. Придут новые, лучшие будды, придут еще более великие революционеры. Я не хочу стоять на их пути».

Но никто не слушал. Первое, что сделали его ученики, когда он умер — они начали собирать все, что он сказал за сорок два года непрерывных бесед — утренних, вечерних. А он никому не разрешал записывать — по той простой причине, что эти записи могут стать писанием. Но эти слова были так глубоки, что на первом же собрании — уже на второй день после смерти Будды — было решено, что все просветленные ученики должны встретиться. Их было пятьсот — это называлось первой великой встречей, — и они решили, что каждый должен рассказать о своем опыте, «чтобы мы могли как-то собрать великое сокровище, которое исчезнет, если мы не сделаем этого сейчас».

Можно понять их заботу о будущих поколениях — что Будду нельзя потерять. Но понятно также, что, хотя они были просветленными, они не смогли согласиться с последним заявлением Будды, с его последними словами — и они даже не почувствовали, что действуют не в согласии с ними. Итак, каждый человек, кото-

рый слышал, что говорил Будда, рассказал все, что он помнил. Возникли большие проблемы, потому что кто-то говорил одно, а кто-то другой возражал, что Будда говорил нечто другое.

Вскоре выяснилось, что между ними нет согласия. Возникло тридцать две школы — тридцать две разных школы и традиции, и каждая претендовала на то, что она — верная; и все начали создавать статуи Будды, писания. Статуй Будды по количеству больше чьих-либо статуй во всем мире.

Когда арабы и персы встретили в Монголии статую Будды, это была первая статуя, которую они когда-либо видели, поэтому у них слово, символизирующее статую — будт. «Будт» — это форма слова «будда»; они не делали никаких различий, потому что других статуй не было — только статуи Будды, — поэтому будда стал синонимом слова «будт», статуя. Даже сегодня в урду, персидском и арабском «будт» означает «статуя». Оно происходит от Будды — человека, который запретил делать свои статуи.

Буддизм стал традицией; и снова кому-то, кто обладал тем же гением и величием, пришлось бунтовать против этой традиции. Это не был бунт против Будды; это был мятеж против традиционализма, ритуализма. Священники, с которыми он боролся всю свою жизнь, вернулись; книжники снова стали важными людьми.

Бодхидхарма восстал против буддийской традиции, и частью его бунта была встреча с Дао; он принес все цветы Дао и создал новый опыт. Но он, как и Будда, не осознавал одного факта. Будда говорил: «Не делайте из меня традицию», но традиция была создана. Бодхидхарма восстал против этой традиции, но он не понимал, что попадет в ту же ловушку человеческого ума. Он сам стал традицией.

Вскоре Ма Цзы осознал эту печальную историю — что Бодхидхарма, человек огня, сжигающий все писания, разрушающий все веры... Ма Цзы был человеком того же калибра. Бунтовать нелегко. Для этого нужны огромные внутренние ресурсы; иначе вы станете поверхностным, в ваших словах не будет традиционной глубины. Традиция дает определенную глубину, богатство, отточенность. Одному индивидууму, если он противопоставляет себя всем традициям, необходимо быть великим гением, обладать огромным творческим потенциалом.

Ма Цзы восстал против традиционализма, который вырос после Бодхидхармы. Он принес совершенно новые идеи, новые средства — палку, крик. Никто до него не слышал о том, что можно пробудить человека, крикнув в нужный момент; то, что удар палкой может стать наградой, было великим вкладом в человеческое сознание.

В руках Ма Цзы дзен снова стал свежим — таким, каким его хо-

тел видеть Будда. Через тысячу лет Будда полюбил бы Бодхидхарму и Ма Цзы, людей, которые восстали. Мятежный дух любит само творчество, которое бунт привносит в любое действие, мысль, медитацию, искусство, музыку. Но Ма Цзы вновь... по-видимому, так и должно быть, таков порядок вещей: каждый мятежник тоже становится традицией.

Исан тоже хотел восстать против Ма Цзы. Это было восстание не против самого Ма Цзы, а против Ма Цзы, созданного традицией. Станный феномен: Исан любил Ма Цзы так же, как Будду и Бодхидхарму, но он не мог смириться с ритуалами, которые выросли позже, когда они умерли.

Но Исан не был великим гением. Он не мог сравниться с Ма Цзы или Бодхидхармой. Он был очень вежлив, и его вежливость делала бунт совершенно невозможным. Нельзя быть вежливым революционером; вы должны быть иконоборцем и больно бить по мертвой традиции. Вежливость сделает вас уважаемым человеком, а не революционером. Именно это и случилось — к сожалению: Исан стал уважаемым мастером. Поскольку он стал уважаемым, он потерял величие революционера.

Когда человек становится уважаемым, он не может сказать ничего против массового ума. Если он скажет что-то революционное, коллективное бессознательное будет задето; любая революционность отнимет у вас уважение.

Он был очень уважаемым человеком и поддерживал это уважение. Поэтому он и потерял красоту бунта. Это демонстрируют его сутры: в них нет величия или глубины; они вполне хороши, но очень прохладны. Только потому, что Исан хотел бороться с ритуалами, которые возникли после Ма Цзы, он перестал кричать и бить учеников — но он ничего не мог предложить взамен. Поэтому он, в некотором смысле, стал очень беден. Его смирение было велико, его простота была велика, но он не мог принести человеческому сознанию ничего нового и значительного.

Вы должны это запомнить: уважение и бунт несовместимы. Если вам нужно уважение, вы должны соответствовать обществу — а общество состоит из слепых. Даже если у вас есть глаза, вы должны ходить как слепой, вы должны держать глаза закрытыми. Если вы хотите уважения от слепых... они могут уважать только слепого. Зрячий не принадлежит массе, он кажется чужаком. Исану не хватило мужества быть чужаком.

Те, кто жил жизнью чужака, сталкиваются со странными вещами, с которыми люди в обычной жизни не сталкиваются. На днях я получил письмо от саньясина, который был на встрече джайнов, которые как-то вечером тоже пригласили к себе выдающихся поэтов страны. Там был один из величайших поэтов современной Ин-

дии, Нирадж — он был здесь, так что вы с ним знакомы. Его оживили и заставили покинуть сцену; и причина была в том, что он упомянул мое имя. Перед тем как начать читать стихи, он представился и сказал: «Все мои стихи принадлежат Раджнишу. Он — источник моего вдохновения».

Тысячи других поэтов и писателей продолжают повторять мои слова, но им не хватает мужества ясно сказать людям, откуда приходит к ним вдохновение. Явный страх перед толпой! Но Нирадж — человек, обладающий всеми качествами льва. Он сказал: «Даже если вы кричите, неважно. Это хулиганство ничего не меняет». Он ушел со сцены со словами: «Да здравствует Раджниш!»

Люди боятся приходить сюда, и причина понятна: если кто-нибудь узнает, что они были здесь... значит, они тем или иным образом связаны со мной. Многие люди хотят быть здесь, но не имеют мужества столкнуться с массами. Даже для того, чтобы прийти послушать меня, нужна смелость! Ни от кого не требуется соглашаться со мной; они могут быть не согласны — но они не могут прийти послушать меня даже для того, чтобы не согласиться. Они читают мои книги, пряча их под обложками других, потому что, если кто-нибудь узнает, что они читают мои книги, их репутация под угрозой.

Один из министров Гуджарата приходил сюда — до того как стал министром. После этого он перестал приходить; и не просто перестал, он сказал моему секретарю: «Вы не должны приходить ко мне в Гуджарат ни под каким предлогом, потому что я не хочу, чтобы кто-нибудь узнал, что я находился под влиянием Раджниша, что я был как-то связан с ним».

Потом он потерпел поражение и снова начал приходить сюда. Когда вы проиграли, вам не нужно бояться: люди и так не расположены к вам. Он пришел сюда несколько месяцев назад. Я сказал своему секретарю: «Я все равно ни на кого не смотрю — а на этого человека я не буду смотреть специально; он настолько труслив, что, придя к власти, известил: следует держать в тайне, что он был моим последователем, бывал в моих лагерях. Я не люблю подобных трусливо-робких людей».

Он понял, что это правильно. Теперь он снова стал министром, и я сказал одному из своих саньясинов: «Спроси его: хочет ли он увидеть меня?» Он сказал: «Не называйте его имени — по крайней мере, пока я у власти!»

Чтобы быть мятежником, вы должны жить как чужой среди своего народа. У Исана была возможность стать мятежником — и тогда в его изречениях, возможно, появилась бы некая глубина. Некое новое качество, новое измерение, новые цветы могли бы расцвести в его историях. Но, чтобы сохранить уважение, он держал

свой мятежный дух под спудом. Изредка что-то выходит наружу; в остальных случаях он — пример бунтовщика, подавившего свой бунт.

Небольшая биографическая справка:

Наиболее выдающимся учеником Исана был Кёдзан, также известный как Янь-шан.

Вам будет интересно, почему у всех этих мастеров два имени. Причина — Китай и Япония: одно имя — китайское, второе — японское.

Мастер и ученик создали новую секта, известную как школа Куэй-янь.

Исан очень старался восстать против Ма Цзы, поэтому учитель и ученик — Исан и Кёдзан — основали новую секту; она называется Куэй-янь.

Ее характеризовало различие, сделанное между медитативным дзенем, основанном на Ланкаватара-сутре, и мгновенным дзенем, который полностью отделился от этой сутры.

Ланкаватара-сутра — одна из самых глубоких книг в мире. В ней содержится самое существо Будды, и поэтому ее почитают и любят во всех буддийских странах. Китай, Япония, Шри Ланка, Бирма, Тибет, Тайвань, Корея — весь Дальний Восток любит Ланкаватара-сутру. Она необычайно красива. Она не похожа на другие религиозные книги; в ней есть великая поэзия, это настоящее произведение искусства.

Эта новая секта, основанная Исаном и его главным учеником Кёдзаном, была против Ланкаватара-сутры. Это была трудная задача. Я не думаю, что Исан или Кёдзан могли справиться с ней. Безусловно, Ма Цзы мог бы это сделать. Они не обладали достаточным гением; и все же то, что они делали, было хорошо. Любый бунт хорош, даже если он маленький.

Ланкаватара-сутра проповедует основы постепенного просветления, которое кажется более рациональным, практичным, понятным — вы движетесь шаг за шагом и дисциплинируете себя, а когда настанет время и вы придете к точке, где возможно просветление, оно случится. Но это не мгновенное явление; это не быстрорастворимый кофе. Вы должны подготовиться, чтобы принять его, и эта подготовка может занять годы. Чтобы стать сосудом для просветления, вам может понадобиться двадцать, тридцать лет.

Это была логичная система, поэтому никто никогда не выступал против Ланкаватара-сутры. Даже такие люди, как Ма Цзы и Бодхидхарма, не упоминали ее. Они просто обходили ее. Они делали

то, что хотели — и это было против Ланкаватара-сутры, — но не упоминали о ней, потому что тоже любили ее. Ее красота так глубока, что это все равно, что идти против самого себя. Поэтому они не упоминали о ней, они просто обходили ее стороной, потому что проповедовали мгновенный дзен. Они противоречили самой основе Ланкаватара-сутры, но они были способны... Бодхидхарма и Ма Цзы — эти двое действительно были способны дать новое озарение: отбросить старую идею постепенности и принести новую идею мгновенного дзена.

Она подразумевает нечто очень важное. Как только вы отбрасываете постепенный дзен, всякая дисциплина, все ритуалы, поклонение становятся бесполезными. Единственное, что остается важным — это медитация, важно оставаться свидетелем в настоящем. Я согласен с ними больше, чем с Ланкаватара-сутрой.

Именно это пытался сделать Исан — но ему не доставало гения, чтобы высказать нечто великое и глубокое, что могло бы сравниться с Ланкаватара-сутрой. Так что он был в трудном положении.

Школа, появившаяся благодаря работе Исана и Кёдзана, была попыткой оформить негативную позицию Ма Цзы по отношению к сутрам.

Ма Цзы отрицательно относился к этой сутре, но Ма Цзы мог создать нечто взамен — потому что вы не можете вырвать из рук людей то, что дает им утешение. Вы должны чем-то заменить это, иначе ваша работа разрушительна, а не конструктивна; и Бодхидхарма, и Ма Цзы оба могли это сделать.

У Бодхидхармы были свои методы, которых не было в Ланкаватара-сутре. Ма Цзы пошел еще дальше: еще никто не слышал о крике и палке. Его достижение было совершенно новым: просветление возможно, если мастер ударит вас или крикнет на вас в нужный момент; его крик приводит ваше сознание в глубочайший центр вашего существа. То, что медитация делает очень постепенно — хороший крик мастера, неожиданно, в ситуации, когда ученик задает какой-то вопрос, а мастер прыгает и кричит, или бьет его, или вышвыривает за дверь, или прыгает на него... Таких методов никогда не было. Это был творческий гений Ма Цзы в чистом виде; и Ма Цзы многих людей сделал просветленными.

Иногда это выглядело очень смешно: он выбрасывал человека из окна двухэтажного дома — а этот человек пришел спросить, на что медитировать. И Ма Цзы не просто выбрасывал его, он прыгал за ним, падал на него, садился ему на грудь и говорил: «Получил?!»

И бедняга отвечал: «Да», — потому что, если вы скажете «нет», он может побить вас или сделать еще что-нибудь. Достаточно это-

го — все переломано, а Ма Цзы, сидя на его груди, говорит: «Получил?!»

И он на самом деле получил, потому что это было так неожиданно, как гром среди ясного неба... он не мог даже представить. Он слышал, что Ма Цзы бьет людей, кричит на них, но он никогда не слышал, что мастер бросает их со второго этажа. У него множественные переломы... а потом Ма Цзы прыгает на него и сидит у него на груди. В этот момент он в таком абсолютном шоке, что ум перестает действовать — ради этого все и делалось. И, поскольку ум перестал работать, и Ма Цзы сидит на его груди, смотря ему в глаза... великое безмолвие, то самое блаженство, которое исходит из медитации. Какой странный способ!

...негативную позицию Ма Цзы по отношению к сутрам.

Ма Цзы сжигал сутры. У буддистов больше писаний, чем в любой другой религии, потому что каждая из тридцати двух школ имеет свои писания, комментарии и комментарии на комментарии; это целый, особый мир литературы. Он сжигал сутры, но он предлагал нечто взамен.

Исан хотел быть вторым Ма Цзы — но в нем не было мужества этого человека. Выбросить человека из окна непросто; и этот человек говорит: «Как насчет моих переломов?» — а Ма Цзы отвечает: «Забудь о них! Однажды ты должен умереть. Ты умер сегодня. И есть всего лишь семь дней для выбора — не так уж много. Но ты получил это, и это — самое важное».

В состоянии такого крайнего шока человек просто идет к центру. Такое случается во время шока. Иногда это происходило чисто случайно: ваша машина опрокидывается на дороге и летит в низину, переворачиваясь несколько раз. Несомненно, ваш ум перестанет действовать; и если вы понимаете дзен, это — великая возможность, потому что вы будете в центре. Смерть возможна, но, если вы знаете что-то о дзен, с вами этого не произойдет. Это может случиться только с вашим телом; ваше сознание расправит крылья и полетит к свободе.

Дзен нужно сделать доступным каждому человеку в мире, потому что никто не знает... каждый день происходят тысячи несчастных случаев, но, поскольку вы не знаете, как их использовать, вы упускаете великую возможность. Вы просто получаете множественные переломы и несколько месяцев лежите в больнице — а этот случай мог сделать вас буддой.

Я всегда думаю, что, если бы Ма Цзы жил сейчас, он мог бы намеренно столкнуть машину с утеса и отправить вас катиться вниз — при этом он побежал бы за вами, вытащил вас из-под обломков и первым делом спросил: «Получил?!»

Но Исан не был... поскольку он был заинтересован в уважении. Ма Цзы отбросил мысль об уважении. Людей, подобных Ма Цзы, несколько не волнует, что думает о них мир. Мир считает их сумасшедшими — ну и что? Они говорят: «Мы считаем, что мир сумасшедший!»

В этом смысле мы все одинаковы: мир считает нас безумцами, а мы считаем, что безумен мир. Решающий фактор — то, что наше безумие блаженно, экстатично и разумно, а их сумасшествие — просто отсталость, несчастье, страдание. А если безумны и те и другие, вы тем более должны выбирать наше безумие. Ваше безумие — просто страдание, трагедия, которую вы пронесите от колыбели до могилы, от одной смерти до другого рождения, а потом до следующей смерти. Это называется колесом рождения и смерти.

Сутра:

Однажды Исан заметил Кёдзану:

— Все будды в самадхи входят в пылинку и поворачивают великое колесо закона.

Это мифологическое колесо, которое все время вращается, а вы продолжаете цепляться за какую-нибудь спицу этого колеса. Вновь и вновь происходит одно и то же: рождение, брак, бизнес, страдание, смерть — и снова рождение. Но кто двигает это колесо? — вот вопрос, который задает Кёдзан.

— Все будды в самадхи входят в пылинку и поворачивают великое колесо закона.

Кёдзан спросил его:

— Как насчет тебя?

Именно здесь он показывает свою мягкость, терпеливость, смирение. Это мифология — ни один будда не превращается в пылинку, ни один будда не поворачивает колесо; на самом деле, каждый будда пытается снять вас с этого колеса. Каждый будда работает, чтобы избавить вас от этого колеса рождения и смерти. Вы умирали и рождались столько раз — это повторялось, и вы снова и снова делали то же самое. Вы не обрели ничего универсального, бессмертного; вы — просто актер в этой драме. Занавес поднимается и падает, и все это длится и длится.

Очень хорошо, что вы не помните свои прошлые жизни, иначе вы немедленно сойдете с ума: вы столько раз делали одно и то же; вы не поверите, что вы — такой идиот, такой древний идиот, что вы делали все это веками, столько рождений — одно и то же, ничего не изменилось, вы совершенно ничему не научились.

Задача будды — помочь вам вырваться из этого порочного круга.

Так что этот вопрос, прежде всего, был неверным; но Исан, который всегда старался быть смиренным и вежливым, не скажет этого. Если бы этот вопрос задали Ма Цзы, он бы так ударил этого человека, что тот больше никогда не задавал бы никаких вопросов. Ма Цзы неоднократно заявлял: «Неважно, что вы говорите — вы все равно получите удар. Не думайте, что я бью вас потому, что вы говорите что-то не то! Я бью вас потому, что вы говорите что-то — а я хочу, чтобы вы достигли точки, где ничего сказать нельзя».

Так что, сказали вы что-то правильное или неправильное — это не имеет значения; все это поверхностно. Удар неизбежен. И как это будет? Это спонтанно. Никто не знает: вышвырнет он вас, или ударит ногой в грудь, и у него была такая большая палка... И он, возможно, действительно был самым необычным человеком в мире; он ходил, как корова, на четырех конечностях, и смотрел, как тигр. Его глаза горели, как у тигра, а его поведение — он всю жизнь ходил, как корова... Он никогда не ходил, как человек; это было ниже его достоинства. Он был очень сильным человеком, и от него можно было ожидать чего угодно — всего! Вы никогда не знали, что он сделает. И все же этого человека очень любили.

Если бы этот вопрос задали Ма Цзы, множественные переломы были бы вам обеспечены, потому что вопрос крайне безоснователен.

Но Исан — смиренный человек. Поэтому, когда Кёдзан спросил его: «Как насчет тебя? Ты тоже будда. Ты превратился в пылинку? И помогаешь ли ты вращать вечное колесо дхармы?» —

Исан ответил:

— Есть один человек; сделав его примером, мы можем получить от него нагоняй.

Он уходит от вопроса: «Как насчет тебя?». Для того чтобы сказать: «Да, я тоже будда», нужно больше смирения, чем у Исана. Объявить себя буддой — не декларация эго, потому что отсутствие эго — неотъемлемая часть будды. Когда вы говорите: «Я — будда», вы говорите: «Меня больше нет». Это просто другой способ сказать, что вас не существует — только чистая осознанность, свидетельствование.

Кёдзан показал на бутылку с водой и сказал:

— Пожалуйста, влезь в нее.

«Если ты будда и можешь стать пылинкой, то — вот бутылка: влезь в нее.»

На что Исан ответил:

— Все будды, благодаря своим оккультным силам, находятся в

горлышке этой бутылки, поворачивая великое колесо закона. Ты видишь, как они делают это?

Теперь то, что он говорит, вообще неуместно. Вместо того чтобы ясно сказать: «Твой вопрос абсолютно абсурден», вместо того, чтобы сказать: «Да, я тоже будда, но ни один будда не поворачивает колесо; каждый будда старается остановить колесо жизни, чтобы все люди могли стать бессмертными — без всякого рождения и смерти» — он запутывается все больше и больше. Только потому, что он хочет оставаться смиренным, не похожим на Бодхидхарму...

Бодхидхарма сказал Ву, императору Китая: «Ты абсолютный идиот!» Любому другому Ву отрубил бы голову; но, посмотрев на Бодхидхарму, он смог увидеть: «По сравнению с ним я — не больше, чем идиот. Он не груб; он просто говорит то, что есть на самом деле». Это — свидетельство очень развитого ума императора. Но Исан не обладал такими качествами, поэтому он оказывается в еще более сложном положении.

Кёдзан принес бутылку и сказал: «Пожалуйста, влезь в нее». Это должно стать для вас уроком: когда вы попадаете в нелепую ситуацию, остановитесь в самом начале! Чем глубже вы идете, тем труднее остановиться. Если вы сделали один шаг, вам придется сделать второй, чтобы быть последовательным — и куда это приведет? Лучше с самого начала сказать: «Это чепуха!»

Но Кёдзан был его главным учеником, и вместе с ним они создали новую школу дзен. Так что он, конечно, не мог быть груб с Кёдзаном; Кёдзан был его преемником. Исан слишком много думал о других — в этом была его ошибка, и по этой причине люди дзен в Японии полностью игнорировали его. Никто не говорит об Исане.

Это поможет вам понять: современники могут вас уважать, но в грядущих столетиях никто не вспомнит о вас. Вас полностью забудут — как имя, написанное на воде. Но о тех, кого современники осуждали, возможно, будут помнить в веках.

Мне вспомнился Сократ. Верховный судья, который огласил смертный приговор, согласно которому Сократ должен был принять яд — таков был греческий обычай, — подозвал Сократа поближе. Сократ несколько дней спорил в суде. Никто не мог его переспорить — по той простой причине, что у него самого не было никакой позиции. Он ничего не предлагал — никакого бога, которого вы можете обсуждать, о котором вы можете спорить. Он не предлагал ничего. Поэтому вы были в трудном положении: что бы вы ни сказали, он мог возразить. Он был великим гением спора. Он опровергал все, он приканчивал всех. Верховный судья был просто поражен.

Однако в Греции в те дни существовали только города-государства, и был совершенно другой тип демократии. Весь город имел право голосовать за любое решение; а решение о судьбе Сократа было таким важным, что собрался весь город. Против своей воли... Верховный судья понимал, что этот человек невиновен, и этот человек был славой своей страны. Но пятьдесят процентов жителей Афин хотели, чтобы он был убит. Все дело было только в двух процентах в ту или иную сторону: сорок девять процентов были за то, чтобы Сократа освободили. Но вопрос не обсуждался: решение зависело от процента голосов.

Верховный судья вынес решение — несмотря на то, что он не хотел этого делать. Прежде чем объявить его народу, который собрался, чтобы услышать приговор, он сказал Сократу:

— Лично я не хочу, чтобы тебя убили. Я хочу предложить тебе несколько возможностей. Конечно, мне придется осудить тебя, потому что пятьдесят процентов жителей города против тебя. Ты можешь уйти из Афин; там закон Афин не действует. Ты можешь жить на самой границе, чтобы люди могли встречаться с тобой.

Сократ отказался. Он сказал:

— Я не могу пойти ни в какое другое место. Если Афины, самый культурный город в Греции, не может позволить мне жить, кто тогда разрешит мне жить? Там я буду еще более чужим. Здесь я прожил всю свою жизнь. Я никому не сделал ничего плохого — и все же пятьдесят процентов жителей против меня, они хотят моей смерти. То же самое произойдет где угодно.

Судье пришлось признать, что это правда. Он сказал:

— Вторая альтернатива: ты можешь перестать учить, ты можешь принять обет молчания.

Сократ ответил:

— Это невозможно! Столько людей спотыкаются во тьме, а я знаю путь и могу показать его им. Нет, я не могу молчать, видя, как люди спотыкаются во тьме и слепоте. Мне придется говорить.

Судья сказал:

— Ты ставишь меня в безвыходное положение. Тогда остается только одно: ты должен быть готов, потому что вечером тебе дадут яд.

Сократ ответил:

— Это не такая уж большая проблема. Однажды придется умереть; возможно, мой день пришел. Я готов! Я только хочу, чтобы ты помнил: твое имя будут вспоминать только в связи со мной; иначе никто никогда не узнал бы о твоём существовании.

И это правда. Если бы Сократа не отравили и не убили, никто не узнал бы об этом верховном судье. А Сократ, без сомнения, будет оставаться в памяти людей, пока существует род человеческий

на этой планете.

Исан забыт — заслуженно, потому что он был больше занят общественным мнением, а подлинный мастер не заботится о том, что говорят люди. Он здесь не для того, чтобы с кем-то соглашаться; он здесь для того, чтобы провозглашать свою истину. Неважно, соглашаются с ним, или нет. Но вот в чем сложность: Исан понимал смирение очень неправильно. Его смирение стало компромиссом, его смирение обратилось в страх; если бы это было иначе, совершенно ясно, что он с самого начала должен был сказать Кёдзану: «О чем ты говоришь? Будды, которые превращаются в пыль? Только будды не превращаются в пыль! Они превращаются в высшее космическое сознание».

Но, поскольку он ничего не возразил, Кёдзан спросил его: «Как насчет тебя?»

Будучи скромным, он не мог сказать: «Я тоже будда». Именно здесь Кёдзан пытался направить его: «Действительно ли ты смиренный, или нет». Но смирение не означает компромисс с ложью, оно не должно соглашаться с абсурдными гипотезами. Смирение не означает дружбу с ложью. Смирение — не овца; оно должно быть львом. Но, поскольку он пытался создать школу, отличную от Ма Цзы, он попал в трудное положение: он не мог кричать, он не мог ударить ученика, он не мог делать все то, что обычно делали мастера со времен Будды. Он хотел создать нечто новое и оригинальное, но не имел для этого способностей.

Он был простым, скромным человеком — но не очень смелым. А смирение требует большей смелости, чем что-либо другое; чтобы быть ничем, нужно больше мужества, чем для того, чтобы быть чем-то. Когда его спросили: «Как насчет тебя?», он должен был сказать: «Я будда — и ни один будда не помогает вращаться колесу жизни и смерти, ни один будда не превращается в пыль. И то, что ты делаешь, совершенно абсурдно: только потому, что я — не Ма Цзы, я пытаюсь создать новую школу, и ты прекрасно знаешь, что я не буду кричать и бить тебя... это не значит, что ты можешь задавать нелепые вопросы. По крайней мере, я могу сказать тебе — без крика, тихо, спокойно и любовно: +Не будь глупым!+» Но он не смог даже этого.

Кёдзан показал на бутылку с водой и сказал:

— Пожалуйста, влезь в нее.

Вот об этом я и говорю: не соглашайтесь с глупостью, иначе вас не будет выхода. Теперь он согласился, что будды превращаются в пыль, он согласился, что будды поворачивают колесо жизни и смерти — и Кёдзан уводит его еще дальше. Он говорит: «А те-

перь, пожалуйста, влезь в эту бутылку. Ты — будда».

На что Исан ответил:

— Все будды благодаря своим оккультным силам находятся в горлышке этой бутылки.

Полная ерунда! Все будды выбрали бутылку в доме Исана и собрались в горлышке этой бутылки, чтобы Исан не мог попасть в нее, потому что она закрыта. Стоит вам принять одну нелепость, и этому не будет конца; вам придется согласиться с еще большей нелепостью. Вы будете запутываться все больше и больше.

И что делают там все эти будды? — поворачивают великое колесо закона, — в бутылке! Даже я стукнул бы его как следует, а я — не насильственный человек. Он говорит: «Они поворачивают колесо закона. Ты видишь, как они делают это?»

Тогда Кёдзан сказал:

— Так поворачивают его все будды. Как будешь поворачивать его ты?

Исан заметил: «Это нельзя сделать, если мы отделены от самой вещи. Я больше не приближаюсь к этому колесу; я по-прежнему жив, я не превратился в пылинку. Вот почему я отделен от колеса и не могу поворачивать его».

Но согласиться с самой мыслью, что будды превращаются в пыль, а потом вся их работа — поворачивать колесо жизни и смерти, — все это настолько странно и настолько противоречит духу дзен, что Исана нужно хорошенько побить. Если вы встретите его где-нибудь, сделайте это от моего имени!

Сосеки написал:

Добродетель и сострадание
Дополняют друг друга.
То, что приходит
Через ворота снаружи,
Не может быть семейной драгоценностью.
Отбросив всю грудку хлама
В своем сердце,
С пустыми руками приходишь ты,
Принося спасение.

Прекрасные стихи — и очень значительные.

Добродетель и сострадание
Дополняют друг друга.

Сострадание, фактически — другое название добродетели. Любой добродетельный поступок — акт сострадания. Это не разные

вещи, это просто два слова, обозначающие одно качество.

То, что приходит
Через ворота снаружи,
Не может быть фамильной драгоценностью.

Он говорит: «Ничто из того, что приходит снаружи, не может считаться вашим сокровищем. Ваше сокровище всегда внутри; оно не должно приходиться снаружи».

Отбросив всю грудку хлама
— все, что приходит снаружи —
В своем сердце,
С пустыми руками приходишь ты,
Принося спасение.

Если вы можете отбросить все, что приходит снаружи, ваше пустое сердце, ваше пустое существо — величайшее сокровище, которое приносит вам спасение.

Именно это мы и делаем в наших медитациях. Наши медитации — концентрированный дзен. Мы пытаемся найти внутри сокровище — очень просто и радостно, очень игриво. Не нужно относиться к этому серьезно. Оно там — только небольшое движение внутрь, фактически — один шаг, и вы пришли домой.

Маниша задала вопрос:

Наш возлюбленный Мастер,

В эти дни, когда Ты говоришь слово «свидетель», оно действует так же, как когда-то — слово «любовь» или «связь». Я слушаю так, как будто это действительно пища, которая насыщает что-то витальное внутри.

Это и есть искусство мастера — разбудить голод, которого ты никогда не знал?

Да, Маниша. Вся функция мастера состоит в том, чтобы заставить вас осознать собственную жажду, собственный голод, собственные стремления, от которых вы так долго отворачивались.

Все искусство мастера — именно заставить вас жаждать, ощущать голод, чтобы вы достигли своего существа, потому что, пока вы не достигнете собственного существа, вы будете оставаться слепыми, вы останетесь во тьме. Вы будете страдать от рождения и смерти, вы будете страдать от всего, что происходит между ними.

...Вывести вас за пределы страдания, открыть для вас свободу целого неба... создать интенсивную потребность, потому что никто не знает: меня может не быть здесь завтра; вас может не быть здесь завтра. Завтра так неопределенно — если хочешь сделать что-нибудь, нужно собрать все свои силы в этом моменте.

Достижение своего центра — не что-то такое, что можно отложить. Все остальное можно отложить, но не это вхождение в центр, потому что в этом — весь смысл жизни. Это единственная цель, которая чего-то стоит. И это — ваш источник, так что, если вы сделаете интенсивное усилие, чтобы найти его, вы непременно его найдете.

Никто не может упустить бытие будды; можно только откладывать. Вы можете отложить это на завтра, на будущую жизнь — рано или поздно, в этом веке или следующем... вы не сможете окончательно избежать контакта с собственной природой. Так почему бы не сделать это сейчас?

Но прежде чем вы сделаете это — потому что вы можете вернуться, а можете и не вернуться...

Ниведано не дает вам уйти слишком далеко. Как только он видит, что некоторые люди уходят слишком далеко, их немедленно зовут назад.

И это время прекрасно подходит для того, чтобы Сардар Гурудаял Сингх хорошенько посмеялся, потому что — кто знает? — может быть, вы еще вернетесь, чтобы посмеяться, а может быть, и нет. Так что, прежде чем войти внутрь, посмейтесь как следует. Этот смех поможет вам быть легче; этот смех сделает вашу медитацию радостной, красивой, несерьезной игривостью.

Все религии на протяжении многих веков делали медитацию ужасно серьезной. Я считаю, что это было одним из несчастий, потому что никому не хочется быть серьезным — жизнь делает людей достаточно серьезными; и, в добавление ко всему, никто не хочет попадать в серьезные неприятности.

Но медитация несерьезна. Это одно из самых легких, мирных... танец к вашему существу.

Но, как бы там ни было, сначала — Сардар Гурудаял Сингх.

Бонзо, австралийский конный пограничник, в последний раз вешает седло на стену.

— Все, Билл, — говорит он своему старому надежному псу, — с меня хватит. Я собираюсь стать водителем грузовика.

Бонзо несколько дней учится водить машину и идет сдавать на права.

— Скажи-ка мне, — говорит инструктор, — что ты будешь делать, если перед твоим грузовиком окажется кенгуру?

— Я остановлю машину и прогоню его.

— Хорошо, — говорит инструктор. — А, предположим, ты наехал на опунцию и проколол шину — что ты будешь делать? (Опунция — колючий кактус. Прим. пер.)

— Возьму пару пива, съем опунцию, поменяю колесо и поеду

дальше — отвечает Бонзо.

— Правильно, — говорит инструктор. — И последний вопрос: предположим, ты едешь по двухполосной трассе и видишь грузовик, который едет тебе навстречу. В это время тебя обгоняет другой грузовик, а потом ты видишь, что еще один грузовик обгоняет тот грузовик, который движется по встречной полосе. Нет никакой возможности избежать чудовищного столкновения... Что ты сделаешь?

— Тогда я разбужу Билла! — с радостной улыбкой отвечает Бонзо.

— Что? — спрашивает инструктор. — Кто такой Билл?

— Это мой пес, — отвечает Бонзо.

— И что пользы в том, что ты его разбудишь?

— Пользы никакой, — говорит Бонзо, — но Билл обожает смотреть на всякие катастрофы!

Рано утром Глория Великолепная выезжает прокатиться на своем маленьком красном «альфа-ромео». Она мчится среди полей и лугов, и вдруг откуда-то из мотора раздается громкий хлопок. Глория рулит на обочину и выходит из машины.

Ясно, что дальше машина не поедет. Уже поздно, и Глория идет к ближайшей ферме, чтобы рассказать о своей беде.

Старый Зеб, фермер, предлагает Глории комнату, и она спит там всю ночь.

На следующее утро Глория заходит в сарай и видит, как дочка Зеба доит корову.

— Выглядит забавно, — говорит Глория. — Можно мне попробовать?

— Конечно, — отвечает девушка, поднимаясь со стульчика.

Глория садится около коровы, берет за соски и начинает их сжимать. Через пару минут она спрашивает:

— Эй, а сколько тебе приходится дергать за эти штуки, чтобы они стали твердыми?

Тыловой адмирал Ковальский, главнокомандующий Польским военно-морским флотом, решает провести неожиданную проверку польской эскадры. Вместе с капитаном Клиффским, летчиком-асом, он садится в маленький гидросамолет, чтобы лететь в военно-морской порт.

Когда они поднимаются в воздух, тыловой адмирал Ковальский берет управление на себя и направляет гидросамолет к ближайшей взлетно-посадочной полосе.

— Простите меня, сэр, — говорит капитан Клиффский, — но этот самолет садится только на воду, его нельзя посадить на землю.

— О, да, какой же я глупец! — восклицает старый польский

морской волк, тут же разворачивает самолет в сторону порта и совершает безупречную посадку на море.

Поднимаясь со своего кресла, тыловой адмирал Ковальский поворачивается к капитану Клиффскому:

— Хочу поблагодарить вас, капитан, — говорит он. — Вы так вежливо и тактично уберегли меня от большой ошибки. Вы не дали мне выставить себя настоящим дураком!

Тыловой адмирал Ковальский щеголевато отдает честь, открывает дверь и шагает — прямо в воду!

Ниведано...

Ниведано...

Будьте безмолвны. Закройте глаза.

Почувствуйте, что ваше тело совершенно замерзло.

Теперь посмотрите внутрь, собрав все свое сознание, всю свою жизненную энергию — как копье, проникающее в центр вашего существа. Это один шаг; все, что вам нужно — это огромная настойчивость.

Глубже и глубже... помните, в центре остается только свидетель, подобный маленькому пламени осознания. Кажется, будто тело находится на расстоянии многих миль, а ум еще дальше. Вы — только свидетель, и это свидетельствование делает вас буддой.

Я не учу буддизму, я учу будде.

Я не хочу, чтобы вы научились какой-нибудь философии, какому-то учению.

Я хочу, чтобы вы узнали, что вы — сам будда.

В этот момент, когда вы просто свидетельствуете, на вас снизошло такое великое безмолвие — чудесный аромат нового измерения. Цветы начинают сыпаться... просто придерживайтесь центра.

Сделай это яснее, Ниведано...

Расслабьтесь, оставайтесь только свидетелем. Это — единственное качество, которое сопровождает вашу вечность. Это и есть ваша вечность.

Это — ваша реальная жизнь.

Тело уйдет обратно в землю. Лишь одно в вас бессмертно, и это — ваше качество свидетельствования.

Этот вечер был красив сам по себе. Присутствие десяти тысяч будд, наслаждающихся великолепием свидетельствования, сделало его безмерно прекрасным.

Я вижу, как Аудитория Будды превращается в озеро сознания. Вы исчезаете как отдельные индивидуальности, расслабляясь в космосе, без всякой ряби. Соберите как можно больше переживаний...

потому что вы должны привести будду в свою обычную жизнь.

Мы не отрекаемся от мира, мы — празднующие.

Я хочу, чтобы мои будды пели, танцевали, любили, расцветали всеми красками, во всех направлениях.

Вся жизнь — наша; нет ничего, что нужно отвергать; все нужно трансформировать, облагораживать, делать лучше.

В этот миг вы — самые счастливые люди на земле. Вы должны разнести этот прохладный огонь по всему земному шару. Только этот прохладный огонь может сохранить эту землю от разрушения.

И времени очень мало: всего двадцать лет. Либо победит жизнеутверждение, либо жизнеотрицание, разрушение уничтожит мир. Никогда еще не было так необходимо быть буддой, как сегодня.

Ниведано...

Вернитесь, но придите как будда — с тем же изяществом, с той же тишиной, с тем же танцем в сердце.

Посидите несколько мгновений никем, чтобы припомнить золотой путь, по которому вы шли внутрь, в свой центр, и которым вы вернулись.

Будда все ближе и ближе подходит к вашей периферии. Скоро он станет также и вашей периферией. Этот день будет днем великой радости.

— О'кей, Маниша?

— Да, возлюбленный Мастер.

Глава 5

Просто быть здесь

5 ноября 1988 г.

Наш возлюбленный Мастер,

Исан сказал Кёдзану:

— Я слышал, что, когда ты был с Якудзю, если тебя спрашивали об одном, ты отвечал о десяти. Это правда?

— Мне бы не хотелось говорить, — ответил Кёдзан.

— Попробуй сказать что-нибудь, что выражает высший смысл буддизма, — сказал Исан.

Как только Кёдзан открыл рот, чтобы говорить, Исан крикнул:

— Квац!

Кёдзан еще дважды начинал говорить, и дважды Исан криком заставлял его замолчать.

Кёдзан склонил голову и заплакал, сказав:

— Преподобный учитель говорил, что, когда я встречу другого, я могу достичь просветления. Сегодня я встретил его. Вот уже три года, как я начал искать буддистов, и это было не более, чем ходить за коровой.

Маниша, вчера я говорил, что Исан изо всех сил старался бунтовать против Ма Цзы. Не то, чтобы он не любил Ма Цзы; но Ма Цзы стал традицией, а он хотел избавиться от традиционного ума, потому что традиция убивает все. Она делает мертвое более значительным, чем живое.

Какое нелепое занятие — заставить живых людей поклоняться мертвому вместо того, чтобы искать более глубокие слои жизни внутри самих себя. Давая им плюшевых мишек, утешения — безобразные утешения, унижительные утешения...

Поэтому, когда Будда стал традицией, Бодхидхарма восстал про-

тив этой традиции — не против Будды. Кто может восстать против будды? Будда — сама ваша природа. Вы можете уйти как угодно далеко, но не уйдете от нее. Ваша природа будет с вами. Будда — высочайший пик вашего сознания.

Мы не используем слово «будда» в историческом смысле. Гаутама Будда был одним из будд. Звание «будда» не указывает на него лично; это просто качество свидетельствования, прихода домой. Конечно, он стал символом — и прекрасным символом, если вы не превращаете его в традицию, если вы сохраняете его живым, если не начинаете поклоняться ему, а просто наблюдаете его красоту, его безмолвие, его изящество — и помните, что все это принадлежит также и вам.

Итак, когда Бодхидхарма восстал, он боролся не против Будды — никто не может бороться против будды, — он восстал против книжников, пандитов и ритуалистической религии, которые выросли из пробуждения Будды после того, как он ушел. Но Бодхидхарма точно так же стал традицией. Бунтовать против буддийской традиции очень трудно, но Бодхидхарма удержал невероятно высокое качество. Его бунт вознес его на высоту Гаутамы Будды. И он обладал достаточными способностями — у него был гениальный ум, — чтобы создать совершенно другую атмосферу для искателя на пути.

Однако когда он умер, случилось то же самое: Бодхидхарма стал прототипом, за которым следуют, которому подражают. Ма Цзы не мог вынести этой глупости. Ему пришлось восстать. Это было не восстание против Бодхидхармы или Будды; оно было направлено против инерции, создаваемой традицией.

Но, чтобы бунтовать, вам нужна огромная смелость, искусность и великое мастерство — не только для самого себя, но и в отношении ума как такового. А ум проявляется тысячами способов! — мастеру приходится иметь дело с тысячами типов ума, и он должен обладать способностью встречать каждый из них спонтанно.

Ма Цзы справился с этим даже лучше, чем Бодхидхарма. Революция Ма Цзы — против всей традиции, против всех сутр — была великим событием в истории сознания. Он сжигал сутры; он просто заставлял учеников смотреть не наружу, а внутрь.

Теперь Исан пробовал бороться против Ма Цзы, потому что Ма Цзы стал традицией. Но Исан не обладал качествами Ма Цзы или Бодхидхармы. Он был очень разумным человеком и видел, что традиция начинает загнивать; нужно было открыть новые источники жизни, иначе она превратится в сухое дерево. На нем перестали расцветать цветы.

Интеллектуально он понимал это, но он сам не относился к тому типу мастеров, которым под силу такое громадное дело — восста-

ние против традиции; это восстание против четырех миллионов лет ума, против всей его структуры. А людей можно убедить, только если вы обладаете таким присутствием, такой магнетической силой, что, когда люди приходят к вам, они готовы отбросить все прошлое только ради вас. Исан для такой любви не подходил.

Вот почему вчера я говорил вам, что его сутры скромны, просты, но в них нет великолепия и величия. Сегодня мы увидим, что он вернулся назад, к Ма Цзы. Он не смог найти замену Ма Цзы. Он хотел отделиться от традиции, созданной жизнью Ма Цзы, но он не был более велик, чем Ма Цзы. Это было под силу только более великому человеку; а Ма Цзы был недостижимо велик. Почти невозможно найти человека, более великого, чем Ма Цзы; его изобретательность, его креативность, его абсолютная необычность в мире... никто не мог превзойти его.

Исан стремился отделиться от традиции. Он пытался, но понимал, что ему это не удастся, что это не работает. Он был достаточно разумен, чтобы видеть: ему нечем заменить методы Ма Цзы, который кричал, бил людей, вышвыривал их за дверь или захлопывал ее у них перед носом. Он не мог найти, что ему делать. Люди привыкли ждать от мастера нечто неожиданное. Он был добрым учителем, но не в доброте смысл.

Ма Цзы был очень впечатляющим, притягательным учителем — он жил так, как никто никогда не жил. Он всю жизнь ходил, как корова и смотрел по сторонам, как тигр; глаза и лицо тигра сочетались в нем с красотой и невинностью коровы. Необычное сочетание! И его несколько не интересовало ни соответствие социальным нормам, ни уважение, ни манеры. Он действовал спонтанно; даже если он не знал, что из этого выйдет — все, что случится спонтанно, правильно.

Ни один человек не жил так спонтанно. Конечно, окружающим он казался абсурдным, слегка сумасшедшим. Но ищущих он притягивал невероятно; за его тигриными глазами они видели глаза будды; за внешним поведением они видели внутреннюю красоту, внутреннюю радость, внутреннее великолепие и то, что с этим человеком возможна передача лампы.

Исан был совершенно другим человеком. Он пробовал восстать против традиции Ма Цзы, но, в конце концов, ему пришлось вернуться к тем же техникам, что создал Ма Цзы. Никогда раньше их не было.

Исан сказал Кёдзану:

— Я слышал, что, когда ты был с Якудзю, если тебя спрашивали об одном, ты отвечал о десяти. Это правда?

Кёдзан был главным учеником Исана, и в конце он должен был

стать его преемником. Его готовили к этому, он был уже почти избран преемником Исана — негласно, но все ученики знали, что следующим мастером будет Кёдзан. Поэтому Кёдзан обладал привилегией задавать любые вопросы, так как, став преемником Исана, он мог столкнуться с теми же вопросами.

Здесь Исан спрашивает: «Я слышал, что, когда ты был с Якудзю, если тебя спрашивали об одном, ты отвечал о десяти. Это правда?» Он говорит: «Я слышал, что ты — человек такой мудрости, что, когда тебе задавал один вопрос, ты мог ответить на него десятью разными способами. Якудзю очень высоко ценил твою многую мудрость».

— Мне бы не хотелось говорить...

— Попробуй сказать что-нибудь, что выражает высший смысл буддизма, — сказал Исан.

Высший смысл буддизма невозможно выразить, о нем нельзя сказать даже один раз — это не тот вопрос, на который можно ответить десять раз десятью различными способами. Ответить даже один раз — значит совершить ошибку; ответить десять раз — значит сделать десять ошибок. Когда речь идет о высшей точке опыта Будды, его просветлении, ответом может быть лишь безмолвие.

Как только Кёдзан открыл рот, чтобы говорить, Исан крикнул:

— *Квац!*

«Квац» — просто звук, но косвенно он означает: «Заткнись!» Но «заткнись!» бессмысленно, поэтому его избегают. В нем нет качества «Квац!». «Квац» нет ни в одном языке; это просто крик, в результате которого рот закрывается. Кёдзан достаточно спрашивал, теперь он больше не должен открывать рот.

Кёдзан еще дважды начинал говорить, и дважды Исан криком заставлял его замолчать.

Так вот, крик — изобретение Ма Цзы. Создать новые средства, новые методы очень трудно. Для этого нужно быть совершенно особой личностью. Можно быть просветленным, это одно; можно идти по хорошо утопанному пути, пользоваться надежными, проверенными способами и приносить людям огромную пользу. Но если человек хочет быть индивидуальной вершиной, если он хочет стоять особняком — тогда ему самому нужны качества будды.

С течением времени находить новые пути становится все труднее и труднее. Великие мастера прошли раньше, и они почти исчерпали возможности поиска новых методов. Исан снова расслабился; он ясно понял, что он — просветленный, но не может быть

бунтовщиком. Бороться против Ма Цзы невозможно. Даже подумать, что вы будете делать что-то против Ма Цзы... он просто покончил со всем этим. Что бы вы ни делали, это будет хуже, это не будет так эффектно, ново и оригинально, как у Ма Цзы.

В конце концов, ему пришлось вернуться к Ма Цзы. Эти крики — шаги к отступлению, потому что крики изобрел Ма Цзы. До Ма Цзы никто не пользовался криком, использовалась палка; мастер мог ударить ученика. Эти палки не причиняют боли.

Несколько дней назад я получил одну дзенскую палку из Кореи. Я жду первого немецкого просветленного, Каменноголового Нискрию, чтобы отдать ему эту палку. Это очень хорошая вещь. Она из бамбука, и в середине рассечена надвое. Вы можете держать ее за один конец, а повыше сделан надрез, так что можно бить. Шума много, но никому не больно.

Смысл был тот же, но Ма Цзы... Если неожиданно ударить человека, который задает уместный вопрос, это останавливает его ум: «В чем дело?..» Это непостижимо для ума. И именно в этом весь смысл: ум должен замолчать, хотя бы на мгновение — и вы получите проблеск.

Когда эти истории впервые были переведены на другие языки, люди просто смеялись: «И в этих анекдотах заключена религия?» Это было так странно — читать, что мастер бьет ученика, а ученик внезапно становится просветленным. Этому нельзя было найти разумное объяснение. Как может случиться, что мастер ударил ученика, а ученик кланяется с глубоким уважением и благодарностью?

Это возможно. Это можно понять. Если ваш ум полностью останавливается, хотя бы на один миг, с помощью любого метода, вы получите проблеск собственной сокровенной природы. И этот проблеск так красив, этот проблеск — такое великолепие, такое сокровище... это ваша вечность. Мастер показал вам способ: ум должен прекратить думать. Один миг вы видели путь; теперь идите вперед!

Но Ма Цзы обнаружил, что крик даже лучше удара палкой, потому что, если только ударить кого-то по голове, ум не обязательно прекращает мышление. Ум может даже начать думать больше: «В чем дело? Почему меня ударили? Я задал уместный вопрос — что за глупость?»

А когда мастер кричит, этот крик проникает в вас глубже любого удара. Удар может коснуться только вашего тела, головы, а крик может пронзить, как копье, и на миг даже ваше сердце может остановиться. Крик был великим вкладом Ма Цзы, и, определенно, крик действует на ум гораздо глубже, останавливая его быстрее, чем любой удар.

Вы можете понять разницу: удар — это материальное явление,

крик — психологическое. Чтобы остановить ум, нужен некий психологический удар. Крик — разновидность удара: он невидим для глаза, но полностью поражает ум, сотрясает его, повергает в некое изумление.

Некий человек пришел издалека, услышав о Ма Цзы, о его величии — что сотни людей стали просветленными благодаря ему, что тысячи людей живут в его монастыре. Человек, который проделал много миль, приходит к Ма Цзы, задает очень важный вопрос и никак не думает, что этот человек закричит или прыгнет на него, усядется на его груди и спросит, глядя ему в глаза: «Получил?»

Все, что получил этот человек — это ошеломленный, оглушенный ум; но в этом оглушенном уме спрятано откровение его собственной природы. Возможно, он изо всех сил старался найти ее. Ум — почти необъятные джунгли мыслей; вы можете уходить все дальше и дальше, это немалое пространство. Крик — великолепное средство, чтобы мгновенно вывести вас из ума.

Но сделать это может только великий мастер, это не для всех. Исан хотел привнести что-то новое, но это ему не удалось. Эти крики показывают, что он снова вернулся к старым способам Ма Цзы.

Кёдзан еще дважды начинал говорить, и дважды Исан криком ставлял его замолчать.

Кёдзан склонил голову и заплакал, сказав:

— Прежний учитель говорил, что, когда я встречу другого, я могу достичь просветления. Сегодня я встретил его. Вот уже три года, как я начал искать буддовость, и это было не более, чем ходить за коровой.

Эти крики сработали. Кёдзан был с каким-то учителем; но учитель — не мастер. Учитель может дать вам все инструкции, которые написаны в писаниях. Он может сделать вас очень образованным — и он сделал Кёдзана очень образованным. Но те дни были днями великой честности — особенно в том, что касается истины; никто не пытался обманывать.

Этот учитель сказал: «Я всего лишь учитель. Когда ты встретишь мастера, ты станешь просветленным. Со мной ты можешь только становиться все более и более знающим, великим ученым, большим интеллектуалом, потому что я сам не нашел истину. Я сам ищу мастера, который может спровоцировать, пробудить меня».

В дни Гаутамы Будды эта земля видела невероятное явление: тысячи людей ходили по стране в поисках мастера. Они жили с учителями, а потом обнаруживали, что это — только учитель. И учитель сам говорил им: «Я сказал тебе все, что мог сказать, все, что я слышал. Теперь уходи».

И Гаутама Будда до просветления в течение шести лет ходил ко многим учителям. Эти учителя оказывались в очень неловком положении, потому что они были очень известными, у них были тысячи последователей, и причина, по которой они оставались неразоблаченными, заключалась в том, что ни один ученик не выполнял полностью то, что они говорили. Поэтому ученики думали: «Это наша вина. Мы не следуем тому, что нам говорят, тотально».

Но Будда создавал проблемы. Он делал немного больше, чем просили учителя. За эти шесть лет он привел в замешательство многих учителей. Им пришлось признаться: «Я сам — не просветленный, и все, что я знаю, было только ученостью. Никто не разоблачил меня, потому что никто меня не испытывал. Они слушали, они были счастливы, они накапливали знания, они становились учеными. Но тебя не интересуют писания, тебя не интересует ученость, знания — ты настаиваешь: «Я хочу видеть истину!»»

Все, что они говорили... Будда прошел необычные аскетические практики. Вы не поверите, но последний учитель, от которого он ушел, сказал ему, что он должен уменьшать количество своей пищи: начиная с одной еды в день — и ее должно быть столько, сколько можно удержать в двух сложенных ладонях, это не слишком много! — затем постепенно уменьшать количество, постепенно, пока не дойдешь до одного зернышка риса. Будда сделал это. Существует статуя, где он — просто скелет: вся плоть ушла, ведь понадобилось три месяца, чтобы дойти до состояния, когда он ел всего одно зернышко риса в день. Что может дать одно рисовое зерно?

Учитель никогда не думал, что какой-нибудь человек сможет выдержать этот процесс, этот пост, но Будда сделал это в совершенстве и спросил его: «Что дальше?»

Учитель со слезами на глазах сказал: «Теперь мне придется признать поражение. Я сам не просветленный, но я давал людям такие практики, которые они не могли выполнить. Так я сохранял свое лицо. Ты разоблачил меня. Теперь мой совет: иди дальше».

Тысячи людей ходили повсюду в поисках мастера. Были тысячи учителей, но очень большая редкость — найти мастера, который пережил истину как опыт.

Будда стал просветленным очень странным способом. В тот день, когда учитель сказал: «Ты должен идти дальше. Я — только учитель, не мастер. Я притворялся, и мне очень жаль!» — он слишком устал. Остались одни кости, и он сидел под деревом бодхи в Бодхгайе.

Название «Бодхгайя» произошло оттого, что Гаутама Будда стал там просветленным; «бодх» означает «просветление». Благодаря Будде появился большой город, потому что тысячи людей хотели жить там, медитировать под тем самым деревом, где медитировал

Будда, выполнять ту же ходячую медитацию рядом с храмом, который в память о просветлении Гаутамы Будды за этим деревом возвел один король.

Будда совершал омовение в реке, протекавшей поблизости. Это Ниранджана — очень маленькая речка; зимой она так пересыхает, что вы можете перейти ее, в ней меньше фута глубины. Он совершал омовение; но он был так слаб, что не мог перейти даже этот маленький поток. Ему пришлось на несколько минут ухватиться за ветку дерева, чтобы собрать сколько-нибудь энергии и выйти из реки. Ему стало ясно, что постом можно убить себя, но нельзя достичь просветления. Это хороший процесс постепенного самоубийства, но не процесс самадхи.

«Если я не могу перейти этот маленький поток, что говорить о мифологической реке, необъятной реке, что разделяет этот мир и другой мир, небесный? Если я не могу перейти Ниранджану, маленькую речку, то что я могу? Я не смогу пересечь ту огромную реку, разделяющую два мира. Она — почти как океан». Это мифология, но в его уме в то время — до того времени — была одна мифология, философия; он еще не был просветленным. Держась за ветку или корень дерева, он думал: «Я напрасно тратил время».

Он вышел. Была ночь полнолуния, и он был так слаб, что не смог бы в тот день дойти до города и просить подаяние, поэтому он остался под деревом. Случайно одна женщина — ее имя, Суджата, означает «счастливо рожденная» или «родившаяся в высшем классе общества»... Я доказывал буддийским ученым, что ее имя просто показывает, что она родилась в низкой касте. Посмотрите: в Индии слепого называют камальнаяян, «лотосоокий». Если у вас есть глаза, никто не назовет вас лотосооком; это имя оставили для слепого — чтобы не обижать его. Суджата не может быть женщиной высшего класса, иначе у нее не было бы такого имени. Это имя предполагает, что она происходит из низшей касты шудр, неприкасаемых. В утешение они дают красивые имена.

В Индии, когда кто-то умирает, говорят, что он стал возлюбленным Бога. Что же мы все делаем здесь? Только мертвый становится возлюбленным Бога. Бог, видимо, какой-то каннибал! Чем больше людей умирает, тем Бог, естественно, счастливее — приходит больше возлюбленных. Когда труп умершего переносится из дома на погребальный костер, это называется махаятра, великое путешествие. Это не больше мили или двух миль — не такое уж великое путешествие. Бедняга умер, но, читая об этом, вы можете подумать, что он отправился в великое путешествие. Человек всегда ловко обращался со словами, чтобы скрыть истину.

Эта женщина, Суджата, по-моему, была хариджан — только хариджан мог прийти в это бедное место рядом с рекой Нирджана.

Она поклонялась дереву — только низшие классы поклоняются деревьям, не богатые. Она обещала дереву, что, если у нее родится мальчик, она принесет дереву много сладостей, много цветов. И это было совпадение, чистая случайность, что в эту ночь полнолуния под деревом сидел красивый молодой человек. Она подумала: «Бог дерева вышел принять сладости!» Она была необычайно счастлива, потому что очень редко случается, чтобы бог дерева выходил наружу; и она поднесла Будде все сладости.

Таким образом, впервые за три месяца у него был хороший завтрак; иначе, если жить на все меньшем и меньшем количестве... а вчера он съел всего одно рисовое зернышко. Суджата была очень счастлива. Сын родился, и бог дерева принял ее подношение. По-ев, Будда впервые отбросил... Шесть лет назад он бросил королевство и все материальное в мире, всю собственность. У него осталось лишь одно стремление — к истине. В эту ночь, когда в небе была полная луна, он отбросил и это стремление, потому что оно стало его желанием — а если есть хотя бы маленькое желание, ум продолжается. Неважно, желаете ли вы денег или Бога; неважно, желаете ли вы власти или просветления: желание есть желание, и с желанием ум остается жив.

В эту ночь он отбросил последнее желание. За шесть лет он прошел через все пытки. Этого было довольно! И через шесть лет он впервые заснул совершенно расслабленно — никаких желаний, никаких стремлений, никакого будущего, никакой надежды, — он просто спал, без ума, без снов. Все разбилось. Он был до крайности изнурен. «Нет никакой истины и никакого мира. Все это чепуха, и я просто вредил самому себе.»

В эту ночь он спал без ума, а сон без ума очень близок самадхи. Именно так определяет его Патанджали: есть наше обычное состояние бодрствования, за ним — состояние сновидений, за ним — сон без сновидений, а за ним — просветление, наше абсолютное бодрствование.

Всю ночь он спал без сновидений. Этот сон создал возможность. Всего лишь дюйм, небольшой толчок... Когда он открыл глаза — впервые без всякого желания, — последняя звезда заходила, и с закатом последней звезды он внезапно осознал, он так наполнился осознанием... Снаружи вставало солнце, и внутри тоже вставало солнце. Из сна без сновидений он попал в четвертое состояние — пробужденности, буддовости.

Он достиг его, когда отбросил даже желание стать буддой. Ум должен быть абсолютно пуст. И функция мастера — помочь вам на этом пути пустоты, потому что пустота — это возможность для наполненности.

Сначала вы должны быть пусты от всего, что вы знаете; лишь

тогда вы можете наполниться божественным. Цветы начинают сыпаться на вас из неведомых источников — и в пустоте внутри вас возникает великое пламя осознания, которое приносит вам чувство вечности, бессмертия, великий мир, превосходящий понимание, безмятежность, тишину, блаженство и экстаз, что не знает конца. Вы впервые пьяны божественным.

То были золотые дни — в том смысле, что были тысячи ищущих. Люди были бедны, не было никаких технологий, ни науки, ни прогресса; но они были богаты в другом отношении: поиск внутреннего сокровища делал их богатейшими людьми в мире. Тысячи достигали просветления и сотни становились мастерами по созданию ситуаций, потому что просветление — ваша природа, это не достижение; не нужно никуда идти, вы должны просто быть здесь и копнуть глубже.

Когда вы выходите за пределы своего черепа, костей, скелета и находите источник жизни, из которого жизнь распространяется в ваше тело и ум, вы немедленно находите вечное космическое существование. Маленькая река вашей жизни течет из великого океана, который повсюду окружает вас. Это тот же океан, который питает деревья, тот же океан, который питает птиц, тот же океан, который питает жизнь как таковую.

Человек — самое благословенное животное в мире в том смысле, что он способен не только жить, он также способен быть сознательным; и не только сознательным — он способен стать тотально сознательным. Это тотальное сознание дает вам свободу, спасение и блаженство, которое вы искали в мелких обыденных мелочах, где его нет.

Когда говорят, что кто-то стал просветленным, это просто означает, что он нашел источник своей жизни и сознания. Но, обретая источник своей жизни и сознания, вы обретаете источник всей жизни и всего сознания. Став буддой, вы стали одним со всеми буддами. Никакого телесного разделения больше нет, никакого временного или пространственного разделения больше нет.

Если я говорю об этих буддах, я не ученый, и я говорю не как ученый. Я говорю из своего опыта. Эти будды — Ма Цзы, Исан или Кёдзан, не могли иметь другой опыт. Это один и то же океан. Где бы вы ни попробовали его, он соленый.

Кёдзан склонил голову и заплакал...

Это были слезы великой радости. Бывают времена, когда вы не можете выразить что-то словами, но можете сказать это через слезы. В миг любви так абсурдно говорить: «Я люблю тебя!» — это такая профанация! Сказать в миг благодарности «спасибо» — уродливо.

В Индии это почти невозможно — Запад не знает глубочайшего смысла. В Индии, если отец делает что-то для сына, сын не может сказать: «Спасибо, отец»; он может выразить свою признательность, коснувшись его ног, он может выразить признательность слезами, но не словами. Слова очень пусты, слезы очень наполнены; слезы исходят из ваших глубин, а слова — только из вашего ума.

Кёдзан склонил голову и заплакал, — слезами великой радости, — сказав:

— Прежний учитель говорил, что, когда я встречу другого, я могу достичь просветления. Сегодня я встретил его. Вот уже три года, как я начал искать буддовость, и это было не более, чем ходить за коровой.

Он был с учителями, и они давали ему работу — ходить за коровами, присматривать на кухне, следить за вещами. А Исан, не давая ему никакой работы, крикнул на него три раза, и он стал просветленным.

Это не значит, что люди не должны работать; это просто означает: «Работайте только возле мастера, живого мастера, иначе вы просто ухаживаете за коровами». А быть с мастером просто означает не быть. Растворитесь. Станьте абсолютно пустым, без всяких желаний, и этот благословенный момент может случиться прямо сейчас. Для этого не нужна никакая практика или пытки аскезы; для этого нужно только вернуться в свою предельную глубину. Там вы — уже будда. Признав это однажды, вы узнали дорогу. Она очень коротка.

Мало-помалу вы можете начинать выводить будду из сокровенных источников на поверхность своей жизни. Каждое ваше действие, ваши слова начнут обретать новый золотой аромат. Ваше безмолвие начнет превращаться в песню — в музыку иного измерения. Ваша обычная походка станет похожей на танец — такой радостный. Вся ваша жизнь будет более блаженной, опьяненной. Вы будете жить тотально, любить тотально, и эта жизнь станет вашей последней жизнью.

Если вы можете достичь просветления, вам не нужно скитаться из одной утробы в другую. Многие века вы бродили от одной утробы к другой.

Если вы стали просветленным в этой жизни, смерть не приведет вас в другую утробу — вы исчезнете в космической жизни, в космическом огне. Вы станете одним с целым — вы будете этим целым.

Сосеки написал:

Я спал у холодного окна

И вернулся из страны снов.
Глаз моего ума
Открылся сам,
Без всякой утренней звезды.

Он ссылается на утреннюю звезду Гаутамы Будды. Он говорит: «Глаз моего ума открылся сам, без всякой утренней звезды».

Все небеса и земля подпирают
Эту гору, покрытую снегом.
Где же в мире есть место
Для практики Шакьямуни?

Шакьямуни — это другое имя Гаутамы Будды; это его фамилия. Он был шакьей — это племя воинов, — поэтому его также называют Шакьямуни: шакья, который стал безмолвным. Это очень любовно — звать его просто Шакья.

Сосеки говорит очень красивые слова:

Я спал у холодного окна
И вернулся из страны снов.

Ваша страна — страна снов. Сосеки говорит: «Я вернулся из страны снов. Глаз моего ума, — третий глаз, глаз, который смотрит внутрь, — открылся сам, ему не нужна звезда, исчезающая в синем небе».

Каждый человек должен стать просветленным по-своему. Хотя он любит Гаутаму Будду, он говорит: «Не нужно идти по его следам, потому что будда не оставляет следов. Будда — словно птица, что летит в синем небе, не оставляя следов».

Все небеса и земля подпирают
Эту гору, покрытую снегом.
Где же в мире есть место
Для практики Шакьямуни?

Он говорит на языке дзен: «Нет нужды и нет места в мире, чтобы заниматься практикой. Зачем Шакьямуни напрасно потратил на практику шесть лет? Вы можете стать буддой в этот самый момент. Зачем заниматься ненужной практикой — где взять место и время?»

Любовная критика собственного мастера. Сосеки прав. Но у Будды были свои сложности. Он был, насколько мы знаем, первым буддой, давшим человечеству сильнейший импульс. Несомненно, до Гаутамы Будды было много будд, но они не оставили такого импульса.

Даже во времена Гаутамы Будды восемь его современников объ-

явили, что они просветленные — и, скорее всего, они действительно были просветленными. Несколько слов об этих шести просветленных пришло от Будды и Махавиры — потому что они никогда ничего не писали; и эти шестеро были, по-видимому, более мятежными людьми. Они не допускали никакого движения, и несколько критических замечаний Гаутамы Будды и Махавиры...

Эти двое остались в памяти человечества. Махавира остался очень локальной фигурой; по некоторым причинам он не смог стать фигурой мирового масштаба. Иначе... Он был старше Будды и, определенно, был великой индивидуальностью, но создал для себя странные ограничения. Во-первых, он был голым. Ни одна страна не впустила бы его голым — они не пускают меня даже одетым! Я могу попробовать раздеться...

Во-вторых, у него были такие странные пути — как у Ма Цзы, — что другие люди могли подумать, что он ненормальный. Он постился месяцами. За двенадцатилетний период молчания, когда он оставался безмолвным, он ел всего тридцать дней — за двенадцать лет! И он не брал пищу у первого встречного. У него был странный способ, но в нем есть свой смысл. Утром, во время медитации, он решал: он постучит в дверь, чтобы попросить пищу, и если при этом сложится определенная ситуация... только тогда он примет эту пищу; иначе он уйдет из города. Например, если он постучится, и там будет плачущая женщина, или она будет заниматься определенной работой, или на дороге будут стоять две коровы — все, что придет ему на ум в медитации, — и если эти условия не выполнялись, он уходил обратно. Его идея была в том, что: «Если я нужен существованию, оно должно выполнять мои условия. Если я не нужен существованию, мне нечего здесь делать. Зачем навязывать себя существованию? Я оставляю это в руках существования».

Необычная идея, но в ней есть большой смысл. Его доверие к сущему абсолютно: если он ему нужен, хорошо; если нет — «Я могу расслабиться, исчезнуть. Зачем продолжать, если сущее не нуждается во мне?» Ему было ясно: «Если я для чего-то нужен существованию, оно будет поддерживать мою жизнь. Я оставляю это на усмотрение сущего».

Такой человек в любой другой стране оказался бы в трудном положении. Он не брился бритвой, он просто выдергивал волосы — потому что он не пользовался никакой техникой. Какая техника в маленькой бритве? — и все же это технологическое приспособление. Он не пользовался никакой технологией — он намного опередил махатму Ганди. Махатма Ганди, по крайней мере, пользовался прялкой; это техническое приспособление.

Махавира не пользовался ничем: ни одеждой — потому ему не

нужна была прялка... он не пользовался даже чашей для подаяния. Зачем нужна чаша? Если все животные могут обойтись без чаши для подаяния, вы выглядите крайне глупо... Он пил воду из реки, как любая собака или другое животное, и выдергивал волосы... В психологии есть особый вид ненормальности, когда человек рвет на себе волосы — особенно женщины: когда они в ярости, они начинают вырывать волосы.

В любой другой стране Махавиру сочли бы... Во-первых, он был голый; во-вторых, его странный способ питания; в-третьих, он выдергивал свои волосы, — но во всем этом был смысл. Сейчас есть всего двадцать два голых монаха — это очень маленькое течение. Но идея, которая стояла за этим, абсолютно ясна.

Даже последователи Махавиры не обсуждают точное значение его наготы. За двадцать пять веков я не встретил ни одного писания, в котором обсуждался бы вопрос о его наготе. Они просто говорят: «Он отбросил всякую собственность — вот почему он отбросил одежду». Но на самом деле это не так. Дело в его целибате: по его мнению, целибат должен жить голым; только тогда он может доказать, что он целибат. Только подумайте, все ваши монахи... Таков механизм секса: как только в вашем уме возникает мысль, ваш сексуальный аппарат немедленно начинает делать вам намеки — и все общество увидит: «Что это за целибат?»

Я не думаю, что какой-нибудь католический монах, папа или шанкарачарья может пройти тест Махавиры. Это абсолютно точный тест. Вопрос вот в чем: «Откуда нам знать, что ты — целибат?» Даже мысль о сексе в вашем уме мгновенно действует на тело — и все узнают, что вы не целибат.

Никто за двадцать пять веков не оценил его научность. Он абсолютно научен, потому что под одеждой вы можете быть целибатом и, тем не менее, наслаждаться мечтами о любви с Софи Лорен, и никто не узнает. Но если вы голый, это очень трудно: как только вы начинаете думать о Софи Лорен, ваш флаг немедленно поднимается.

Я абсолютно согласен с Махавирой, что каждый целибат — если он хочет быть целибатом — должен быть голым. Я не сторонник целибата, но, если кто-то хочет быть целибатом, он должен соблюдать правила игры.

Джайнские монахи, возможно, единственные, о которых можно сказать, что они — целибаты. На это уходят годы — пять ступеней тренировки. Только на последней ступени они могут стать обнаженными — когда мастер разрешает ученику: «Теперь можешь быть голым». Причина в том, что сексуальный центр находится не в гениталиях — он находится в уме. Пока этот центр не управляется вашей медитацией, пока он полностью не очищен от всяких же-

ланий, вы не можете быть голым; вы немедленно выдадите себя.

Те шестеро тоже были просветленными — но каждый идет своей дорогой. Будда пользовался одеждой, и просто потому, что он носил одежду, он стал мировым явлением. Весь Восток стал буддийским. Хотя Махавира был очень красивой личностью, образ жизни, который он предлагал, был не для всех; это было невероятно трудно. Так что разница была в одежде.

Конечно, были и другие будды... Махавира был буддой. Вы должны знать, что в джайнских писаниях Махавиру называют обоими терминами: Джина — «джина» означает «человек, который победил себя», — и Будда, пробужденный. В буддийских писаниях тоже используются оба термина: джина, победитель, и будда, просветленный. Но мало-помалу установилось — потому что так можно запутаться, — что Гаутаму Будду не стали называть джиной, а Махавиру перестали называть буддой, чтобы внести ясность. Но оба были и тем, и другим!

А шестеро других были, возможно, еще более колоритными личностями, но они не допускали никаких последователей. Если вы не допускаете последователей, кто будет собирать ваши поучения, сохранять сведения о вашей жизни для грядущих поколений? Рано или поздно ваше имя исчезнет. Но для них в этом был свой смысл: «Не нужно, чтобы наши имена оставались. Когда мы исчезнем, наши имена тоже должны исчезнуть. Какой смысл в том, чтобы наши имена, наши учения оставались?»

В этом есть огромный смысл. То, что они настаивали: «Нет никакой необходимости в наших учениях», подразумевает много значений. Первое: «Только живой мастер может трансформировать людей. Наши слова, наши учения не сделают этого; они создадут только учителей». Второе: «Зачем нам держать в рабстве будущее? Мы прожили свою жизнь, мы делились ею с нашими современниками. Пусть будущее будет свободно для новых мастеров, новых будд. Мы не должны быть препятствием и не должны становиться обузой для будущего», — весьма революционный подход. И эти люди...

Сосеки говорит: «Где место, где пространство, где время для практики Шакьямуни?» Он против практики. Я против практики. Практика может сделать вас только актером. Вы должны быть спонтанными, а не дисциплинированными и обученными. Вы должны быть собой, в своей естественности, в своей девственности, в своей спонтанности.

Маниша спросила:

Наш возлюбленный Мастер,

Наше отождествление с телом и (или) умом — это все, что

мешает нам быть едиными с целым?

Да, Маниша. Отождествление с телом, умом, с нашей собственностью, семьей, друзьями — любое отождествление уводит вас наружу. Вся ваша собственность будет снаружи: ваша жена, ваш муж, дети; ваше тело — внешнее тело; ваш ум — внешний ум.

Единственное, что не снаружи — это свидетельство. Бдительность — вот ваш будда. Отождествление означает, что вы потеряли свидетельство, попали в ловушку привязанности. В этом наше несчастье, в этом наше рабство.

А теперь — время Сардара Гурудаяла Сингха.

Кажется, он сидит очень далеко. Зажгите свет! Все должны видеть его радужный тюрбан!

Однажды утром Псих Мелвин, Чокнутый Лэрри и Безумец Карл сбегают из психбольницы.

Счастливые, как дети, они отправляются в город и приходят на стройплощадку, где возводится огромный небоскреб. Они с любопытством смотрят по сторонам; неожиданно к ним подходит человек в каске.

— Эй, ребята! — кричит Клопский, прораб. — Возвращайтесь к работе и докопайте эту канаву!

Три лунатика улыбаются и кивают, потом бегут к канаве и начинают работать. Через пару часов Клопский идет проверить, как они работают. Он с удивлением видит, что Псих Мелвин яростно копает, в то время как двое других стоят без движения, задрав в небо лопаты.

— Что, черт возьми, вы делаете? — кричит Клопский Чокнутому Лэрри и Безумному Карлу.

— Мы — уличные фонари, — отвечает Чокнутый Лэрри.

— Придурки! Вы уволены! — кричит Клопский, прогоняя двух лунатиков.

Псих Мелвин тут же перестает работать.

— Нет, — говорит Клопский, — тебя я не уволил, ты работаешь хорошо, продолжай копать.

— Что? — кричит Псих Мелвин. — В темноте?

Медицинская Корпорация Америки решает, что единственный способ вылечить СПИД — это деньги, много денег. Совместно с тремя американскими телевизионными сетями они организуют грандиозный СПИД-марафон, который должен состояться в субботу ночью.

Идея марафона заключается в следующем: Рокки Ханк, знаменитая кинозвезда, занимается любовью с пятьюстами женщинами, а американские граждане звонят в студию и делают ставки.

И вот наступает эта грандиозная ночь. Рокки Ханк взбирается на четыреста семьдесят пятую женщину; деньги льются рекой. Рокфеллеровское общество жертвует миллионы долларов, НАСА ставит весь свой фонд развития космических программ. Звонит даже Рональд Рейган; он жертвует все деньги, предназначенные на платя Нэнси. Деньги текут и текут; СПИД, несомненно, будет побежден.

Однако, закончив с четыреста девяносто пятой женщиной, Рокки неожиданно падает в обморок. На него льют ведра ледяной воды; шатаясь из стороны в сторону, он плетется к следующей. Когда приходит очередь четыреста девяносто восьмой, кажется, что он окончательно выдохся, но красотке кое-как удается поднять его, и денежный поток продолжается.

Но на четыреста девяносто девятой Рокки все-таки теряет сознание, и уже никто не может привести его в чувство.

Вся страна в ярости; все звонят и берут назад свои ставки.

В конце концов, Джордж Буш, гость шоу, каким-то образом возвращает Рокки к жизни и тащит его в свой офис.

— Мы почти вылечили СПИД! — кричит он. — Что, черт возьми, случилось?

— Не понимаю, — отвечает Рокки. — Утром на репетиции все шло отлично!

Нэнси Рейган входит в столовую Белого Дома, чтобы пообедать с Рональдом и заодно обсудить, как они будут проводить время, когда Рональд выйдет на пенсию. Внезапно Элвин Майндбендер, близкий друг семьи, весь в поту, пробегает мимо Нэнси и исчезает в холле.

Нэнси проходит в столовую, садится за свой внушительный ленч и начинает болтать с Ронни.

Тем временем, в Овальном офисе, Элвин Майндбендер отчаянно звонит по всей стране, разыскивая вице-президента Буша, который заканчивает свой предвыборный тур.

Через два часа Элвин наконец ловит Буша в Санта-Фе, Нью-Мексико.

— Джордж, слава Богу! — кричит Элвин. — Я пытался найти тебя два часа! В Белом Доме ужасная трагедия!..

А Нэнси в столовой Белого Дома как раз заканчивает свой банановый десерт.

— И все-таки, Рональд, — говорит она, вытирая рот, — я настаиваю, что мы должны повесить эти полосатые пурпурно-зеленые шторы в твоей спальне на ранчо...

Внезапно в комнату врывается Элвин, который по-прежнему обливается холодным потом. При виде Нэнси, болтающей с Рональ-

дом, он останавливается как вкопанный с отвисшей челюстью.

— Черт возьми, Нэнси! — кричит он. — Что ты делаешь? Рональд умер два часа назад!

Нэнси пристально смотрит на престарелого президента.

— Боже мой! — говорит она. — Не может быть!

Ниведано...

Ниведано...

Будьте безмолвны. Закройте глаза.

Почувствуйте, что ваше тело совершенно замерзло.

Теперь посмотрите внутрь — со всем своим сознанием, с огромной настойчивостью, как будто это последний миг вашей жизни. Глубже и глубже — и вы найдете путь.

Это маленькая дорожка, которая уходит из ума, уходит из тела и приходит к источнику, который соединяется с космосом. Его единственное качество — свидетельство.

Свидетельствуйте и будьте буддой.

Великое безмолвие начинает нисходить на вас... вы впервые почувствуете глубокое желание, глубокое стремление раствориться в космосе. Огромная радость — без всякой причины — заполнит все ваше пространство.

Этот момент бесценен. Быть буддой хотя бы миг — великое благословение. Если вы знаете, как быть буддой всего лишь миг, вы узнали это. Вы можете быть буддой двадцать четыре часа в сутки, все время.

Помните только: быть буддой — значит быть свидетелем.

Великолепные цветы начинают осыпать вас — цветы мира, блаженства, экстаза.

Сделай это яснее, Ниведано...

Расслабьтесь, но продолжайте оставаться свидетелем.

Вы — не тело, вы — не ум. Вы — тот, кто видит тело, видит ум; и, по мере углубления вашего свидетельствования, будет исчезать ваша отделенность от других. Аудитория Будды начинает превращаться в озеро сознания без всякой ряби, без всяких различий — просто чистый танец блаженства и экстаза.

Радуйтесь; и соберите как можно больше опыта свидетельствования. Этот аромат, что окружает вас, этот экстаз — соберите их, чтобы принести на периферию.

Вы должны постепенно привести своего будду из центра на периферию. Это бесценное сокровище. Вы можете взять столько, сколько хотите, оно неистощимо.

В этот момент вы вечны, вы бессмертны, вы — одно с космосом.

Этот вечер сам по себе был прекрасен, но вы своим безмолвием, свидетельствованием, радостным расслаблением у себя дома сделали его еще более золотым.

Прежде чем Ниведано позовет вас назад, соберите как можно больше аромата, цветов...

Ниведано...

Вернитесь, но вернитесь как будда, с тем же изяществом, с тем же безмолвием, с той же красотой.

Посидите несколько мгновений, вспоминая, где вы были, по какому золотому пути вы ходили — вперед и назад, — и сколько свидетельствования принесли вы из самого источника вашей жизни.

Это свидетельство нужно поддерживать все время.

Обязательно придет день, когда вам не нужно будет медитировать, когда будда будет оставаться в любом проявлении периферии, во всем своем сиянии. Все действия — это его действия, вас больше нет. Будда поет, будда танцует, будда улыбается. Вы должны стать просто проходом для будды.

Этот день недалек. Это может случиться в любой момент. Будьте готовы.

Это не практика, это просто создание надлежащего момента для прихода весны — чтобы она принесла все, что возможно для вашего потенциала.

Тысячи цветов...

— О'кей, Маниша?

— Да, возлюбленный Мастер.

Единственная надежда

6 ноября 1988 г.

Наш возлюбленный Мастер,

Исан сказал Кёдзану:

— Большинство людей на этой огромной земле, с их неограниченным причинно-следственным сознанием, не осознают той изначальной природы, на которую должны полагаться. Можешь ли ты сказать, есть у них это осознание или нет?

Кёдзан ответил:

— Я сталкивался с этой трудностью.

Как раз в этот момент мимо проходил некий монах, и Кёдзан окликнул его:

— Джари!

Монах обернулся.

Кёдзан прокомментировал Исану:

— Вот пример обширного причинно-следственного сознания, не осознающего основы, на которую оно должно опираться.

Исан заметил:

— Это капля львиного молока, из-за которой сворачиваются шесть галлонов ослиного.

Как-то Исан заметил Кёдзану:

— Мы целый день спорили о дзен, и что мы получили от всего этого?

В ответ Кёдзан начертил линию в воздухе.

Исан прокомментировал:

— Если бы это был не я, он бы обманулся.

Маниша, эта история затрагивает одну фундаментальную проблему. Чтобы осознать это, вы должны понять, что в ней подразумевается. Все мы думаем, что мы сознательны; это одно из проявлений нашей бессознательности. Мы сознательны только функционально.

Мы научились делать многие вещи — ложиться в постель, вста-

вать рано утром, идти на работу. Мы всему научились. Все это может делать даже робот. Вы не нужны. Именно это случилось с человечеством. Это автоматическое человечество. Вы выучили все необходимое и передали это своему автоматическому уму, который все делает за вас. И, передав все это на попечение ума, вы отправились спать.

Все усилие будд состоит в том, чтобы выявить ваше сознание и заставить вас ясно осознать различие между функциональным сознанием и чистым сознанием, у которого нет никаких функций — это просто зеркало. У зеркала нет функций, оно не утилитарно: даже когда вы смотрите в него, зеркало ничего не делает. Отражение спонтанно. Зеркало отражает, даже если вы этого не хотите — и зеркалу не нужно, чтобы вы стояли перед ним.

Дзен выражает это так: полная луна отражается в озере. Луна не имеет желания отражаться, но отражается — а озеро не хочет отражать ее, но все же отражает. Ни луна, ни озеро не принимают никакого участия в отражении. И луна, и озеро просто остаются собой — а отражение случается само по себе. Вы делаете свои дела; и только делая их, вы можете отделить функциональное сознание от чистого сознания.

Когда вы идете — знаете ли вы, что идете? Когда вы молчите — осознаете ли вы, что молчите? Когда вы едите — стоит ли рядом осознанность, которая наблюдает вашу функцию еды? Эта осознанность — великое просветление. У нее нет никаких функций, она не утилитарна, это не средство достижения какой-то цели. Она самодостаточна. Это такая удовлетворенность, такое глубокое удовлетворение собой и космосом, такое сильное позволение, что вам не приходится ничего делать. Просто быть — это больше, чем вы можете себе представить, — радость чистого бытия, блаженство чистого бытия.

Я каждый день прохожу мимо пруда Мукты — эти два лебедя просто наслаждаются двадцать четыре часа в сутки, ничего не делая. И они исполнены такого достоинства, такого глубокого удовлетворения... ни тени желания или амбиций — какого-то положения в обществе, успеха. Все это глупости. Они наслаждаются каждое мгновение, просто плавая в пруду.

Сознание — в точности то, что говорит Басё: «Сидеть в молчании, ничего не делая; весна приходит, и трава растет сама по себе». Вот что он говорит: «Что касается меня, я ничего не делаю и ничего не желаю. Весна приходит сама собой, без приглашения. Трава начинает расти без всяких усилий с моей стороны. Я — просто наблюдатель, сидящий в молчании, я ничего не делаю».

Эта неделающая осознанность, у которой в мире нет никаких функций, кроме простого блаженства, экстаза, опьяненности, — пре-

дельно центрированная в настоящем моменте... В этом вся суть идеи будд: заставить вас осознать, что внутри вас прячется нечто. Но, поскольку оно бесполезно, вам нет до него дела.

Мир состоит из утилитарности, а ваше сознание не утилитарно. Вы не можете заработать на нем, вы не можете его продать, вы ничего не можете с ним сделать. Это не энергия деятельности. Это просто бытие — энергия бытия, которая стоит как Эверест, безмолвно, многие века.

В этой истории Исан пытается заставить Кёдзана, своего ученика, осознать эту безусловную и бездеятельную «естьность» вашего существования. И это — величайшая красота и величайшая истина. Выше нее ничего нет.

Наш возлюбленный Мастер,

Исан сказал Кёдзану:

— Большинство людей на этой огромной земле, с их неограниченным причинно-следственным сознанием, не осознают той изначальной природы, на которую должны полагаться.

Люди сознательны, но очень поверхностно, в обычных вещах. Они функциональны и делают тысячи вещей, так что нельзя сказать, что они абсолютно бессознательны. Самое большее, их можно назвать поверхностно сознательными.

Согласно исследованиям психологов, используется только одна десятая вашего сознания. Девять десятых — в девять раз больше — просто остается в бездействии, и вы этого даже не осознаете. А это — ваше вечное сокровище. Это — ваше изначальное лицо. Это — ваша невинность. Все в вас умрет, кроме этого сознания, которое просто свидетельствует — как делает Басё. Сидя в безмолвии, он, несомненно, свидетель; ничего не делая, он — свидетель; весна приходит — он свидетель; трава начинает расти сама по себе — он свидетель; но он вовлечен не более чем свидетель. Это свидетельствование — последняя основа нашего существования. Это — наша вечность.

Исан сказал Кёдзану: «Можешь ли ты сказать, обладают они этим изначальным свидетельствованием, этим изначальным сознанием? Функциональное сознание я вижу; его может увидеть каждый».

Кёдзан ответил:

— Я сталкивался с этой трудностью.

Человек кажется прекрасно осознающим, он делает вещи... как узнать, есть в нем изначальное сознание или нет? Сознателен ли он в сокровенной глубине сердца?

— Я сталкивался с этой трудностью.

Как раз в этот момент мимо проходил некий монах, и Кёдзан окликнул его:

— Джари!

Монах обернулся.

Кёдзан прокомментировал Исану:

— Вот пример обширного причинно-следственного сознания, не осознающего основы, на которую оно должно опираться.

Человек, которого окликнули, повернул голову. Очевидно, он немного сознателен; но осознает ли он, что обернулся? Поворот головы — просто функция; для этого требуется очень немного сознания. Но осознает ли он, что повернул голову? Если он осознает это, то он обладает изначальным сознанием, свидетельствованием. Если его сознания хватает только на то, чтобы обернуться, то это может сделать любой автомат, машина — а машина не может стать буддой.

Вы должны понять. Во времена Будды или Исана это было недоступно, но для нас это стало яснее. Компьютер может работать лучше, чем вы, гораздо более эффективно и без усталости. Но он может делать только то, чему он обучен. Когда появляется нечто новое, компьютер будет в замешательстве, потому что ему известны только готовые ответы. Вы можете поместить в него все библиотеки — он способен вместить в своей памяти все эти библиотеки, — и все, что содержится в этих библиотеках, станет содержимым его памяти. Если вы зададите вопрос, который содержится в памяти компьютера, он немедленно даст правильный ответ. Но если вы спросите что-то такое, чем не снабдили его заранее, компьютер будет молчать. Он не может ответить самостоятельно, потому что не обладает оригинальным сознанием.

Поэтому ваше поверхностное сознание не более ценно, чем автоматический механизм. Если назвали ваше имя, вы обернетесь и посмотрите — но осознаете ли вы, что назвали ваше имя и вы поворачиваетесь и смотрите? Только эта глубокая осознанность может трансформировать вашу жизнь; в противном случае вы останетесь компьютером. Для чего создано все ваше образование? — для того, чтобы сделать из вас лучший компьютер, чтобы побольше набить вас информацией.

Что бы вы ни делали и что бы ни говорили, спросите себя: вы ли это, или ваша мать говорила вам делать так — или ваш отец, учитель, священник? Вы ли это, или кто-то другой манипулирует вами? И вы будете удивлены: вы никогда, ни одного раза не действовали спонтанно, вы всегда полагались на память. Память идет от других. Возможно, в ней есть что-то из вашего опыта, но от-

вет не должен приходить из памяти, он должен исходить из вашей алертности.

Однажды некий человек задал Будде какой-то философский вопрос, и Будда ответил ему. Этот человек размышлял над ответом. На следующий день он снова пришел к Будде и сказал:

— Моя проблема не решена.

Будда попросил:

— Повтори свой вопрос, — и ответил совершенно иначе.

Этот человек был в растерянности. Он сказал:

— Вчера ты сказал одно, а теперь говоришь совершенно другое.

Будда ответил:

— Вчера было вчера, а сегодня — сегодня. Не верь мне: завтра будет завтра. Я отвечаю от момента к моменту. Это не вопрос памяти и времени; это вопрос моей тотальной доступности для тебя сейчас. Я не помню твоего вопроса и не помню своего ответа. Вчера закончилось. А сегодня такой прекрасный день — зачем беспокоиться о вчера и завтра? Давай встретимся друг с другом сейчас, в этот самый момент. Ты задаешь вопрос, мое зеркало готово отражать. Но я не могу обещать, что останусь последовательным завтра, потому что — кто знает? Все течет, все изменяется. То, что правильно в этот момент, завтра может стать неправильным.

Таково действие изначального сознания. Подлинный человек никогда не бывает последовательным, не может быть; последовательным может быть только мертвый.

Для меня это было сюрпризом: почти десять лет мы сражались с индийским правительством в вопросе, является ли наша школа обучающей, относится ли она к системе образования. У правительства не было ответа; они лишили нас статуса учебного заведения, не подлежащего налогообложению. В конце концов, высшие налоговые инстанции пришли к заключению, что они не могут дать этот статус, пока я жив, потому что завтра я могу измениться. Я согласен с ними. Этот статус можно давать только мертвым, потому что, как бы они ни вертелись в своих могилах, они ничего не могут изменить. Все стало мертвым. Тогда это приемлемо, respectfully. А живой и спонтанный человек опасен для статус-кво.

Когда я приехал в Америку, первым вопросом, который они задали мне, было: «Вы анархист?» Они уже завели на меня большое дело.

Я сказал:

— Вы производите впечатление разумного человека. Я могу сказать, что я не анархист, и завтра стать им, потому что мое сегодня не может ограничивать всю мою жизнь, создавать рабство. Так какой же смысл задавать такие вопросы? По крайней мере, последо-

вательность — не мой путь. Если вам удобно, можете написать, что я не анархист и не коммунист — но, что касается меня, я — и то, и другое, и еще немного.

Он спросил:

— Еще немного?

Я ответил:

— Конечно — потому что Бакунин умер, Кропоткин умер, Маркс умер. Если бы они были живы, они многое изменили бы в своей философии. А я должен завершить эту работу; вот что значит «еще немного».

Жизнь — всегда открытая река. Вы никогда не знаете, где она сделает поворот. Вы не можете взять у реки обещание, что она не повернет в таком-то месте. Природа никогда ничего вам не обещает. Обещание означает определенное ограничение, оно означает зависимость. Оно означает, что с этого момента вы соглашаетесь не жить. Когда вы говорите: «Я — христианин», вы мертвы. Вы не можете выйти за пределы христианства или пойти против христианства. Даже если вы ясно видите, что что-то неправильно, вы должны держать рот на замке. Вы — христианин.

Когда вы принадлежите какой-то организации, религии, политической партии, вы должны отказаться от свободы мышления, вы должны стать слепым; вы не можете видеть, потому что вещи могут отличаться от вашей мертвой идеологии, которая все решила сотни лет назад.

Вы должны наблюдать... Сейчас вы слушаете меня. Осознаете ли вы, что слушаете? Отделитесь от функции слушания и свидетельствуйте: ваш механизм слушания функционирует, а вы — просто свидетель, наблюдающий это. Эта отделенность крайне необходима, потому что мы должны отделиться от всего мусора, что собрался вокруг свидетеля, чтобы этот свидетель стал абсолютно свободным в настоящем, без всякой идеологии, без всяких предубеждений, без всего — просто пустое зеркало. Тогда его способность отражать истину безмерна. Тогда его способность отражать красоту безмерна.

Кэдзан прокомментировал Исану:

— Вот пример обширного причинно-следственного сознания, не осознающего основы, на которую оно должно опираться.

Этот человек повернул голову, но не осознавал, что он сделал и почему он сделал это.

Я много раз рассказывал вам эту историю о Гаутаме Будде. Однажды, когда Будда шел по дороге из одного города в другой, он разговаривал с Анандой. Ему на лоб села муха, и он, занятый раз-

говором с Анандой, согнал ее — как вы делаете это, автоматически. Затем он внезапно остановился, снова поднял руку — с великим изяществом, и сделал движение рукой. Ананда был в полной растерянности. Он сказал:

— Муха улетела. Что ты делаешь?

Он ответил:

— Я сделал это механически. Я разговаривал с тобой и предоставил функциональному, автоматическому уму отогнать муху. Но я не был осознующим. Я сделал это, но без подлинного осознания. Теперь я делаю это так, как это следовало сделать.

В другой раз он проходил через деревню, и тысячи жителей были против него, как это неизбежно бывает. Только ничтожных людей уважают; великие люди подвергаются великому осуждению. Враги собрались и начали поносить его самыми грязными словами. Он слушал, стоя безмолвно, как Басё. Эти люди почувствовали легкое замешательство — почему он ничего не отвечает?

Будда сказал:

— Заканчивайте свое дело, потому что я должен идти в другой город. И поразмышляйте вот о чем... В предыдущем городе люди любят меня; они принесли сладости, цветы и многочисленные подарки. Я не могу унести их — я не могу хранить вещи, — поэтому я сказал тем людям, чтобы они шли обратно и раздали от меня эти сладости и цветы жителям деревни.

Теперь я прошу вас — вы пришли с оскорблениями, грязными словами, безобразными выражениями. Я не принимаю их. Вы пришли слишком поздно. Вам следовало прийти десять лет назад, и здесь было бы кровопролитие. Эти руки были руками воина. Если бы десять лет назад было сказано хотя бы одно слово из того, что вы наговорили, все эти головы катались бы по земле. Но, к счастью, вы немного опоздали. Теперь я не действую подобно автомату. Я вижу, что вы — невежественные люди, я вижу вашу бессознательность — и, если я не принимаю ваши оскорбления, вы не можете дать их мне.

Вам придется унести домой весь тот мусор, что вы принесли. Что вы будете с ним делать? Раздайте его от моего имени всей деревне. И если осталось еще что-то недосказанное — когда я буду возвращаться по этой же дороге, я специально останусь здесь на день. Вы можете стыдить меня, вы можете высказать сколько угодно лжи и жалоб, но помните: если я не приму это, ваша работа абсолютно напрасна. Вы говорите в небеса. Ваши слова не оставили на мне ни одной царапины. Я просто наслаждался. Спасибо. — И он ушел.

Ананда, его ученик — он тоже был воином, он был двоюродным братом Гаутамы Будды, — сказал:

— Я совершенно забыл о твоих идеях сострадания, доброты и любви. Я был готов отрубить им головы. Я так и искал меч — но я ничего не мог сделать в твоём присутствии. Я совершенно забыл.

Ананда оставался непросветленным, пока Будда не умер. Он стал просветленным после смерти Гаутамы Будды, на следующий день. И Будда сказал: «Пока я жив, ты будешь непросветленным. Твоя привязанность ко мне — это барьер. Твоя любовь ко мне — барьер. Ты не можешь забыть, что ты — мой двоюродный брат. Это мешает тебе стать учеником, так что твое ученичество — одно лицемерие. И я знаю, что ты беспомощен, ты ничего не можешь сделать. Ты стараешься сделать все, но стараться — это одно, а то, что возникает спонтанно, — совсем другое».

И странно, что это действительно случилось в тот день, когда Будда умер. На следующий день Ананда не двинулся с места — он целый день сидел без пищи, без воды. Все хотели помочь ему. Это был такой удар, потому что в течение сорока двух лет он непрерывно служил Будде, днем и ночью, никогда не думая о себе; единственной его заботой было обеспечить Будду всеми возможными удобствами. Может быть, удар был слишком сильным. Он закрыл глаза и сидел, как каменное изваяние. Но никто не осмелился потревожить его. Это было слишком деликатное дело. Только вечером следующего дня он открыл глаза и сказал: «В конце концов, он был прав. Теперь вы можете отрубить мне голову, но не можете даже поцарапать мое сознание».

Итак, функциональное сознание — это одно; оно есть у всех. Вы должны найти более глубокого, изначального свидетеля, который может свидетельствовать ваше тело, ум, мысли, поступки, и все же оставаться вдали от любой привязанности или суждения. Это открытие — величайшее в истории сознания. Ни одно научное открытие в любой области — математике, логике или философии — не может быть более значительным, величественным и безусловным, чем открытие свидетеля. Этот свидетель делает вас буддой.

Исан заметил:

— *Это капля львиного молока, из-за которой сворачиваются шесть галлонов ослиного.*

Он говорит, что изначальное сознание — даже малая капля — настолько ценно, что заполнит океаны. Всего одно мгновение изначального сознания, простое и однократное столкновение с самим собой — и вы никогда не будете прежним. Вы будете совершенно новым человеком — тем новым человеком, о котором я говорю каждый день, чтобы просто напомнить вам, что этот новый человек готов родиться внутри вас. Ему нужно только чуть больше свиде-

тельствования.

Свидетельствование — это пища для беременного будды в вас. И когда эта пища с каждым днем проникает все глубже и глубже... однажды вы внезапно увидите: вам не нужно идти в центр; будда вышел встретить вас на периферии. Однажды вы можете вдруг проснуться буддой, и в этом пробуждении весь мир меняет свой колорит. Все приобретает иную красоту, святость, изящество. Звуки становятся нежнее и музыкальнее. Скромные полевые цветы становятся такими же ценными, как любые лотосы или розы.

Быть буддой — революция не только внутри вас, это революция самого вашего представления о мире, об отношениях, любви, дружбе. Эта революция тотальна. Она меняет все ваше восприятие, все ваши концепции. Она меняет все ваши старые механические привычки. Она впервые делает вас не роботом.

Как-то Исан заметил Кёдзану:

— Мы целый день спорили о дзен, и что мы получили от всего этого?

В ответ Кёдзан начертил линию в воздухе.

Исан прокомментировал:

— Если бы это был не я, он бы обманулся.

Кёдзан ответил необычайно ясно. Целый день спорить о дзен — все равно, что чертить линию в воздухе. Споры не могут привести вас куда-то, они не способны вести. Слова приводят к другим словам, и это — порочный круг. Вы можете спорить без конца, но это не приведет вас к центру вашего существа; споры так же тщетны, как надписи в воздухе. Вы еще не закончили писать, а надпись уже стерлась.

Исан сказал: «Ты абсолютно прав — поскольку я могу видеть, у меня есть глаза, чтобы видеть невидимое. Но любой другой мог бы обмануться. Он бы подумал, что в ходе дискуссии мы чего-то достигли; он не смог бы понять, что это за линия. Даже это движение — линия в воздухе — препятствие. Тебе следовало быть абсолютно безмолвным, потому что ничто не достигнуто, даже линия в небе. Если бы на моем месте был кто-то другой, он бы мог обмануться — подумать, что, продолжая спорить, вы мало-помалу можете постичь дзен, можете достичь буддовости.

Что касается меня, — сказал Исан, — это совершенно правильно, поскольку я понимаю, что линия в небе ничего не означает; но кто-то другой мог бы обмануться».

Все это — процесс подготовки преемника. Кёдзан должен был стать преемником Исана. Исан готовит его к любым возможностям, с которыми ему придется столкнуться. Просто быть просветленным — недостаточно. Чистое просветление даст вам все радости

мира, но вы станете абсолютно немым. Вы не скажете ничего, вы не найдете никакого способа выразить это.

Перед просветлением мастер должен подготовить людей, которые будут его преемниками, сделать их более искусными, развить в них способность облекать бессловесное в слова, трансформировать тишину в песни, абсолютно недвижимое — в танец. Лишь тогда он сможет что-то передать и принести слепому человечеству какую-то пользу.

По этой причине Будда делил своих просветленных на две категории. Все они были на равной высоте — здесь не бывает более низкого или высокого качества, — все они принадлежали одной и той же космической реальности, коренной природе. Но он выделил две категории. Одну из них он назвал архатами; архаты — это люди, которые стали просветленными и остались в безмолвии; вторую категорию он назвал бодхисатвами. Они тоже стали просветленными, но их работа — передать людям нечто: некое средство, некие намеки относительно своего опыта.

Архатов называют Хинаяна — маленькая лодочка, в которой один человек может переправиться на другой берег. Конечно, он попадает на другой берег. А бодхисатв Будда назвал Махаяна; это огромный корабль, на котором тысячи людей могут переплыть на тот берег. Этот другой берег — тот же, но бодхисатва помогает многим. Архат не искусен; он простой, хороший, крайне смиренный человек, но он не произнесет ни единого слова о том, чего достиг. Для него говорить что-то — это слишком много. Он совершенно доволен, зачем ему говорить? И, в любом случае, каждый человек должен найти свой собственный путь, так зачем же без нужды беспокоить людей? У архата своя точка зрения.

Будде приходилось спорить с архатами и бодхисатвами, потому что и те и другие стали просветленными, когда он был жив. Это была постоянная борьба. У архатов был свой резон: вы не можете отрицать, что каждый должен искать свой собственный путь, так что передавать что-то людям не обязательно. Это может стать препятствием. Все писания стали препятствиями.

Ни один архат не оставил каких-либо писаний. Архат не двинет даже пальцем, чтобы показать на луну, потому что это опасно: люди могут привязаться к пальцу, думая, что это — луна. Он соблюдает полную тишину. Не думайте, что в нем нет сострадания; просто у сострадания тоже много способов выражения.

Он проявляет сострадание, не вмешиваясь в вашу жизнь, и он демонстрирует свое доверие: сущее как-нибудь приведет вас — не сегодня, так завтра, не завтра, так в следующей жизни. Вечность открыта; куда торопиться? «И если кто-то достаточно разумен, он может увидеть мою маленькую лодочку, плывущую к другому бере-

гу. Это — достаточный намек. Если он не может его понять, значит, он не может понять ничего другого.»

Поэтому Будда, в конце концов, признал эти две категории равными, не выделяя, кто выше и кто ниже. «Архаты, — сказал он, — продолжайте свой путь безмолвия.» А бодхисатвам, который были готовы попробовать, он сказал: «Что в этом плохого? Вы стали просветленными, вы не можете потерять это — нет способа потерять это, — что же плохого в том, чтобы попытаться немного спровоцировать людей и бросить им вызов, создавая в них великий порыв и жажду? Вы можете работать над тысячами и, возможно, один будет готов; но даже это — очень много по сравнению с целой землей. Даже если маленькая свеча горит в самой темной ночи... ее свет и сияние велики, потому что она может подсказать другим поискать свечу — зачем жить во тьме?»

Бодхисатвы, ходящие среди толпы, подобны факелам — радостным, танцующим и полным изящества. Они будут пробуждать потребность, глубоко подавленный голод и жажду высшего.

Сосеки написал:

Клочки белого облака
Носятся возле входа в пещеру,
Не мешая моему другу по дхарме,
Когда он приходит постучать в мою дверь.
Я никогда не находил способа
Скрыть, что не делаю ничего
День за днем.
Мы беремся за руки и ходим туда и сюда,
Туда и сюда.

Таинственное стихотворение, но очень простое. Иногда простота более таинственна, чем сложность. Клочки белого облака...

Просто представьте — потому что дзенские стихи не для чтения, их нужно видеть. Представьте себе пещеру:

Клочки белого облака
Носятся возле входа в пещеру,
Не мешая моему другу по дхарме...

Кто этот друг? Мы всегда называли его буддой. Эти белые облака не могут помешать моему будде,

...когда он приходит постучать в мою дверь.
Я никогда не находил способа
Скрыть, что не делаю ничего
День за днем.

Он говорит, что эти белые облака не мешают ему быть буддой.

Этот стук приходит не снаружи; вы не слышали стука, который раздается изнутри. Будда хочет выйти на поверхность. Довольно. Многие жизни, века, тысячелетия он жил, скрываясь в центре вашего существа. Приходит день, когда он тоже хочет посмотреть на восход и закат, увидеть звездную ночь и все прекрасные цветы мира.

Медитирующий, в конце концов, однажды слышит стук изнутри. Вы слышали только тот стук, что доносится снаружи, но однажды, посреди ночи, вы услышите, как кто-то стучит изнутри. Это очень странное ощущение. Не бойтесь, это ваш друг по дхарме. Это самое ваше существо, которое говорит: «Теперь ты готов: открой двери, позволь мне войти. Позволь мне возобладать — в твоих действиях, жестах, словах, безмолвии».

Так что, если вы иногда слышите стук, не ошибитесь. Анандо слышит стук. Она думает, что кто-то стучит в ее дверь — скорее всего, я. А я заперт в своей комнате, и ключ — у Нирвано; я не могу оттуда выйти. А Анандо... Я снова и снова пытаюсь убедить ее, так что она начала думать: «Возможно, это стучит Майтрейя, который умер», — он жил рядом с ней, он был ее соседом и большим другом, они обменивались газетами. «Быть может, по ночам, когда он лежит в холодной могиле, ему иногда хочется узнать, что происходит в мире. Возможно, это стучит он, такое бывает.»

Но, насколько я понимаю, главный вход заперт, все закрыто. Этот стук раздается внутри; но, поскольку вы никогда не слышали, чтобы он приходил изнутри, создается ошибочное впечатление, что он раздается снаружи.

Так что, Анандо, когда этот стук повторится в следующий раз, помни: он приходит не снаружи, от какого-то духа, святого или не святого. Здесь полно всяких духов; но это стучит твое собственное существо. Не подавляй его, не пытайся от него убежать. Прислушайся к нему. Чего оно хочет? Оно хочет выйти. Ваше существо хочет выйти в мир во всем его великолепии.

Сосеки говорит: «Ничто не может помешать другу, когда он стучит в мою дверь».

Конечно, Сосеки волнуется: «Что он подумает? — потому что я никогда не находил способа скрыть, что не делаю ничего день за днем; я просто продолжаю ничего не делать». Возникает легкое беспокойство: «Что подумает будда? Что это за отвратительный лентяй, который ничего не делает день за днем?..»

Но, в конце концов, мы беремся за руки и ходим туда и сюда, туда и сюда — с центра на периферию, с периферии в центр. Мало-помалу вы и будда становитесь одним, это не две сущности.

Когда вы становитесь менее защищенным, более тихим, уязвимым, когда вы полностью открываетесь, эти две руки — ваши. Тог-

да начинается новый танец — танец, красота которого неопишима. Тогда начинается опьянение, которое не от мира сего. Вы можете назвать это только божественным вином; именно так называют это суфии.

Маниша спросила:

Наш возлюбленный Мастер,

Каждую ночь, прежде чем погрузиться в сон, я двадцать раз тихо повторяю слово «свидетельствование», вызывая в памяти это пространство. Неизменно, первая или вторая мысль после пробуждения — это воспоминание о свидетеле.

Что происходит? Ум гипнотизируется, вспоминая свидетеля?

Маниша, первое: не нужно отсчитывать двадцать раз — продолжай повторять, ты должна уснуть, повторяя. Тогда это не будет первая или вторая мысль; это абсолютно точно будет первая мысль, когда ты проснешься — если ты непрерывно продолжаешь повторять «свидетельствование» и создаешь это пространство... не только само слово «свидетельствование», но и то пространство, которое окружает это слово в твоей медитации. Просто продолжай — это пространство и это слово. Не считай, не будь такой скупой — двадцать раз...

Хорошо, что на моем месте не Ма Цзы, иначе он прямо отсюда прыгнул бы на Манишу и сделал бы ее пожизненным свидетелем — мертвым или живым, не имеет значения. Ты делаешь правильно. Не называй это гипнозом, потому что это слово было осуждено христианством. Это прекрасное слово, и весь этот процесс прекрасен — и все же, поскольку тебя растили христианкой, очень трудно избавиться от этого воспитания.

Так что, если ты называешь это гипнозом, христианский ум медленно скажет, что ты делаешь что-то неправильное. Забудь о гипнозе; это медитация. Ты просто пытаешься заставить ум помнить, что первой мыслью после пробуждения должно быть свидетельство и все пространство свидетельства. Это прекрасный процесс.

Если ты, засыпая, продолжаешь повторять это слово и вспоминать это пространство, они войдут в твой сон. Ты спишь, но твой глубинный ум продолжает повторять их. Вся ночь становится медитацией. Утром, естественно, свидетельство будет первой мыслью, потому что всю ночь оно оставалось с тобой, как подводное течение.

Но не называй это гипнозом, хотя в этом слове нет ничего дурного; это другое название медитации. Но христианство нанесло миру большой ущерб: этот феномен, который может открыть в человеке множество тайн, который может вылечить множество умствен-

ных болезней, избегается. Из-за христианства... другие религии тоже стали подражать ему, потому что христианские государства, к несчастью, во всем мире стали великими империями. Поэтому, даже если страны не были христианскими, все равно — модель образования, общая атмосфера, созданная христианской империей, вошла в индуистов, мусульман, буддистов.

Это бедствие не только для христиан, это всемирное бедствие — но для христиан еще большее, и особенно для Маниши. Ее учили в христианской школе, ее готовили быть сестрой милосердия, потому что это добродетель: ухаживать за больными — великая добродетель, вы получите очень большую награду на небесах.

Поэтому, чем больше больных, тем лучше — особенно для христиан. Чем больше сирот, тем лучше для матери Терезы и Папы-попьяка — их можно обратить в христианство. Чем больше в мире нищеты, тем лучше для христианства, потому что обратить можно только нищих.

Ни одному богатому буддисту даже во сне не придет в голову обратиться в христианство. Христианство — такая заурядная религия, настолько детская и глупая, что ни одного культурного индуиста, мусульманина или христианина — да, я включаю сюда и интеллигентных христиан — не может убедить христианская теология. Человек просто формально утверждает, что он — христианин.

Я был в Греции. Амрито здесь; я спросил ее, каков процент греческой ортодоксальной церкви в стране. Она сказала мне, что около девяноста процентов населения — ортодоксальные христиане, но только четыре процента христиан посещают церковь.

А что же остальные восемьдесят пять процентов? Они только формально — христиане. Ни один разумный человек не может принадлежать такой третьесортной религии, как христианство. Оно зависит от бедных, от сирот — и ради того, чтобы создать больше сирот и нищих, оно против контроля над рождаемостью.

Это странное явление, учитывая ситуацию в мире: население будет убивать само себя; человек будет убивать человека, есть человека. К концу этого столетия наступит момент, когда люди по милости христианства станут людоедами.

Глубоко в бессознательном Маниша хранит христианское воспитание.

Поэтому не нужно пользоваться словом «гипноз». Вообще, это прекрасное слово, такое же прекрасное, как слово «медитация». Это синонимы, но лучше избегать его. Медитируйте и не считайте, потому что, если вы считаете, кто тогда медитирует? Если вы считаете, кто свидетельствует? Не считайте, потому что ваш свидетель потеряется в счете. Пространство свидетельства будет утеряно.

И куда спешить? Сон придет сам по себе. Просто продолжайте

наслаждаться пространством свидетельствования и позвольте сну слиться с ним. Несколько мгновений вы будете слышать далекий отзвук, а затем полностью забудете о свидетельствовании. Но оно будет продолжаться, как подводное течение. Шесть или восемь часов сна вы можете превратить в необычайно плодотворную медитацию.

И залог успеха в том, что первая мысль, когда вы открываете глаза — или даже до того, как вы их открываете: когда вы осознаете, что сон закончился, — первой мыслью, с которой вы встретитесь, будет последняя мысль, которую вы оставили до того, как погрузиться в сон. Это означает, что есть связь; это подспудно течет, не прерываясь, с вечера, когда вы еще бодрствовали, до утра, когда вы снова проснулись.

Ты занимаешься прекрасной медитацией. Тебе нужно только отбросить две вещи: не считай и не называй это гипнозом.

Пришло время Сардара Гурудаяла Сингха. Направьте на него свет! Хорошо! Только посмотрите на этот тюрбан. Он приходит с такой великой радостью. Однажды он и мне принес тюрбан. Он хотел, чтобы я пришел в аудиторию в тюрбане.

Я сказал: «Это будет слишком! Правительство и так подозревает, что я создаю беспорядки в Пенджабе. Я не выхожу из своей комнаты, но правительственные детективные агентства все время интересуются, какова моя позиция относительно Пенджабской проблемы. Если я приду в этом фантастическом тюрбане, это создаст ненужные сложности».

Но он приходит, как жених на праздник. Мне приходится искать для него анекдоты. Я не знаю... он очень древний, он может перекинуться в любой день. Но мы посадим на его место чучело в тюрбане — я обещаю, — потому что без него мне не захочется рассказывать анекдоты!

Нэнси Рейган возле бассейна в Белом Доме болтает со своей лучшей подружкой Эстер Майндбендер.

— Жизнь ужасна, — всхлипывает Нэнси. — Особенно с тех пор, как Рональд стал импотентом на четыреста процентов... в моей жизни не осталось ничего!

— Погоди-ка, — говорит Эстер. — Сто процентов импотенции — это достаточно плохо, но четыреста?

— Ты не понимаешь, — хнычет Нэнси. — Он стал стопроцентным импотентом, когда на скачках лошадь Джона Уэйна лягнула его по яйцам. Но на прошлой неделе, — продолжает Нэнси, — он упал со своего вращающегося стула, сломал обе руки и прикусил кончик языка!

Колокола Ватикана медленно вызванивают печальную весть: «Папа-поляк умирает».

Верующие католики собрались на площади святого Петра помолиться за своего польского понтифика, и кардинал Катзасс начинает совершать особый обряд.

— Послушайте, — говорит Катзасс толпе. — Я хочу, чтобы кто-нибудь из вас пожертвовал часть своей жизни богохранимому Поляку — то есть Папе.

Миссис Хлорекс выходит вперед, воздевает руки и кричит:

— Я отдам неделю своей жизни Папе-поляку!

Раздается оглушительное одобрение. Затем выходит отец Фамбл:

— Я жертвую два дня своей жизни Папе-поляку! — кричит он.

Толпа выражает одобрение.

В это время на площади с группой еврейских туристов появляется Мойше Финкельштейн. Он тут же начинает размахивать руками и кричать:

— Я жертвую двадцать лет жизни...

— Что? — вмещивается его друг Хаим. — Ты что, сумасшедший? Так много — а ведь ты еврей!

Мойше смотрит на Хаима и продолжает:

— ... жизни моей тещи!

Каждую пятницу Нелли сбегает из психбольницы и начинает голышом носиться по лесу, окружающему лечебницу.

Каждую пятницу Чокнутый Лэрри, Псих Мелвин и Безумный Карл наблюдают, как она скидывает с себя одежду и исчезает за забором.

Каждую пятницу Эгский, больничный охранник, посылает трех чокнутых вернуть голую Нелли.

На этот раз они ходят слишком долго, поэтому Эгский решает пойти за ними. Он входит в лес, и мимо него тут же проносится голая Нэнси с широкой ухмылкой на лице. Затем Эгский видит Чокнутого Лэрри и Безумного Карла, которые преследуют ее, обливаясь потом.

Через пару минут, тяжело дыша, подтягивается Псих Мелвин. В обеих руках у него — по ведру с песком.

— Эй, Мелвин, подожди минутку! — кричит Эгский. — Что ты делаешь, зачем ты бегаешь с этими ведрами? Как, черт возьми, ты собираешься поймать с ними Нелли?

— Понимаете, — задыхаясь, говорит Мелвин, — сегодня моя очередь носить песок, потому что я поймал ее на прошлой неделе!

Вы поймете это в свое время!

Ниведано...

Ниведано...

Будьте безмолвны. Закройте глаза. Почувствуйте, что ваше тело совершенно замерзло.

Теперь посмотрите внутрь со всем своим сознанием, с такой настоятельностью, как будто это ваш последний миг на земле. Лишь с такой настойчивостью вы можете совершить квантовый скачок с периферии в центр.

Глубже и глубже... когда вы начинаете приближаться к центру, вся атмосфера Аудитории Будды меняется. Великая безмятежность, тишина начинают нисходить вместе с цветами радости и мира.

Помните только одно: в центре вы — не что иное, как свидетель: свидетель тела, свидетель ума, свидетель всего того великолепия, которое вы переживете в центре. В центре все вы — будды. Аудитория Будды — место встречи будд.

В этот момент вы соединены со своей вечностью. В этот момент вас больше нет. Аудитория Будды стала озером чистого сознания без всякой ряби.

Радуйтесь: вы благословенны — потому что весь мир забыл красоту источника жизни, блаженство подлинного лица, безмерное блаженство и благословение исчезновения в океане — подобно тому как капля росы соскальзывает с листа лотоса в океан и становится океаном.

Сделай это абсолютно ясным, Ниведано...

Расслабьтесь. Но продолжайте помнить, что вы — свидетель.

Тело — не вы, ум — не вы. Вы — не что иное, как чистый свидетель. Это единственная часть в вас, которая бессмертна; все остальное — прах.

Этот вечер сам по себе был прекрасен, но вы принесли ему безмерную красоту и изящество тем, что были в источнике своего существа. Вы сделали его незабываемым.

Вы видите повсюду шутихи... их запускают в честь великого медитирующего, Махавиры.

Он достиг просветления в безлунную ночь. Эта ночь приближается. И этот праздник огней в Индии посвящен памяти Махавиры.

Он достиг просветления.

Просветление есть не что иное, как праздник огней.

Внутри себя вы несете будду во всей его славе и великолепии. Все дело вашей жизни — это привести будду из сокровенного

центра на периферию вашей деятельности, в ваши песни, в ваши танцы, в ваши обычные дела и функции. Рука об руку, отведите будду обратно, и скоро вы обнаружите, что медленно таете, и будда занимает ваше место.

Это день великого праздника — когда вас больше нет, и есть только будда. Соберите это прекрасное пространство и цветы, осыпайте вас, потому что скоро Ниведано позовет вас назад.

Будьте готовы.

Убедите будду пойти с вами. Он никогда никому не отказывал. Он всегда готов идти — всего лишь изящное приглашение, молитвенный подход...

Ниведано...

Вернитесь, но вернитесь как будды, с великой тишиной, покоем, безмятежностью, изяществом.

Посидите на своих местах несколько мгновений, чтобы вспомнить, что происходило в центре — на что это было похоже, какой у этого был вкус, и по какому золотому пути вы прошли вперед и назад, потому что вы должны ходить по нему. Он будет становиться все короче и короче с каждым днем, и однажды, из ничего, центр и периферия станут одним.

Вы — периферия; будда — центр.

В день, когда они встречаются, рождается новый человек.

Этот новый человек будет славой мира.

Этот новый человек создаст новый мир спонтанности.

Этот новый человек — единственная надежда.

— О'кей, Маниша?

— Да, возлюбленный Мастер.

Глава 7
Синее небо

1 декабря 1988 г.

Наш возлюбленный Мастер,

Как-то раз двое монахов, пришедших в монастырь Исана из соперничающей общины, заметили:

— Здесь нет ни одного человека, который может понять дзен.

Позже, когда все монахи пошли собирать дрова, Кёдзан увидел, что они отдыхают. Он поднял одно полено и спросил их:

— Можете ли вы сказать об этом?

Оба безмолвствовали; Кёдзан прокомментировал:

— Не говорите, что здесь нет никого, кто может понять дзен.

Вернувшись в монастырь, Кёдзан сказал Исану:

— Сегодня я разоблачил двух дзенских монахов.

— Как? — спросил Исан, и Кёдзан рассказал ему.

Исан прокомментировал:

— Сейчас я так же разоблачил тебя.

Маниша, дзенская встреча — не в словах. Встреча в дзен — это общение в безмолвии. Когда встречаются два дзенских мастера, тот, кто заговорит первым, теряет свой статус. Могут проходить дни; они могут вместе есть, смотреть на красоту заката, утра, звездной ночи; но никто не скажет ни одного слова. Не говоря ни слова и оставаясь просто зеркалом...

Зеркало никогда не говорит ничего об отражении, так же, как и озеро. Луна может быть прекрасной, луна отражается; озеро должно танцевать от радости.

То же самое в случае с сознанием. На высочайшем пике созна-

ния слова остаются далеко внизу — вы как будто поднялись над облаками. Как только вы привнесли какое-то слово, вы испортили сообщение.

Дзен — единственное учение в мире, которое полностью отбросило слова, язык, писания. Эта небольшая история покажет это вам. На первый взгляд, в ней не так много смысла, но в глубине она обладает всем тем смыслом, каким может обладать истина, той же красотой, какую может иметь Бог.

Эта история проста. Дзен не верит в сложность, в ненужный лингвистический жаргон. Он прямо указывает на факт, не прибегая даже к помощи слов, потому что слова не могут помочь вам. На самом деле, слово — это барьер. Уберите слово, допустите состояние без слов, состояние не-ума, и все становится таким кристально ясным и прозрачным, каким оно было от вечности. Просто ваши глаза были затуманены словами... ваш ум накопил так много мусора, который вы называете религиозным. Фактически, любой мусор религиозен, и наоборот.

Функция дзен в том, чтобы без раздумий отсечь весь этот хлам одним ударом, как мечом; и все небо — ваше, вся вселенная — ваша.

Как-то раз двое монахов, пришедших в монастырь Исана из соперничающей общины, заметили:

— Здесь нет ни одного человека, который может понять дзен.

В дзен были соперничающие монастыри. Это началось в тот день, когда умер Будда: немедленно возникли тридцать две школы, и эти тридцать две школы говорили нечто существенно истинное — но это была неполная истина. Наверное, язык вообще не может высказать всю истину. В ней так много граней — вы можете охватить только одну грань, — она настолько всепоглощающа и всеохватна, что вы забываете, что это — не вся истина; вы только прикоснулись к ее краю.

Первой заботой монахов после смерти Гаутамы Будды было собрать все случаи, высказывания, притчи для будущих веков — но они не могли согласиться друг с другом. Среди них было сто просветленных, но даже они не были готовы согласиться между собой. В итоге образовалось тридцать две школы, а потом стали возникать новые ветви и подветви... и буддизм превратился в огромное дерево с необъятной кроной.

Так что не думайте, что эти соперничающие монастыри были врагами. Слово «соперник» создаст у вас неверное впечатление. Монастыри-соперники просто говорят: «Таков наш путь, на котором мы нашли истину». Они не отрицают ваш путь, они не говорят, правилен он или нет; они ничего не говорят о вашем пути. И

это был прекрасный метод обучения. Мастера даже посылали своих учеников к мастерам-соперникам: «Ты должен знать, что у истины есть и другие стороны; у меня нет на нее монополии».

Это совсем другой и очень сострадательный подход. Обычно, христианин не пошлет своих учеников поучиться у мусульманского суфия или буддийского монаха. Это уже принято: «Истина — у нас. Если кто-то другой заявляет, что у него есть истина, он ошибается». Христианство и индуизм, мусульманство и иудаизм пали очень низко. Вы можете провозгласить свою истину, но не можете объявить на нее монополию; но все претендуют на эту монополию.

Христианин может принять, что Будда, возможно, осознал истину, «но наш путь гораздо лучше, гораздо короче». Он просто уступает, потому что хочет сосуществования в мире. Сосуществование допускает соперника, но не позволяет ему иметь превосходство: другие тоже хороши, но не настолько.

Дзен с самого начала принял другой подход, более гуманный, более экзистенциальный, более истинный. Дзен не хочет приспособить истину к себе; он сам хочет приспособиться к истине. Человек дзен готов отдать все — он готов выбросить все свои условности, писания, статуи. И он понимает, что истина — такое огромное явление, что никто не может претендовать на ее полноту.

Мы привыкли к аристотелианской логике, которая очень бедна, потому что допускает только «да» или «нет». Это просто, ясно. Если кто-то спрашивает вас: «Что вы думаете о Боге?», вы говорите либо: «Да, Бог есть», либо: «Нет, Бога нет». Увы, реальность не так проста.

Логика Гаутамы Будды имеет четыре деления, не два. Если вы спрашиваете о Боге Будду, его логика четырехмерна. Он скажет: «Да, Бог есть»; «Нет, Бога нет»; «И да, и нет», и четвертое, анирвачания, авьякхья — то, что нельзя сказать.

Это покажется очень запутанным; вы не сможете получить правильное направление — куда идти? Да, или нет, или и да, и нет, или то, что нельзя сказать...

Махавира пошел еще дальше. Его логика максимальна — в ней семь измерений. Да, нет, и да, и нет, то, что нельзя сказать — эти четыре измерения принял Будда. Махавира идет немного глубже: да и то, что нельзя сказать; нет и то, что нельзя сказать, и седьмое — невыразимое.

Эти различия очень показательны. Они говорят о том, что эти люди не заботились о философии, они больше заботились о том, чтобы принести вам как можно больше истины с возможно большего числа сторон. Вот почему последний пункт всегда анирвачания — то, что нельзя сказать. Вы должны пойти в то место внутри вас, куда не может проникнуть ни одно слово, и из этой точки вы

не можете вынести никаких объяснений. Вы можете принести опыт. Вы преобразитесь, вы возродитесь, но не сможете вынести отсюда философию. Вы будете новым существом, новой радостью, новым смехом. Новые цветы расцветут в вас, но все, что вы можете делать — это петь, танцевать, играть на своей флейте. Слова — самое низкое в том, что касается опыта.

Как-то раз двое монахов, пришедших в монастырь Исана из соперничающей общины, заметили:

— Здесь нет ни одного человека, который может понять дзен.

Конечно, обычный ум всегда думает: «Я выше, я разумнее. Я обладаю большей истиной».

Позже, когда все монахи пошли собирать дрова, Кёдзан увидел, что они отдыхают. Он поднял одно полено и спросил их:

— Можете ли вы сказать об этом?

Оба безмолвствовали; Кёдзан прокомментировал:

— Не говорите, что здесь нет никого, кто может понять дзен.

Вы не можете объяснить даже полено; что вы можете сказать о дровах?

Один из самых значительных философов этого века, Дж. Э. Мур, написал книгу «Что есть добро?» Всю свою жизнь он искал смысл добра. Его окончательный вывод — после двухсот пятидесяти страниц долгих рассуждений о добре, — в конце он приходит к выводу, что добро неопределимо.

Это именно то, что говорит Будда: анирвачания. Это означает неопределимое. Именно это говорит Махавира: авьякхья — неопределимое.

Но после двухсот пятидесяти страниц очень сложных доказательств... и в самом конце он говорит, что вы не можете ничего определить. Например, если кто-то спрашивает вас: «Что такое желтое?», что вы скажете? Вы скажете: «Желтое — это желтое», но это вряд ли можно назвать ответом.

Когда вы приблизитесь к реальности, вы станете безмолвны. Даже такие слова, как «желтое» становятся неопределимыми. Дрова? — что вы можете о них сказать? Что вы можете сказать такого, что не было сказано раньше?

Два монаха безмолвствовали; Кёдзан прокомментировал: «Не говорите, что здесь нет никого, кто может понять дзен. Возьмите свои слова обратно».

Вернувшись в монастырь, Кёдзан сказал Исану, мастеру:

— Сегодня я разоблачил двух дзенских монахов.

— Как? — спросил Исан, и Кёдзан рассказал ему.

Исан прокомментировал:

Сейчас я так же разоблачил тебя.

Это нужно понять — потому что сам Кёдзан на пути, он не достиг. Что он знает о просветлении? Что он знает об обличении людского невежества? Если вы начинаете обличать людей и приходите с таким гордым видом, как будто сделали великое дело...

Он пришел к мастеру Исану, чтобы тот похвалил его. Но Исана так легко не обманешь. Исан сказал ему: «Сейчас я так же разоблачил тебя. Ты так же глуп, как эти двое монахов. Ни они, ни ты не знают, что такое безмолвие».

А истина — это абсолютно безмолвное состояние, настолько безмолвное, что вы почти исчезаете, настолько тихое, что вы просто становитесь осознанностью — нет ни тела, ни ума, все осталось позади; в прекрасной тишине, окружающей вас, есть лишь маленькое пламя осознанности. Об этом ничего нельзя сказать.

Несколько дней назад вы, наверное, слышали фейерверки. Люди не понимают, они забыли, зачем мы устраиваем все эти огни. В эту ночь Махавира стал просветленным. Махавира — исключение, потому что все будды становились просветленными в ночи полнолуния; Махавира стал просветленным в безлунную ночь. Нельзя ничего сказать — лишь тысячи свечей в честь Махавиры. Миллионы свечей по всей стране — это Праздник огней.

Если кто-то спрашивает вас: «Что есть истина?», покажите ему свое безмолвие. Покажите ему свой аромат, свою любовь. Поделитесь с ним своим присутствием.

О Лао-цзы рассказывают... Каждое утро он ходил гулять в горы. Сосед спросил его:

— Можно мне пойти с тобой?

Лао-цзы сказал:

— Эта дорога не принадлежит мне. Но, если ты хочешь пойти со мной, есть условие: не говори ни слова.

Соседу это удалось. Он много получил, когда в молчании пришел в глухой лес. Присутствие Лао-цзы постепенно становилось все более и более интимным. Вскоре он понял, почему Лао-цзы поставил условие не разговаривать, потому что разговор нарушил бы это великое благословение, это огромное блаженство, которое росло в сердцах обоих — эти маленькие огни, это блистание света.

Но однажды сосед спросил Лао-цзы:

— Ко мне на несколько дней приехал друг. Можно мне взять его с собой?

Лао-цзы ответил:

— С тем же условием.

Но друг не понял, что к этому нельзя относиться небрежно. Он,

сколько мог, хранил молчание, но было много моментов, когда он готов был что-то сказать, но сдерживался. А когда начало всходить солнце, это было так красиво — и эти песни птиц, — что он не смог удержаться. Он забыл условие и сказал:

— Какое прекрасное утро!

Это было слишком... Но Лао-цзы посмотрел на своего соседа. Вернувшись домой, Лао-цзы сказал:

— Твой друг не может ходить со мной: он слишком много говорит.

Сосед возразил:

— За два часа он сказал всего одну фразу: «Какое прекрасное утро!»

Лао-цзы сказал:

— Ты слышал только то, что он сказал вслух, ты не слышал того, что он говорил про себя и контролировал. Из-за него испорчено все мое утро. И если он чувствует, что утро прекрасно... разве мы слепые? Мы тоже видим, что утро прекрасно; какой смысл говорить это? Кому он говорит?

Бывают моменты, когда вы внезапно чувствуете расширение сознания. Это может случиться, когда вы слушаете великую музыку, великую поэзию, или смотрите на великую картину, или просто медитируете, сидя в безмолвии, ничего не делая.

Никто не может превзойти Басё — ни один поэт в целом мире, ни на одном языке, — когда он говорит: «Сидеть в безмолвии, ничего не делая; весна приходит, и трава растет сама по себе».

Просто научитесь быть безмолвными, без малейшей ряби в сознании, и вы — будда. Это небольшое препятствие языка — единственное. Если его нет, каждый человек — будда. поэтому я говорю: быть буддой очень просто.

Однажды, поняв, что барьер — только в языке, я отбросил его. И если весна приходит для Басё, она приходит и для меня. Если трава растет сама по себе, о чем волноваться? Я просто обосновался в своей буддовости.

Не нужно делать никаких усилий; все усилия нужны, чтобы уничтожить усилия, утомить вас, привести к моменту, когда вы падаете, совершенно мертвый от усталости — «Хватит!» Это миг, когда новый жизненный источник, новая звездная ночь, новые розы начинают расцветать вокруг вас.

Сосеки написал:

Все тревоги и беды
Ушли из моей груди,
И я радостно играю
Вдали от мира.

Для человека дзен
 Не существует границ.
 Синее небо должно стыдиться,
 Что оно так мало.

Только человек дзен, только человек просветления может сказать это:

Синее небо должно стыдиться,
 Что оно так мало.

Ваше сознание стало таким необъятным, и в этой необъятности, в этой океаничности кто будет заботиться о тривиальном — правильно ли повязан ваш галстук? Кому нужны эти мелочи? А все наши тревоги — о мелочах. Вы никогда не тревожитесь о чем-то великом. Оглянитесь — и вы не найдете ничего такого, о чем могли бы сказать: «Как здорово, что я об этом позаботился», — сплошные мелочи.

Мулла Насреддин всегда покупал туфли, которые были ему малы — на размер меньше. Он постоянно ворчал и жаловался всем:

— Я умру от этих туфель!

Люди говорили:

— Почему бы тебе не поменять их?

Когда он в следующий раз пришел в обувной магазин, чтобы поменять их, он снова спросил тот же размер. Сапожник сказал:

— Ты что, сумасшедший? Эти туфли всегда создают тебе проблемы.

Мулла Насреддин ответил:

— В этом есть великая философия. У меня так много проблем; эти туфли занимают меня, и все остальные тревоги становятся ничтожными. Я должен ходить в этих туфлях. Единственный способ избежать остальных забот — создать еще большую. Это так просто. А вечером, когда я прихожу домой и снимаю их... Боже, какое облегчение! Эти туфли — моя единственная надежда найти в жизни какое-то облегчение.

Маниша спросила:

Наш возлюбленный Мастер,

То время, когда ты не с нами — имеет ли оно какое-то значение в твоей работе с нами?

Маниша, все, что происходит здесь, имеет свой смысл. Вы должны научиться моему присутствию и моему отсутствию, и вы должны прийти в точку, где присутствие или отсутствие не важны. Вы не должны привязываться к моему присутствию.

Вот почему Гаутама Будда говорил своим ученикам: «Если я прихожу в вашу медитацию, немедленно отрубите мне голову. Не цепляйтесь за меня, иначе я стану барьером».

А любовь между учеником и мастером — самая близкая, последняя. Вы должны научиться моему отсутствию; вы должны радоваться моему отсутствию так же, как радуетесь моему присутствию, потому что я не могу остаться здесь навсегда. И не откладывайте, потому что в любой день...

Что касается меня, моя работа полностью завершена. Если я еще продолжаю, то только из любви к вам. Но вы должны учиться моему отсутствию, потому что дни моего присутствия будут сокращаться. С каждым днем мое присутствие будет уменьшаться; дни моего отсутствия будут увеличиваться.

Я не собираюсь снова возвращаться в тело; это — последний раз. Вы должны стать одинаково тихими, любящими, медитативными со мной и без меня. Разница между моим отсутствием и присутствием должна полностью исчезнуть.

Маниша задала еще один вопрос:

Наш возлюбленный Мастер,

История о том, как Будда механически смахнул муху, непонятна. Неужели он все еще мог сделать что-то, не будучи сознательным, механически? Я думаю, что, однажды став просветленным, человек не может избежать сознательности во всем, что он делает, двадцать четыре часа в сутки.

Маниша, ты задала правильный вопрос.

Я разговаривал с буддийскими монахами на их собраниях. Глава буддистов в Индии, Ананд Каузальяян, был очень озадачен этой историей, потому что она нигде не записана. Но даже он не смог задать правильный вопрос. Он спросил меня:

— Где это написано?

Я ответил:

— Это неважно. Вы можете написать ее!

Но он сказал:

— Это прекрасная история, она хорошо проясняет суть механического поведения и сознательного поведения. — Но даже он не смог задать правильный вопрос.

Твой вопрос гораздо важнее. Я надеялся, что когда-нибудь кто-то задаст его. Это правда: однажды став буддой, вы всегда будда. Тогда как я объясняю эту историю?

Это было сделано для Ананды, который шел с ним. И в первом случае он действовал не механически, он просто сыграл механичность — полностью осознавая это. А затем он остановился и снова махнул рукой. Ананда спросил:

— Что ты делаешь? Муха улетела.

Будда сказал:

— В первый раз я сделал это механически; это было неверно. Я продолжал разговаривать с тобой. Когда я отгонял муху, мне следовало быть более сознательным, более изящным, более любящим. Именно это я делаю сейчас. Мухи нет, но то, что я должен был сделать — и упустил ситуацию... Я наверстываю упущенное.

Насколько я знаю, Будда не мог действовать механически. Он сыграл механичность для Ананды, чтобы сделать ясное различие между сознательным действием и бессознательным — и он сделал это действительно красиво. Но в буддийских писаниях этого нет. Что делать? — история так красива, что она должна быть.

Я записал ее в своей книге по «Дхаммападе». В конце концов, Будда вообще ничего не писал. Все, что написано кем-либо, написано после Гаутамы Будды — кто-то написал это на следующий день, кто-то — на следующий год. Я пишу через двадцать пять веков! Живая река должна течь в новые земли, на новые пастбища. Как только она перестает течь, она застаивается и умирает.

Теперь — время Сардара Гурудаяла Сингха. Он ждал так долго. Вот он пришел — во всей своей славе, с радужным тюрбаном на голове. Я беспокоился, увижу ли я его. Но он очень упрямый мальчик: он сидит на своем месте в своем великолепном тюрбане, ожидая своего времени.

У Папы-поляка ужасная проблема: он мочится в постель. Его так беспокоит эта привычка, что он обращается к доктору Филгуду, психиатру.

— Садитесь, ваше святейшество, — говорит Филгуд, — и расскажите мне об этом.

— Знаете, — говорит Папа-поляк, — каждую ночь, когда я засыпаю, мне снится маленький красный чертик с рожками и хвостом, который говорит: «Папа, пора делать пи-пи». А потом я просыпаюсь и вижу мокрую постель!

— Очень интересно, — говорит доктор. — Но это очень легко вылечить. Когда этот маленький красный чертик в следующий раз придет к вам во сне и предложит помочиться, скажите: «Нет, Дьявол! Мне не нужно писать — я не хочу писать — и не буду!»

— Какая мысль! — говорит Папа-поляк, благодарит Филгуда и возвращается в Ватикан. Как и следовало ожидать, этой ночью, когда Поляк засыпает, маленький красный чертик с рожками и хвостом снова приходит к нему и говорит:

— Эй, Папа, пора делать пи-пи!

Но Папа отвечает:

— Нет, Дьявол, мне не нужно писать — я не хочу писать — и не буду!

— Ага! — говорит чертик. — Так ты не хочешь пи-пи? О'кей — сегодня мы будем делать ка-ка!

Отец Фингер и старый отец Фангус пробуют новое общинное вино после святой мессы. Через час и две бутылки они приходят в полный восторг, и отец Фингер предлагает прокатиться по парку.

Отец Фингер садится на свой мопед, старый отец Фангус взбирается на заднее сиденье; оба совершенно пьяны. Они носятся по улицам города со страшной скоростью, как летучие мыши из преисподней. Отец Фингер поднимает руки и кричит:

— Смотри! Без рук!

Как раз в этот момент они проезжают мимо офицера полиции, медленно курсирующего на своем мотоцикле.

Коп стаскивает с мопеда священников, улавливает сильный запах вина и достает блокнот и ручку.

— Штраф — пятьдесят долларов, отец, — говорит он. — Вы сняли руки с руля, и к тому же вы пьяны.

— Но, офицер! — причитает отец Фингер. — Я молился, и Бог вел мой мопед!

— Хорошо, — улыбается коп, выписывая квитанцию. — Тогда с вас штраф в сто долларов — за то, что на мопеде ехало трое пьяных!

Джонни, маленький сынишка фермера Маффина, прибегает домой в слезах. Его руки и ноги покрыты пчелиными укусами.

— Что с тобой случилось? — спрашивает фермер Маффин.

— Слушай, папа, — ревет Джонни, — я проходил по полю мимо ульев, а эти пчелы вылетели и стали меня жалить!

— Чепуха! — говорит фермер. — Пчелы никогда не жальют просто так. Наверное, ты дразнил их.

— Нет, папа, правда! — хнычет Джонни. — Я просто проходил мимо, а они вылетели и стали меня жалить!

— Ты врешь! — говорит фермер Маффин. — И чтобы доказать это, можешь привязать меня голым к яблоне рядом с ульями и оставить там до вечера. Держу пари, что меня не ужалит ни одна пчела.

— Хорошо, папа, — просияв, говорит Джонни. Затем он привязывает голого отца к дереву и убегает играть.

Весь день Джонни слышит вопли и крики, но не подходит к отцу, чтобы как следует его проучить. Вечером он идет освободить отца.

— Что значат все эти крики, папа? — хихикает Джонни. — Они как следует покусали тебя?

— Ни одна пчела меня не тронула! — стонет фермер Маффин.

— Но видишь того теленка? Он весь день думал, что я — его мама!

Ниведано...

Ниведано...

Будьте безмолвны. Закройте глаза.

Почувствуйте, что ваше тело совершенно замерзло.

Теперь посмотрите внутрь со всем своим сознанием и с настоятельностью, как будто это — последний миг вашей жизни.

Центр вашего существа недалеко. Все, что вам нужно — это тотальная настойчивость.

Глубже и глубже, как копьё... чем глубже вы идете в свое существо, тем глубже проходите в существование.

В этот момент вы — будда, а быть буддой — значит достичь высшего потенциала вашего существа. Семя расцветает и становится голубым лотосом.

Это тело — будда, эта земля — лотосовый рай.

Оставайтесь свидетелем. Это — единственное, что вечно в вас. Все смертно, кроме свидетельствования.

Свидетельствование — это другое название будды.

Сделай это яснее, Ниведано...

Расслабьтесь, но оставайтесь свидетелем.

Вы — не тело, вы — не ум; вы — чистое сознание.

И скоро вы обнаружите, что у вас нет никаких границ.

Аудитория Будды становится озером сознания без ряби.

Соберите как можно больше цветов, что невидимо цветут вокруг вас, как можно больше аромата... И помните, что будда должен постепенно выйти на периферию вашей жизни, в вашу обычную повседневную работу.

Тогда даже эта работа становится медитацией.

Все, что сделано осознанно — медитация.

Прежде чем Ниведано позовет вас назад, соберите как можно больше этого чистого пространства. Принесите с собой этот танец, эту музыку, эту поэзию...

Ниведано...

Вернитесь, но даже в своем возвращении покажите изящество, красоту, безмолвие.

Посидите несколько мгновений, вспоминая опыт, через который вы прошли.

Вы должны стать буддой в своих повседневных делах, двадцать четыре часа в сутки. Живой или мертвый, вы должны быть буддой.

Только будда не умирает.

Быть буддой — ваше предназначение.

Нет другого благословения выше, чем это.

Нет другого экстаза шире, чем этот.

Нет другого блаженства глубже, чем это.

Медитация — единственная революция в мире.

Все остальные революции — подделка.

— О'кей, Маниша?

— Да, возлюбленный Мастер.

Глава 8

Сущностный дзен

2 декабря 1988 г.

Наш возлюбленный Мастер,

Кёдзан однажды вернулся к Исану, чтобы взять у него интервью. Исан сказал:

— Теперь тебя зовут добрым и умным учителем. Как ты отличаешь тех, кто приходит из всех краев и знает это, от тех, кто не знает это; мастеров, которые унаследовали это, от тех, кто не унаследовал; глубокое учение от многозначительного учения? Объясни, а я послушаю.

Кёдзан ответил:

— Кёдзан научился этому. Когда из всех краев приходят монахи, он поднимает свою палку и спрашивает, излагали это там, откуда они пришли, или нет. Затем он говорит им, оставляя это в стороне: «Чему учат старые мастера там, откуда вы пришли?»

Исан восхитился им и сказал:

— Это всегда было когтем и клыком нашей секты.

Маниша, тишина здесь настолько плотная, что немного страшно произнести даже одно слово. Я могу потревожить озеро вашего сознания. Но всегда помните: в бодрствовании слов тишина углубляется. Чем выше гора, тем глубже будет долина, окружающая ее. Огромная гора не может иметь маленькую долину. Во всей природе существует необычайное равновесие.

Сущностный дзен есть попытка привести вас к языку существования, который вы совершенно забыли. Вы совершенно забыли самое важное и наполнили свой ум всевозможным джибберишем.

Может быть, вы знаете, а может быть, нет, что «джиббериш» —

не английское слово. Оно пришло из Персии — так раньше назывался Иран, — от очень таинственного человека, Джаббара. Он никогда не говорил ничего, относящегося к делу. То, что он говорил, было не только неуместно, в этом не было никакой грамматики, там вообще не было никаких слов, одни звуки. Благодаря Джаббару появилось слово «джиббериш».

Но Джаббар нечто говорил своим джибберишем. Он говорил: «Все, что мы можем сказать о существовании — это джиббериш». Он был в великой гармонии с существованием.

Кажется невероятным, но у него была тысяча учеников. Они сидели рядом с ним; когда он молчал, они молчали; когда он входил в джиббериш, они входили в джиббериш — и около двадцати пяти человек стали просветленными. Джаббар не говорил ни слова, никто ничего не слышал.

Вы не можете написать трактат о Джаббаре, потому что он не говорил ничего, кроме джиббериша. Но он излучал свет, он был человеком, который пришел к расцвету, чья весна наступила; и он не боялся быть уязвимым, открытым и восприимчивым. Он шел туда, куда нес его ветер.

Дзен сделал то же самое — под другим углом, но вы должны осознать факт, что любой подлинный мастер — какому бы веку и какой стране он ни принадлежал — не заинтересован в том, чтобы проповедовать вам доктрину. Его забота — установить общность, привести вас в равновесие с окружающей реальностью.

Дзен использовал много методов, которых никогда раньше не знали. Невозможно представить какой-нибудь метод дзен в контексте Греции. Даже Сократ и Платон растерялись бы, встретив Бодхидхарму или Джаббара.

Я всегда думаю: какая бы это была веселая встреча, если бы Джаббар повстречался с Сократом. Сократ был так логичен, рационален. Он был так же честен, как Джаббар; он был готов рисковать жизнью ради истины — и, тем не менее, до последнего мгновения своей жизни он не поднялся до просветления. В тот день, когда он отбросил все знания, всю мудрость, в тот день, когда он отбросил язык как таковой — в тот самый миг на него снизошла безмерная тишина. И те из вас, кто мало-помалу движется к этому великому опыту, поймут это — не потому, что я говорю так, а потому, что таков ваш собственный опыт.

Разве можно что-нибудь сказать о потрясающей тишине, которая царит здесь сейчас? Наш ум мешает нам... наш ум уводит нас от центра нашего существа. Ум совершенно не заинтересован во внутреннем исследовании. Он полностью занят внешним и объективным.

Прежде, чем я буду говорить о сутре Исана... потому что эта

сутра — последняя в серии и последняя в жизни Исана. Эта сутра заканчивается точно в то время, когда Исан умирает.

Смерть человека показывает, как он жил — жил ли он вообще, или нет. Вы можете верить в то, что живете, но не будьте слишком уверенны.

Каждый сумасшедший во всех сумасшедших домах мира абсолютно уверен в том, что он не сумасшедший. Он удивляется: почему люди считают его сумасшедшим? Постепенно он приходит к выводу, что мир сошел с ума: «Бедняги, они не могут понять мое положение».

Один человек, который и так всю жизнь был ненормальным, перешел всякие границы. Небольшие путешествия за пределы ума можно вынести, но он зашел слишком далеко; он начал говорить: «Я мертв».

Все смеялись, все говорили:

— Это уже слишком. Ты уже вытворял такое... Как же ты можешь быть мертвым — ведь ты говоришь!

Он отвечал:

— Ну и что? Мертвые разговаривают.

Ему говорили:

— Ты ходишь, ты ешь, ты спишь.

Он возражал:

— Это не доказывает, что я жив. Это просто доказательство того, что я произрастаю. Но в отношении того, что я мертв... я абсолютно уверен.

Наконец, они отвели этого человека к психоаналитику. Доктор сказал его родственникам:

— Не волнуйтесь. Нужно некоторое время. Оставьте его у меня. Он должен приходиться на часовой сеанс дважды в неделю.

Все это время сумасшедший, который теперь стал мертвым, улыбался. Первым вопросом психоаналитика было:

— Почему ты улыбаешься?

Он ответил:

— Странно... единственный живой человек среди мертвых. Но, чтобы убедить себя в том, что они живы, они пытаются убедить меня: «Ты тоже жив», — а я никогда не видел в себе ничего живого.

Психоаналитик сам был в растерянности, потому что это был совершенно новый случай. Он никогда не имел дела с мертвыми; но он нашел способ. Он взял нож и порезал сумасшедшему палец. Потекла кровь. Психоаналитик спросил:

— Ты когда-нибудь слышал, что мертвые не кровоточат?

Сумасшедший сказал:

— Да. Когда я был жив, я слышал эту поговорку.

Психоаналитик был очень доволен собой, но сумасшедший сказал:

— Не гордись. Это не доказывает, что я не мертв. Это только доказывает, что поговорка неверна. Мертвецы кровоточат. Я — пример, живой пример!

После двух-трех сеансов доктор думал только об этом человеке. И мало-помалу в нем зародилось сомнение: «Если кто-нибудь попросит меня доказать, что я жив, как я докажу это?»

Ночью он не мог уснуть. На следующий день был новый сеанс. Он сказал этому человеку:

— Я не могу ничего от тебя требовать, но, пожалуйста, оставь меня в покое. Ты можешь найти другого психоаналитика — целую дюжину за одну рупию, — потому что я начал сомневаться относительно собственной жизни. Вместо того чтобы убедить тебя, что ты не мертв... ты постепенно убеждаешь меня, что — как знать? — возможно, я умер! Может быть, мне снится, что я жив.

Как вы докажете, что это не сон?

Смерть в традиции дзен — критерий. То, как человек умирает, доказывает, жил он или нет. Только живой человек может умереть; вы не можете умереть, если не жили.

Я слышал об одном великом ученом. Он понял, что был жив, только когда умер. Тогда он внезапно осознал: «Боже мой! Я был жив и никогда не обращал на это никакого внимания!»

Мастера — особенно в дзен — показывают величайший пик сознания. Смерть — это критерий. Если вы можете умереть изящно, счастливо, почти танцуя — это доказывает, что вы жили, и жили так глубоко, что знаете: смерть — всего лишь перемена дома.

Кёдзан однажды вернулся к Исану, чтобы взять у него интервью.

Вы будете удивлены... Это другая особенность дзен: ученик приходит интервьюировать мастера; такого нет больше нигде. Но дзен очень игрив. Его игривость глубока настолько, что он ничего не принимает всерьез.

Кёдзан однажды вернулся к Исану, чтобы взять у него интервью. Исан сказал:

— Теперь тебя зовут добрым и умным учителем. Как ты отличаешь тех, кто приходит из всех краев и знает это, от тех, кто не знает это; мастеров, которые унаследовали это, от тех, кто не унаследовал; глубокое учение от многозначительного учения? Объясни, а я послушаю.

Кёдзан ответил:

— *Кёдзан научился этому. Когда из всех краев приходят мона-*

хи, он поднимает свою палку и спрашивает, излагали это там, откуда они пришли, или нет. Затем он говорит им, оставляя это в стороне: «Чему учат старые мастера там, откуда вы пришли?»

Исан восхитился им и сказал:

— *Это всегда было когтем и клыком нашей секты.*

Нужно заметить несколько вещей.

Кёдзан был преемником Исана. Но прийти и задавать вопросы мастеру до того, как он стал просветленным... это показывает его отвагу, его смелость. И также это показывает сострадание и величие Исана. Он не стал возражать: «Ты ничего не знаешь об этом и пытаешься расспрашивать меня?»

Он не стал этого говорить; если вы посмотрите на все это, произошло прямо противоположное. Это не интервью Исана; это интервью Кёдзана, которое он дал Исану. Исан не сказал ему ничего обидного, он не отказался от интервью и не сказал: «Ты еще не достиг необходимого качества; ты не пережил опыт своего сокровенного ядра». Вместо того чтобы отвергать, Исан принимает игру и начинает расспрашивать сам.

Кёдзан ответил: «Кёдзан научился этому...» — потому что Исан спросил: «Как ты учишь людей? Как ты узнаешь, знает кто-то или нет? Мастер он или только притворяется?» И Кёдзан совершенно забыл, что он пришел расспрашивать Исана — таково искусство великого мастера.

Кёдзан ответил:

— *Кёдзан научился этому. Когда из всех краев приходят монахи, он поднимает свою палку и спрашивает, излагали это...*

Он спрашивает не о палке, он поднимает палку, чтобы показать «таковость». Идете ли вы от мастера, который объяснил вам «таковость», настоящий момент величия, великий момент, когда вы — никто? — потому что мастер никогда не бьет ученика, если тот не способен действительно пробудиться от одного удара.

Кёдзан сказал:

— *Когда из всех краев приходят монахи, он поднимает свою палку и спрашивает, излагали это там, откуда они пришли, или нет. Затем он говорит им, оставляя это в стороне: «Чему учат старые мастера там, откуда вы пришли?»*

На самом деле, если вы нашли мастера, вы нашли свой дом; больше идти некуда. Или, куда бы вы ни пошли, вы будете находить своего мастера и никого другого.

Когда Гаутама Будда стал просветленным, первые его слова были странными: «Не только я — просветленный, все существование

стало просветленным со мной. Эта музыка — музыка тишины, беззвучия, — эти цветы, невидимые, которые падают со всех сторон... Я просто держал глаза закрытыми. Сегодня они открылись, но это не делает меня выше. Все — от малейшей травинки до величайшей звезды — наполнено блаженством».

Человек создал только одно: страдание для себя и для других. Мы — великие творцы страдания. Если один день с вами не происходит что-то ужасное, этот день потерян — что-нибудь ужасное, чтобы вы могли поговорить об этом, порадоваться, какая-нибудь великая трагедия. Людям не нравится смотреть комедии, людям нравятся трагедии.

Когда идет война, все встают рано утром, чтобы почитать газету — что происходит. Все люди выглядят свежими; происходит нечто ужасное, погибают тысячи людей. Мы так привыкли к трагедии, что комедия кажется пресной.

Когда вы находите мастера, вы нашли его. Вы можете оставить с ним или уйти, но мастер будет жить в вашем сердце.

Если люди все ходят и ходят, это просто показывает, что они не нашли человека, который заставляет их сердце танцевать. Они не нашли человека присутствия, который переполняет вас любовью и радостью, состраданием и светом, жизнью и любовью, красотой и истиной и всем, что божественно в существовании. Пока вы не увидите эти два глаза, в которых отражается все божественное, вы должны идти дальше в надежде, что где-нибудь можете их найти.

Но всегда помните — потому что вы можете упустить истинного мастера, — что вы должны быть абсолютно восприимчивы, предельно открыты, без единой запертой двери, без закрытых окон. Свежий ветер приносит прекрасный аромат, его прохлада... его запах всегда доступен; просто ваши двери были закрыты.

Поэтому, если вы не нашли мастера, не думайте, что мастера нет. Сначала посмотрите: способны ли вы принять мастера? Открыто ли ваше сердце? Не отягощен ли ваш ум всевозможными предрассудками?

Что такое все ваши религии, если не предрассудки? Ни один разумный человек не может зависеть от своего рождения; рождение случайно. По рождению вы индуист — но это не делает вас индуистом. По рождению вы мусульманин — но это не делает вас мусульманином. Такое важное явление, как религия, не может быть привязано к случайности рождения. Вы должны выбрать ее. Вы должны найти ее. Каждый человек должен пойти в глубокий поиск.

Исан восхитился им...

Помните, восхищение — не настоящее одобрение мастера. Если

бы Исан шлепнул его хорошенько или стукнул палкой, это было бы одобрение.

Наш палочник — потому что я ленивый человек, я не могу носить палку — приехал из Германии. Покажи свою палку и стукни бедную Манишу! (Нискрия берет палку и легонько бьет Манишу по голове. Раздается громкий резкий щелчок.)

Хорошо!

Исан восхитился им и сказал:

— Это всегда было когтем и клыком нашей секты.

Видя, что Кёдзан не понимает, что он еще не созрел, Исан обходится без палки.

Исан учил более сорока лет, и за это время он собрал бесчисленных учеников. 20 февраля 853 года, в возрасте восьмидесяти трех лет, он совершил ритуальное омовение, сел в медитативную позу и умер, улыбаясь. Его ступа была установлена на горе Куэй, где был его монастырь.

Император посмертно присвоил ему титул Да Юан (Великое Совершенство).

Должно быть, Исан настойчиво и упорно полировал обычный камень, чтобы сделать из него бриллиант. Честь ему и хвала. Он превратил в великое совершенство обычного человека.

Кёдзан не обнаруживает большой проницательности, разумности, медитативности, но в этом состоит сострадание мастера — сделать все, что в его силах. Сорок лет он работал над Кёдзаном. Это большой срок; но для сострадания ни время, ни место ничего не значат. Исану удалось привести его домой.

Я вспомнил о великом императоре, которому приснилось однажды, что перед ним стоит большая черная тень. С дрожащими руками и трепетом в сердце он спросил:

— Кто ты?

Тень сказала:

— Об этом поговорим позже. Я пришла сообщить тебе, что завтра вечером, когда будет садиться солнце, ты умрешь. — И тень исчезла, а вместе с ней исчез сон.

Король был весь в поту. Он позвал слугу. Посреди ночи созвали всех астрологов, хиромантов, гадателей, чтобы они истолковали сон: что он означает?

Они начали искать в своих больших книгах: «Есть ли какие-либо прецеденты?» Подобных случаев не было, потому что смерть никогда никого не предупреждает; она приходит даже без стука.

Поднималось солнце. Старый слуга императора, который был

ему почти как отец — потому что его мать рано умерла, а отец был так занят войнами, что оставил маленького мальчика на попечение этого слуги... Слуга всегда заботился о нем, и, хотя он был всего лишь слугой, император уважал его почти как отца. Он был ему вместо отца.

Старый слуга подошел к нему и сказал:

— Я не ученый, я не астролог и не алхимик. Я совсем не разбираюсь в этих умных вещах. Но я знаю одно: вы не должны оставаться в этом дворце. Возьмите самого лучшего коня и как можно быстрее и дальше уезжайте из столицы. Если получится, доберитесь до соседнего королевства. А что касается этих ученых, они никогда не приходят ни к какому выводу — никогда! Они все спорят и спорят, и каждый аргумент ведет к следующему, но в конце их руки пусты. Так что пусть спорят. Вы не должны ждать, потому что, если солнце начало подниматься, значит, закат не так уж далеко. В восходе уже заложен закат.

Это звучало убедительно... он ушел, ничего не сказав великим ученым — он предоставил им опровергать друг друга, сражаться и спорить. Он взял своего лучшего арабского коня и сказал ему: «Мы должны уехать как можно дальше. Это решающий момент». У лошадей есть свой способ общения с теми, кого они любят — точно так же, как у собак.

Конь пустился со всех ног. Они ни разу не остановились, чтобы напиться воды или съесть что-нибудь, и были счастливы, что еще до захода солнца проехали через всю страну; они прибыли в соседнее королевство.

На границе королевства стояла манговая роща. Солнце уже садилось, и король поблагодарил своего коня. Он сказал: «Я и не думал, что ты можешь скакать так быстро. Я знал, что ты — один из величайших скакунов, но такая скорость...»

И в этот миг он почувствовал, как на его плечо легла рука. Он оглянулся и увидел все ту же черную тень. Черная тень сказала коню: «Я тоже волновалась, сможешь ли ты одолеть такое огромное расстояние, потому что императору суждено умереть в этой манговой роще. Я никогда не извещаю людей, в этом нет необходимости. Это было нужно потому, что расстояние очень велико, а у короля не было причин покидать дворец и ухать в эту манговую рощу. Я тоже благодарна тебе, так же, как и император».

Прекрасная история, но она требует более глубокого подхода.

Ум всегда уводит вас вдаль. Этот слуга был очень умен, рационален — гораздо разумнее так называемых ученых. Но ум есть ум.

Если бы там был просветленный мастер, он бы сказал: «Времени достаточно; иди внутрь. Конь не нужен; ты не должен двигать-

ся наружу ни на дюйм. Просто иди внутрь — и смерти нет. Смерть существует лишь для тех, кто живет во внешнем мире. Для тех, кто познал свое сокровенное ядро, смерть — только тень. Она не имеет субстанции, реальности».

Но Исан продолжал учить Кёдзана больше сорока лет.

Просветление может случиться в этот самый момент. Это зависит от вашей настойчивости, тотальности. Дело не во времени и не в причинности. Для того чтобы оно случилось, не нужно ничего, потому что оно уже есть; вы должны только повернуть свое видение, чтобы смотреть внутрь.

Сорок два года Исан, мастер великого сострадания, работал над Кёдзаном, и в конце концов ему удалось сделать буддой почти мертвого человека.

Ступа Исана — это буддийское слово, означающее памятник — до сих пор стоит на горе Куэй, где после просветления он основал свой монастырь.

Несомненно, он был просветленным; его смерть доказывает это.

20 февраля 853 года, в возрасте восьмидесяти трех лет, он совершил ритуальное омовение, сел в медитативную позу и умер, улыбаясь. Его ступа была установлена на горе Куэй, где был его монастырь.

Император посмертно присвоил ему титул Да Юан (Великое Совершенство).

Сосеки написал:

Раз в тысячу лет
Цветет Удумбара...

Удумбара — это метафорическое дерево.

Раз в тысячу лет
Цветет Удумбара.
Она раскрыла свои благостные цветы.
Многие потрудились, чтобы донести ее
Из Индии в Китай.
Ее пьянящий аромат все длится,
Не увядая,
И не теряется
Средь тысяч трав,
Несметных сорняков.

Этот аромат достиг своего крещендо в Японии.

Всякий человек, осознавший, что он — будда, становится цветком, что цветет раз в тысячи лет. И даже если тело будды умирает, аромат остается. Те, кто обладает нужной чувствительностью, мо-

гут даже сейчас ощутить аромат Гаутамы Будды или Бодхидхармы.

Это не вопрос времени. Буддовость — такое переживание... будда может умереть в теле, но его дух будет реять вокруг вас в веках. Он растаял в универсальном, и вы можете найти его даже сейчас. Мы ищем его каждый миг. Будда — это наша природа.

Маниша спросила:

Наш возлюбленный Мастер,

Свидетельствование — это обучение или воспоминание?

Маниша, это и то, и другое, и ни то, ни другое.

Это и то, и другое в том смысле, что в начале вы должны научиться входить в свой внутренний храм. А потом вы должны постоянно помнить, потому что такова человеческая природа — снова и снова забывать. Но когда эта память становится тихим дыханием в вас, в тот момент, когда вы начинаете вдыхать и выдыхать будду — тогда это ни обучение, ни воспоминание.

Это просто вы.

Вы ничего не приобрели, вы ничего не открыли; это было всегда. И, помните вы это или нет, это будет оставаться всегда.

Вот почему дзен ничего не принимает всерьез. Какая разница? — в этой жизни, или в какой-нибудь другой вы неизбежно станете буддой.

Будда — это Новый Человек.

Он — человек будущего.

Все человеческое сознание движется к буддовости.

Странно: это всегда внутри вас, но вы не осознаете. Поэтому мастер может быть вам полезен.

Это все равно, что пощекотать вас... (Мастер делает в нашу сторону щекочущие движения) — и вы начинаете смеяться, а я даже не пощекотал! (Он снова делает движение.) ...И вы начинаете чувствовать... (Он в третий раз протягивает к нам пальцы). Работа мастера — пощекотать вас. И это такое удовольствие — пощекотать десять тысяч будд!

Пришло время Сардара Гурудаяла Сингха. Он все ждет и ждет своего времени. Если я буду продолжать рассказывать вам шутки, одно несомненно: я могу умереть, но Сардар Гурудаял Сингх не умрет. Он все равно будет ждать.

В конце урока в воскресной школе учительница обращается к детям:

— Кто из вас, дети, хотел бы попасть в рай?

Все немедленно поднимают руки, кроме одной маленькой девочки.

— Сэлли, — говорит учительница, — ты что же, не хочешь в рай?

— Конечно, хочу, — отвечает Сэлли, оглядываясь по сторонам. — Но не с этими же дураками!

Тело Менделя Кравица в открытом гробу лежит в траурном зале Финкельштейна. В длинной процессии тех, кто пришел отдать последний долг умершему, стоит Хаим Гольдберг. Он качает головой.

— Знаете ли, он был атеистом, он не верил ни в ад, ни в рай, — говорит Хаим Папаше Финкельштейну, который с угрюмым видом стоит у гроба.

— Правда? — отвечает Финкельштейн, оглядывая безупречный костюм и галстук покойного Менделя. — Тогда интересно, куда он так вырядился?

Глории Великолепной надоели все ее бойфренды, и она решает обратиться в компьютерную службу знакомств. Она посылает в агентство все свои данные и пожелания и с нетерпением ждет результатов.

Уже на следующий день ей звонит первый претендент. После десяти минут ни к чему не обязывающей болтовни парень внезапно говорит:

— Во мне девять дюймов длины и четыре дюйма в объёме! Тебе интересно?

— Интересно? — кричит Глория. — Я просто потрясена! А какого размера у тебя член?

Ниведано...

Ниведано...

Будьте безмолвны. Закройте глаза.

Почувствуйте, что ваше тело совершенно замерзло.

Теперь посмотрите внутрь со всей тотальностью сознания, с настоятельностью, как будто это — последний миг вашей жизни.

Глубже и глубже...

Тишина углубляется. Возникает тонкое, не поддающееся определению блаженство, аромат дерева удумбары.

Вы очень близки к будде; еще совсем немного, и вы — будда.

Единственное качество, присущее будде — это свидетельствование. Оба эти слова означают одно и то же: будьте свидетелем, и вы — будда. Сделай это свидетельствование яснее, еще яснее,

Ниведано...

Расслабьтесь.

Тело здесь, ум здесь, но вы — ни то, ни другое.

Вы — свидетель. Этот свидетель — ваше единственное сокровище. Все сгорит на погребальном костре; только свидетеля не может коснуться никакой огонь, никакой меч.

Этот свидетель — ваша вечность.

Этот вечер сам по себе был великолепен, но ваше безмолвие, ваш покой, ваше блаженство сделали его в тысячу раз прекраснее.

Если вы сможете сохранять свидетельство весь день, двадцать четыре часа, вся ваша жизнь станет просто экстазом.

Человек, который умирает, не зная экстаза, прожил напрасно или вообще не жил.

Прежде чем Ниведано позовет вас назад, соберите как можно больше аромата, чтобы взять его с собой.

Вы возвращаетесь как будда,
с тем же изяществом,
с той же радостью,
с той же исполненностью.

Ниведано...

Вернитесь безмолвно.

Посидите несколько минут, вспоминая опыт, через который вы прошли, потому что вы должны сохранять его все время. Придет день, когда вам не нужно будет помнить об этом. Это будет с вами — смотрите ли вы на него, или нет.

Этот день приходит! Я могу сказать это абсолютно уверенно, потому что он пришел ко мне; почему он не может прийти к вам?

Каждый человек — это семя будды.

Блаженны те семена, которые пришли к полному цветению.

— О'кей, Маниша?

— Да, возлюбленный Мастер.

Издательство "Нирвана" выпустило
120 книг Ошо.

Самые популярные из них:

"Оранжевая книга",

"Горчичное зерно",

"Медитация — первая и последняя свобода",

"Мистический опыт",

"Психология эзотерического",

"Тантра" (4 книги).

Заказ книг по адресу: osho@list.ru

Весь ассортимент книг Ошо продается

в спорткомплексе "Олимпийский",

метро "Проспект мира"

и магазине "Белые облака", Москва,

метро "Китай-город", ул. Покровка д.4,

т. 921-61-25. www.clouds.ru

Центр духовного туризма "Према" поможет

паломникам и саньясином в их странствиях

по Индии и Непалу. тт. 255-03-63, 252-52-03

Москва, ул. Красная Пресня д.9, стр. 3.